

Анна Таш

Истинный изгиб есть,
что скрывать

И истинным леди есть, что скрывать... Легкий женский роман на историческом фоне. Роман повествует об испытаниях, выпавших на долю двух кузин — англичанки и француженки. Они в разном положении. Лилиана — богатая наследница, просватанная за красавца маркиза — неотразимого Томаса Тейлора, Иннин — нищая сирота, живущая из милости на хлебах английских родственников. Судьба дает последней возможность очень удачно устроиться в жизни, но захочет ли она воспользоваться этим шансом, или выберет другой путь, полный опасности и искушений? Обе кузины поднимают бунт против уготованной им участи, обе пытаются стать свободными в своём выборе возлюбленных, а вот что из этого у них получилось, читатель узнает, прочитав эту книгу. Юных леди ждут испытания разлукой, любовью, войной, нищетой и даже голодом. Исторические реалии эпохи наполеоновских войн и жизни английского высшего света начала девятнадцатого века, так же найдёт читатель на страницах этого романа.

Последние представители старинного рода виконтов Кавендишей не вызывали особого интереса у знакомых и соседей, прежде всего потому, что были скучнейшими людьми на свете. Щепетильное отношение к требованиям морали, можно сказать, являлось жизненным кредо всех членов этого семейства. И это на фоне всех чудачеств и эксцентричных выходов английской аристократии, которыми славился туманный Альбион восемнадцатого века.

Можно бы всё списать на английский традиционный сплин, но — нет! Последний лорд Кавендиш был весьма деятельным человеком — любил природу, увлекался спортом и придерживался здорового образа жизни. Будучи у себя в имении он, подобно Фридриху Великому, каждое утро совершал пробежку по дорожкам парка, и если бы кто-то взял на себя труд встать на рассвете, то увидел бы несущегося под дождем или снегом (в зависимости от времени года) сухощавого мужчину в накинута плаще.

Не было среди Кавендишей ни мотов, ни распутников, ни заядлых спорщиков, ни любителей подчас грубоватых шуток, характерных для представителей английского истеблишмента той эпохи. Вот попробуйте в таких обстоятельствах поговорить об этих людях в какой-нибудь гостиной! И сказать-то нечего, кроме обыденных фраз:

— Слышали, что Джордж, лорд Кавендиш женился на леди Элизабет Беркли?!

— Это из каких Кавендишей, дорогая? Йоркширских? Я слышала об одном из йоркширских Кавендишей, промотавшем в прошлом году целое состояние на скачках в Аскоте!

— Нет, леди Энн, речь идет о другой ветви этого рода — о Кавендишах из Кента! У лорда большое поместье недалеко от Рочестера!

— Ах, этот...

И в тоне леди Энн отчетливо прозвучало падение интереса к затронутой теме.

— Серьезный молодой человек и с деньгами. Леди Элизабет сделала хорошую партию! — тайком зевнув, равнодушно заметила она.

— Да она и сама с хорошим приданым! Во всех отношениях удачный брак!

И брак действительно оказался удачным, потому что больше к этой теме светские сплетники не возвращались.

Лорд Кавендиш педантично посещал все парламентские сессии, будучи преданным приверженцем тори. Но его политическая карьера не изобиловала выдающимися выступлениями или участием в прениях, по каким-то особо важным вопросам, хотя он всегда поддерживал законопроекты, выдвинутые его партией.

Леди Элизабет была под стать мужу — недурна, но отнюдь не блистала умом, и единственное, что спасало её вечера и обеды от полного безлюдья, так это огромное количество родственников этого семейства — тетюшек, дядюшек, кузин и кузенов по обеим линиям, соответственно с супругами и детьми.

Говорят, что однажды к Кавендишам на прием неизвестно зачем занесло самого Браммеля.

Денди с четверть часа по слонялся по гостиной, а потом подошел к хозяину дома, мирно дремавшему с книгой у камина.

— И это вы называете приемом? — в обычной для него наглой манере холодно съязвил

законодатель мод.

Кавендиш лишь равнодушно пожал плечами.

— Моя жена называет свои вторники именно так!

Лицо Браммелля приобрело хорошо известное в свете отстраненное выражение, предшествующее всем его язвительным замечаниям.

— Как жаль, что даже за большие деньги нельзя купить хоть чуточку вкуса!

— Вы правы, друг мой, — чуть ли не зевнул в ответ лорд, — так же, как и немного такта! Впрочем, этот товар сейчас не пользуется большим спросом.

И известный остроумец вроде бы не нашелся, что ответить, а это бывало с ним крайне редко.

Лорд и его жена появлялись в Лондоне, как правило, в середине марта — с началом лондонского сезона, потому что именно в это время начинались сессии парламента. А когда 12 августа начинался сезон охоты на куропаток, Кавендиши вновь возвращались в свое поместье.

В постоянные члены фешенебельного 'Уайтс-клуба' — самого престижного и элитарного английского клуба той эпохи, не смотря на чудовищно пристрастный отбор, лорд всё-таки попал. В свое время он присутствовал в специальном помещении для напудривания париков в Вобурнском аббатстве. Тогда несколько знатных молодых людей во главе с герцогом Френсисом Бедфордом скинули с себя парики и вымыли головы, коротко отрезав волосы. Но поддержал эту эпатажную выходку всегда консервативно настроенный Кавендиш не из-за того, что выступал против премьер-министра Уильяма Питта, кабинет которого издал указ о налоге на пудру, а потому что ему доставляли беспокойство вши, в изобилие копошащиеся в париках джентльменов той эпохи.

Конечно, лорд не проводил по шесть часов в день, примеряя галстуки, и не принимал ванны из молока по утрам, как тот же Браммелль. Он во всем соблюдал разумность, но, тем не менее, денди, засевшие в 'Уйтс-клубе' во времена Регентства, относились к нему с уважением и никогда не доставали своими высокомерными и язвительными шутками.

И ничего в жизни этой семьи не предвещало грядущих потрясений, заставивших всех, кто не был нем от рождения ещё долгие годы обсуждать перипетии этой истории.

Впрочем, не будем забегать вперед.

Кавендиши жили дружно, хотя леди Элизабет любила приболеть, и жаловалась всем желающим её слушать на множество болезней. Но, пожалуй, единственное, что указывало на проблемы со здоровьем — это несколько неудачных беременностей. За двадцать лет брака леди смогла родить только одну дочь.

Зато юная Лилиана росла крепкой и здоровой. Конечно, Кавендиш был расстроен, что единственной наследницей оказалась девочка, но в его семье был заведен порядок, по которому, при отсутствии сына, дочь становилась хранительницей титула, передавая его затем своему старшему сыну. Если же сына не было, то титул, на тех же условиях, переходил к внучке для передачи затем ее сыну, и так до тех пор, пока не родится наследник мужского пола.

Понятно, что к грядущему браку единственной наследницы Кавендиши подошли с той же ответственностью, что была характерна для них даже в менее важных делах. Для поисков подходящей партии задействовали многочисленную родню, нажали все тайные и явные пружины, приводившие в действие всю карусель великосветской жизни. В результате титанических усилий, когда дочери исполнилось десять лет, Кавендиши заручились

брачным обещанием герцога Мортландского. Речь, конечно, шла не о самом старике Мортланде, а его старшем сыне — Эдвине, маркизе Тефорте Тейлоре, наследнике титула. О более блестящей партии и мечтать было невозможно!

Надо сказать, что в свою очередь, его светлость привлекло прекрасное приданое предполагаемой невестки, хотя были и другие, немаловажные причины, оставшиеся втайне от посторонних.

И вот, пока Кавендишей занимали матримониальные проблемы, в соседней Франции вдруг грянула Великая французская революция. Казалось бы, что общего может иметь пусть и титулованная, но все-таки малозначимая в английской политике семья со столь грозным и знаменательным событием?

Увы, но разыгравшаяся на континенте драма непосредственно коснулась обитателей Кавендиш-холла.

Дело в том, что любимая кузина леди Элизабет — леди Полин Беркли, в свое время вышла замуж за блестящего французского вельможу — графа дю Валльдэ. И после революции, потерявший родину, состояние и жену граф, так же как и его единственная дочь Иннин превратились в объект постоянной опеки Кавендишей.

Французские родственники поселились в Бельгии, но, не смотря на войну и блокаду, между семьями существовала тесная связь, и дю Валлидэ часто пересекали пролив, чтобы найти приют под гостеприимной крышей Кавендиш-холла.

Кавендиш-холл принадлежал своим владельцам с XII века, так, по крайней мере, было записано в Домашней книге рода Кавендишей. Понятно, что каждый из многочисленных предков приложил руку к улучшению родового гнезда.

Старый замок не раз перестраивался, пока в XVII веке один из виконтов не разрушил его до основания и не построил на его месте удобный и просторный дворец. Это было двухэтажное кирпичное здание с четкими пропорциями, и с большими, от потолка до пола, окнами в тонких переплетах. Такое количество стекла на фасаде сделало строение воздушным и элегантным.

На первом этаже дворца располагались гостиные, библиотека и кабинет хозяина, а так же комнаты для занятий, курительная и бильярдная. Хозяйские и гостевые спальни находились этажом выше.

При подъезде к поместью открывалась величественная панорама старинного парка, а перед парадным входом был разбит великолепный розарий.

Но особенно хороши были просторные лужайки, уютными террасами сбегające к чистейшему озерцу, в котором водилась форель.

В тот августовский вечер Иннин скрывалась за причудливо остриженным кустарником неподалеку от одной из лужаек, где за столиком под просторным тентом её тетя и дядя пили чай с двумя незнакомыми мужчинами и важной пожилой дамой.

И не надо думать, что она была такой уж любопытной или дурно воспитанной. Вовсе нет! Все дело было в её любимице Хетти. Шкодливая кошечка убежала из рук в тот самый момент, когда девочка показывала её Джейн Хаммер, которая поговаривала, что её мать не прочь взять кошку, потому что в их коттедже развелись мыши. А Иннин так хотелось пристроить свою любимицу в хорошие руки! В поместье дяди и так котов было предостаточно, и садовник Джон, у которого они топтали и разрывали клумбы, грозился их всех перетопить.

И вот, всё могло сорваться из-за того, что эта маленькая негодница уселась прямо под стол, за которым собрались взрослые. Иннин от страха даже дышать перестала, когда увидела, как беспечная Хетти разлеглась на краю длинного подولا важной гостьи. Если дядя заметит, то всё! Он отдаст приказ Джону утопить глупышку, и только её вмешательство ещё может спасти несчастную кошку. Но об этом было страшно даже подумать — взрослые очень строго могут наказать ребенка, вмешавшегося в их беседу! Вот и приходилось, замерев, тихонько сидеть неподалеку, да молиться, чтобы Хетти вела себя достойно. Но, настороженно наблюдая за котёнком, Иннин также невольно прислушивалась к разговорам взрослых.

— Прошло три года после смерти его светлости, — вежливо, но твердо наседала на гостей тетушка, — и нам хотелось бы знать — изменились ли планы вашего сына относительно моей дочери?

— Ах, дорогая Элизабет, — низким голосом отвечала пожилая дама, — мы не отказываемся от обязательств, взятых моим покойным супругом, но ваша Лили ещё совсем молода — едва исполнилось пятнадцать! Стоит ли именно сейчас объявлять о помолвке?

— Я понимаю ваши сомнения, герцогиня, — вступил в разговор и дядя, — но поймите и

вы нас — Мортланд пока не подтвердил обещаний своего отца и не сделал Лили официального предложения! Мы находимся в затруднительном положении, не зная, обручена наша дочь или нет?

Иннин замерла от восторженного любопытства — речь шла о судьбе её кузины Лили.

Теперь она уже с большей заинтересованностью осмотрела двух мужчин, очевидно, сыновей дамы. Какой же из них Мортланд? Один из джентльменов сидел к девочке спиной, и помимо коротко стриженных каштановых волос ей ничего не было видно, зато другой!

У девочки даже сердце забилось от восхищения — так он был красив! Черные, вьющиеся волосы, завязанные ленточкой сзади, большие ярко синие глаза, правильные черты лица, да ещё джентльмен, судя по всему, был строен и высок. Бледно-голубой фрак сидел на нем с той элегантно-небрежностью, которую мог себе позволить лишь истинный денди.

'Только бы он не оказался Мортландом!' Девочка даже краткую молитву прочитала про себя, чтобы этот красавец не был женихом Лили, и тогда она спокойно смогла бы в него влюбиться.

— Но, — дама, между тем, почему-то смущенно раскашлялась, — речь в соглашении между вами и покойным мужем не шла конкретно об Эдвине. Вашей дочери в мужья был обещан маркиз Тефорт Тейлор, а им сейчас является мой младший сын Томас!

Лорду Кавендишу мало понравилось сказанное.

— В данном случае речь идет всего лишь о титуле учтивости! — холодно возразил он. — А ваш муж обещал леди Лилиане брак с будущим герцогом. Что, согласитесь, ни одно и то же!

— Но мой старший сын, вообще, не собирается связывать себя узами брака, — нервно возразила герцогиня, — так что в положении вашей дочери мало, что изменится — она заключит брак с наследником титула. Томас поступил на военную службу, и в прошлом году стал подполковником гвардейского гренадерского полка. Он вполне достойная партия для любой девушки.

Но и этот ответ не пришелся по вкусу хозяину дома.

— Ваша светлость, — сдержанно, но с заметным недовольством обратился он к мужчине, сидящему спиной к Иннин, — почему вы не хотите жениться на моей дочери?

— Я уверен, Кавендиш, что ваша дочь полна всяческих достоинств и способна сделать счастливым даже самого взыскательного джентльмена, — голос гостя был едва слышен, — но женитьба в обозримом будущем не входит в мои планы. Да и зачем леди Лилиане в мужьях человек почти в три раза старше — ей будет скучно со мной! Томас — более подходящая пара юной девушке!

У Инн неприятно защемило сердце, когда до неё дошло, что красавец хоть и не Мортланд, но имеет все шансы достаться кузине в мужья.

Дядя с тетей быстро обменялись встревоженными взглядами. Они явно не могли сообразить, как отнестись к предложению герцогини.

Неизвестно, как бы дальше сложился столь щекотливый разговор, если бы котёнку не надоело тихо сидеть на подоле шёлкового платья дамы, и он не решил поиграть свисающими почти до травы концами пояса. Вцепившись когтями в юбку, Хетти решительно полезла к цели.

Иннин от ужаса даже глаза на мгновение закрыла, когда гостя, громко вскрикнув от испуга, плеснула на себя горячим чаем и закричала ещё громче. За столом начался

переполох — дядя с тетей взволнованно подскочили, красавец Томас бросился к матери, громко вопрошая, что случилось, а вот его старший брат тут же выяснил причину, и перепуганная девочка увидела, как он брезгливо морщится, глядя на отчаянно мяукающую Хетти.

— Милорд! — страх за любимицу пересилил собственный, и Иннин, выскочив из своего убежища, быстро подбежала к гостю, — не отдавайте Хетти Джону! Я её сегодня же отнесу Джейн Хаммер. Её мама ничего не имеет против!

Но тот, держа извивающегося котёнка двумя пальцами за шкурку, пристально рассматривал заступницу, приведя в такое смущение своим насмешливым взором, что девочка от стыда покрылась румянцем, а на глазах выступили слезы. Герцог был на пол головы ниже брата, и статью гораздо мельче, да и красивым его лицо ей не показалось, прежде всего, из-за раскосого разреза недобрых темных глаз. Высокие скулы, прямой нос, изогнутые в усмешке жёсткие губы — нет, он вовсе не понравился Иннин, особенно по сравнению с красавцем братом.

— К обладателю герцогского титула неприемлемо обращение 'милорд', юная леди! — укоризненно заметил он, — да ещё, вдобавок, мы не представлены...

— Иннин! — грозный голос дяди был сух как никогда. — Быстро представься гостям, как подобает истинной леди!

Окончательно перепугавшись, девочка сделала неловкий книксен.

— Иштар Иннин Эреду дю Валльдэ, — пробормотала она, испуганно пряча глаза от гневных взглядов взрослых.

— Вот ещё! — буркнула дама. — Я ослышалась или девчонка и впрямь несет подобную околесицу! Что это ещё за дикарские имена?

— Это моя племянница, — виновато залепетала тетка, — дочь покойной кузины Полин. А эти вавилонские имена дал ей отец — граф Рауль дю Валльдэ, заядлый археолог!

Тетка принялась пояснять гостям, где сейчас находится отец, но Иннин её уже не слушала. Мортланд, присев на корточки, опустил в её ладони котенка. Девочка облегченно вздохнула и хотела убежать, спасая драгоценную ношу.

— Иштар? — тихо спросил герцог. — Это ведь восточная богиня, да?

— Да! — взрослый мужчина задал ей серьезный вопрос, и Иннин поспешила детально пояснить. — Иннин Иштар — вавилонское имя богини любви, войны и раздора!

— Вот как? — его черные, ровно очерченные брови взлетели вверх. — Однако, это серьезная заявка на будущее, юная леди!

— Эдвин, — вновь раздался недовольный голос дамы, — оставь девчонку в покое. Какая разница как зовут эту маленькую француженку? Мы тут по поводу её кузины. И именно это будем обсуждать, а не странности дю Валльдэ!

Обрадованная возможностью убежать, Иннин кинулась прочь, прижимая к себе возмущенно вырывающегося котёнка. Путь её лежал за пределы поместья — туда, где на холме над озером стоял скромный коттедж Хаммеров. Иннин знала, что после возвращения её ждет суровое наказание, что гувернантка мисс Блейк будет возмущаться и кричать, что она не отвечает за выходки 'папистки', но благородная цель спасения Хетти придавала ей сил. Но, даже в тревоге сжимая в руках живой комочек, она по-прежнему думала о красавце лорде Тейлоре.

— Только бы они не согласились, чтобы он стал женихом Лили, только бы им стал герцог, — бормотала она в такт шагам, — пожалуйста, Пресвятая Дева, сделай так!

Но Бог на территории Англии, видимо, поддерживал протестантов больше, чем католиков, потому что не успела девочка покинуть лужайку, как вновь занявший свое место за столом герцог Мортландский с улыбкой ответил и матери, и хозяевам дома.

— А что тут, собственно, обсуждать? Кавендиш, — обратился он к лорду, — чем вас не устраивает брат? Он молод, здоров, носит титул маркиза и мой прямой наследник!

Кавендиш прикусил губу, но все-таки вяло промямлил:

— Это как-то неожиданно!

— Значит, вы отказываетесь от соглашения?

Но подобный ход событий не входил в планы Кавендишей.

— Нет, отчего же, — нехотя согласился лорд, — пусть маркиз делает официальное предложение!

Герцогиня облегченно перевела дыхание. Этот вариант устраивал её как нельзя кстати. Что поделаешь, если Эдвин уперся как осел, а покойный супруг взял с неё слово породниться с Кавендишами?!

— Вот и прекрасно, — сухо улыбнулся герцог, приветственно поднимая чашку с чаем и делая изрядный глоток, — считайте, что он его уже сделал! А теперь я бы хотел услышать историю о том, как граф дю Валльдэ стал вашим зятем. Я хорошо помню леди Полин Беркли — изумительная красавица. Когда она появилась в свете, я как раз учился в Оксфорде. Но дочь не похожа на мать!

Леди Элизабет тяжело вздохнула. Ей не хотелось вспоминать эту трагедию, но отказаться удовлетворить неуместное любопытство герцога, тоже не было возможности.

— Эта рана никогда не заживет, — пожаловалась она гостям, нервно кутаясь в шаль, — моя бедная кузина! А всему виной несчастная королева Мария-Антуанетта!

— Казненная королева? — удивился Мортланд.

На глаза хозяйки дома неожиданно навернулись слезы, и она тяжело вздохнула, всем видом демонстрируя неподдельное страдание. Леди Элизабет была дамой сентиментальной и экзальтированной, а тут ещё такой повод!

— Лорд Беркли — отец леди Полин перед самой революцией получил пост посланника при французском дворе, — пришёл на помощь жене Кавендиш.

— О, да, — энергично закивала головой леди Элизабет, — но я уже к тому времени вышла замуж, и не смогла уберечь кузину от кошмарной ошибки!

— Так что же все-таки произошло, — интерес герцога ещё больше возрос от такой формы изложения, — причем здесь казненная королева?

— Леди Полин произвела фурор при французском дворе, — неохотно продолжил Кавендиш, видимо, опасаясь, что чувствительность жены может затянуть разговор до бесконечности, — поэтому получила от королевы приглашение в Трианон на Праздник цветов. Такой чести удостаивались только особо избранные венценосной четой особы. Мой тесть не очень обрадовался, но отказать венке — означало нанести оскорбление королевскому дому. И он понадеялся на благоразумие леди Полин. Ту, в общем-то, обвинить было не в чем, кроме того, что там она повстречалась с графом Раулем дю Валльдэм — личным другом Марии-Антуанетты. Их в свое время свел вместе скандальный прославившийся граф Ферсен. Граф влюбился, стал преследовать нашу Полин, компрометировать — то цветами завалит улицу напротив посольского особняка, то приведет под окна полный состав итальянской оперы! Перепуганный тесть совсем было собрался отправить племянницу в Англию, даже были собраны вещи, когда его вызвали в Пале-Рояль,

и королевская чета попросила лорда быть снисходительнее к чувствам за своего протеже.

— И он согласился? — поразился герцог.

— Дю Валльдэ, — справившись со слезами, встала на защиту покойного отца леди Элизабет, — старинный аквитанский род. Согласно грамотам, графство им было пожаловано ещё Каролингами. Богатство, блеск, знатность — отцу нечего было возразить, не говорить же королю о протестах самой Полин. У французов, вообще, не принято спрашивать согласие девушек на брак. А кузина была в ужасе от предполагаемого союза — Рауль пугал её своей страстью. Мы в Англии не привыкли к подобной неприличной эксцентричности!

Женщина горестно перевела дыхание, сжимая в руках флакон с ароматическими солями.

— Когда мы приехали на свадьбу, я была в шоке. Полин похудела, плакала день и ночь. А этот Рауль! Это было торжество сатаны над бедным чистым ангелом!

— Да, — легко вздохнул её муж, — ты, да новобрачная были, наверное, единственными, кто не поддался чарам этого французского повесы. Красивый мужчина, да ещё столь влюбленный!

— Вот именно! — возмущенно подтвердила леди Элизабет. — Полин была ангелом, доставшимся распутнику, поэтому она так горько плакала!

— Плакала она потому, что была равнодушна к одному из секретарей посольства, некоему Джону Эбботу — молодому человеку практически без средств к существованию! Но тесть и слушать не хотел про такой мезальянс!

— Это неправда, — горячо возразила леди Элизабет, — просто Полин...

— Она умерла при родах Иннин, — устало перебил её муж, — через полгода после революции. И настоящее диво, как Раулю удалось в одиночестве и практически без денег выбраться из того бушующего котла с младенцем на руках. Он мне как-то рассказывал о своей одиссее за бутылкой вина, и я считаю, что даже подвиги героев на войне не могут сравниться с мужеством этого человека. Дю Валльдэ поселились в Бельгии. На деньги из невыплаченной вовремя части приданого леди Полин был куплен небольшой домик в деревеньке чуть южнее Брюсселя. И граф, позабыв о блеске Версаля, с головой погрузился в археологические изыскания. Его конек — вавилонская цивилизация. Каждый год на несколько месяцев он уезжает в Персию, а Иннин отправляет сюда. Так что девочка нам всё равно, что родная дочь. Мы счастливы видеть и Рауля, хотя Элизабет никак не простит графу смерти кузины.

— Бедная крошка — сирота, — жалостливо всхлипнула леди Элизабет, — она даже не унаследовала красоты сестры, вся в этого французского пройдоху! Да ещё он крестил её по католическому обряду! Из-за этого у нас неприятности и с гувернантками, и с приходом.

Кавендиш досадливо поморщился.

— Переживём!

Но герцога вовсе не шокировала мысль о католичке под крышей добропорядочного английского дома, его удивило другое.

— Не унаследовала красоты? Но даже сейчас, хотя ваша племянница ещё ребёнок, и то не вызывает сомнений, насколько хороша она будет в последствии!

— Это не имеет никакого значения, — недовольно заметила вдовствующая герцогиня, — и не поможет ей выйти замуж за равного. Во Франции это невозможно из-за революции, а в Англии бесприданница и католичка не имеет никаких шансов стать женой

пэра. И хватит об этом! Ты поражаешь меня — столько внимания какой-то маленькой негоднице! Давайте, поговорим о юной Лили? Когда мы сможем её увидеть? Тому не терпится!

Может, Тому и не терпелось, однако это ни в чём не проявилось. Его красивое лицо с такой равнодушной миной взирало на присутствующих, что только очень проницательный человек смог бы прочесть на нем признаки заинтересованности в происходящем.

Мортланд ободряюще тронул брата за рукав.

— Женщины этой семьи, — скупой улыбнулся он, — славятся своей красотой, и, надеюсь, ты не останешься в обиде на нашего покойного батюшку!

Иннин, с замершим от волнения сердцем наблюдала, как кузина одевается к выходу в гостиную, где ей должны были представить жениха. Строго говоря, они были троюродными сестрами, но называли друг друга кузинами.

Лили, не смотря на юный возраст, обладала типичной для английской красавицы внешностью. Гладкая белая кожа лица, большие и выразительные синие глаза, каскад светло-золотистых кудрей, да и грудь уже солидно топорщила платье — подростковая угловатость осталась позади. Прислуга хлопотала вокруг, обряжая юную госпожу в белое муслиновое платье.

— Леди Лилиана, какая же вы у нас красавица! Джентльмены лишатся покоя и сна!

Но дочери Кавендиша наряду с красотой достался ещё и нелёгкий характер, поэтому она мало реагировала на комплименты. Девушку больше заботило другое.

— Значит, герцог умудрился избежать брачных уз, — зло хмурила она лоб, — подсунув мне своего младшего брата!

Иннин была потрясена таким несправедливым роптанием на судьбу.

— Лили, — поражённо и застенчиво выдохнула она, — лорд Тейлор — красивый джентльмен!

Сестра досадливо хмыкнула, и, раздражённо отбросив руку горничной, сама поправила розовую ленту в волосах.

— Красота не заменит герцогской короны, — мрачно буркнула она и с досадой добавила, — а я расхвасталась перед кузинами, что буду герцогиней! Вот теперь они вдоволь посмеются надо мной, и поделом!

— Да все — и Джейн, и Мэри, и Кити умрут от зависти, увидев твоего будущего жениха!

Но Лили даже ухом не повела на её уверения, вновь критическим взглядом оглядев себя со всех сторон в большом зеркале.

— Я не хочу выходить замуж за маркиза, — пробормотала она, покусывая губы, чтобы те покраснели, — может, увидев меня, его светлость передумает?

— Да-да, — с энтузиазмом воскликнула Иннин, — конечно! Все говорят, что на британских островах не найдется второй такой красавицы, как ты!

Она немного завидовала внешности юной леди, искренне считая, что на свете нет ничего краше золота её волос. Лили с покровительственной улыбкой взглянула на троюродную сестру.

— Ты преувеличиваешь мою красоту! — она ласково ущипнула её за щечку. — Найдется кавалер, который потеряет покой и сон при виде твоих черных, как крылья галки, волос.

Сестры любили друг друга, правда, по-разному. Если Иннин восхищалась Лили, то та относилась к ней покровительственно, как и положено старшей по возрасту.

Двенадцатилетней Иннин, конечно, не было ходу в парадные залы Кавендиш-холла, поэтому она наблюдала за триумфальным выходом сестры, спрятавшись за балюстраду.

Гости и хозяева стояли внизу и наблюдали за тем, как юная Кавендиш, гордо задрав подбородок, входит в комнату.

Глаза родителей лучились гордостью, а вот гости... Иннин с тревогой заметила, как сурово сжались губы дамы, и как Мортланд опустил голову, а красавчик Томас окинул

будущую невесту быстрым, но отнюдь неласковым изучающим взглядом.

— Леди Лилиана!

— Её светлость!

— Его светлость!

— Томас, лорд Тейлор, маркиз Тефорд!

К сожалению, подсмотреть, что будет дальше, Иннин не смогла. В неё яростно вцепилась её гувернантка — мисс Блейк.

— Ах, вот вы где, — тихо зашипела она, вытаскивая воспитанницу из убежища, — маленькая негодница. Я вас повсюду ищу, а вы здесь тешите вульгарное любопытство, недостойное юной леди!

Иннин, понунив голову, поплелась следом за беспрестанно ворчащей старой девой.

— Вам уже давно надо быть на уроке английского. Я не привыкла, мисс, даром есть свой хлеб! И если вы не чувствуете благодарности к дяде и тете, приютившим вас в своем прекрасном доме, то у других людей ещё осталась совесть!

Мисс Блейк раньше была гувернанткой Лили, но воспитанница уже выросла, и вздорная старуха должна была, к всеобщей радости, покинуть дом Кавендишей, но лорд оставил её в доме, так как не смог найти желающих заниматься с юной католичкой.

Да и сама мисс Блейк потребовала с него двойной оплаты, хотя по полгода, пока Иннин жила в Бельгии, ничего не делала — только портила нервы слугам, а иногда и хозяевам. Впрочем, ко всем недостаткам у неё были и достоинства — она прекрасно знала свое дело, и учительницей была отменной. Её ученицы прекрасно рисовали, неплохо знали арифметику и географию, шили и вышивали, а так же осваивали правила этикета.

— Немедленно за парту!

Комната для занятий, которой теперь пользовалась только Иннин уже давно не ремонтировалась и представляла собой жалкое зрелище — выцветшие шелковые обои, ободранная и старая мебель. Юная француженка ненавидела её всей душой, так же как и учительницу. Дома дочь учил сам отец в кабинете, заваленном бумагами и самыми неожиданными предметами.

Замужество — вот о чём, не уставая, толковала им с Лили пожилая наставница. И если Иннин только тяжело вздыхала, да считала дни до приезда отца, то юная Кавендиш не жалела яда и сарказма.

— Кто бы говорил о свадьбе! — зло шепталась она с кузиной. — Высохшая старая дева! Если её рецепты замужества столь действенны, что ж она сама-то не подцепила женишка? Например, эсквайра Томпсона! Ты заметила, как противно она хихикает при его виде?

Иннин только хмурилась в ответ. Её насильно заставляли посещать англиканскую церковь в надежде, что на неокрепшее в ереси сердце девочки прольется благодать англиканства. Когда падре Оноре узнал об этом, то только погладил свою маленькую 'овечку' по головке.

— Пусть твои дядя и тетя тешат свою гордыню, — ласково сказал святой отец, — вспомни о наших святых великомученицах! Им, отстаивая католическую веру, приходилось гораздо хуже, чем простое стояние в протестантском капище. Будь стойкой, и эти еретики оставят тебя в покое!

Вот она и была стойкой, жалуясь только маленькой статуэтке мадонны, как тяжело ей приходится, когда на неё смотрят возмущенные и ненавидящие глаза англиканской паствы. Где уж было реагировать на переглядывания пожилого эсквайра и старой гувернантки!

Вот и сейчас она безропотно слушала причитания и брюзжание мисс Блейк, раскладывая перед собой тетради с труднейшей на свете английской грамматикой. То ли дело ласковый и звучный родной французский язык! Ах, как было бы хорошо, если эта трижды проклятая революция не произошла, и добрым королем и королеве не отрубили голову взбесившиеся от крови санкюлоты. Тогда бы Иннин жила в их родовом замке — столь богатом, что поместье Кавендишей с ними и близко не могло сравниться! И никто бы не тыкал носом в незавидное положение маленькой эмигрантки!

Справедливости ради, надо сказать, что на самих Кавендишей ей было грех жаловаться — двоюродную племянницу они любили. И если тетка при одном её виде, только стонала по привычке о загубленной красоте матери, то лорд проявлял настоящее сочувствие к нуждам маленькой подопечной, щедро балуя её подарками.

Вечером, когда Иннин уже лежала в постели, в комнату вплыли тетушка и Лили. Обе в вечерних открытых платьях, сверкая драгоценными камнями украшений, оживлённые и улыбающиеся.

— О, дорогая! — огорченно всплеснула руками леди Элизабет. — Как же тебя угораздило так несносно вести себя в присутствии гостей? И зачем понадобилась эта кошка?

— Дядя рассердился? — обеспокоилась девочка.

Тетушка только насмешливо покачала головой.

— Запомните, леди! — назидательно приподняла она палец. — Никогда нельзя вмешиваться в дела взрослых! Это может плохо сказаться на репутации в будущем!

Инн тяжело вздохнула — все негативные последствия её проступка ещё днем расписала в цветных красках негодующая мисс Блейк.

Впрочем, мать и дочь мало интересовала оконфузившаяся девочка. Другие, более насущные заботы занимали сейчас их головы.

— Мама, — воинственно выпятила подбородок Лили, — вы не должны идти на поводу у его светлости! Я не хочу выходить замуж за лорда Тейлора!

Она назвала имя будущего жениха с таким отвращением, как будто речь шла о слюнявом горбуне, а не о бесспорном красавце.

— Неужели вы не понимаете, что я превращусь в посмешище? Мортланд спихнул меня как несносную доуку на своего младшего брата. Об этом теперь будут говорить все, кому не лень!

Леди Элизабет болезненно потеряла виски. Дочь своим упрямством солидно действовала ей на нервы.

— Ты преувеличиваешь, дорогая!

— Как будто это возможно! Надо вообще отказаться от брачного союза с Тейлорами, если эти люди так мало ценят свое слово.

— Ты не права, — отчаянно возразила мать, — Томас, лорд Тейлор — человек вполне достойный. Брат купил ему офицерский патент, у него приличное содержание — хватит на самую роскошную жизнь. А если Мортланд так и не соберется жениться, то ты рано или поздно всё равно станешь если не герцогиней, то матерью герцога.

— Мама, но ведь Тейлор тоже не жаждет на мне жениться. У него такой вид, как будто он уксусу напился! Вряд ли, подобный человек сделает меня счастливой!

— Глупости, — резко одернула её мать, — тебе это показалось. Люди, подобные Тейлору никогда не показывают на людях своих чувств — это дурной тон! Да и, девочка моя, так решил твой отец.

Лили прикусила губу — отца она уважала и боялась ему прекословить.

— Но если я понравлюсь Мортланду, вполне возможно, он изменит своё решение!

Леди Элизабет, нервно сжав руки, смущенно отвела взгляд.

— Герцог не хочет жениться, — глухо возразила она, — и может, это правильно, потому что..., в общем, я терпеть не могу сплетни и никогда их не слушаю, но тут слово, там... Выбрось его из головы, дитя моё! Положись на волю Господа!

Иннин наострила уши — это было по-настоящему интересно! Что же такое сделал герцог, раз про него ходили столь порочащие слухи?

И именно в этот миг приоткрылась дверь и показалась голова горничной.

— Простите, миледи, — опасливо прошептала она, — но милорд закончил игру с гостями и желает видеть леди Лилиану в гостиной.

Только что вызывающе дерзкая Лили сразу же сникла. Все, даже безмолвно наблюдающая за спором матери и дочери Иннин поняли, для чего её вызывает в гостиную отец. Очевидно, лорд Тейлор намеревался сделать предложение руки и сердца по всей форме.

— Ой! — девушка испуганно прикусила пальцы рук. — Мама!

Но леди только с сожалением вздохнула:

— Иди! Тут уж я ничем не могу тебе помочь. Видно, так угодно Господу... Будь хорошей и почтительной дочерью и исполни волю своего отца!

Иннин с горечью проводила их глазами и даже всплакнула, бессильно уткнувшись носом в подушку. Какой странный день!

— Дева Мария, — обратилась она к стоящей у изголовья кровати статуэтке святой девы, — пусть у Лили и лорда Тейлора всё будет хорошо, и сестрица не расстраивает моего дядю!

Блестящая поверхность фарфоровой мадонны таинственно переливалась в неровном свете догорающей свечи, и на сердце девочки снизошел покой. Всё-таки, в Англии ей тоже было хорошо — есть большой красивый парк, где так чудесно бегать и играть, есть милые дядя и тетя, кузина, подруги, и... именно здесь живет похожий на сказочного принца Томас, лорд Тейлор, маркиз Тефорд.

Смерть близких — жуткое и печальное событие в жизни любого человека, и, вообще-то, оно не нуждается в дополнительном, усугубляющем скорбь трауре. И без того плохо! Но в английском обществе описываемой эпохи придерживались иной точки зрения.

Ожидалось, что осиротевшие люди будут носить черную одежду и перестанут появляться в обществе. Для мужчин правила траура были далеко не так строги, как для женщин, а вот те оказывались в общественной изоляции на весьма продолжительный период времени. Черные платья, креповые вуали, черные перчатки и даже черные обрезы на листах для писем. Весь окружающий мир на год как бы драпировался в черные мрачные покрывала.

У бедняжки же Иннин в тот год были все основания для ношения траура — девушка похоронила и отца, и тетю, потеряв всех родственников разом.

Она всегда неловко себя чувствовала на последней скамье приходской церкви Кавендиш — холла. Но что поделаешь! В тот день исполнилось **ровно полгода** со дня смерти тетушки, и не присутствовать на поминальной службе означало бы оскорбить её память. А леди Элизабет была к ней безмерно добра.

Впрочем, протестантская община за это время уже вполне пообвыкла с присутствием на их службах католички, и хотя нет-нет, да находились роптавшие, всё-таки открытого возмущения не было. Может, благодаря стараниям преподобного мистера Ленгли, который в свое время сам предложил лорду подобный план постепенного и ненавязчивого обращения юной католички в англиканство.

Вот и сегодня, вся семья Кавендишей сидела на первых скамьях, а единственная племянница покойницы довольствовалась местом на самом выходе — там, как для заразно больной была выделена отдельная скамья, которую больше никто не занимал. Но Инн давно уже не огорчали подобные вещи, и она почти не слушала вдохновенной речи проповедника, направленной на восхваление почившей патронессы. Разве мог этот человек своими словами хоть как-то облегчить постигшую её утрату?

Этот год был тяжел и для пятнадцатилетней девушки, и для приютившей её страны.

Наполеон планировал захватить Англию, начиная ещё с подписания Амьенского мира в 1802 году. И летом 1805 года 'Великая Армия' Наполеона уже стояла на французском побережье Ла-Манша — в Булони, готовясь высадиться на Британские острова. Этих сухопутных сил было вполне достаточно для вторжения, но военного флота для прикрытия десанта Наполеону пока не хватало.

Связь между двумя семьями была крайне нерегулярной и худо-бедно поддерживалась, только благодаря тайному сотрудничеству Кавендиша с голландскими предпринимателями.

И именно в этот напряженный момент европейской истории умер дю Валльдэ. Камердинер привез его из очередной экспедиции больным, какой-то неведомой болезнью, которая отправила графа на тот свет в считанные дни. Растерянная дочь и та немногая прислуга, что жила в их доме, даже опомниться не успели, как оказались перед толпой безжалостных кредиторов. Выяснилось, что у покойника есть неоплаченные векселя и давние долги. И неизвестно, что случилось с ними дальше, если бы неожиданно из Англии на помощь отчаявшейся девушке не прибыл лорд Тейлор.

Это было подобно чуду, и сама Иннин иначе его появление не воспринимала.

Бельгия была оккупирована французскими войсками, а сам Тейлор уже несколько лет

воевал против Наполеона. Это заставляло вновь и вновь откладывать их венчание с Лили на неопределенный срок. Леди Элизабет постоянно жаловалась на это обстоятельство в тех немногих письмах, что доходили до семейства дю Валльдэ, и вдруг...

В тот зимний вечер понурая Иннин грелась у камелька в окружении преданных домочадцев — своей уже старой няни, отца Оноре, камердинера покойного графа и служанки Жервезы. Эти люди в своё время последовали вслед за своим господином в изгнание и не имели другой крыши над головой, кроме небольшой усадьбы, которую теперь грозились отнять. Они уныло переговаривались о своем безвыходном положении, когда в дверь кто-то властно и настойчиво постучал.

Иннин замерла от ужаса, решив, что это очередные настойчивые заимодавцы, которым невтерпеж даже дожидаться утра.

— Открой, — устало приказала она Жервезе, — попробую с ними договориться, чтобы отсрочить выселение ещё на несколько дней, пока мы не соберем все вещи.

И каково же было её удивление, когда в комнату ввалился высокий мужчина в мокром плаще и широкополой шляпе — явно не похожий на простолюдина!

— Это дом графа дю Валльдэ? — поинтересовался он, снимая головной убор и внимательно оглядывая небольшое сборище перепуганных людей.

Инн показалось, что у неё остановилось сердце при виде так хорошо запомнившихся ей когда-то ярко синих глаз.

— Лорд Тейлор?! — едва нашла в себе силы прошептать девушка, силясь подняться с кресла. — Этого не может быть!

— Он самый! — улыбнулся гость и, внимательно взглядевшись в облаченную в траур хозяйку дома, в веселом изумлении округлил глаза. — Леди Иннин? Бог мой, не верю собственным глазам! Так вот в кого превратилась та испуганная кроха, что столь отважно защищала паршивого котенка!

Его удивление было понятным, и хотя Иннин после той памятной помолвки ещё дважды посещала дом дяди, их визиты не совпадали по времени. Смутившаяся девушка застенчиво опустила глаза под восхищённым взглядом джентльмена.

— Хетти была красивой кошечкой, а не паршивым котёнком! — растерянно возразила она.

Тейлор задумчиво окинул взглядом стены их бедного жилища.

— Я за вами, мисс Иннин, — пояснил он свое неожиданное появление, — по поручению ваших дяди и тети. Насколько нам стало известно, граф дю Валльдэ скончался, и ваши родственники хотели бы вас видеть в Англии. Я могу вам дать всего лишь полчаса на сборы. Возьмите только самое необходимое!

Инн зарделась от радостного волнения, и хотела уже кинуться в отцовский кабинет, но растерянно остановилась при виде ошеломленных лиц своих домочадцев.

— Но, — в отчаянии пробормотала она, — я не могу бросить на произвол судьбы наших слуг. Эти люди последовали за отцом в эмиграцию, а теперь кредиторы грозятся их выбросить на улицу! Они могут последовать за мной?

— Исключено! — отрезал англичанин и тут же осведомился, — а какова сумма долга? Ваш дядя предвидел денежные затруднения и написал письмо своим деловым партнерам в Антверпен с просьбой ссудить вас средствами, необходимыми для погашения долгов. Вам нужно только обратиться в контору 'Айзекур и сыновья' в Брюсселе и предоставить вот этот чек!

Он вытащил из-за пазухи бумаги и положил на стол.

Неописуемая волна облегчения и одновременно грусти охватила обитателей их небольшого мирка при этом известии. Они плакали и собирали юную госпожу в дальнюю дорогу.

Пожалуй, все были настолько сильно растеряны, что не имели возможности хотя бы немного призадуматься над происходящим. Один только кюре, тревожно наблюдающий за суетящимися женщинами, спросил у терпеливо ожидающего англичанина:

— Вы поедите только вдвоем? Разумно ли это — графиня уже не ребенок!

— Обстоятельства таковы, что не до церемоний! Если меня обнаружат французские власти, то повесят за шпионаж.

Священник, помнивший ещё побег от бушующей французской черни, грустно вздохнул:

— Последняя графиня дю Валльдэ, живущая из милости на хлебах дальних английских родственников... Какой бесславный конец когда-то столь славного рода!

Но англичанину некогда было слушать грустные сентенции старика в потрепанной сутане. Осмотрев все собранные в спешке баулы, он выбрал только два, разрешив подопечной взять смену белья, свернутые портреты отца и матери, да несколько памятных сувениров, прихваченных ещё из Франции.

Последним из домочадцев обнял и поцеловал юную девушку отец Оноре.

— Помни, моё дорогое дитя, — напутствовал он подопечную уже на пороге их жилища, — что ты верная католичка, к тому же, последний потомок славнейшего и древнейшего во Франции графского рода. Это налагает на тебя особые обязательства, и чтобы с тобой не случилось, будь верна родовому девизу: 'Честь или смерть!'

Тейлор раздраженно фыркнул:

— Можно подумать, что вы, кюре, провожаете леди Иннин на битву, — посадил он спутницу на ожидающую у порога лошадь, — в Англии её ждет спокойная и счастливая жизнь в кругу любящих людей!

— Все люди испытывают на себе тяжесть креста Спасителя, — с достоинством возразил отец Оноре, — но не все с честью проходят это испытание!

Его последние слова были заглушены топотом нетерпеливо понукаемых коней. Миг, и всадники исчезли в мокрой мгле, оставив провожающих на пороге дома. И печальный священник перекрестил их удаляющиеся силуэты.

Они скакали практически всю ночь. Иннин продрогла, устала почти до бесчувствия, но то, что её спасителем из безвыходной ситуации оказался человек, о котором она грезилась уже три года, делало беглянку невероятно счастливой.

На рассвете всадники домчались до постоялого двора, где их встретили ещё несколько человек. О чем-то быстро с ними переговорив, Тейлор посадил спутницу в ожидающую карету и занял место рядом.

— У нас паспорта на имя супругов ван Дорселль, — пояснил он измученной Иннин, — мы проживаем в Дюнkerке. Ездили в Брюссель навестить твою больную мать. И чтобы не случилось, ничего не бойся! Только улыбайся и молчи, и все дальнейшие расспросы отпадут сами собой — любой мужчина в присутствии такой красавицы становится дурак дураком.

Иннин удивленно покосилась на сосредоточенного мужчину. Она, конечно, знала, что недурна собой, но в их маленьком мирке не было людей, которых бы это особо интересовало. Разве только деревенский лавочник всегда многозначительно ей подмигивал. Так что с него взять?

Утверждения Тейлора ей показались смешными — как же, очарует она наглых солдат! Но зато с таким защитником рядом Инн ничего не боялась, и даже, если бы вдруг небо обрушилось на их головы, то её, пожалуй, это не очень-то огорчило.

Девушка очень устала и не привыкла к бессонным ночам, да ещё в седле, поэтому не успела карета выехать за пределы городка, как её ресницы сомкнулись, и она погрузилась в глубокий сон, доверчиво прильнув головой к плечу спутника.

Сон был прерван бесцеремонным вмешательством французского патруля.

— Месье, предъявите ваши паспорта!

Иннин испуганно распахнула глаза, только сейчас осознав, что её щека покоится на груди спутника, и он тесно прижимает спутницу к себе.

— Вот, — протянул Тейлор паспорта патрулю из трех солдат, — пожалуйста, говорите тише, мне бы не хотелось будить жену — она очень устала!

По-французски он изъяснялся без малейшего труда, мало того, в его речи отчетливо слышалось фламандское придыхание.

Инн, подивившись про себя этому обстоятельству, моментально вспомнила его наставления, и нарочито распахнула глаза, глядя прямо в усатые малопривлекательные физиономии.

К её удивлению, реакция последовала тут же — старший в группе расплылся в улыбке.

— Сударыня! Простите за беспокойство, но мы служим нашему императору...

Девушка старательно похлопала длинными ресницами, изо всех сил растягивая губы в ответной улыбке. Наполеона после расстрела герцога Энгийенского — близкого друга отца, она люто ненавидела.

Не сводя с неё заинтересованных глаз, солдат отдал паспорта Тейлору.

— Вы счастливчик, сударь, — на прощание хмыкнул он, — будь у меня такая женушка, я старался бы пореже выбираться из дома. Дороги беспокойны!

— Благодарю за предупреждение, — сухо раскланялся её спутник, — мы будем начеку!

Карета тронулась, и Инн с тайным сожалением была вынуждена оторвать голову от головокружительно пахнущей табакот мужской груди.

— Молодец! — между тем, похвалил её лорд, настороженно провожая взглядом патруль. — Вы вели себя идеально. Пить хотите?

Инн растерянно кивнула головой, получив фляжку с вином. Но не смогла сделать толком даже глотка, моментально облившись, когда карету тряхнуло на каком-то ухабе.

— Ничего, леди Иннин, — подал ей платок Тейлор, — зато будет, что рассказать по приезде в Кавендиш-холл. Ваша кузина позавидует таким приключениям.

С губ Иннин сразу же сползла улыбка. Как же она могла хоть на миг забыть, что рядом не просто красивый мужчина, а ещё и жених Лили?

— Как там Кавендиши? — несколько запоздало поинтересовалась она.

Тейлор равнодушно пожал плечами, возвращая фляжку на место.

— Письмо вашего больного отца наделало в семействе переполоха. Кавендиш моментально собрался в дорогу, как его не уговаривали остаться дома перепуганные домочадцы — ведь он весьма далек от подобных дел! На их счастье в доме появился я, ну, и..., - джентльмен усмехнулся каким-то своим мыслям, — ваш дядя остался в Дувре — мне с большим трудом удалось отговорить его от плавания. В условленном месте неподалеку от Дюнкерка нас ждёт английская шхуна.

— Вы приехали в Кавендиш-холл погостить?

Инн с замиранием сердца ждала ответа, неизвестно на что надеясь. Может,

действительно, на то, что герцог сменил своего брата в претендентах на руку сестры?

— Погостить? — Тейлор недоуменно заглянул ей в глаза. — Я приехал обвенчаться с вашей кузиной, но обстоятельства вновь не позволили нам стать супругами!

Инн замерла от пронзившей её боли. И моментально вдруг стало всё безразлично — и смерть отца, и волнения дяди, и французские патрули...

— Простите меня! — ей едва повиновался голос.

— Простить? За что? — угрюмо фыркнул спутник. — Лили только рада отсрочке! Если бы не настойчивость домочадцев, наша помолвка превратилась бы в вечность. Но в последнем письме моему брату Кавендиш настойчиво потребовал, чтобы я исполнил взятые на себя обязательства, так как леди Элизабет чувствует себя неважно. Эдвин связался с моим командованием, и меня выдернули из полка, дав специальный отпуск для женитьбы, но..., — он ласково улыбнулся ей, — одной юной леди понадобилась моя помощь!

Боль медленно отпускала, но ощущение горечи не проходило.

— Вы, как рыцарь Ланселот, появившийся на помощь терпящей невзгоды деве, — натянуто улыбнулась девушка, — не хватает только копья и меча! Я вам очень благодарна... После смерти отца моё положение стало отчаянным!

— Подождите благодарить, — небрежно отмахнулся Тейлор, удобно устраивая ноги на сидении напротив, — вот когда я вас сдам с рук на руки вашему дяде, тогда и пойте мне дифирамбы. Из столь очаровательных уст их будет особенно приятно слушать, и Эдвин лопнет от зависти. А теперь я бы не прочь вздремнуть до следующего патруля.

Инн хотелось ещё о чем-нибудь поговорить, но она не посмела! Жизнь в маленьком мирке доверенных слуг и обожающего науку отца сделала её слишком застенчивой и робкой. Девушка была практически лишена общения со своими сверстницами, а в присутствии кумира своих грез и вовсе ступевалась.

Тейлор закрыл глаза и моментально уснул. Инн осторожно покосилась на уткнувшийся в грудь подбородок, и попыталась сделать всё, чтобы не помешать отдыху своего спасителя. Но её так кидало из стороны в сторону на поворотах, что вскоре девушка поняла — единственная возможность не потревожить сон спутника, это опереться на него. Было невероятно стыдно, но и радостно осторожно прильнуть к его плечу щекой. Голова сразу же закружилась от счастья, сердце приятно и грустно заныло, зато совесть сурово упрекнула в легкомыслии.

'Но я же не делаю ничего плохого Лили, — возразила Иннин этому недремлющему бичу, — Тейлор и сам не узнает об этом нарушении приличий. Зато я чуть-чуть, совсем немного побуду с ним рядом!'

Поглощенная столь противоречивыми мыслями, Инн не заметила, что, казалось бы, крепко спящий мужчина чуть приоткрыл веки и взглянул на свою соседку. Зато руку, которая быстро обвилась вокруг её талии, ощутила мгновенно. Но когда девушка удивленно подняла глаза на спутника, то убедилась, что он крепко спит и обнял её, очевидно, неосознанно. Теперь и думать было нечего освободиться, не потревожив сна Тейлора, и успокоенная этим фактом Инн чуть не задохнулась от счастья. Она зарылась лицом в теплые складки пелерины мужского плаща и задремала, убаюканная глухим стуком мужского сердца.

Мчалась, подскакивая на ухабах, карета. Сёк противный осенний дождь, и было холодно и сыро, но Иннин казалось, что она чудом попала в волшебный мир, где она и Томас остались только одни. И не было смерти отца, предстоящий свадьба Лили — только он и

она! 'Я люблю его, — стучало её сердце в унисон лошадиному топоту, — он самый лучший на земле! Такой сильный, благородный, красивый! Я люблю Томаса так же, как любил папа маму — настолько сильно, что даже смерть не смогла погасить это чувство! И пусть он женится на Лили, я всё равно буду любить его, пока не испущу последний вздох! И это будет моя тайна, моя самая прекрасная тайна. Через много-много лет, когда стану старушкой, я буду вспоминать этот день, и это будет лучшим воспоминанием в моей жизни'.

Эти мысли, конечно, выдавали близкое знакомство нашей героини с книгами, которыми зачитывались все девицы той эпохи. Наиболее популярные тогда готические романы, как правило, заканчивались разбитыми сердцами, гибелью героев от неразделенной любви на фоне нравственных страданий и подчинению страстей суровому долгу. Но Инн была искренна в своих чувствах, наверное, поэтому и ощущала себя такой счастливой от перспективы столь незавидной судьбы.

Увы, эта дорога в царстве грёз скоро закончилась.

Уже опустились первые сумерки, когда карету остановил очередной патруль.

На этот раз не помогли её широко распахнутые глаза, хотя определенную пользу все-таки принесли.

— Дальше ехать нельзя! — категорически настоял капрал. — У нас приказ — никого ночью не пропускать в прилегающий к Дюнкерку район побережья.

— Но мы там живем! — Тейлор хорошо разыграл возмущение. — Неужели я, находясь в двух часах езды от собственного дома, должен ночевать на постоялом дворе?

— Боюсь, ничем не смогу вам помочь. В последнее время активизировались контрабандисты, и нам не велено никого пропускать в ночное время. Дороги перекрыты. Вам ведь не хочется, чтобы ваша юная красавица жена попала в лапы к безбожным английским флибустьерам?

— Ах! — Иннин сделала вид, что испугалась, и с мольбой посмотрела на француза.

Капрал с видимым удовольствием выпрямил спину и напустил на себя важность.

— Постоялый двор переполнен, — снизошел он до помощи, не могущим попасть домой бедолагам, — но я тут знаю одну хозяйку. Могу показать её дом, и то, исключительно из жалости к вашей прелестной супруге!

— Вы очень любезны! — вежливо кивнул головой, после некоторой заминки Тейлор. — Моя жена едва жива от усталости. Объясните нашему кучеру — как найти эту добрую женщину?

Дверца кареты закрылась, и они оказались в полной темноте. Надо сказать, что Инн не сделала никаких выводов из этого диалога — она покорно прислушивалась к голосам снаружи и думала, как хорошо было бы вытянуть затекшее от неудобной позы тело на кровати. Прозаические мысли были прерваны самым неожиданным образом.

— Вы, наверное, очень набожны, леди Иннин, если среди ваших домочадцев находится кюре? — странно напряженным голосом спросил Тейлор.

Девушка удивленно воззрилась на едва различимое лицо спутника.

— Отец Оноре — наш дальний родственник и бежал вместе с отцом от санкюлотов! — пояснила она. — Конечно, я во всем, что касается веры, прислушивалась к его советам, но меня не готовили в монахини, если именно это вас интересует!

— Меня интересует не это, — хмуро заметил Тейлор, — но раз вы такая примерная христианка, то помолитесь Святой Деве, чтобы у хозяйки нашлась вторая комната. Вы безгрешны, и она быстрее услышит ваши мольбы, чем мое чертыханье!

Наверное, другая девушка впала бы в настоящую панику и потребовала у своего провожатого немедленного разрешения этой дикой ситуации, но, к несчастью, до Инн едва ли дошел истинный смысл его слов.

Разумеется, в своё время её строго наставляли против козней противоположного пола, заботливо предупреждая, чтобы она ни при каких обстоятельствах не оставалась с молодыми людьми наедине, иначе они начнут себе позволять всякие вольности. Но достойным женщинам и в голову не приходило предупреждать юную девушку — дочь графа, чтобы она не спала с джентльменами в одной спальне! Да и не знала ничего Иннин об этой стороне отношений между полами — в её окружении не было ни одной супружеской пары, кроме дяди и тети, но если тем и приходило в голову провести вместе ночь, то они этого не афишировали перед племянницей. О том, какую ценность представляет собой девственность, довольно часто толковал ей отец Оноре, называя это состояние — даром небес. Но кюре никогда не говорил девушке, где именно скрывается эта драгоценность и при каких обстоятельствах её можно потерять, обходясь обтекаемыми формулировками о необходимости целомудрия, чистоты и невинности в жизни истинной христианки.

И вот теперь Иннин озадаченно пыталась сообразить, что так тревожит её спасителя? Да, конечно, они долго оставались наедине, а это не позволялось правилами приличия — но разве не сам Тейлор заявил отцу Оноре, что когда речь идет об опасности для жизни, то не до церемоний?

Одна спальня на двоих! Какой бы наивной не была девушка, её щеки все равно порозовели. И она послушно прочитала молитву Деве Марии. Не успела Иннин её закончить, как карета уже остановилась вблизи фламандского крестьянского дома, с крытой черепицей островерхой крышей.

С трудом вылезая из экипажа, она зажмурила глаза от света фонаря в руках встречающей их хозяйки.

— Как же, — согласно кивнула та, — есть комната. Только не знаю, понравится ли она господам? Мы отгородили закуток за камином и поставили туда кровать. Пусть там тесно, но зато очень тепло, а в такую мерзкую погоду, что ещё нужно путникам?

Спустя несколько минут добродушная фламандка уже снимала с продрогшей Инн плащ. Нежданных постояльцев в ожидании ужина усадили перед ярко горящим очагом в большой, увешанной кастрюлями и сковородами кухне.

— Сейчас я вас угощу горячим супом и пирогами, — припевала хозяйка, споро накрывая на стол, — с тех пор, как французы начали перекрывать на ночь дорогу на Дюнкерк, у нас в деревне почти у всех появилась возможность подзаработать на постояльцах. Не смотрите на тесноту, готовлю я хорошо и постельное белье у меня чистое!

Инн боялась поднять глаза на спутника — вопрос о второй комнате отпал сам собой. Но в тот момент перед её носом оказалась тарелка с восхитительно пахнущим сырным супом, и она на миг позабыла обо всех неприятностях, погрузив ложку в наваристую жидкость.

Горячий сытный ужин и жаркое тепло моментально разморили девушку, и когда на стол была поставлена тушенная в вине говядина, она едва сидела, изо всех сил борясь со сном.

— Проводите мою жену к постели и помогите ей отойти ко сну, — приказал Тейлор хозяйке, — она слишком устала!

Девушка и не запомнила, как фламандка стащила с неё платье. Она с наслаждением юркнула в мягкую уютность перины и утонула под пуховым одеялом.

— Спите, мадам! — пророкотал над головой голос женщины, и Иннин провалилась в

сон.

Неизвестно, сколько она проспала, но вдруг резко, как от толчка, проснулась.

Дом спал. Вокруг царила ночная тишина, и всё дышало покоем, но сердце почему-то колотилось как сумасшедшее — так, что перехватывало дыхание.

И прежде, чем девушка окончательно пришла в себя, что-то внутри подсказало причину пробуждения — Тейлор! Темнота вокруг была непроницаемой, но Инн знала, чувствовала, что мужчина где-то рядом, совсем близко. Она ощущала на себе его взгляд, осязала ставший знакомым за прошедший день запах табака и 'кельнской воды'.

— Пресвятая Дева! — испуганно пискнула девушка, натягивая одеяло до самого носа.

— Не бойтесь, леди Иннин! — так и есть, неизвестно почему охрипший голос Томаса прозвучал прямо над ухом, приведя её в ещё большее смятение. — Я не воспользуюсь столь пикантным обстоятельством. В конце концов, вы хотя и очаровательное, но совсем дитя!

— Вы не спите? — от растерянности Иннин попыталась подскочить. — Может, я вам мешаю? Я уже отдохнула, и если позволите....

Она бы многое отдала, чтобы оказаться подальше от этой, вдруг пропитавшейся неизвестной опасностью комнаты.

— Успокойтесь! — его рука предупредила её порыв и тяжело придавила к месту. — Я и сам бы остался на кухне, но там спят работники. Если мне кто и мешает, то не вы! Спите!

Легко сказать! Теперь ей даже в голову не приходило сомкнуть ресницы. Иннин изо всех сил пыталась успокоить взволнованное дыхание, но близость соседа по постели волновала её всё сильнее и сильнее. Кружилась голова, и волны непонятного жара накатывали на тело. Странно ёкало в животе, то погружая его в холод, то сжимая слабыми судорогами. И ошеломлённая девушка, затаив дыхание, съежилась от внезапного озноба даже под душным одеялом.

— Что с вами?

— Наверное, я заболела, — едва шевеля пересохшими губами, прошептала она, — со мной что-то творится непонятное... то жар, то холод!

И вздрогнула, заслышав тихий невеселый смех.

— Глупый ангел, — рука мужчины крепко сжала её безвольные пальцы, — нас поразила одинаковая болезнь. Увы, мне хорошо известны её симптомы!

Прикосновение его ладони было подобно ожогу, сбив на мгновение дыхание, и потом она с трудом смогла раздышаться.

— Надеюсь, это не лихорадка? — едва выдавила из себя Иннин.

Тейлор тяжело вздохнул.

— Лихорадка лучше! Тогда я бы не чувствовал себя таким мерзавцем.

— Мерзавцем? — от возмущения девушка даже пришла в себя. — Почему вы так несправедливы к себе? Вы самый лучший человек на свете!

— О, леди Иннин, — она ахнула, неожиданно почувствовав прикосновение нежных губ к своим пальцам, — ради вас любой мужчина пойдет даже в ад! Поэтому грех обижаться на то, что вы мне его устроили прямо на земле!

Разбуженная поцелуем по телу пробежала, исчезнув внизу живота, легкая щекочущая молния, но вскоре сказанное все-таки достигло её сознания:

— Ад? — очарованно повторила Инн, даже не пытаясь освободить руку. — Почему?

Но мужчина не ответил, медленно целуя по очереди каждый её палец. От восторга и волнения она только ошеломленно улыбалась. Между тем его губы сдвинулись на ладонь,

потом на запястье, поднялись выше и..., юную девушку потряс озноб возбужденного страха, когда его руки обхватив её за талию, крепко прижали к горячему мужскому телу:

— Скажи 'нет' сейчас! — прохрипел он, обжигая ухо, и сбита с толку Инн услышала, как громко стучит его сердце. — Потом меня не остановить!

— Нет! — растерянно пробормотала девушка.

Но Тейлор не разжал рук. Он, тяжело и хрипло дыша, так сдавил её в объятиях, что девушке показалось — ещё миг, и она растворится в этом распаленном, источающем что-то головокружительно тревожное и опасное теле.

— Этого мало! Скажи мне, что только последний негодяй может совратить на постели грязной харчевни пятнадцатилетнюю девственницу — кузину своей невесты, доверенную ему будущим тестем! — шептал он, прикасаясь губами к виску

Инн вроде бы и слышала то, что он говорил, но её рассудок отказывался повиноваться хозяйке, поглощенный только одной мыслью, одним ощущением — таинственным колдовством льнущего к ней мужского тела. Странные токи перетекали от него к ней, делая что-то непонятное с налившимися болью грудями, с нестерпимо ноющим животом. И всё это в определенный момент стало настолько невыносимым, что легкий мучительный стон сорвался с её губ. Он послужил, очевидно, каким-то знаком Тейлору, потому что разом отбросив все сомнения, тот заглушил его жадным поцелуем. Ошеломленной этим натиском Иннин показалось, что она летит навстречу чему-то неведомо волшебному, чудесному. Приятный огонь, вызванный прикосновением горячих губ к её губам, подобно пожару устремился по жилам.

— О! — поражено выдохнула она.

Неизвестно кому Инн была обязана спасением своей девственности — может, старенькому отцу Оноре, который всю ночь стоял на коленях перед распятием и молился за свою воспитанницу, а может, ей помог протестантский Бог Кавендиша, которого тот упрашивал спасти племянницу, но только на улице вдруг послышались выстрелы.

Томас на миг замер, прислушиваясь, потом грубо выругался, со злостью ударив кулаком по подушке.

— Дьявол, не раньше и не позже!

А вокруг уже раздавались взволнованные голоса и хлопали двери.

— Прости меня, маленькое чудо! Видно, не судьба, — резко бросал он ей, торопливо натягивая в темноте одежду, — пойду, узнаю, что там случилось!

Потрясенная и испуганная Иннин осталась одна.

Больше Тейлор за перегородкой не появился.

Завтракали они, отводя глаза друг от друга, да и потом, когда экипаж тронулся в путь, Тейлор вел себя настолько отчужденно, что девушка едва сдерживала слезы. Никогда в своей коротенькой жизни она не чувствовала себя столь скверно — её давил невероятный стыд и отчаяние. Иннин, не смотря на полное невежество в таких вопросах, осознавала, что её поведение этой ночью было вопиюще бесстыдным. Ей казалось, что происшедшее отпечаталось грязным пятном и на лице, и на теле.

Они уже подъезжали к Дюнкерку, когда Тейлор, наконец-то, соизволил разжать губы:

— Представляю, что вы обо мне думаете, леди Иннин! — с тяжелым вздохом пробормотал он. — Мне стыдно смотреть вам в глаза! Прошу, не судите обо мне слишком строго, когда-нибудь вы поймете, что двигало мной в эту ночь!

Инн посмотрела на собеседника и тут же, покраснев, опустила ресницы, настолько её

взволновал ответный взгляд.

— Вы, ангел мой, несмотря на юность, настоящее искушение для мужчин! Боюсь, что ваш дядя сразу поймет, что между нами что-то произошло. Будет лучше, если мы скажем, что нас сопровождала ваша няня, отказавшаяся покидать континент!

— Хорошо! — понурилась девушка.

Ей хотелось плакать, и она с трудом сдерживала слезы.

— Инн, не сердись, тырываешь мне сердце, — Тейлор неожиданно притянул её к себе и провел пальцами по щеке, — улыбнись!

Но девушка упорно отводила лицо от его пристального взгляда.

— Да, я знаю, что после того, что между нами произошло, я обязан жениться. И поверь, если бы довел дело до конца, то, возможно, мы бы уже стояли перед священником! — зачем-то начал оправдываться он.

Иннин удивленно покосилась на Тейлора.

— А как же ваши обязательства перед кузиной?

— Вот именно, — горько усмехнулся собеседник, — ваша кузина... Лили! Поймите, леди Инн, если бы я женился на вас, то мы бы остались без средств к существованию. Ведь у меня, кроме содержания, которое мне ежемесячно выделяет брат, ничего нет. Я нищий! И если бы я своим поступком заставил Эдвина жениться на этой тщеславной девице, то он от злости лишил бы меня даже этих денег!

Девушка была ошеломлена.

— Но как же вы можете жениться на Лили, если так к ней относитесь? Разве сможете сами стать счастливым и составить счастье кузины?

Тейлор ласково поцеловал её пальцы.

— Мой наивный ангел, — снисходительно произнес он, — неужели вы не знаете, что в кругу знати браки по любви так же редки, как снег на экваторе? Очаровательной Лили то же застит глаза герцогский титул моего брата, а не испытываемая к нему любовь.

Карета уже мчалась по камням городской мостовой, а девушка всё никак не могла прийти в себя от этих откровений.

А потом было море, пересадка с одного баркаса на другой, английские контрабандисты, чьи-то выстрелы вдали, и вроде бы даже погоня французских сторожевых шлюпов. Но Иннин не очень-то беспокоили эти сложности — она сидела в тесном кубрике, заставленном ящиками с контрабандным бренди, тюками с шелком и ещё какими-то нелегальными товарами, и все обдумывала и обдумывала то, что услышала от Тейлора.

С пронзительной тоской вспоминала она о мечтах, которым предавалась ещё вчера, заснув в объятиях Тейлора — надо же быть такой наивной дурочкой!

Но прежде чем Иннин сошла на английский берег, состоялось ещё одно знакомство.

— Мадемуазель дю Валльдэ, полюбуйте на скалы Дувра! — позвал её веселый голос Тейлора.

Не очень хорошо себя чувствующая Инн вылезла на палубу и оглядела встающую на горизонте грозную крепость восточного форпоста Англии. Рядом с лордом на палубе находился и капитан этого небольшого баркаса. Сэр Энтони Рейли — высокий, худой мужчина с рыжеватыми волосами и серыми располагающими глазами улыбнулся пассажирке:

— Мне жалко старую матушку Европу, если континент покидают такие красавицы! Надеюсь, что вы найдете в Англии свое счастье!

— Не сомневайтесь! Английские мужчины всегда дорого ценили галльскую красоту! — подмигнул ему Тейлор, и они расхохотались над чем-то только им понятным.

Инн немного поразило, что между лордом и капитаном какой-то, чуть ли не пиратской шхуны, такие приятельские отношения. Похоже, что они друзья!

— Навеки ваш слуга, — сказал Рейли на прощание, — если надумаете вернуться на родину, то только назовите в Дувре моё имя, и будь я даже в стране гипербореев, примчусь в тот же миг!

— Не верьте ему, леди Иннин! Он волокита и повеса, и на своей посудине не доплывет даже до Эдинбурга! — поддел его в ответ Тейлор.

Иннин поблагодарила Рейли за предложенную помощь, хотя и знала, что больше никогда не вернется в свой старый дом.

Кавендиш, сходя с ума от волнения, ожидал их в условленном месте — в укромной бухточке среди скал. С судна спустили шлюпку, и пока она, ныряя в высоких волнах, плыла к берегу, Инн со счастливо забившимся сердцем узрела на одном из валунов знакомую сухопарую фигуру.

— Бог мой, — лорд крепко прижал племянницу к груди, забежав по колению в волны прибоя, и на руках вынося её на берег, — я думал, не переживу, когда вы не прибыли в назначенное время. Что случилось?

— Район, прилегающий к порту, на ночь перекрывается, — вежливо пояснил Тейлор, глядя со скучающим выражением лица, как моряки выносят на берег багаж, — леди с няней пришлось переночевать в гостинице, а ваш покорный слуга скоротал ночь на сеновале.

Кавендиш внимательно выслушал все объяснения, отеческим жестом обняв племянницу за плечи. Карета лорда ждала неподалеку, но Тейлор решительно отверг предложение будущего тестя поехать в Кавендиш-холл.

— Увольте! — отрицательно качнул он головой. — У меня не осталось времени, чтобы осуществить матримониальные планы наших семейств! Передайте очаровательной Лили, что я разбит и уничтожен, повергнут в прах и так далее.

— Томас, — огорченно вздохнул лорд, — ты считаешь, что такое поведение приемлемо для жениха?

Инн увидела, как Тейлор недоброжелательно смотрит на будущего тестя.

— Я дал слово, милорд! И считаю, что этого вполне достаточно и для вас, и для леди Лилианы. А сейчас — простите, но я покидаю вас не ради партии в вист в любимом клубе!

Сухо поклонившись, он забрался назад в шлюпку, и, приветственно взмахнув рукой на прощание, отплыл по направлению к баркасу.

Кавендиш и Инн немного постояли, глядя ему вслед, пока слуги увязывали вещи Иннин на крыше экипажа. И только потом обернулись друг к другу.

— Добро пожаловать домой, дитя моё!

Инн смущенно подставила щеки под бережные поцелуи дядюшки. Он внимательно осмотрел её через пенсне.

— О, дорогая! Ты и раньше обещала вытянуться в красавицу, но действительность превзошла все ожидания. Элизабет будет рада тебя видеть!

При этих словах, как будто тень набежала на его высокий лоб. Инн тут же встревожилась.

— Вас что-то беспокоит?

Но лорд лишь досадливо взмахнул рукой, помогая ей разместиться в экипаже, и лишь

когда лошади тронулись в путь, объяснил причины своей печали:

— Увы, девочка моя! Твоя тетя очень больна. Собственно, из-за этого мы и хотели поспешить со свадьбой, когда от твоего смертельно больного отца пришла просьба позаботиться о его дочери.

— Жаль, что я помешала свадьбе! — выдохнула Инн, со стыдом вспомнив, как недостойно вела себя с чужим женихом.

— Не стоит сожалеть, — вздохнул Кавендиш, — обвенчаются позже. Вот только леди Элизабет...

В тот миг Иннин не восприняла его слова всерьез, решив, что речь идет о каком-нибудь очередном тетушкином недуге, про которые та так любила поговорить.

Ехать предстояло ещё долго, и она спокойно заснула, уткнувшись носом в дядюшкино плечо. Тот так же, как и Тейлор прижал её к себе, но сейчас этот жест вызвал у девушки удивительное чувство покоя и уверенности в том, что она, наконец-то, среди родных и любящих людей, и что всё плохое в её жизни осталось позади. Не надо думать о деньгах и кредиторах, не надо казнить себя мыслями о чужом женихе — лорд Кавендиш заменит отца и позаботится о её счастье.

Увы, этому ощущению уверенности в завтрашнем дне не суждено было долго продлиться.

Экипаж подъехал к воротам Кавендиш-холла уже поздно ночью.

Инн со смешанным чувством облегчения и печали смотрела на освященный, не смотря на столь неурочный час, особняк. Как часто в детстве она приезжала сюда погостить, с нетерпением ожидая приезда отца, но теперь это её единственный дом на земле, потому что отец больше не приедет за своей любимой дочерью.

Встретивший их дворецкий, печально склонив голову, попросил подняться к хозяйке.

— Что, Коул? — заволновался лорд, — миледи стало хуже?

Слуга обреченно кивнул, и они поспешили в спальню леди Элизабет.

Увиденное потрясло юную девушку.

Среди скомканных и мокрых от пота простыней в постели лежала исхудавшая женщина, с осунувшимся до не узнаваемости лицом.

— Иннин, — прохрипела она, протянув к ней страшно иссохшую руку, — как я рада, что ты здесь, с нами! Теперь я могу спокойно на небесах встретиться с моей милой Полин.

— Тетушка! — Инн с мольбой поцеловала жесткую, словно пергаментную кожу пальцев больной женщины. — Пожалуйста, не говорите столь страшных слов!

— Девочка моя, — леди Элизабет погладила её по щеке, — я люблю тебя. Пожалуйста, слушайся во всем Джорджа — он никогда не причинит тебе зла. Обещай повиноваться ему!

— Конечно, тетушка!

Инн заплакала от жалости и горя, увидев, что тетя ещё что-то хочет ей сказать, но страшный хрип и кашель вырывался из груди больной женщины, и она начала в удушье метаться по постели. К ней с лекарством кинулась сиделка.

— Всё, детка, всё! Иди к себе, — Кавендиш заботливо вывел плачущую девушку из комнаты, — а мы начнем готовиться к худшему!

Инн задрожала от ужаса.

— Тетя ведь выздоровеет, она не покинет нас? — в надежде обратила она заплаканное лицо к почерневшему от горя дядюшке.

Но тот только ласково погладил сироту по голове.

— Всё в руках Божьих!

Похороны и всё связанное с ними запомнились Иннин урывками, как бесконечный кошмарный сон. Какие-то люди в чёрном, и они с Лили, стоящие у гроба. В памяти остался свет множества восковых свечей, тихие голоса и запахи увядших цветов.

После панихиды и придания тела страдальцы земле вся многочисленная родня собралась в парадном зале Кавендиш-холла, чтобы выразить соболезнование осиротевшим обитателям дома.

В тот день лил проливной дождь, поэтому слуги, сновавшие между толпами одетых в чёрное людей разносили горячий чай и пунш.

И тут до Инн неожиданно дошло, что, оказывается, она поневоле оказалась в центре внимания. Особо не стесняясь, некоторые дамы довольно громко переговаривались, поглядывая на её далеко не новое, неказистое траурное платье.

— Вот уж морока Кавендишу! Без гроша за душой, француженка, папистка!

— Эти француженки, говорят, такие распущенные!

— Кавендиш обязан, что-то предпринять относительно этой девицы!

— Покойница Элизабет не должна была обременять мужа проблемами своей семьи!

— А она, говорят, даже на смертном одре волновалась об этой девчонке, а ведь француженка всего лишь двоюродная племянница Кавендишам!

Слушать это было крайне неприятно, но поделать тоже ничего нельзя. Одиночество и боль потери всё больше овладевали юной девушкой при столь открытой враждебности людей, среди которых ей предстояло как-то жить.

Милая тетя, как жаль, что истинная цена её любви и великодушия стала понятна племяннице лишь только после смерти.

Между тем, Лили кого-то напряженно высматривала в толпе.

— Иннин, — вдруг взволнованно шепнула она кухне, — как я выгляжу? Эта гадкая вуаль не особо меня уродует?

Иннин от изумления едва ли нашлась, что ответить.

Надо сказать, что Лили даже траур был к лицу. Высокого роста, стройная, с классически правильными чертами лица, она была похожа на юную богиню из греческой мифологии. Но когда к девушкам приблизилась пара — мужчина и пожилая дама, та оживилась и постаралась сделать изящный книксен, тем самым побуждая присесть и кухню.

— Леди Лилиана, графиня дю Валльдэ! — соболезнуя, склонил голову мужчина.

Инн удивилась — ещё никто из посторонних не обращался к ней столь официально, ведь титул графини она получила только после смерти отца. В их роду титул передавался и по женской линии, но откуда об этом мог знать незнакомый джентльмен?

Небольшого роста, практически вровень с Лили, сухощавый мужчина с насмешливым взглядом темных глаз. Красивый разлет чёрных бровей показался ей смутно знакомым. Зато женщину она узнала сразу. Перед ней стояла герцогиня Мортландская. Дама мало изменилась с того далекого дня, когда юная француженка выслеживала в саду вредную Хетти.

— Бедные девушки, — пробормотала её светлость, хмурая брови, — осиротели! Да ещё Том всё никак не навоюется. Как ты, милая?

Лили грустно опустила глаза.

— Мы пытаемся свыкнуться с потерей, мэм!

Герцогиня окинула неодобрительным взглядом и щуплую фигурку Иннин:

— Не в добрый час ты решились пересечь пролив, деточка! Эдвин, — обратилась она к мужчине, — я должна поговорить с Кавендишем о свадьбе. Венчание опять придется отложить, пока не выйдет срок строгого траура!

Инн теперь с большим интересом взглянула на мужчину — так это оказывается герцог Мортландский! Неужели Лили так и не потеряла к нему интереса? Но разве этого человека можно сравнить с младшим братом? Может, герцог, на свой лад, был и неплох, но рядом с Томасом явно проигрывал. Только её сумасбродная сестрица могла сделать выбор в пользу первого, да ещё будучи помолвленной.

Герцог же, между тем, тоже разглядывал юную француженку.

— Добро пожаловать в Англию, милая леди, хотя ваше прибытие и ознаменовалось столь прискорбным событием!

— Вы очень любезны, ваша светлость!

Герцог отвернулся к матери.

— Я думаю, Кавендиш сейчас мало расположен беседовать о венчании Лили и Томаса. Отложим разговор до лучших времен!

Инн растерянно проводила взглядом сиятельную пару.

— Как, по-твоему, — возбужденно теребила её Лили, — я выглядела неплохо?

— А разве может быть иначе, ты ведь такая красавица?

— Все так говорят, — грустно вздохнула кузина, — но почему-то на герцога это не производит должного впечатления!

Жизнь английского поместья в девятнадцатом веке была легка и приятна, если бы не нудная монотонность такого существования. Иногда даже потоптавшая грядки садовника корова и то становилась умопомрачительным событием, которое долго обсуждалось в гостиных за рукоделием сельскими барышнями.

Девушки семейства Кавендишей сидели в утренней гостиной за шитьем, но иголки безвольно застывали у них в руках. Разыгравшаяся с утра непогода, рассеянный тусклый свет, уютное тепло камина способствовали разговору по душам.

— Ах, Инн, — горько жаловалась наперснице Лили, — как же мне не повезло! Если бы ты знала, какие прелестные платья сделали мне к началу прошлогодного сезона, сколько денег было потрачено у модисток! И всё зазря! Мама заболела, и мне так и не удалось покинуть стены этого поместья! А теперь и вовсе траур — все туалеты выйдут из моды и станут малы!

— Лили, — мягко укорила её Инн, — разве ты смогла бы сейчас веселиться на балах?

Но сестра лишь раздраженно бросила начатое шитье на стол.

— Нет, конечно! Но помолвка с Тейлором для меня подобна тюрьме — нигде не бываю, никого не вижу, и вот выдался шанс повидать людей, так мама заболела, а теперь и вовсе умерла!

С горечью закутавшись в шаль, Лили подскочила с места и подошла к окну, глядя, как серые струи тоскливого осеннего дождя секут понурые деревья сада.

— Наша свадьба с Тейлором постоянно откладывается, — пробормотала она задумчиво. — Как ты считаешь, Инн? Это рука провидения?

— Не знаю! — растерялась та, и тихо вскрикнула, уколов иголкой палец.

И пока она нервно слизывала капельки крови, Лили с надеждой продолжала говорить:

— А может, это перст судьбы, хранящей меня для другого? Тейлор на войне и если его убьют, то Мортланд будет вынужден занять место брата, и моя мечта осуществится!

— Пресвятая дева! — Инн была так потрясена, что даже не заметила, как испачкала кровью сшиваемые полотнища нижней юбки из дорогого шелка. — Опомнись, сестра! Не грехи таким даже в мыслях — Бог сурово накажет! Что тебе надо? Ведь твой жених так красив!

Лили снисходительно глянула на перепуганную француженку.

— Красота — не единственное, что меня может привлечь в мужчине. Да и, если честно, я Тейлора не считаю особым красавцем!

Инн только вздохнула. Правильно говорят — любовь не выбирает! А Лили всегда отличалась нетерпимостью и со своеобразным мышлением.

Надо сказать, что юная Кавендиш была эпицентром всей жизни поместья. Все домашние слуги её беспрекословно слушались, хотя и не особо любили, но властная девушка жестко подавляла любую попытку сопротивления своим желаниям.

Единственным, в присутствии кого она плотно закрывала рот, был её собственный отец. Когда лорд Кавендиш садился рядом с девушками за обеденный стол или устраивался по вечерам с книгой у камина, его дочь смиренно умолкала и односложно и почтительно отвечала на отцовские вопросы. Она его побаивалась. А вот Инн искренне радовалась

присутствию лорда. Когда его высокая фигура вырастала на пороге гостиной, у неё становилось теплее на сердце.

— Девочки, чем вы были заняты сегодня? — как правило, с улыбкой спрашивал он и благосклонно выслушивал ответы.

Инн всё время казалось, что мысли дядюшки где-то очень далеко от их тесного мирка, что он раздумывает о чем-то своем, недоступном их пониманию, но она также твердо была уверена в его любви и хорошем отношении к домочадцам.

Но в тот день Кавендиш вызвал дочь и племянницу в библиотеку.

— Я завтра уезжаю в Лондон и пробуду там значительное время! За вами будет следить миссис Элспет — я вчера написал ей письмо и не сомневаюсь в положительном ответе!

Лица девушек потрясенно вытянулись.

Обе знали эту вредную старуху, частенько навещающуюся в их поместье в период парламентских каникул. Она была в каком-то родстве с Кавендишами, но настолько далеко, что мало, кто мог достоверно пояснить, кем та приходится лорду. Когда-то у неё был муж, но тот ничего не оставил жене — ни добрых воспоминаний, ни денег. Сама же дама жила, в основном, по родственникам, длительно гостя то у одной влиятельной персоны, то у другой. В свете ходили упорные слухи, что из-за коварного языка старой ведьмы пострадали репутации нескольких неосторожных дебютанток.

Когда эта гарпия появлялась в Кавендиш-холле, даже у милейшей леди Элизабет появлялось гораздо больше поводов, чем обычно, уединиться в своей спальне по поводу мигрени. А вот самого лорда миссис Элспет боготворила. Он всегда дарил ей подарки, и даже выделил небольшую ежемесячную сумму на расходы, поэтому она, всячески подлизываясь к благодетелю, старалась услужить.

Понятно, что старая ведьма примчалась по первому зову, и унылые девушки имели честь лицезреть за завтраком её морщинистую, покрытую бородавками физиономию.

— Я рассчитываю на вас, дорогая миссис Элспет, — задушевно обратился к родственнице Кавендиш, — в вопросах образования и воспитания моих девочек. Я слишком понадеялся на гувернанток и жену, да и что теперь осуждать покойницу!

— Я сделаю всё, чтобы дочь не опозорила вас при представлении в высшем свете! А зачем мне готовить к выходу в свет двоюродную племянницу вашей покойной жены, — вперила она тяжелый взгляд глаз-буравчиков в сразу же съежившуюся на своем месте Инн, — как наперсницу нашей Лили? Но девочка уже помолвлена, так зачем такие затраты на кузину? У неё все равно нет шансов на достойный брак!

Кавендиш нахмурился и резко скомкал салфетку, давая понять, что считает завтрак и обсуждение вопроса законченными.

— Иннин, — громко заявил он, — выйдет замуж сразу же, как закончится траур по тете и отцу! Вы должны научить её, миссис Элспет, всему, что может понадобиться молодой даме!

Инн покрылась пятнами от волнения, услышав подобное заявление. Ей и в голову не приходило, что её судьба уже решена, и дядя подыскал мужа для племянницы. Вот только кого? Она не роптала, покорно принимая уготованную долю, но не могла не переживать по поводу кандидатуры. А вдруг это какой-нибудь старый урод? И она с мольбой вперила взор в миссис Элспет, мысленно прося старуху задать этот вопрос Кавендишу. И та вроде бы даже собралась спросить — это было заметно по изумленно задранным бровям, но потом взгляды лорда и старухи встретились, и та понятиливо усмехнулась.

— Можете положиться на меня, — торжественно пообещала она хозяйину дома, — я выдрессирую этих капризных кошек!

— Не сомневаюсь, миссис Элспет!

Вот и всё!

Кавендиш собирался выехать сразу после завтрака, но взволнованная Инн, выбрав момент, застала его в кабинете, торопливо укладывающим какие-то бумаги.

— Дядя, — тихонько позвала она, боязливо выглянув из-за приоткрытой двери, — можно мне войти?

Дядюшка, как и всегда при виде племянницы, заулыбался и согласно кивнул головой.

— Заходи, ангел мой! Только прости, у меня мало времени! Ты что-то хотела?

— Там в столовой, вы сказали...,- и окончательно смутившись, замолчала.

— Да-да, дорогая! Продолжай, я слушаю тебя!

Улыбка Кавендиша стала ещё шире, и он, сняв пенсне, ласково посмотрел на племянницу. И тогда, ободренная таким приемом, Инн отважилась спросить:

— Вы и вправду нашли мне мужа?

— Да!

Девушка огорченно поникла.

— Ты сомневаешься в моем избраннике? — шутливо спросил Кавендиш.

— Нет, что вы, — поежилась девушка, пряча наполнившиеся слезами глаза, — я с радостью приму любой ваш выбор!

— Доверься мне, девочка, и я сделаю тебя счастливой!

— Я верю вам, дядя! Но, может, вы назовете мне хотя бы имя этого человека?

Но Кавендиш только весело рассмеялся, закрывая кофр с собранными бумагами.

— Клянусь, ты узнаешь об этом первой! Но думаю, что сначала мы все-таки выдадим замуж Лили!

После чего, отечески поцеловав огорченную племянницу в макушку, он настойчиво выпроводил её из библиотеки. Инн удалилась к себе в ещё большем смятении, чем была. Впрочем, когда она поделилась своим недоумением с Лили, та только махнула рукой.

— Отец просто дал понять, что хочет выдать тебя замуж! На самом деле — где бы он так быстро нашел тебе мужа? Думаешь, это просто? У тебя нет приданого, следовательно, круг даже потенциальных женихов достаточно узок!

Впрочем, ломать голову догадками им стало решительно некогда, когда за них взялась устрашающая миссис Элспет.

— Чисто капрал в армии, — как-то пожалела юную госпожу её личная горничная Джейн, — так и муштрует, и муштрует...

Устами преданных слуг зачастую движет все что угодно, кроме правды, но не в данном случае. Покоя им с Лили не было ни днем, ни ночью. Их заставили наизусть выучить книжку по правилам этикета, им постоянно внушали, что нужно делать и говорить настоящей леди во всех случаях жизни. Из Лондона прибыли учителя танцев и музыки и два месяца безвылазно прожили в деревенской глуши, но Инн и Лили теперь знали все модные танцевальные па.

Надо сказать, что вопреки расхожему мнению про невероятную гибкость и изящество французов, английская кузина успевала лучше французской.

Лили поражала наставников талантами в области высокого искусства. У неё было высокое, чистое сопрано, абсолютный слух и тонкие чуткие пальцы, кстати, доставшиеся ей

в наследство от отца. Лорд Кавендиш любил музыку и сам был превосходным пианистом, хотя об этом знали только домашние.

Инн же стучала по клавишам, мягко говоря, посредственно. Ей больше нравилось сидеть, углубившись в книги, и зачастую она перечитывала старинную, домашнюю Библию на латинском языке, вызывая недовольное нареkanie воспитательницы.

— Вот уж глупость, так глупость! Зачем девице латынь? Чтобы прослыть синим чулком? Джентльмены не любят и сторонятся ученых дам, их терпеть не могут в обществе!

И Инн покорно закрывала книгу, с тем, чтобы ночью, помолившись своей мадонне, углубиться в книги Ветхого завета, с их пряной, пропахшей Востоком загадочной мудростью.

О чем она молилась? О лорде Тейлоре! Просила Создателя спасти ему жизнь, отвести от него беды и врагов, а ещё о том, чтобы Господь дал ей силы смириться с тем, что самый дорогой для неё человек женится на её сестре. Инн просила святых приоткрыть сердце Лили для ответного чувства, потому что хотела, чтобы Томас был счастлив. Молилась так же и о здоровье своего благодетеля лорда Кавендиша, и за упокой души своих умерших родственников.

Дни летели за днями — наступила весна.

В один из майских дождливых вечеров, девушки сидели с наставницей за вышивкой большого алтарного покрывала. Вышивать Инн любила и умела, зато Лили явно тяготилась этим благочестивым занятием.

— Вот, — брехала она, уныло прислушиваясь к звукам непогоды за окном, — отец в Лондоне сейчас развлекается, а мы как в заточении — никаких развлечений, балов, театров!

Инн меланхолично улыбнулась.

— Дядюшка писал, что в парламенте готовится, какой-то очень важный для страны билль, поэтому он не может вырваться домой! — возразила она. — Ему не до развлечений!

Лили презрительно фыркнула.

— Ты дурочка, Инн! Вся светская жизнь начинается ночью, когда парламент не заседает. И уж любимый 'Уайтс-клуб' батюшка не обходит стороной! Да и с визитами ездит, встречается с интересными людьми.... Конечно, чего он забыл в нашей глуши?

Юная француженка опасливо покосилась на сидящую рядом даму, ожидая от той взрыва негодования по поводу столь непочтительного отзыва об отце, но та либо была мирно настроена, либо решила их доконать другим способом.

— Кавендиш поступает мудро, — заявила мисс Элспет, подбирая нитки для вышивки, — избегая поездок домой. Жениться он сейчас не может, а грешить не хочет. И его можно понять, он хоть и не распутник, но ещё полный сил, привлекательный мужчина!

У девушек весьма некрасиво выпучились глаза и приоткрылись рты. Но пока Инн недоуменно пыталась сообразить, как это её сорока двухлетний дядюшка может быть привлекательным мужчиной (да ведь он почти старик!), Лили быстро нашлась, что сказать.

— Что вы такое говорите, миссис Элспет, — возмутилась она, — разве мой отец собирается жениться?

Вредная старуха подчеркнуто презрительно повела плечами.

— При чем здесь я? Это его решение! И скажу вам, леди, что правильное. Ваша матушка была слабого здоровья и своего долга перед мужем не исполнила, родив ему вместо ожидаемого наследника дочь. Теперь у лорда появилась ещё одна возможность продлить свой род.

Инн тяжело вздохнула, с жалостью глянув на ошеломленную сестру, хотя ей то же было

не по себе от мысли, что придется как-то уживаться с новой хозяйкой Кавендиш-холла.

И хотя они больше не касались этой темы, подспудно мысли о грядущей женитьбе лорда немало занимали умы обитательниц Кавендиш-холла. Инн очень боялась, что с появлением жены у дяди может измениться взгляд на двоюродную племянницу жены, и он захочет её куда-нибудь отослать с глаз долой, и вместо хоть и не особо желанного замужества, она получит нечто гораздо худшее. Например, место компаньонки при какой-нибудь старой привередливой леди!

'Уайтс-клуб' располагался в самом сердце Вест-энда на улице Сент-Джеймс, и к описываемому времени уже утратил бывшее политическое значение, когда там собирались, чтобы обсудить насущные проблемы приверженцы тори. Теперь здесь давались балы, устраивались роскошные приемы и праздники, и по этой причине лорд Кавендиш, носящий траурную повязку на рукаве, избегал в последнее время посещений любимого клуба, хотя этикет и не требовал от вдовцов такого самоотречения.

Но сегодня под гостеприимные своды его привлекли не развлечения, а желание встретиться и без помех поговорить с герцогом Мортландским. Обычно его светлость посещал 'Брукс', и не потому что симпатизировал обитающим там вигам, а потому что там собирались наиболее крупные и азартные игроки в фараон и вист, во главе с Чарльзом Джеймсом Фоксом и личным другом герцога — скандальным лордом Робертом Спенсером. В 'Уайтс' играли не меньше, но не было столь блестящего и авантюрного сообщества игроков, о которых в высшем свете ходило такое количество легенд.

В тот день его светлость вынужден был изменить привычкам, потому что Кавендиш, не имеющий членства в 'Бруксе', назначил ему встречу в 'Уайтс'.

Лорд Кавендиш не без удовольствия переступил порог клуба. Все подобные заведения были устроены на единый манер — парадная лестница для приёмов, гостиная с удобными кожаными креслами для чтения газет и журналов, столовая, библиотека, зал для карточных игр, комната для гостей и курительная.

Лорда мало интересовала игра, поэтому пообедав, он уселся в гостиной с газетами в ожидании Мортланда, и не успел ещё в полной мере погрузиться в чтение, когда на пороге комнаты появился герцог.

Кавендиш с легким неодобрением окинул его фигуру в безукоризненном, но с искусственно созданным эффектом легкой поношенности чёрном фраке, который совсем недавно ввел в моду Джордж Браммелл. Лорд считал, что такому высокопоставленному господину, как Мортланд, все-таки нет необходимости подражать, неизвестно по какой причине забравшему власть в высшем свете простолыдину Браммеллу. Впрочем, делиться своими мыслями он ни с кем не собирался, встретив герцога доброжелательным кивком.

— Вы желали меня видеть, Кавендиш?

Лорд, не спеша, свернул газетные листы.

— Да, у меня к вам дело! Впрочем, я думаю, вы уже догадались, о чём пойдет речь?!

Мортланд, аккуратно подвернув полы фрака, пристроился рядом, с плохо скрытым раздражением уставившись на собеседника.

— Я думаю, что речь пойдет о предстоящем браке между моим братом и вашей дочерью! Но вы же знаете, что Томас в армии — идёт война!

Кавендиш мрачно хмыкнул.

— Я думаю, что при желании вы сможете устроить ему отпуск!

— Могу, — не стал отрицать герцог, — но что за спешка? До конца траура ещё три месяца!

— Пока суд, да дело, венчание состоится только через пару месяцев! А у меня есть свои резоны настаивать на скорейшем завершении нашего дела. Едва закончится траур, я сам намерен жениться!

Брови Мортланда удивленно взмыли вверх.

— Могу ли я узнать, на правах будущего родственника — кто та счастливица, на которой вы остановили свой выбор?

— Да, — тяжело вздохнул Кавендиш, — хотя я предпочел бы, чтобы мои намерения пока оставались тайной.

— Можете на меня положиться!

И все-таки, не смотря на заверения собеседника, лорд, прежде чем ответить, бесцельно пошелестел газетными листами. Мортланд с веселым изумлением наблюдал за волнением обычно сдержанного до равнодушия Кавендиша, гадая про себя, кого же избрал себе в новые супруги этот педант.

— Графиня дю Валльдэ!

— Юная леди Иннин?

Герцог даже растерялся при таком известии, вспоминая почти детскую прелесть очаровательной пятнадцатилетней француженки. Не такой он представлял себе избранницу лорда!

— Вас шокировал мой выбор? — лорд моментально уловил смущение собеседника. — Конечно, такая разница в возрасте! Но, с другой стороны, юная девушка осталась без средств к существованию и нуждается в опеке и защите, а я... я хочу сделать ещё одну попытку произвести на свет наследника.

— Да, — вынужден был согласиться Мортланд, — ваши доводы не лишены резона! Денег у вас хватает, чтобы позволить себе жену без пенни за душой, а она, в свою очередь, должна выполнить свой долг и родить вам сына. Но причем тут Томас и леди Лилиана?

Кавендиш недовольно покосился на собеседника.

— Сначала одна свадьба, и уже потом — вторая! — сухо заявил он. — Всё нужно делать разумно! Мне итак придется венчаться по специальному разрешению!

И здесь он был прав! Помолвка Тома и Лили продолжалась уже пять лет, и было бы смешно Кавендишу жениться первому, оставив дочь и дальше ждать своего постоянно откладывающего венчание суженного.

— Я согласен с вами! Том прибудет в Англию, едва появится такая возможность.

Мортланд торопился в 'Брукс' — там сегодня подбиралась интересная компания для игры в фараон, и поэтому не стал затягивать беседу.

— Значит, маленькая француженка скоро станет леди Иннин Кавендиш, — насмешливо хмыкнул он, едва покинув Уайтс, — интересно, будет она столь же скучной и добродетельной, как её предшественница? Готов заключить пари на всё свое состояние, что лорда ждут сюрпризы!

Лондонский Сезон по времени всегда соотносился с сессией парламента, которая могла начаться в любой момент после Рождества, в зависимости от того, насколько успешным был охотничий сезон. Обычно он начинался после пасхальных каникул.

В мае Сезон стартовал официально — начиналась ежегодная выставка королевской академии искусств. За выставкой следовал водоворот придворных балов и концертов, частных балов и танцев, вечеринок и спортивных состязаний.

Дерби, являющееся главным событием для всего общества, обычно проводилось в мае или июне, и по такому случаю даже прервались заседания парламента. А вот скачки в Аскоте организовывались в основном для элиты на третьей неделе июня, поэтому пик Лондонского сезона приходился, как раз на середину июня, между Дерби и Аскотом. В июле так же проводилась дико популярная в английском общества регата Хенли и состязания по крикету, ярыми соперниками на которых были студенты Оксфорда и Кембриджа, Итона и Харроу. А в августе высший свет покидал Лондон.

Увы, в тот год Кавендиши были вынуждены изменить своим привычкам и появиться в столице поздней осенью, во время так называемого 'Малого сезона', когда большинство их друзей и родственников всё ещё охотились в своих поместьях.

Их принудила к этому предстоящая свадьба.

Тейлор, наконец-то, сумел вырваться из армии на побывку, и две семьи поспешили воспользоваться этим обстоятельством. Кавендиш настаивал на венчании в собственном приходе, но Лили вовсе не хотелось и дальше скрывать свою красоту в деревне, и она настояла на обряде в лондонском приходе жениха в расположенной на Ганновер-сквер церкви Св. Георгия.

Прежде чем появиться в свете, Лили и Иннин по обычаю пришлось пройти через представление в Сент-Джеймском дворце. Этот дворец на улице Пэлл-Мэлл был основным местом пребывания королевского двора. И хотя придворные жаловались на тесноту и ветхость помещений, сюда стекались толпы дебютанток благородного происхождения, чтобы считаться официально принятыми в обществе.

Само "представление" хоть и занимало не более минуты, однако требовало тщательного планирования, и было ограничено столькими правилами, что миссис Элспет день и ночь твердила подопечным, как правильно себя вести.

Лили и Иннин должна была представить ко двору одна из кузин лорда — леди Элис Бертрам, находящаяся в близких отношениях с королевой Шарлоттой. И, конечно же, девушкам покоя не давали, то и дело напоминая, что они не должны оконфузиться и проделать всё необходимое не абы как, а непринужденно и безукоризненно.

О чем же шла речь?

Сама по себе церемония представления была несложной. Лорд-Гофмейстер выкрикивал имя юной леди, после чего та проходила к месту, где восседала королева, и делала глубокий "церемониальный" реверанс.

Вот с этим-то реверансом и были сопряжены все трудности. Это было нечто большее, чем простое приседание. Выполняя глубокий реверанс, представляемая леди так сгибала колени, что практически касалась ими пола, после чего, ещё и делала низкий поклон. Затем

делались реверансы в сторону каждого из присутствовавших членов королевской семьи, и бедняжка пятилась (ни в коем случае не поворачиваясь спиной к монарху!) на своё место. А ведь она же ещё должна была элегантно выпрямиться, и при этом не споткнуться о подол своего платья, не запутаться в шлейфе и не уронить цветы и веер, которые держала в руках.

На церемонию представления неофитки должна были появляться в "придворном платье", которое продолжало следовать моде ушедших лет и представляло собой весьма сложное сооружение с юбками на фижмах и с обязательным длинным шлейфом, крепящимся на плечах

Ох, и намучились девушки, учась управляться с трехметровым 'хвостом', чтобы делая реверанс, не запутаться в ярдах материи.

Инн и Лили, как ещё незамужних девиц должны были обрядить в белые платья с глубоким вырезом и короткими рукавами, но так как до конца траура ещё оставалось два месяца, то им пришлось облачиться в черный цвет, а голову украсить одиноким траурным пером.

В день представления ко двору наши волнующиеся дебютантки в сопровождении величественной леди Элис прибыли во дворец, имея при себе специальные карточки со своими именами. Всех ожидающих процедуры собирали в холодном и тесном зале, где едва можно было развернуться среди топорщившихся во все стороны дамских фижм, и причудливо струящихся словно змеи, хвостов шлейфов. Инн и Лили, зябко ежась в открытых платьях с короткими рукавами, утомленно ждали своей очереди. Наконец, распорядитель расправил на полу шлейф Лили, забрал у неё карточку с именем и передал её Лорду-Гофмейстеру, который должен был объявить имя нашей героини. Инн же продолжала дожидаться своей очереди.

Лили в точности так, как её и учили, прошла вперед и сделала глубокий реверанс перед королевой, едва удержав перья на голове, сделала реверанс перед ещё какими-то особами, на которых ей указали, и старательно попятилась, изо всех сил стараясь не запутаться в подоле.

' Господи, — подумала Лили, когда распорядитель уже уложил шлейф ей на руку, — как же всё это выдержит Иннин? Бедняжка никогда не отличалась особой ловкостью! Впрочем, вон какие толстые коровы справляются, а моя кухня все-таки более грациозна, чем большинство из присутствующих здесь дам!'

Она встала на своё место и в волнении наблюдала, как её сестра безукоризненно выполняет акробатически сложный поклон. И в тот момент, когда Лили уже облегченно перевела дух, черное перо в причёске кузины опасно накренилось, и испугавшаяся конфуза юная француженка вынуждена была неестественно выгнуть шею, чтобы удержать его на месте, поэтому только чудом не запуталась в шлейфе при отходе от королевской семьи.

За исключением этой маленькой шероховатости всё прошло хорошо, впрочем, посторонние ничего не заметили, тем более что позже Лили смогла тайком вернуть своевольное перо на место.

Теперь ничего не мешало двум девушкам считать себя полноправными членами английского высшего света. Обычно представленные обществу барышни могли посетить 50 балов, 60 вечеринок, 30 ужинов и 25 завтраков в течение одного Сезона.

Если девушка не выходила замуж в течение первых двух или трех Сезонов, то считалась неудачницей, а в 30 лет — безнадежной старой девой, но юным леди из семейства Кавендишей последнее не грозило. В этом доме светская жизнь барышень шла параллельно подготовке к свадьбе.

Лондонский особняк Кавендишей на Гровнор-стрит напоминал в те дни штаб действующей армии. Шныряли туда-сюда толпы народа — сбившиеся с ног посыльные, камеристки, портнихи, лакеи.

Спальни и будуары обеих девушек превратились в филиалы модных магазинов, где подобно изваяниям стояли две кузины, а вокруг них с булавками и кусками ткани передвигались орды портних. Срочно шились туалеты для приемов, первого дня свадьбы, второго и третьего, уж не говоря о таких тонких материях, как нижнее белье.

Инн и Лили, с затаённым от сладостного возбуждения дыханием, разворачивали папиросную бумагу, где лежали восхитительно пахнущие тончайшие шёлковые рубашки и панталоны, воздушные пеньюары, подобные паутине чулки.

— Какая красота!

Верткая француженка мадам Фуа, владелица одного из самых дорогих магазинов на Хай-стрит, кокетливо захихикала, сверкнув подведенными глазами.

— А вот это для брачной ночи мадемуазель!

Инн восхищенно прижала руки к груди при виде блестящего розового шелка полупрозрачной рубашки. Правда, сердце тоскливо ёкнуло при мысли о том, что Томасу Лили в этом туалете покажется неотразимой, и он прижмет её к себе, поцелует...

Боль была настолько острой, что она, вздрогнув, сурово запретила себе об этом думать. Но миссис Элспет вовсе не разделила восхищения своих воспитанниц.

— Что за глупости, — грубо отбросила она нежный шелк, — подобное бесстыдство не может носить девушка из приличной семьи. А вы, милочка, могли бы и понять, кто перед вами!

Француженка кисло поджала губы и открыла другую коробку. Там тоже лежала красивая, украшенная кружевами и лентами рубашка, но уже без скандального выреза и из более плотного шёлка.

— Вот, — удовлетворенно выдохнула старая дама, — то, что нужно! Женщина должна помнить о стыдливости при любых обстоятельствах!

Девушкам показалось, что мадам Фуа, что-то хочет сказать, но в последний момент передумала, поймав предостерегающий взгляд их наставницы.

В общем, это было сумасшедшее время. Кавендиш только досадливо морщился, получая всё новые и новые счета, но не укорял дочь за траты. Мало того, он лично подарил Инн к первому выходу в свет премилое ожерелье из бледно-фиолетовых аметистов, из-за которых её глаза приобрели фиалковый оттенок.

Первый показ двух дебютанток пришелся на премьеру 'Нищих' в Ковент-гарденской опере.

Лили страшно волновалась, хотя их и пригласили в свою ложу тетки по отцовской линии мисс Мэри и Кэтрин Сэтвидж — высохшие и злые на язык вечные барышни. Они окружили Лили преувеличенным вниманием, усадив впереди, Инн же с миссис Элспет, не переваривающей сестер, достались кресла за их спинами.

Зал был плохо виден из-за перьев в высокой прическе мисс Сэтвиж, но счастливая француженка сумела так ловко изогнуться, что все-таки увидела сцену. Она была полна радостных предвкушений, по-детски радуясь всему, что видела — и роскошному, отделанному золотом и бархатом залу, и модным нарядам красивых дам, но самое главное разворачивалось там — на сцене с красным бархатным занавесом.

По заведенному в свете обычаю, леди приехали в оперу с солидным опозданием, но

Тейлор прибыл вообще к концу второго акта. И хотя сестры Сэтвидж возбужденно загалдели, предлагая ему сесть рядом с невестой, лорд решительно отказался, пристроившись рядом с замершей от волнения Иннин. Её обожгло огнем ненужных воспоминаний, когда ноздрей коснулся навсегда въевшийся в память запах 'кельнской воды', руки сразу же задрожали, и ей стоило огромного труда удерживать на лице маску показного безразличия. От радостного возбуждения не осталось и следа.

В антракте после второго акта в ложу заглянул и сам Мортланд, вызвав ещё больший переполох среди дам. Миссис Элспет испепелила гневным взглядом обрадованную Лили.

— Вы опоздали, ваша светлость, — укорила герцога сестра, — и лишили себя возможности не только побыть в нашем обществе, но ещё и послушать столь великолепную музыку! Мы в восторге, правда, Инн?

Девушка только тяжело вздохнула — даже скорая свадьба никак не утихомирит сестрицу, и та все ещё на что-то надеется.

— Мне понравилась музыка! — уныло подтвердила она.

— А мне больше нравятся пятнадцатилетние девушки с фиалковыми глазами!

Инн подозрительно покосилась на герцога, ища скрытого подвоха, но тот уже пристально высматривал кого-то в партере. Наверное, это был обычный светский треп, о котором их столько раз предупреждала наставница, значит, и ответить нужно соответственно.

— Мне скоро шестнадцать, — обмахнулась она веером, — надеюсь, ваше доброе отношение ко мне не исчезнет после дня рождения?

Тейлор издал странно короткий смешок. Лили пошла бурыми пятнами, а старые девы о чем-то возбужденно зашушукались. Мисс Элспет же преувеличенно придирчиво разглядывала какое-то пятнышко на своей перчатке. Зато герцог лениво заверил:

— Можете быть уверены в моем расположении, и когда вам минует пятьдесят!

Что её ждало дома!

— Незачем распускать язык, реагируя на любой комплимент джентльмена, — чуть не съела её мисс Элспет, — да ещё заигрывать с ним! Эти старые клячи Сэдвиж теперь будут молоть с утра до ночи своими длинными языками, что у вас с герцогом что-то есть! Не дай Бог дойдет до Кавендиша!

Инн ничего не понимала, но последняя угроза на неё подействовала.

— Дядя может рассердиться?

— Какой он тебе дядя? Лорд — твой благодетель, взваливший на себя опеку над совершенно несносной девчонкой. Каково ему будет узнать, что ты кокетничаешь с герцогом? Мало ему Лили, так теперь и в твою голову залетела эта блажь? Ты хоть понимаешь, что всем ему обязана, даже куском хлеба?

Девушка расплакалась от несправедливости обвинений.

— Я не кокетничала с герцогом, — всхлипывала она, — он мне ничуть не нравится. Я просто пыталась вести светскую беседу, как вы нас учили.

— Я не учила тебя заигрывать с мужчинами!

— Но я...

— Стыдно, леди, очень стыдно!

Другой не менее неприятный разговор состоялся с Лили. Расстроенная Инн только приготовилась ко сну, натянув чепчик на волосы, и уже готова была потушить свечу, когда дверь скрипнула, и Лили в одной ночной рубашке появилась на пороге. Кузина не кричала

на неё, молча забравшись на кровать. Инн, при виде мрачного лица сестры, поспешно заняла место рядом.

— Мне не нравится Мортланд! Клянусь тебе! — заранее постаралась она предотвратить возможные упреки.

— Да знаю я, — досадливо оборвала её Лили, — зато этот противный Тейлор чуть не лопнул от смеха! Знаешь, джентльмены ходят в оперу не для того, чтобы слушать музыку и пение! Их интересуют только сами актрисы!

— Почему? — изумилась Иннин.

Лили тяжело вздохнула.

— Они ищут среди них себе любовниц!

Юная француженка недоверчиво хмыкнула:

— А тебе-то откуда об этом известно?

— У меня куча кузин, и будь уверена, мы — английские девушки прекрасно знаем, что на уме у наших мужчин. Так вот, они любят покупать себе легкомысленных девиц.

— Но зачем?

— Не знаю, — недоуменно пожала плечами Лили, — наверное, чтобы с ними весело проводить время! Говорят, что у Мортланда всегда имеется любовница. Где-то в городе у герцога есть роскошный дом для этих женщин, ведь он так богат, что может выполнить любую прихоть своих метресс...

Инн очарованно слушала эти слова — надо же! Любую прихоть!

— ...осыпает драгоценностями, не скупится на самые модные туалеты, покупает дорогие экипажи! Мне рассказывали, что ему нравится появляться на маскарадах и публичных балах с этими разодетыми в пух и прах особами.

— Их что, много?

— Конечно, — голос девушки поражал грустью, — его светлость — враг однообразия! И он может покорить любое женское сердце!

Уж это вряд ли! Бедная влюбленная Лили приписывает своему идеалу вовсе не присущие ему достоинства. Инн ласково погладила покрытую чепчиком голову кузины.

— Лили, это же всё падшие женщины! Неужели ты ревнуешь?

— Нет, но знаешь, — Инн с неловкостью увидела, как сотрясаются от рыданий плечи кузины, — я бы хотела узнать, что у них происходит? Почему так странно устроен мир? Блудница может быть свободной в своих желаниях, а леди — нет! Разве это справедливо?

Инн прикусила губу. Она однажды пошла на поводу у своих желаний, и теперь не было и часа, чтобы не страдала от боли, но зачем об этом знать невесте её возлюбленного?

— Давай спать, — устало предложила она, — и пусть герцог делает всё, что захочет. Я не думаю, что тебе надо о нем сожалеть.

Она уже засыпала, когда до её слуха донесся тоскливый голос кузины.

— Инн, вот Томас женится на мне только из-за моего приданого, а каково быть женщиной, ради которой мужчина сам готов потратить целое состояние? Это, наверное, очень приятно?

Инн не стала отвечать кузине и вскоре уже спала. Станный сон снился ей. Мерещилась мраморная лестница в каком-то доме, украшенная коврами и вазонами с ярко алыми розами, расшитый золотыми цветами персиковый шелк стен, переплетение тел греческих богов на потолке, с великолепной хрустальной люстрой. И бледный свет луны падал из огромных окон на стоящий посереде пустого зала белый рояль...

Мортланда очень заботило, как к его будущей невестке отнесется высший свет. И причины опасаться у него были.

— Надеюсь, нас не разорвут на части дамы из 'Олмакса'! — горько вздыхал он, составляя списки приглашенных на свадьбу. — Ведь формально время траура ещё не прошло, но с другой стороны, гарпий должно смягчить, что после свадьбы новобрачный будет вынужден вернуться на войну!

'Олмакс-клуб' на Кинг-стрит был открыт ещё в 1765 году. Его называли 'седьмым небом модного мира', и когда-то он славился своей открытостью и аполитичностью, потому что туда принимались женщины. Это сделало клуб весьма популярным в высшем свете. Но к началу XIX века неформальная власть в 'Олмаксе' стала принадлежать группе из десяти высокородных леди. Эти когда-то ослепительные красавицы за долгие годы своего членства успели превратиться в ворчливых и придирчивых старух, и теперь словно Церберы наблюдали за строгим соблюдением этикета в среде английской аристократии. Надо сказать, что помимо британских аристократок, в его совет входили также австрийская принцесса Эстерхази и русская графиня Ливен. Дамы придирчиво отслеживали, чтобы залы 'Олмакса' посещали только люди, придерживающиеся 'хорошего тона'. Правило расплывчатое и неопределенное, поэтому патронессы выбирали посетителей своих сред по собственным правилам, практически недоступным обыкновенной логике. Но даже если избранные ранее, чем-то им не угоджали, несчастных сразу же подвергали презрительному и громогласному ostracismu.

Вот Мортланд и переживал, как этот десятиглавый дракон среагирует на происходящее в его семье, и попросил миссис Элпет тщательнейшим образом подготовить Лили к представлению в 'Олмакс-клубе'.

Билеты были недорогими, но по правилам 'Олмакс-клуба' каждый из его членов мог пригласить не более одного гостя. Кузина лорда Кавендиша леди Сара Бенет обратилась с просьбой к леди Джерси, возглавляющей совет патронесс, чтобы в виде исключения ей разрешили привести на бал сразу двух подопечных, и вышеупомянутая леди после совещания с остальными дамами все-таки снизошла к её просьбе.

Лорд Кавендиш в сомнении покрутил перед носом заветные билеты.

— Будьте осторожны, — хмуро предупредил он сестер, — недовольство этих дам сродни приговору судьбы, и обжалованию не подлежит! Следите не только за каждым словом, но и за каждым жестом!

Надо сказать, что жизнь внутри стен 'Олмакса' кипела. Ведь не для того, чтобы праздно сидеть у стены, посещали это место избранные представители английского бомонда. Каждый пытался добиться своего: молодые девушки выглядывали себе подходящих женихов, дамы постарше активно интриговали и умело сплетничали, мужчины обсуждали политические новости, и если были к тому же холостыми, так же заинтересованно приглядывались к 'ярмарке невест'.

Лили и Иннин появились в вожаделенных залах не только в сопровождении леди Сары, но ещё и присоединившегося к невесте Тейлора. Не сказать, чтобы обрученным доставило особую радость находиться рядом, особенно когда леди Сара, подцепив за руку Иннин, нарочно оставила их одних.

Конечно, дама хотела только добра жениху и невесте, но они были очень далеки от проявлений ни то что нежности, но и даже обыкновенной вежливости, молча застыв рядом друг с другом. Томас внимательно осмотрел фланирующую толпу и сразу же заметил скучающего возле лорда Уотли 'красавчика' Джорджа Браммеля.

Тейлор насмешливо покосился на замкнутое лицо невесты, и недобрая улыбка исказила его губы.

— Дорогая, — вкрадчиво обратился он к Лили, — я хотел бы вас познакомить с моим лучшим другом Бо Браммелем!

Надо сказать, что Браммель часто бывал в 'Олмаксе'. Именно он в свое время ввел моду на обязательный костюм для посещения его залов. Джентльмену полагалось носить фрак, белый шейный платок и свернутую шляпу-треуголку, черные бриджи до колен с шелковыми полосатыми чулками и бальные туфли-лодочки, и ни в коем случае не длинные панталоны. Ослушников могли вообще не пустить на бал, и многие джентльмены, не смотря на знатность рода, были подвергнуты такому наказанию. Злых и язвительных замечаний 'короля' денди опасались все дебютантки, потому что он одним словом мог разрушить их старательно вылепленный заботливыми матушками и портнихами имидж многообещающей невесты.

Не подозревающая о ловушке, подстроенной женихом, Лили спокойно подошла к двум мужчинам, не удостоив их даже особенным вниманием.

— Позвольте вам представить мою невесту, джентльмены, — между тем поклонился незнакомцам Тейлор, — леди Лилиана Кавендиш!

— Бо Браммель и задира Уотли, дорогая!

Лили несколько удивилась такой форме представления, но так как была не самого высокого мнения о своём женихе, то скрыла своё замешательство.

Между тем, представленные господа, не скрываясь, изумленно пялились на неё, словно она была невесть откуда попавшим на бал жирафом.

— И это та самая девица, — наконец, лениво процедил сквозь зубы Браммель, — ради которой ты готов потерять свободу? Её платье, какого-то нового цвета. Оттенок 'морковь', если я не ошибаюсь?!

Лили бросило в краску, и она смущенно оглядела свое бледно-персиковое шёлковое платье, тщательно отобранное для посещения 'Олмакса' на семейном совете. И причем здесь морковь? Несколько с опозданием, но всё же до девушки дошло, что столь изощренным способом её пытаются поставить в неловкое положение.

— Вы, наверное, никогда не видели морковь? — холодно осведомилась она. — Раз не можете отличить её от персика!

Но, похоже, щеголя ничуть не задела её слова, потому что он только пренебрежительно хмыкнул:

— Тебе на редкость повезло, Тейлор! Ты свяжешь свою жизнь с леди, хорошо разбирающейся как в моркови, так и в персиках!

Их взгляды скрестились, и Лили поняла, что перед ней какой-то невиданный наглец, которого ничем не проймешь.

Неизвестно, что было дальше, если бы леди Сара вдруг не заметила свою подопечную рядом с одиозным Браммелем. Зная, чем это чревато для репутации девушки, дама в ужасе кинулась на выручку племяннице, таща за собой и едва поспевающую Инн.

— Джентльмены, — запыхавшись, решительно вторглась она в беседу, — очевидно, за

разговором, вы не расслышали объявления о начале танцев? А между тем, лорд Тейлор, леди Иннин записана вашей партнершей на первый танец!

Вообще-то, это не соответствовало истине, но в случае отрицания, дама всегда могла сослаться на забывчивость, поэтому она мало чем рисковала, прерывая столь опасный разговор.

Тейлор не стал возражать, а растерявшуюся от такого поворота дела Лили неожиданно повел в танце лорд Уотли.

Обычно партнера для первого танца дебютантки подбирали сами дамы-патронессы, но исходя из того, что леди Лилиана уже была обручена с Тейлором, они записали её в паре с женихом. Иннин так же предназначался какой-то молодой человек, но почему-то он, то ли не прибыл, то ли не успел перехватить леди Сару с подопечной до начала танцев.

Так что две столь неожиданно выстроившиеся пары мало понравились дамам-патронессам, увидевшим в этой недопустимой вольности угрозу своим прерогативам. И хотя леди Сара Бенет немедленно извинилась перед устроительницами, посетовав на мучающую с утра мигрень, её уловки никого не ввели в заблуждение. До всех дошло, что таким образом дама хотела оградить племянницу от нападок Браммеля, искусно выведя юную леди из-под огня его злословия.

И озадаченная леди Джерси немедля подозвала известного законодателя мод.

— Вы разговаривали с юной Лилиан Кавендиш, и как она вам?

Тот брезгливо сморщил нос.

— От неё несёт капустой!

Овощами в ту далекую эпоху аристократы высокомерно пренебрегали, и упоминание капусты напрямую указывало на вульгарные манеры деревенщины.

Любой другой дебютантке подобный отзыв нанес бы колоссальный вред, но лорд Кавендиш был постоянным партнером лорда Джерси по карточному столу, а последний уже не раз выказывал жене недовольство её излишней придирчивостью к потенциальным членам 'Олмакс-клуба'.

— Дорогая, я получаю уже пятый вызов на дуэль из-за твоего отказа дать членский билет очередной претендентке! До поры до времени, я отделялся шутками, но кто знает, что будет дальше? Неужели ты настолько жаждешь остаться вдовой?

Но, скорее всего, она бы и в этот раз пропустила мимо ушей ворчание благоверного во имя чистоты рядов 'Олмакса', если бы не готовилась к неприятному разговору с мужем по поводу собственного немалого карточного долга.

— К сожалению, — скрипя сердцем, дама вынуждена была заступиться за несносную девчонку, — из-за смерти матери юная леди прошедший год безвылазно провела в деревне!

— Леди Элизабет, упокой Господь её душу, была самой скучной женщиной на свете! Рассказывают, что как-то на её приеме с десятков гостей молча просидели три четверти часа, потому что она не нашла темы для разговора! Если дочь пойдет в мамашу, то вряд ли сия девица послужит украшением 'Олмакса'!

Пусть и спустя годы, но Браммель довольно подло отомстил Кавендишу за язвительное замечание о его тактичности. Леди Джерси отошла от него в сильной задумчивости, твёрдо решив, что хотя окончательно двери закрывать перед юной Кавендиш 'Олмакс' не станет, но и в постоянных членах клуба той никогда не бывать.

А Лили, между тем, и не подозревала, что все её тщеславные мечты об успехе в свете уже потерпели сокрушительное фиаско из-за пары нелюбезных фраз с каким-то Браммелем.

Зато девушку вел в танце нарочито улыбающийся лорд Уотли, прекрасно осознающий это обстоятельство.

Обычно в 'Олмаксе' танцевали хороводом шотландский рил или английский чинный контр-данс. Даже полонез и тот был под запретом, из каких-то очень умозрительных соображений об оскорблении чести и достоинства портретов предков, мимо которых будут вереницей следовать пары танцующих.

— Леди Лилиана, вы, наверное, никогда не покидали деревни? — продолжил ерничать Уотли в разговоре между фигурами контр-данса.

Но теперь девушка сообразила, что в этом простом вопросе есть подвох, поэтому молниеносно парировала:

— Если тема деревни столь вам интересна, то прикажите кучеру довезти вас до родового поместья! При условии, конечно, что такое существует!

Уотли с интересом покосился на собеседницу.

— Существует! Но моя семья предпочитает Лондон!

— Даже во время охоты на лис?

Фигура танца разделила их, а когда они сошлись, партнер сменил тему разговора:

— Хотите совет, леди Лилиана?

Девушка недоуменно вскинула глаза на молодого человека.

— Да, если вы раздаете советы!

И лорд Уотли неожиданно даже для себя самого дал наивной дебютантке действительно хороший совет:

— Скупитесь на слова, словно каждое на вес золота, и всегда улыбайтесь, особенно, когда хочется плакать!

Когда контр-данс закончился и все вернулись на свои места, Уотли вновь встретился с Браммелем.

— Зачем Тейлору понадобилось так подставлять свою невесту? — задумчиво поделился с приятелем лорд. — Вряд ли он сомневался, что тебе не понравится девушка!

'Красавчик' пренебрежительно покосился на наивного приятеля.

— Конечно, Тейлор прекрасно знал, чем закончится это знакомство! Но ему мало нравится навязанная Мортландом невеста, и если я хоть что-нибудь смыслю в женщинах, юной Кавендиш жених также не по вкусу!

Уотли оглядел зал, с трудом отыскав в толпе леди Сару Бенет с дебютантками.

— Со стороны Тейлора такое поведение, как минимум, безрассудно! Эта девушка живого нрава, да и собой весьма недурна, поэтому вряд ли захочет терпеть навязанную ей женихом роль туповатой пейзажки!

Браммелль слегка оживился, ровно настолько, чтобы не выходить из тщательно лелеемого образа пресыщенного и скучающего сноба.

— Пари? Сколько ты поставишь на то, что девчонка наставит рога Тейлору в ближайшие же месяцы?

— Я не против пари, но как мы узнаем об адюльтере? Не думаю, что леди Лилиана настолько глупа, чтобы рассказывать о своих интрижках всем, желающим слушать!

— Тогда заключим пари на соблазнение будущей маркизы! Запишем условия в 'Закладной книге' 'Брукс' и посмотрим, кто захочет присоединиться! Если сумма окажется достаточной, думаю, желающие украсить герб Тейлоров ветвистыми рогами найдутся, и в большом количестве!

— Если мы объявим о пари в 'Брукс', то есть большая доля вероятности, что это дойдет до Мортланда, и он с девчонки глаз не спустит!

Браммель немного подумал, а потом чуть усмехнулся.

— Тогда тайный тотализатор, у Тейта!

Уотли недовольно поморщился.

— Тейт берет высокий процент за посредничество!

— Зато он гарантирует полную конфиденциальность и высокие ставки!

И через несколько часов после описанных событий был дан старт охоте на девушку.

Впрочем, Лили было не до этих безобразников, она готовилась к свадьбе.

Как часто в те дни измученная Инн наблюдала, как мечется по спальне ожесточенная и злая Лили. Юная француженка оступела от боли и угрызений совести, и теперь только и могла, что подавленно молчать в ответ на истерики сестры.

— Я не хочу выходить за него, не хочу! Он специально выставил меня в 'Олмакс' дуручкой, не предупредив о злом языке Браммеля! — кричала сестра.

Иногда её кидало в диаметрально противоположную сторону, и Инн зачастую было сложно уследить за ходом мысли отчаявшейся девушки:

— Инн, где же справедливость? Ладно, я была бы какой-нибудь страшной уродиной или мерзкой жеманницей! Что во мне не так, почему Тейлор меня ненавидит? Неужели не понимает, что я не виновата в сговоре отцов, что я бы рада не выходить за него, но...

Вот и накануне свадьбы Лили вдруг неожиданно посетила новая идея.

— Может, мне сбежать из дома? С моими талантами я бы смогла стать выдающейся певицей, великой актрисой, такой как Сара Сиддонс. Говорят, что когда она входила в гостиные, то вставали даже короли! Я бы играла на лучших сценах Англии, и тогда и Тейлор, и Мортланд пожалели бы, что так обходились со мной!

Инн даже застонала от головной боли.

— Лили, дорогая! Завтра у тебя венчание. Предстоит очень тяжелый день — давай же уляжемся, наконец-то, спать!

Но кухня была далека от того, чтобы отойти ко сну.

— Я боюсь, — вдруг честно призналась она, — боюсь того, что со мной завтра ночью сделает Тейлор!

Стоило об этом подумать самой Инн, как она ощутила подкатывающуюся к горлу тошноту. Лили и Томас в одной кровати? Нет, только не это — она не хочет об этом думать, она не хочет этого слышать!!

— Сегодня со мной разговаривала на эту тему миссис Элспет! — сестра скользнула к ней под одеяло, и Инн с неловкостью почувствовала на своей щеке её взволнованное дыхание.

— Что же она сказала?

— Самые дельные вещи, как всегда! Мол, джентльмен будет настойчив, а я должна смиренно вынести боль и прочие гадкие поползновения распалившегося самца ради счастья иметь детей. Неужели всё и впрямь столь мерзко? Как ты думаешь?

— Этого не может быть, — смущенно уверила её Инн, — я не знаю, в чём там суть дела, но тогда бы женщины ненавидели мужчин, а не стремились завоевывать их сердца. Вспомни свою мать, разве она не любила твоего отца?

Лили нервно потерлась щекой о её ладонь.

— Я не знаю..., - растерянно пробормотала она, — даже если они когда-то и делили постель, то мне ничего об этом неизвестно.

— Тётя любила дядюшку! И тебя полюбит твой муж. Пусть сейчас Тейлор выражает недовольство, потому что ему не нравится, как герцог давит на него, но потом..., - она с трудом проглотила болезненный комок в горле, — у вас будет своя семья, дети, общие интересы. Вы привыкните и полюбите друг друга!

Лили притихла, но потом вновь с горечью заявила.

— Когда нам привыкать друг к другу, когда он через две недели отправляется на войну? А меня заставляют жить в доме старой герцогини. Представляешь? Ты поедешь со мной?

Инн медленно покачала головой.

— Не думаю, что это было бы уместно!

Сестра нервно затеребила кончик косы.

— А вдруг, — мечтательно протянула она, — что-нибудь произойдет, какое-нибудь чудо, и венчание сорвется? Или Мортланд прямо в церкви осознает, что я его судьба и...

— Похитит тебя? Или оттолкнет брата и встанет с тобой у алтаря? Тебе самой не смешно?

Лили вновь затихла, рассеянно поигрывая пальцами сестры.

— Я тебя люблю, — неожиданно заявила она, — и незачем тебе выходить замуж за неизвестно кого! Когда у меня, наконец-то, появится собственный дом, я возьму тебя к себе. Будешь жить с нами, помогать с детьми и по хозяйству.

Инн чуть не поперхнулась. Хорошенькое будущее уготовила ей кузина! Но, с другой стороны, она ведь искренне желала нищей родственнице добра.

— Спасибо, дорогая! — юная француженка насильно заставила себя поцеловать кузину в бархатистую щеку. — Но я не знаю, уживусь ли с твоим мужем? Пусть всё идет, как идет!

Как же ей хотелось остаться одной, помолиться своей Мадонне, попросить у святой сил выдержать завтрашнюю церемонию, но, увы, беспрестанно болтающая Лили так и заснула в её постели.

Утром не выспавшиеся и с больной головой сестры начали готовиться к венчанию.

Как всегда в таких случаях, всё шло кувырком. Инн, лично помогая сбившимся с ног горничным, подшивала вдруг неизвестно почему за ночь удлинившийся подол роскошного платья из белого воздушного шелка с многометровым шлейфом позади, который должны были нести четыре девочки-подростка — какие-то очередные кузины в розовых платьях. Все эти ярды ткани путались, мялись, не хотели слушаться людей. Девчонки капризничали и просили то пить, то поправить им пояса или чулки. Сверкающий, расшитый жемчугом подвенечный вуаль почему-то упрямо топорщился и не хотел красивыми складками облегать сложную прическу невесты, а украшавшие глубокий вырез платья лилии завяли и пожелтели.

Лили злилась, психовала, и изо всех сил мешала сбившимся с ног модисткам и прислуге исправлять недочеты.

Когда карета невесты прибыла к церкви Св. Георгия, жениха ещё не было, и лорд приказал остановиться, не доезжая паперти. Лили вновь начала беситься от злости.

— Я уверена, что Тейлор делает это специально, чтобы позлить и помучить меня!

— Заткнись! — презрительно одернул её отец. — Держи себя в руках! Сейчас они подъедут. Герцог притащит брата под венец, даже если тот будет при смерти. Мы слишком много сделали для этой свадьбы, чтобы терпеть ваши с Тейлором выходки.

Иннин сидела, откинув голову на спинку сидения и прикрыв глаза. Ей хотелось, чтобы всё быстрее закончилось. Пусть бы между ней и Томом выросла непреодолимая стена, пусть бы скорее исчезли эти грешные, ни на чем не основанные надежды. Только бы у неё хватило сил, только бы хватило...

У Инн от свадебного обряда остались смутные воспоминания. Вопреки ожиданию ей не было больно. Казалось, что всё происходит во сне — и шествующая вдоль прохода переполненной людьми церкви нереально прекрасная Лили, и сопровождающий дочь Кавендиш, и ждущий невесту у алтаря сухо улыбающийся Тейлор, и маячивший рядом с

братом скучающий герцог.

Красивая музыка церковных гимнов, прочувствованные слова священного обряда, и благоговейное молчание присутствующих. Боль пронзила её только раз, когда губы Тома и Лили встретились.

Инн, уже больше по привычке усевшись в дальнем конце придела, крепко зажмурила глаза. 'Это пройдет, — твердила она себе, спрятавшись за прохладным мрамором колонны, — смерть отца, тети, потеря Томаса... Господь даст мне сил вынести и это!' И Инн, забыв, что находится в протестантском капище, с мольбой устремила взор вверх, под купол храма. Наверное, никогда ещё англиканский собор не слышал под своими сводами горячей молитвы юной отчаявшейся католички.

— Иннин, дорогая, что ты здесь делаешь?!

Миссис Элспет с удивлением воззрилась на съезжившуюся в комок воспитанницу.

— Бедное дитя, — сочувственно вздохнула она, — надо взять себя в руки. Не волнуйся, и у тебя всё будет хорошо, а сейчас Лили и Томас уезжают на свадебный завтрак во дворец Мортландов. Ты должна пожелать им счастья!

Миссис Элспет бережно сжав плечи воспитанницы, помогла ей встать.

Инн медленно вышла на залитую солнечным светом паперть. Здесь ещё толпились последние из пожелавших поздравить молодоженов гостей, остальные уже выстроились, образуя проход к свадебному нарядному экипажу. Девушка попыталась трусливо затесаться среди них, когда рука дядюшки вытащила её из-за чужих спин и вытолкнула вперед.

Инн заглянула в тоскливые глаза кузины. Для посторонних новобрачная выглядела превосходно — прекрасная и спокойная, и никто бы не смог предположить, что ещё ночью она мечтала об отмене свадьбы и замене одного жениха на другого, но Инн знала, какого труда стоит Лили эта показная невозмутимость.

— Сестрица, — прижалась она губами к разрумившейся щеке, — братец! Поздравляю и желаю вам счастья!

Слова давались ей с трудом, как будто кто-то напихал в рот сухой ветоши.

— Инн, — Лили порывисто обняла её и горячо поцеловала, — я люблю тебя!

Наша героиня, облегченно вздохнув, отступила за спину дядюшки. Прощальные поцелуи и разговоры, казалось, никогда не закончатся. Но вот, к величайшему счастью измученной девушки, Лили с мужем, наконец-то, уселись в открытый экипаж. Им вслед устремилось облако риса и конфетти, и гроыхающая пустыми банками коляска тронулась в путь.

На девушку вдруг обрушилась неожиданная пустота — некого больше любить, не о чем мечтать, и не на что надеяться.

— Неужели! — раздался счастливый голос за спиной Инн. — Дорогой Кавендиш, вы не представляете, как я рад, что все осталось позади и желание моего отца выполнено!

Дядюшка хмуро покосился на герцога.

— Да, — кратко согласился он, — но я все-таки надеюсь, что ваш брат выкажет своей жене больше чувства, чем выказывал невесте!

— Разумеется, — жизнерадостно рассмеялся Мортланд, — в этом не может быть никаких сомнений! Встретимся на приеме, Кавендиш!

— Конечно, хотя, право слово, предсвадебные хлопоты так утомили меня...

— Хотелось бы выпить за счастье новобрачных!

— Обязательно, хотя на завтра я записан на прием к архиепископу Кентерберийскому, и мне бы хотелось вести разговор с ясной головой.

— Всё-таки, берете специальное разрешение?

— Думаю, так будет лучше. Если вся моя родня окажется перед свершившимся фактом, то я потрачу гораздо меньше нервов, опекая свою жену от наскоков той же Лили!

Инн почувствовала, что заболевает — сколько можно для одного дня?! Неужели никогда не прервется эта цепь несчастий? Она тихо стояла, опустив глаза на сложенные на животе руки, и обреченно ждала, когда же герцог, наконец-то, удовлетворит свое неумное любопытство касательно женитьбы дядюшки. Её силы были на исходе! И тут Мортланд обратился к ней:

— Леди Иннин, а чтобы вы хотели получить в подарок к свадьбе?

Инн измученно взмахнула ресницами в его сторону — нашёл время для издевок!

— Жениха! — процедила она сквозь зубы.

Против ожидания мужчины весело рассмеялись.

— Вы просто прелесть! Это ваше галльское остроумие... Я знаю, что вам подарю — в книжном магазине Хайта видел подборку книг вашего отца. Умер какой-то английский знаменитый археолог, и наследники не нашли ничего лучшего, чем выставить его библиотеку на продажу.

Это было последней каплей в море её сегодняшних страданий. Напоминание об отцовских книгах сразу же вызвало в памяти озаренное свечами, склонившееся над рукописью лицо родного человека.

— Папа! — прошептала она немеющими губами.

Земля вдруг оказалась очень близко, а голова невероятно тяжелой, и сознание милосердно покинуло измученную девушку.

ПРИЗНАНИЕ

Очнулась Инн уже в собственной постели от тихих голосов.

— Что это с ней, мисс Элспет? — послышался встревоженный голос Кавендиша. — Неужели одно только упоминание имени отца заставило её лишиться сознания? Рауль, конечно, был добрым малым, но он никогда особенно не заботился о девочке, весь в плену своих фантазий и увлечений. Если бы не мы с покойной Элизабет, она бы выросла невоспитанной дикаркой.

— Мне кажется, — таинственно прошептала миссис Элспет, — Инн болезненно перенесла свадьбу кузины. Они так привязаны друг к другу, и ей тоже, как и сестре, захотелось замуж. Вы должны поговорить с ней — хватит держать девушку в неведении, о выпавшем на её долю счастье. Она так любит вас, что с восторгом примет ваше предложение!

— Может, вы и правы, дорогая! Но не будем особенно торопить события. Сначала я все-таки поговорю с архиепископом, чтобы точнее установить возможные сроки венчания.

— Вы как всегда правы, Джордж!

Голоса, прошелестев над головой, затихли, и измученная Иннин опять погрузилась в глубокий сон. Свет луны вновь лился на белый изящный рояль, чернели на начищенном до блеска паркете переплеты окон и таинственные тени узловатых деревьев. Всё переливалось, и, мерцая, светилося лунным серебром.

Пробуждение было неприятным. Болела голова, резало глаза, ничем не хотелось заниматься, хотя дел накопилось немало. Нужно было вместе с горничными привести в порядок комнаты Лили — разобрать одежду, куски тканей, ленты, безделушки. Что-то сложить и отправить в особняк Мортландов, что-то упаковать в сундуки на вечное хранение.

Горничные беспечно болтали о вчерашней свадьбе. Инн хотела их оборвать — мысль о том, что ночь Лили и Тома осталась позади, вызвала в ней стойкую тошноту и одновременно облегчение, но сурово одернула себя. Она не будет об этом думать.

И вот, когда наша героиня по самое колено завязла в шуршащих кипах платьев кузины, дверь в гардеробную открылась, и дворецкий внес огромный букет оранжерейных лилий, сразу же наполнивших комнату удушливым, сладковато-пряным ароматом.

— Это вам, миледи!

Инн, удивленно задрав брови, вытащила из середины букета карточку с золотым обрезом.

— 'Если захотите меня убить, то только выберите оружие, и я покончу с собой! '

Как не паршиво было у неё на душе, эта шутовская выходка вызвала короткий смех. Мортланд!

— Посыльный спрашивает — будет ли ответ? — неодобрительно спросил дворецкий.

— Будет! — решила Инн.

После долгих поисков в кучах разнообразного барахла, она все-таки смогла найти почти высохшую чернильницу и бумагу. 'Хлопушка и конфетти!'

И, отдав записку недовольно сопящему дворецкому, девушка вновь погрузилась в работу.

— Ничего, — мудро сказала она себе, — ни я первая, ни я последняя! С Библейских

времен девушки отдают своих возлюбленных соперницам. Что ж теперь поделаешь? Всё проходит, пройдет и эта боль! А если и останется, то буду жить с ней. В конце концов, радуется хотя бы то, что ничего худшего со мной произойти уже просто не может!

Ближе к вечеру в доме появился лорд Кавендиш. Инн сразу заметила, что он недоволен:

— Кто прислал тебе цветы, дорогая? Ты что, завела поклонника?

Девушка удивилась, услышав в его голосе откровенно ревнивые нотки.

— Это Мортланд, — тихо пояснила она, — извинялся за мой обморок!

Дядюшка повеселел прямо на глазах.

— Как ты себя чувствуешь? Голова не болит?

— Спасибо, хорошо! Я разбираю вещи Лили, чтобы отправить их в особняк

Мортландов.

— Я только что оттуда! Лили спрашивала, почему ты не нанесла им визит, но я сослался на твое плохое самочувствие. Нужно отдохнуть после суматохи последних дней!

— Благодарю вас, дядя!

Кавендиш чуть нахмурился и подался вперед, тяжело придавив ладонью руку собеседницы

— Инн, не зови меня дядей! В конце концов, мы не кровные родственники, ты была двоюродной племянницей покойной Элизабет!

— Хорошо, милорд! — покорно согласилась Инн, мало понимая, почему именно сейчас он решил напомнить об этом.

Дядя между тем, испытывающее оглядывал лицо девушки.

— Сердечко моё, нам нужно кое-что серьезно обсудить!

У нашей героини тревожно ёкнуло внутри. Она поняла, что речь пойдет или о женитьбе лорда или (что ещё страшнее!) о её замужестве.

— Милая моя девочка, — несколько торжественно произнес Кавендиш, — мне не хотелось начинать этот разговор до свадьбы Лили, потому что я знаю свою взбалмошную дочь лучше кого-либо другого, и мне хотелось сберечь тебя от её нападков! Но теперь, когда она покинула мой дом, не вижу причин дальше откладывать нашу свадьбу!

Инн опешила. Она ожидала услышать, что угодно, но только не это! Лорд же, видимо, поощряемый её молчанием, продолжал:

— Сегодня я был на приеме у его преосвященства и пояснил ему нашу ситуацию. Архиепископ согласился со мной, что положение незамужней девицы в доме холостого мужчины гораздо более скандально, чем брак вдовца после одиннадцати месяцев траура, и дал разрешение на венчание. И ещё, милая, мы обсудили с его преосвященством твои религиозные заблуждения и пришли к выводу, что тебе надо поговорить с преподобным Смитом, и все-таки принять крещение по англиканскому образцу! Пойми, будет гораздо меньше проблем, если ты не будешь упорствовать в папской ереси.

У несчастной девушки отнялся язык, и она с ужасом смотрела в знакомые с детства глаза, отказываясь осознавать то, что слышит.

Её второй отец — любимый и родной дядюшка хотел на ней жениться, уговаривал её стать вероотступницей?

— Почему ты молчишь, Инн? — наконец, заволновался Кавендиш.

— Я, — прохрипела она, — не знаю что сказать, это так...

'Страшно', - чуть не сорвалось с её губ, но дядюшка понял все по-другому.

— Да, мне давно стоило тебе признаться! Но я всегда был уверен в твоём чувстве и не

считал нужным торопить события поспешной помолвкой. Завтра утром мы выедем в Кавендиш-холл, и на месте сразу же обвенчаемся. Я не хочу и не могу больше ждать! В силу своего целомудрия ты не понимаешь, как тяжело мне приходилось всё это время!

Да, наверное, было бы лучше, если бы она не понимала, но в том-то и дело, что коварный Тейлор приоткрыл перед ней завесу в тайный для девственников мир плоти. От одной мысли о поцелуях дядюшки Инн затрясло, как в лихорадке от неловкости и отвращения.

— Нет! — в панике отпрянула она, резко вырвав руки из его ладоней.

Кавендиш явно не ожидал такой реакции и растерялся.

— Нет? Но почему?

— Я люблю вас, но..., - она не знала, как описать свои чувства, с трудом подбирая слова, — но никак мужчину, а как родственника!

Лорд с видимым облегчением выдохнул.

— Ты ведь ещё не познала меня как мужчину, — терпеливо улыбнулся он, — откуда же ты знаешь, что не будешь меня любить в этой ипостаси?

— Нет, я не могу, не могу! Пожалуйста, сжальтесь надо мной!

— Это все глупые страхи девственников, — Кавендиш начал выходить из себя, — они пройдут после свадьбы. Твоя кузина вчера от страха перед супружеским ложем чуть не перевернула весь дом, а сегодня уже забыла об этом!

Лучше бы он этого не говорил. Волна едкой горечи захлестнула Инн.

— Я не знаю, что чувствует по отношению к лорду Тейлору Лили, но зато точно знаю, что не могу выйти за вас замуж. Это противоестественно и невозможно — всё равно, что за родного отца!

— Ты говоришь глупости, в наших жилах нет и капли общей крови!

Ноздри джентльмена гневно раздувались.

— На что ты собираешься жить, если откажешь мне? — решил он воззвать к её здравому смыслу. — Кому ты нужна в этом мире? Я предлагаю тебе всё, что имею — титул, деньги, положение в обществе, своё сердце, наконец, хотя, что оно для столь бездушной девчонки?

Он был прав, но это мало, что меняло. Ошеломленная новой напастью Инн рухнула перед Кавендишем на колени.

— Дядя, прошу, не принуждайте меня!

Лорд долго смотрел на склоненный в мольбе затылок.

— Ладно, — гневно высказался он, — я понимаю, что ошибся, приняв твое лицемерие за любовь. Но я отвечаю перед покойницей Элизабет за твое будущее. Ты ей поклялась слушаться меня во всем, но видно, для тебя клятвы — пустой звук! Сказала и забыла!

— Дядя!

— Я запретил так меня называть!

Иннин расплакалась от ужаса — родной и любимый человек за доли секунды превратился в бездушного злобного тирана! Всё, что угодно, но только не эти чужие разъяренные глаза!

— Пожалуйста! — закричала она в отчаянии, поймав его руку и прижавшись к ней губами. — Не лишайте меня своей любви! Вы — всё, что у меня осталось в этом мире!

И в доли секунды Инн оказалась в объятиях Кавендиша. Он прижал её к себе, горячо обжигая лоб дыханием.

— Так не мучь же меня, маленькая французская кокетка!

Бедняжка не могла поверить собственным глазам — этот распаленный страстью мужчина не мог быть её выдержанным и педантичным и, что уж говорить, занудливо скучным дядей. Как будто злой волшебник вдруг надел на него маску чужого, страшного в своих необузданных желаниях человека.

Губы Кавендиша начали жадное блуждание по её лицу, настойчиво стремясь к губам растерянной и ошеломленной девушки.

— Любимая, сжался надо мной. Я не смогу пережить твоего отказа!

Она едва увернулась от его поцелуя, и, к счастью, джентльмен не стал настаивать. Тяжело дыша, он отстранился и, нервно улыбнувшись, пробормотал:

— До завтра, ангел мой! Подумай хорошенько, о чём я тебе сказал!

Дядюшка вышел из комнаты, и только теперь до Инн дошло, что такое настоящее несчастье.

Обрушившаяся на неё беда не могла даже сравниться со вчерашними неприятностями. И что такое свадьба Тома и Лили? Давно ожидаемое грустное событие — она всегда знала, что им не быть вместе. Но наряду с разбитым сердцем у неё оставался уютный кров над головой, любовь и забота дядюшки!

Иннин стало страшно — то, что казалось твердым и незыблемым ещё сегодня утром разлетелось, как хрупкое стекло. Кавендиш — защитник и второй отец, благоговейно почитаемый и любимый, вдруг превратился в необузданного страшного мужчину! А это его жуткое требование вероотступничества?! Она никогда не предаст веры предков, даже если придется умереть мученической смертью!

Инн в панике ощущала себя, загнанным в ловушку зверьком. Хотя как сопротивляйся — выхода нет! Но и как заставить себя принять столь дикое и противоестественное предложение?

Юная француженка с детства была воспитана отцом Оноре в полном подчинении воле отца. И если бы Джордж Кавендиш предложил ей в мужья даже древнего и мерзкого старца, то со слезами и смирением покорилась бы родительской власти, которая не что иное, как выражение воли самого Господа. Но это жуткое, греховное по сути, решение!

Сжавшаяся в комок Инн сглотнула, поднимающуюся откуда-то изнутри мерзкую тошноту. Она не сможет, просто не сможет позволить дядюшке то, что когда-то давно позволила Тейлору. Это невозможно! Но что же делать? Как быть?

Голова раскалывалась, виски ломило — как же девушка сейчас сожалела, что пересекла пролив! Пусть нищета и убогость родного дома, но не было бы страшного выбора между любовью и ненавистью самого дорогого человека на свете.

Доведенная до отчаяния Иннин опустилась на колени перед статуэткой мадонны, но не смогла углубиться в знакомые слова молитвы. Перед внутренним взором сразу же встали родные и любимые лица, оставленных в Бельгии людей. И она расплакалась от тоски, вспомнив мудрого и доброго отца Оноре, читающего по вечерам Библию, вкусные хрустящие рогалики Жервезы, запах утреннего кофе и чистенькие занавески своей девичьей спальни с деревянным распятием в изголовье. Желание попасть в невинный мир детства стало непреодолимым, и она, лихорадочно вострепнувшись, подскочила на месте.

Так в чём же дело? Она ведь может вернуться назад в Бельгию, домой!

Пусть это будет чёрной неблагодарностью по отношению к дядюшке, но всё же лучше, чем принять его руку и сердце, зная, что никогда не сможешь ему стать хорошей подругой и любящей женой. Кавендиш достоин самой лучшей женщины на земле, а не своей глупой

племянницы.

Инн крепко задумалась, обдумывая эту идею. Прежде всего, ей нужны были деньги!

Лихорадочно перерыв свои шкатулки и ридикюль, она уныло высыпала на стол несколько фунтов, оставшихся от щедрого подарка Кавендиша к свадьбе Лили после прогулки по модным магазинам. Этого было явно мало, чтобы пересечь пролив и добраться до Брюсселя.

Девушка судорожно потерла виски — что же делать с этим, казалось бы, непреодолимым препятствием? Но идея решить свои проблемы именно таким способом, нравилась ей всё больше и больше.

Лили! Самоуверенная и отважная кузина в этот раз должна была её понять, как никто другой. Можно представить, какое возмущение вызовут у той подобные матримониальные планы отца. А у Лили, наверняка, найдутся деньги для поездки в Бельгию — все говорят, что она богата.

Инн заметалась по комнате, собирая вещи. В саквояж, помимо смены белья, поместилась семейная Библия и статуэтка Мадонны.

Осталось последнее — записка. Иннин долго думала, как описать, что у неё на душе. И, в конце концов, старательно вывела: 'Я недостойна вашего благородного сердца. Простите и не слишком корите свою бедную Инн. В Бельгии я дни и ночи буду молиться о том, чтобы Господь дал вам то счастье, которое никогда бы не смогла дать сама. Ваша любящая племянница Иштар Иннин Эриду, графиня дю Валль.'

Добровольная изгнанница с тоской оглядела свою комнату и задула свечи, а потом, взяв в руки ридикюль и саквояж, осторожно выскользнула за дверь.

В доме все спали, когда девушка подобно вору кралась по коридорам в направлении чёрной лестницы. И только Кавендиш не спал — свет свечей пробивался сквозь шторы окна его кабинета.

Внезапно Инн захотелось вернуться, и ещё раз попытаться поговорить с дядюшкой — уверить, что он ошибается, желая на ней жениться. Но воспоминания о разыгравшейся несколько часов назад сцене, заставили её подавить в себе это желание и, заплакав от боли и одиночества, она отодвинула засов на воротах черного хода и оказалась на пустынной ночной улице.

ПОБЕГ В НИКУДА

Только сейчас Инн осознала, что имеет весьма смутное представление, что ей делать дальше.

Обитателям Мэйфера было ещё далеко до сна, но на улице царил непроглядная тьма, из которой только чуть выступали контуры стен аристократических особняков их соседей. Все окна были темны — хозяева были или в клубах, или на приемах.

Этот густо заселенный знатно прямоугольный квартал был ограничен улицами Оксфорд-стрит, Пикадилли и Парк-лейн, и наверняка, на каком-нибудь из великосветских раутов Мэйфера находились сейчас и молодыежены. Но где сегодня устраивался прием в их честь? Инн напрягла свою и без того повергнутую в хаос голову и так и не смогла ничего вспомнить, хотя наверняка, слышала об этом раньше. После некоторого раздумья до неё дошло, что есть место, где они обязательно должны появиться — это особняк Мортландов!

В общем-то, герцогская резиденция была сравнительно недалеко от дома Кавендишей — всего лишь в получасе ходьбы. Правильная 'решетка' Мэйфера, была примерно пополам поделена Бонд-стрит, и особняк Кавендишей находился в одной половине, а герцогская резиденция — в другой.

Инн сжалась от страха — её пугали пустынные улицы, но люди напугали бы ещё больше.

Было довольно холодно, и пронизывающий ночной ветер легко продувал её накидку и рвал подолы юбок. Моментально замерзшей девушке захотелось вернуться назад, но, тяжело вздохнув, она напомнила себе, что необходимо идти, пока не случилось непоправимое, и она не поддавалась на уговоры дядюшки. И сначала медленно, а потом убыстряя шаг, она двинулась в нужную сторону. Инн казалось, что она производит своими легкими ботинками топот, сравнимый разве только с цоканьем копыт лошадей. А вдруг на звук выскочат из-за угла преступники?

Все жуткие рассказы о наглом лондонском отрепье моментально ожили в её памяти. Сердце тревожно замирало и от вида слишком темных теней, и от непонятных звуков, а когда ей навстречу неизвестно откуда вымчалась заполошная кошка, Инн даже присела от ужаса, тут же отругав себя за недостойную трусость. Иногда, страшно грохоча по брусчатке дороги, её обгоняли закрытые экипажи, но во мраке не было видно гербов их хозяев. Как знать, может, в одном из них сидела сейчас рядом с мужем её кузина?

Но вот и знакомая площадь перед герцогским дворцом. В ночной тьме она как будто уменьшилась в размерах, зато силуэт особняка, наоборот, неимоверно увеличился. Он угрожающе навис над девушкой, стоящей у подножья, охраняемой каменными львами лестницы. От холода Инн пробрала дрожь, и она с сожалением подумала о тепле камина.

— И что мне теперь делать? — спросила она у одного из злобно оскалившихся каменных зверей. — Как заставить тебя зарычать, пока я окончательно не замерзла?

Девушка знала, что хозяев из гостей обязательно дожидается привратник, но было совершенно бесполезным делом заставить слугу выглянуть на улицу поздно ночью, да ещё для разговора с подозрительной незнакомкой. Оставалось только терпеливо ждать либо утра, либо экипажа хозяев.

Иннин зябко закуталась в плащ и, присев на саквояж у лап каменного зверя, принялась

покорно ждать. Мысли бродили в переутомившейся голове подобно заблудившимся овцам. Она то мучилась угрызениями совести за свой побег, то думала о том, что попасть в Бельгию не так-то просто, и ей придется где-то разыскивать сэра Рея, а то и вспоминала о тех трудностях и проблемах, которые ждали её дома — на что она будет жить? Чем заниматься?

Беглянка настолько углубилась в свои переживания, настолько продрогла, что пропустила момент, когда у подножья лестницы остановился экипаж. И только болезненно прикрыла глаза, когда их резанул свет фонаря привратника, выскочившего навстречу хозяину.

— Ваша светлость! — низко поклонился тот, пока грум открывал дверцы кареты.

Инн попыталась спрятаться за одного из львов — встреча с герцогом не входила в её намерения, но поздно — неожиданную гостью заметили.

— Кто здесь, Джон?

— Сейчас я её прогоню, ваша светлость, наверное, какая-то бродяжка!

И перед носом девушки закачался фонарь.

— Пошла вон, шлюха! Или вызову полицейского, и он упрячет тебя за решетку за бродяжничество! — злобно рявкнул на неё громкий голос из темноты.

Инн испуганно попятилась — такой поворот событий никак не входил в её расчеты! Но фонарь не только ослепил девушку, но ещё и осветил её лицо для посторонних.

— Графиня?! Вы? Да что же ты кричишь, дурак, испугаешь девушку!

Миг, и рука Мортланда, вырвавшись из темноты, крепко сжала её локоть.

— Какой приятный сюрприз! — промурлыкал над ухом знакомый голос. — Вы, ещё и с вещами, посереде ночи..., чего только не привидится под утро? Вроде бы и пил совсем немного!

— Я, — Инн от растерянности и испуга начала заикаться, — я..., я....

— Вижу, что вы! Но что вы, черт возьми, делаете здесь в этот час?

— Мне нужна Лили!

— И всего-то? Конечно, лучшего времени для встречи с кузиной не найти!

Он насмехался над ней, а может, действительно, был пьян — разве у этого человека что-нибудь поймешь?

— Это срочно и не требует отлагательств! — прибавила она твёрдости в голосе.

— Неужели Кавендиш представился?

— Прикусите язык, — рассердилась Иннин, — даже не смейте о таком упоминать — ещё накличете беду!

— Угу! Тогда что же случилось?

— Я об этом расскажу только Лили, — она сделала попытку вырвать руку из жестких клещей его пальцев, — отпустите меня!

— И не подумаю! Джон, срочно зажги свечи в Голубой гостиной, и чтобы ни одна живая душа....

— Сейчас, ваша светлость, не извольте беспокоиться!

Когда этот дурень с фонарем умчался, Инн, наконец-то, смогла разглядеть Мортланда целиком, а не только его руку.

— Отпустите меня! — вновь возмущенно дернулась она.

— Вы ведь хотите попасть в особняк, — рассудительно заметил герцог, — не ожидали же вы встретить вашу кузину, прогуливающейся в предрассветный час по этой улице? Или у вас назначена встреча именно на лестнице?

— Нет! — возмущенно возразила Иннин.

Мортланд пожал плечами и повлек её за собой по ступенькам в дом.

— Тогда предложите ваше объяснение!

Через несколько минут они оказались в маленькой и уютной гостиной, с затянутыми голубым шелком стульями и диванами.

Инн зябко поежилась и, обхватив себя руками за плечи, устроилась в кресле поближе к уже давно потухшему камину.

— Я не думала, что ночью на улице так холодно!

Герцог, что-то бормоча сквозь зубы, набросил ей на плечи ещё хранивший его собственное тепло, приятно пахнувший плащ.

— Ну? — бесцеремонно уселся он перед ней на край стола. — Быстро рассказывайте, что случилось? И не мнитесь, у нас мало времени — пока не рассвело, вас нужно срочно доставить назад в особняк Кавендишей!

— Я..., я..., - опять стала заикаться Инн, — не могу туда вернуться. Мне нужна Лили! Поймите, это очень важно!

— Графиня, я умею хранить тайны, но если вы сейчас же не объясните, в чём дело, я прикажу вас запереть, а сам пошлю за лордом!

От такой угрозы слёзы хлынули из глаз беглянки.

— Не надо! Прошу вас! — всё напряжение этой страшной ночи вдруг вылилось в путанной исповеди человеку, который меньше всего подходил для этого. — Дядюшка! Он..., он хочет на мне жениться!

— Знаю! И что вас в этом не устраивает?

Действительно, об этом знали все, кроме неё, и не видели в намерениях Кавендиша ничего предосудительного! Инн начала горячо оправдываться:

— Поймите, он мне как отец! Я не могу выйти замуж за отца!

— Какая глупость, леди, вполне достойная наивной пятнадцатилетней девчонки! Кавендиш вам не отец, и вообще, не родственник!

— Мне скоро шестнадцать!

— Простите мою неосведомленность! Но разве есть из кого выбирать? Вам не нравится этот — вполне достойный человек, но тогда с кем бы вы хотели связать свою жизнь?

Инн растерянно пожала плечами.

— Ни с кем! Я хотела бы вернуться домой, в Бельгию!

— А в Бельгии, что вы будете делать?

— Не знаю, — озадаченно покачала она головой, — отец Оноре что-нибудь придумает — он очень умный!

— Меня умиляет ваша вера в старого полоумного попа! Что же он ничего не придумал раньше? Томас рассказывал, что невероятным усилием вырвал вашу хижину из лап кредиторов. А знаете ли вы, что всё это время ваши слуги живут только за счет милостей Джорджа Кавендиша? И смею вас уверить, ему стоит больших трудов в условиях континентальной блокады переправлять эти деньги!

Мучительный стыд и раскаяние охватили девушку.

— Я знаю, сколь многим обязана дядюшке, — горестно поникла она плечами, и смущенно добавила, — но поймите, я не могу..., не могу его принять, как мужа!

Похоже, до Мортланда все-таки дошло, в чём дело, потому что он долго молчал, зато потом жёстко спросил:

— Прошу не считать меня неделикатным, но не кроется ли причина вашего отказа в особом расположении к моему брату?!

Пресвятая Дева! Он знал! Но откуда? Хотя... что она могла на это ответить? Правда была неуместна, ложь невозможна!

— Мне не в чем упрекнуть вашего брата, — прошептала Инн, — он всегда вёл себя, как джентльмен!

И вновь воцарилось молчание, прерываемое только чуть слышным треском свечей.

— Леди Иннин, — голос герцога непривычно смягчился, — пожалуйста, послушайте меня! Взаимная любовь — это всего лишь химера, придуманная поэтами и романистами, чтобы вымогать из людей деньги за свой сомнительный труд. Кавендиш давно любит вас, и это чувство, очевидно, всегда жило в нём! Достаточно вспомнить, как он бросил умирающую жену и рванул к вам на помощь. Благо, что в это время в Кавендиш-холле оказался мой беспутный брат, иначе лорд сложил бы голову, где-нибудь на французском берегу. Стоит ли его осуждать за излишнюю поспешность в заключении желанного брака? Джордж всего лишь мужчина! Не упрямитесь, уступите ему! Поверьте опыту много повидавшего человека — это будет счастливый союз, пусть основанный не на любви, но на взаимном уважении!

Инн застыла — его слова падали на благодатную почву. Ей уже хотелось прислушаться к этим разумным советам, и смиренно верить себя судьбе, но...

— Дядюшка настаивает на том, чтобы я сменила веру! — возмущенно встрепенулась она, — Кавендиш хочет, чтобы я предала память своих предков. Дю Валльдэ испокон веков были истыми католиками, и у нас есть в семье даже собственные святые!

— Бог един, дорогая, — отстранено возразил Мортланд, — какая разница, по какому обряду ему молиться? У ваших детей в будущем могут возникнуть большие проблемы, если их мать будет убежденной католичкой!

— Детей? — у Инн вновь тошнотворно замерло сердце при мысли о поцелуях дядюшки. — Нет, нет, я не могу! Пожалуйста, позовите сюда Лили!

Герцог чуть слышно вздохнул, с непонятной улыбкой оглядев свою гостью.

— Бог, графиня, создал людей свободными, — неожиданно сдался он, — и кто я такой, чтобы противиться вашей воле и навязывать нежеланные решения. Если вас не устраивает роль уважаемой богатой леди, и особняк Кавендиша вам менее предпочтителен, чем нищая развалюха в Бельгии — в добрый путь! Вот только маленькая неувязка...

Инн вскинула на него встревоженные глаза. Тон герцога, да и сам он чем-то неуловимо переменились.

— Леди Лилианы сейчас нет в Лондоне!

— Нет?

— Они уехали с братом в поместье матери!

— Но дядюшка мне говорил...

— Как раз после его визита внезапно собрались и уехали. Захотелось побыть наедине! Медовый месяц, всё-таки! Угодно ли вам их подождать?

Инн окончательно растерялась.

— Долго?

— Думаю, неделю или две! Кто предугадает поступки новобрачных?! От меня необходимых для поездки денег вы, конечно, не примете?

— Нет! — такая мысль ей и в голову не приходила, но раз он уже отказал...

— Такая щепетильность делает вам честь. Но, может, позвольте вас пристроить в

хорошую дорожную гостиницу?

Инн покраснела, мысленно пересчитав содержимое своего кошелька. А если кузины не будет две-три недели?

— Спасибо, — поблагодарила она Мортланда, — но я бы предпочла что-нибудь подешевле!

— Увы, в таких местах я не бываю и не могу порекомендовать ничего подходящего, — учтиво склонил он голову, — но и не могу вас отпустить просто так. Мой долг джентльмена не позволяет бросить леди, да ещё столь юную девушку без помощи!

— Но чем вы мне можете помочь? — не поняла Инн.

— Пообещайте, что если попадете, в какую-нибудь неприятную историю, то тот час дадите знать. Иначе я вас просто не выпущу из дома!

Девушка недоуменно пожала плечами — в какую неприятную историю она могла попасть?

— Конечно!

Больше обсуждать им стало нечего, но и выходить на улицу в такой час одной было страшновато. И где искать гостиницу? Инн нервно передернула плечами, поневоле вновь хватаясь за раскаленные виски.

— Я совсем не знаю Лондона!

— Тогда позвольте предоставить свой экипаж и кучера, думаю, что Джек вам сможет помочь!

От заметного облегчения у неё вырвался из груди благодарный вздох.

— О, благодарю вас! Я так устала за эту ночь, что меня едва держат ноги!

Мортланд ненадолго вышел, а когда вернулся, то вынужден был разбудить задремавшую гостью.

— Экипаж ждёт вас, графиня!

Улица встретила их рассеянными сумерками наступающего рассвета. Герцог посадил в карету полусонную гостью, кутающуюся от пронизывающего холода в его же собственный плащ, сунул вслед саквояж и ридикюль. Затем подошел к груму и что-то ему быстро приказал.

Тот, согласно кивнув головой, сделал знак кучеру трогаться.

Инн облегченно откинулась на мягкие подушки сидения, блаженно закрывая уставшие глаза, поэтому, конечно, не видела, как к провожающему её герцогу бежит слуга.

— За Бисби послали?

— Да, ваша светлость! Всё, как вы приказывали!

Мортланд развернулся, чтобы зайти в дом, но в этот момент его внимание привлекла остановившаяся карета. Сузившимися от гнева и ярости глазами он наблюдал, как оттуда выбирается пьяный брат.

— Том! Что за вид?

Младший Тейлор попытался сохранить равновесие, цепляясь на плечо грума.

— Эдвин? — заплетающимся голосом спросил он. — Разве ты сегодня ночью не с этой великолепной шлюхой Джози? Если она надоела, то может, позволишь мне поиграть с крошкой в любимые игры?

Мортланд встревожено глянул вверх — на окна покоев новобрачной.

— Быстро в дом, — прошипел он, — ты с ума сошел! Нельзя же на второй день после свадьбы...

Внезапно, брат сделал над собой сверхъестественное усилие и предстал перед ним безо всяких признаков опьянения.

— Я больше тебе ничего не должен! — больно ткнул он герцога пальцем в грудь. — Ничего! Я женился, я даже лишил эту дрянь невинности, ну, а дальше... если хочешь, можешь спать с ней сам! Она ведь с пеленок грезилась о герцоге!

И Том издевательски хлопнул себя по низу живота.

— Заткнись, придурок!

Обозлившийся Мортланд размахнулся и попытался вlepить любезному братцу зуботычину за эту непристойную сцену, но кулак прошелся по воздуху, чуть не повалив по инерции своего хозяина на упавшего без чувств Томаса. Выступление было, по-видимому, лебединой песней Тейлора и теперь он мирно сопел, уткнувшись носом в грязные ступеньки лестницы.

— Уносить? — хмуро спросил грум у хозяина.

Герцог устало вздохнул, и, обреченно махнув рукой, поспешил вверх по лестнице в свои покои. У него было слишком много дел, чтобы излишне расстраиваться по поводу очередной выходки младшего брата.

'ПРИНЦ АЛЬФРЕД'

Инн плохо помнила, как попала в гостиницу 'Принц Альфред'. Вроде бы её кто-то толкнул, и она с трудом разлепила ресницы, недоумевая, почему сидит во время сна.

— Приехали, мисс! Здешняя хозяйка говорит, что у неё есть свободные номера.

И только тут неприятно сжавшееся сердце напомнило хозяйке, что с сегодняшнего дня она беглянка, лишившаяся защиты и крова. С трудом соображая, что к чему, она вылезла из экипажа перед серым в предрассветных сумерках захудалым зданием с грязными окнами. Удивительно, но несмотря на столь ранний час, вокруг толпилось много самого разнообразного люда, но Инн некогда было их рассматривать. Одна единственная мысль диктовала волю всем её поступкам — спать, спать и спать, и желательно под теплым одеялом.

Невероятным усилием воли пытаюсь удержать глаза открытыми, девушка тупо поплелась за невероятных размеров хозяйкой в грязном сером платье и огромном фартуке, сумев отметить только омерзительную вонь и скрипучую деревянную лестницу. В тёмной комнате она различила только кровать, и отметила въевшийся запах несвежего белья.

— Деньги вперед, мисс! Уж такой у нас порядок! Шиллинг за комнату, да по три пенни за завтрак обед и ужин..., насколько вы думаете здесь остановиться?

Женщина говорила на жутком лондонском диалекте — кокни, и, с трудом понимающая слова Инн растерянно пожала плечами.

— Я жду одного человека, — тихо сказала она, и, покопавшись в сумке, вытащила кошелек, — фунта хватит?

Женщина жадно схватила деньги.

— Хватит. Приятных вам снов, мисс! Кстати, как вас записать?

Инн наморщила лоб, титул графини в этом заведении звучал бы кощунственно.

— Мисс Лили Тейлор, — без зазрения совести взяла она себе имя кузины, потому что ничего умнее ей не пришло в голову.

— Мисс впервые в Лондоне?

— Можно сказать и так!

А потом был сон — навязчивый бред, прерываемый только неприятным пробуждением от слишком громких голосов за дверью. Каждый раз Иннин пугалась, потом вспоминала, где находится, и вновь засыпала.

— Ваш завтрак, мисс! Хватит спать, вторые сутки уж на исходе!

Разбуженная Инн оторвалась от созерцания странных грез и подскочила на кровати, смущенно вспомнив, что спит практически одетая, только сняв шляпку и перчатки, да подстелив на грязное серое белье черный атласный плащ Мортонна.

Пока она кое-как поправляла разлохматившиеся волосы, горничная — настоящее костлявое пугало со зверским выражением длинного, как у лошади лица расставила на колченогом, давно не протираемом столе завтрак — подозрительно вида копченную селедку, масло, хлеб и неприятно пахнущий серый чай в чашке с отколотой ручкой.

Здесь же стоял кувшин для умывания, но капли покрывавшие его стенки красноречиво говорили, что вода в нем была ледяной.

Горничная с плохо скрытой ненавистью окинула постоялицу взглядом и вышла.

Инн тяжело вздохнула и с сомнением посмотрела на содержимое тарелок. Есть

хотелось зверски, но хлеб оказался больше похожим на глину, масло прогоркло, а чай соревновался с настоящими помоями. К селедке она поостереглась даже притрагиваться.

Кое-как вымывшись ледяной водой, девушка тоскливо замерла на кровати вся во власти грустных дум. Как там дядюшка? Наверное, уже нашел её письмо! Представив, какой удар она нанесла ему своим поступком, Инн вновь расплакалась. Но разве был другой выход?

Она пробовала читать Библию, но из этого мало что получалось. Отвлекала окружающая грязь — засаленная ткань полога, воняющее белье, пыль, паутина, мерзкие запахи опустившейся нищеты.

Инн с удивлением вспоминала бельгийские гостиницы, в которых ей приходилось останавливаться с отцом Оноре, бывая в Брюсселе. Это тоже были дешевые заведения, но чистота там была идеальной, здесь же грязь соседствовала с убожеством.

Обед, так же невозможно было есть, как и ужин.

— Уж не знаю, что вы привередничаете, мисс, — презрительно изогнула губы злая горничная, — но отдельно для вас готовить не будут!

Инн только отвернулась от вредной бабы. Живот сводило от голода судорогой — он громко бурчал и требовал пищи. Но что голод! Это была сушья ерунда, по сравнению с тем, что начало происходить в этом странном заведении после того, как сумерки опустились на город.

Закутавшаяся в плащ герцога, как будто тонкая ткань могла её отгородить от окружающего безобразия, девушка забилась в угол кровати и испуганно внимала жутким воплям, отвратительно грубому хохоту, бессвязным выкрикам, женскому визгу и чудовищной ругани.

— О, Пресвятая Дева, — сжимала она в руках мадонну, — спаси и сохрани меня!

Всю ночь бушевали постояльцы этой странной гостиницы, и лишь под утро ей удалось заснуть. Третий день пребывания Инн в гостинице, был как две капли воды похож на предыдущий. Девушка вздрагивала от каждого шороха, с надеждой ожидая весточки от герцога о прибытии кузины, но единственной, кто её навещал, была злюка — горничная.

— Что это вы сидите здесь, как заключенная? — подозрительно нахмурилась та на четвертый день. — Может, прячетесь от полиции? Учтите, мисс, у нас тут приличное заведение и мы дел с законом иметь не хотим!

Инн измученно отвела глаза от очередной поданной на завтрак бурды, и вдруг до неё дошло, что, действительно, незачем здесь сидеть и умирать с голоду. Нужно идти куда-нибудь и добывать себе удобоваримую пищу.

Девушка решительно почистила своё помятое платье, завязала под подбородком шляпку и вышла из номера, прихватив перчатки и ридикюль. Перед ней тянулся удивительно облезлый и грязный коридор, в котором, как это неудивительно, почему-то доминировал запах мочи. Прижав к носу платок Инн осторожно спустилась вниз по шаткой лестнице, и ошеломленно замерла, попав в самое подозрительное место во всем Лондоне. За залитыми пивом грязными столами сидела, не смотря на ранний час, такая странная публика, которую можно было бы увидеть только на подмостках театра, изображавшего итальянских разбойников — таких страшных, да ещё вдобавок пьяных рож было поискать во всей Англии!

— Какая аппетитная гусочка, — зашамкал один из них, и потянулся давно не мытыми лапами к стоящей в оцепенении девушке, — хочешь я тебя...

Дальше шло что-то непонятное, но громко и разнузданно загоготала вся публика. На

шум моментально выскочила хозяйка. Хлопнув хама полотенцем по рукам, она мрачно зыркнула на других:

— Вот я вам! А вы, милочка, — недовольно повернулась она к оторопевшей постоялице, — идите, раз шли куда-то. Незачем стоять тут и дразнить собак!

Дважды ей повторять не пришлось. Инн чуть ли не бегом покинула мерзкое место, чем опять развеселила местную публику. Пулей выскочив за дверь, девушка вновь пораженно замерла — перед ней расстилалась большая, плотно забитая народом площадь обширного рынка.

Она, конечно, и не подозревала, что видит перед собой знаменитый Ковент-гарденский рынок.

Ещё в 1670 году граф Бедфордский получил частную грамоту от Карла II, разрешавшую ему и его наследникам открывать фруктовый и овощной рынок каждый день, кроме воскресенья и Рождества. Первоначальный рынок, состоявший из деревянных прилавков и навесов, к описываемому времени стал неорганизованным и беспорядочным. Торговля осуществлялась здесь же, на развалах. Куда только не устремлялся взор, везде стояли тележки с овощами, цветами и фруктами, толкались всякие подозрительные личности, предлагающие снадобья от ломоты в костях и бородавок, воду и многое другое, чему и назначение-то придумать трудно. Например, какой-то наглец тащился за Иннин, с хмурым видом пытаясь навязать жуткие облезлые кости, приговаривая: 'Всего два пенса, мисс. Отличные кости, вам понравятся!'. Девушка едва от него отделалась. Пытались пробиться сквозь плотную толпу и невесты зачем заехавшие в самую середину экипажи. Одни продавали, другие покупали — крик, споры, брань... гул стоял такой, что у Инн, привыкшей к тишине респектабельных магазинов Хайт-стрит, заложило уши.

Площадь Ковент-Гарден той поры славилась банями и борделями, являясь общеизвестным районом 'красных фонарей'. Были здесь и ювелирные лавки, цирюльни и небольшие типографии. Таверн с игорными домами поблизости тоже хватало, а проворные карманники шныряли в толпе.

После того, как у неё чуть не вырвали из рук ридикюль, Инн, крепко прижав его к груди, крадась среди этой толпы с испуганным изумлением странника, внезапно попавшего в страну антиподов. Всё было в новинку, всё поражало воображение, но больше всего, ей все-таки хотелось есть. От голода юную француженку тошнило и качало, и во рту всё время скапливалась слюна от вкусного запаха еды, которой тут было предостаточно. Но стоило ей увидеть, как торговка плюет на яблоко и натирает его краем грязного фартука, чтобы оно блестело, как тут же расхотелось иметь с ним дело.

Инн искала кондитерскую, хлебную лавку, в конце концов, но для приличной публики. Но ей почему-то попадались только такие же грязные и отвратительными трактиры, как и 'Принц Альфред', хотя справедливости ради надо заметить, что последний уверенно держал пальму первенства по количеству подозрительных личностей в своём зале. Оставалось только изумляться выбору герцогского грума, который посчитал это место наиболее подходящим для девушки её положения.

И вот когда Инн с отчаянием уверилась, что так и не найдет себе подходящей еды в этом вертепе, её ноздрей коснулся восхитительный запах свежее испеченного хлеба, исходящий откуда-то с задворков. Увлекаемая аппетитным ароматом, как крыса дудочкой крысолова, Инн завернула за угол и увидела во дворе небольшой фургон, в который угрюмый мужчина загружал булки свежее испеченного с золотистой корочкой хлеба.

Вид пекарь имел грозный и недоступный, но голод есть голод — Инн робко приблизилась к повозке.

— Мистер, — робко попросила она, — не могли бы вы мне продать вашего хлеба?

Угрюмый мужик мрачно осмотрел её со всех сторон и процедил сквозь зубы:

— Мы не торгуем хлебом, мисс! Шли бы вы отсюда!

У Инн даже руки опустились от такого приёма, но она не оставила попыток.

— Пожалуйста, прошу вас, продайте!

— Пошла вон отсюда! — рывкнул тот, с такой ненавистью глянув на неё, что девушка опешила.

Неизвестно чем бы кончилось дело, если бы откуда-то из недр здания не появилась молодая энергичная женщина на удивлении в чистом платье и переднике. Первая за эти дни, на которую можно было глядеть без отвращения — крепкая, с приятным лицом и круглыми серыми глазами.

— На кого это ты кричишь, Джон? Почему обижаешь столь прелестную молодую леди?

Инн только сглотнула слюну, с надеждой уставившись на защитницу.

— Я бы хотела, — тихо попросила она, — купить вашего изумительного хлеба!

Женщина рассмеявшись, только всплеснула руками.

— Да не можем мы вам его продать, мисс! У меня нет патента на торговлю!

Инн даже взвыла от такой неудачи.

— Я всё утро кружусь по этому странному месту, — пожаловалась она приветливой женщине, — и никак не могу найти хоть что-нибудь, что без опасности для жизни можно положить в рот!

— Да, — цепко оглядела её собеседница, — вы мало походите на клиентку Ковент-Гарденского рынка!

У девушки ошеломленно округлились глаза.

— Ковент-Гарден? Я на Ковент-Гарден? Но как...

Женщина быстро пришла ей на выручку.

— Вы, наверное, плохо знаете Лондон?

— Эту часть — нет! — обреченно качнула головой Инн.

Женщина задумчиво помолчала.

— Знаете что, мисс! Я, конечно, не могу продать хлеб, но что мешает мне угостить вас булочками с чаем?

— Будет ли это удобно? — усомнилась Инн, с жадностью поглядев на новый поднос хлеба, вынесенный угрюмым Джоном.

— Мы в Ковент-Гардене не придерживаемся тех же церемоний, что жители Мэнфера!

Если бы Инн была менее голодна, то она, пожалуй, уловила бы сокрушительный сарказм в речи новой знакомой, но перспектива еды затмила всё.

— Проходите сюда, мисс...?

— Иннин!

— А вот меня зовут мисс Беата, Беата Шелдон!

Помещение пекарни было разделено на две части. Собственно, самой печи Иннин так и не увидела, потому что её провели в комнату, где стояли полки с уже готовым хлебом. В относительно чистом углу были сложены мешки с мукой, а перед единственным мутным окном стоял стол с толстыми конторскими книгами. За ними, старательно согнувшись, сидел высохший и горбатый губастый старик, со свисающими с кончика носа треснутыми

очками.

— Посмотрите, мистер Фелмор, какая у нас гостя, — жизнерадостно обратилась к нему Беата, — почему бы нам не сделать перерыв в работе, чтобы попить чаю?

— С превеликим удовольствием, мисс! — обратил он взгляд красных, слезящихся глаз на женщин, и принялся расчищать место на столе, расталкивая свои бумаги по углам.

Но запущенная неопрятность стола поблекла перед волшебством внесенной на подносе горячей сдобы. Инн разве только не рычала, жадно вцепившись в мягкую булочку зубами.

— Никогда не ела ничего вкуснее, — призналась она, после того, как проглотила половину содержимого подноса, — вы волшебница, мисс Беата!

— Я-то, что, — легко вздохнула та, подливая ей сливок в чай, — вот мой отец! Он действительно был мастером своего дела. Таких булок как у него не ели даже в Сент-Джеймском дворце. Но покойник очень неудачно залез в одно дело, а там умер..., вот и осталась я одна, да с кучей долгов! Хорошо хоть мистер Тейт помог.

Инн, с весьма умеренным интересом слушавшая её историю, поставила чашку на стол.

— А кто такой мистер Тейт?

Женщина и старик почему-то замялись.

— Мистер Тейт — известная фигура в наших краях, — осторожно пояснила Беата, — он арендует несколько доходных домов в этом районе и занимается благотворительностью!

— Благотворительностью?

— Да — приют для сирот, бесплатные обеды..., иногда сужает деньгами!

Инн по инерции продолжала жевать, но её мысли были далеко от еды.

— 'Принц Альфред' тоже ему принадлежит?

— Возможно!

— И какой доход от таких запущенных домов?

— Вы не представляете, мисс, сколько можно получить денег от бедных! Впрочем, сам он этим не занимается, у него есть управляющие.

Может, этот неведомый мистер Тейт поможет с деньгами и ей?

— А к нему может обратиться любой? — обратилась она к внимательно слушающей Беате.

— Не думаю! — в сомнении покачала та головой. — Я обратилась к Тейту по поводу просроченных векселей моего отца. Нам с семьей грозило выселение из дома! И он не только не стал предъявлять их к оплате, но и дал мне денег на покупку патента на выпечку хлеба!

— И по рассеянности, свойственной великим людям забыв, что хлеб ещё нужно и продавать, — заметил старик, — вот мы и работаем на чужие лавки!

Инн откинулась на стуле с приятным ощущением переполненного вкусной пищей желудка.

— Со временем я скоплю необходимую сумму и куплю патент! — закончила разговор Беата, аккуратно смахнув крошки со стола.

Инн с уважением посмотрела на молодую женщину.

Булочки были съедены, поднос опустел, и ничего её здесь не держало, кроме пронзительного нежелания уходить, но люди должны были заниматься собственными делами.

— Мне пора, — тоскливо понурившись, встала она из-за стола, — была рада с вами познакомиться.

— Заходите ещё! — приветливо пригласила Беата. — Один раз попробовав моей выпечки, очень трудно от неё отказаться.

Инн нехотя вышла в уже опустевший двор — неприветливый Джон, закончив погрузку, уехал по своим делам. Между тем, едва дождавшись, пока она уйдет, мистер Фелмор подскочил с места и гневно обратился к Беате.

— Что за представление ты здесь устроила? Зачем сюда притащила эту бродяжку, почему упомянула Тейта?

Та только презрительно фыркнула, неласково глянув на старика.

— Выгляни в окно, старый дурень!

Старик с несвойственной для его возраста прытью подскочил к окну и тут же поражённо присвистнул.

— Он? Что за честь этой глупой девчонке? А я-то думаю, зачем ты распустила язык?

Беата довольно улыбнулась.

— У меня ещё варит котелок, и когда я увидела этого цыпленка, сразу же поняла, что недолго ей гулять по нашей помойке!

— Но почему он сам идёт за ней? Это всё равно, что пригласить шеф повара королевского дворца, чтобы почистить закопченный котёл в нашей кухне!

Беата поправила чепец, и сморщилась, зацепившись ногтем о выбившуюся прядку волос.

— Кто знает? Только я уверена, что ничего хорошего в этом нет! Ладно, давай работать. У каждого в этой жизни свои неприятности!

— Так-то оно так, но мне не по себе даже оттого, что он побывал рядом с нашей пекарней!

Сама же Инн даже не подозревала, какие тучи сгущаются у неё над головой. Сытый желудок настроил её доброжелательно ко всему окружающему — к осенним лучам солнца, к толпам только что вызывавших неприязнь людей, и даже к гостинице 'принц Альфред'.

Ну, напутал что-то герцогский лакей, так что ж? Не навечно же она здесь поселилась — пройдет день, другой, приедет Лили, и потом в Бельгии она будет рассказывать сочувственно слушающему кюре о своих приключениях в этом странном месте!

Столь приятные мысли были прерваны самым неожиданным образом. Расслабившись, она отпустила руку с ридикюлем на свободу, и его тут же сильно дернули, едва не вырвав из пальцев. Испуганная Инн резко обернулась и тут же устыдилась своих мыслей — этот широко и обаятельно улыбающийся, прекрасно одетый красавец лет тридцати пяти просто не мог быть заурядным вором. Оставалось только удивляться, что он забыл на Ковент-Гарденском рынке? Его лукавые карие глаза задорно подмигнули встревоженной девушке.

— Я вас толкнул, мисс? Простите покорно!

Инн с улыбкой наклонила голову — по крайней мере, он не говорил, как остальные на кокни.

— Не стоит извинений, это неудивительно в такой толчее!

— Но позвольте вас хотя бы проводить, чтобы предотвратить подобные столкновения?

— Не стоит, — вежливо отказалась она, — я уже почти пришла!

И, отвернувшись от собеседника, поспешила уйти — ей стало не по себе даже при мысли, что столь приятный джентльмен узнал бы о 'принце Альфреде'.

Гостиница встретила её сбивающим с ног зловонием прокисшего пива и устоявшейся грязи. Инн вновь затошнило от омерзения, но она, мужественно задержав дыхание, двинулась вверх по лестнице, стараясь не слушать странные реплики завсегдатаев.

Инн выругалась про себя по-французски совсем неподобающим для леди образом. Да что они к ней все привязались? Живёт, никого не трогает!

Возмущаясь таким образом, она прошла по загаженному коридору в свою конуру, и, облегченно бросив ридикюль на кровать, склонилась над чашей для умывания, смывая уличную пыль с лица.

Но не успела она вытереться, как раздался громкий раздраженный стук в дверь.

— Мисс, немедленно откройте! — гневно загудел голос хозяйки.

Недоумевающая Инн распахнула дверь и тут же оказалась оттеснена на середину комнаты массой набившегося сюда народа. Но её глаза, скользнув по хозяйке, горничной и ещё по какому-то пришлому люду, остановились на знакомом лице. Перед ней стоял тот самый мужчина, которого она только что повстречала на рынке. Но только куда делась его обаятельная улыбка — сейчас его глаза глядели жёстко и зло, а рот был презрительно сжат.

— Это она! — обвиняющим жестом выкинул он руку вперед. — Я её сразу же узнал! Отдай мои часы, воровка!

Инн пристыла к месту, не в силах вымолвить и слова. Она только растерянно взирала на вошедших людей, не понимая, что происходит.

— Во что, мисс! — сурово нахмурилась хозяйка. — Не изображайте немую и глухую, а отдайте вещь по-хорошему. У меня приличное заведение, и воровства я не потерплю!

— Но у меня нет его часов! — с трудом выдавила из себя Инн.

— Надо проверить её вещи, — это вылезла из-за спин обвиняющих злорадствующая горничная, — а я сразу же заподозрила, что она воровка! Сару Флинт не обманешь — она воровок нюхом чувствует!

— Заткнись, Сара, кому ты нужна со своим нюхом, — резко оборвала её хозяйка, — лучше бы следила за чистотой в комнатах. Что же, мисс, давайте посмотрим ваши вещи?

Инн, сжав руки у груди, с ужасом увидела, как она хватает её ридикюль и вытаскивает оттуда... золотые часы!

— Но как..., как..., - голос отказался ей повиноваться.

— Вот что, милая, — разозлилась хозяйка, — я посылаю за полицией!

Инн на мгновение представила, как она — графиня дю Валльдэ садится в тюрьму, как умирает от стыда дядюшка, и от страха даже закричала:

— Не надо! Я не виновата!

— Как же, не виновата, — опять вылезла из-за хозяйского плеча ехидная горничная, — это опытная воровка! Она здесь год назад такого шума наделала, но всё — попалась птичка, отлеталась!

— Год назад меня не было в Англии!

— А кто это может подтвердить? — гневно поинтересовался незнакомец.

Действительно, кто? И тут она вспомнила, что Мортланд предлагал ей свою помощь.

— Герцог Мортландский подтвердит! — от отчаяния у Инн полились слезы, — Я не воровка и никогда не возьму чужого!

— А откуда ты знаешь его светлость? — хмуро спросила хозяйка.

— Он — мой друг!

Почему-то все в комнате злорадно рассмеялись, пренебрежительно глядя на испуганно сжавшуюся девушку.

— Раз, крошка, у тебя такие могущественные знакомые, — фыркнул мужчина, — думаю, они не откажутся заплатить мне за ущерб. Но если к концу дня денег не будет, я

обращусь к властям, и ты получишь по заслугам!

Шумно обсуждающая произошедшее толпа удалилась, и Инн услышала, как хозяйка запирает дверь снаружи.

— Так-то надежней будет! А уж к герцогу я пошлю верного человека, и пусть он скажет, знает ли мисс Тейлор? Ты, девочка, нам голову не заморочишь..., молодая, да ранняя!

Мисс Тейлор? У Инн отказали ноги — что же она наделала, зачем назвалась чужим именем? А вдруг этот человек обратится в полицию, какого позора натерпят тогда и Тейлоры, и Кавендиши?! А все её безответственность и глупость! Но как часы могли попасть к ней в сумку, ведь она ни разу не развязывала шнурки ридикюля? Как теперь доказать свою невиновность, как дать понять этим людям, что Иннин дю Валльдэ скорее умрет от голода, чем возьмёт чужую вещь?!

Инн свернулась калачиком на плаще Мортланда и, прижав к себе мадонну, стала молить святую, чтобы герцог оказался дома, чтобы принял посланцев хозяйки и чтобы он пришел к ней на помощь. Но время шло, уже и солнце стало клониться к закату, а никто так и не появился. Постепенно паника и уныние охватили несчастную девушку. Что полагается за воровство в Англии — петля палача или высылка в колонии? Кто поверит в невиновность бедной иностранки?

Неужели Бог отвернулся от неблагодарной, отвергшей руку и сердце своего благодетеля? Сейчас бы она всё отдала, чтобы вернуться в особняк Кавендишей и чтобы произошедшее оказалось всего лишь кошмарным сном.

Трактир, между тем, вновь зажил своей буйной жизнью — раздавались пьяные возгласы, пронзительные женские голоса, хохот, визг — всё как всегда! И только она, как преступница палача дожидалась, когда же, наконец, откроется дверь.

На дворе уже была глубокая ночь, когда за ней пришли. Инн сжалась в комок от ужаса, и тут же облегченно перевела дыхание. В пролете двери, держа свечу, показался грум герцога — тот самый, что привез её в это проклятое место.

— Миледи! — осветил он темную комнату. — Собирайтесь, я за вами!

Но радость и облегчение произвели на девушку странное воздействие — она попыталась подскочить с кровати, но руки и ноги почему-то перестали её слушаться. Слуга едва успел перехватить стремительно падающее тело.

— Миледи, — уверенно проговорил он, помогая ей подняться, — успокойтесь. Его светлость уже всё уладил, и вам нечего бояться!

Он осторожно усадил её назад на постель и принялся собирать разложенные вещи. Инн, шмыгая носом, наблюдала за его уверенными жестами и постепенно успокоилась.

— Вроде бы всё, — Джек осторожно вытащил из её рук судорожно сжатую мадонну, — я упакую и это. Вам будет неудобно нести её в руках!

Инн покорно пошла следом за ним, но когда оказалась на знакомой лестнице — ею, в который уже раз за день, овладела оторопь.

Даже в страшном сне юной француженке не могла привидеться такая непристойность. Ладно, пьяные мерзкие мужские рожи, к ним она уже как-то притерпелась за этот день, но женщины! Пьяно хихикающие, с задранными подолами и обнаженными грудями они сидели на коленях своих ухажеров, которые, не стесняясь, запускали руки им за пазухи!

— Не надо смотреть на это, миледи! — настойчиво потянул её за руку грум. — Пойдёмте, карета ждёт!

Инн растерянно послушалась, но когда они уже были внизу лестницы, дорогу им

преградила растрепанная и краснолицая бабища, с вываливающейся из слишком низкого корсажа дебелий грудью.

— Хочешь вкусенького, красавчик, — полезла она слюнявым ртом к груму, — я много не возьму, пенни на выпивку и делай, что хочешь!

Ответ Джека был сокрушительным — ни слова не говоря, он так двинул кулаком ей в лицо, что пьяница отлетела в сторону.

— Не задерживайтесь, миледи! Не нужно обращать внимания на выходки местных шлюх!

Но поверженная не унималась — им вслед понеслись жуткие ругательства и довольно странные слова.

— Миледи? Она такая же миледи, как и я, раз ей заинтересовался Бисби!

Инн не поняла, что случилось, но почему-то шум резко стих, и грум с силой, практически волоком, вытащил её на улицу.

— Кто такой Бисби? — растеряннo спросила она. — Все так странно замолчали?

— Не знаю, миледи, — почему-то разнервничался грум, заталкивая её в экипаж, — просто болтовня пьяной дуры! Забудьте!

Но это имя навсегда врезалось в её память именно в силу необычной реакции на него окружающего отрепья. Что же это был за человек, одно упоминание о котором могло заставить замолчать даже человеческие отбросы Ковент-Гарденского рынка?

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК

Карета катилась по ночному Лондону, выехав за пределы знакомых ей кварталов. Хотя дома по сторонам по-прежнему принадлежали состоятельным людям, расстояние между ними становилось всё больше и больше, а сами особняки прятались за ажурными оградами парков. Наконец, лошади остановились перед воротами невидимой с улицы усадьбы.

Привратник распахнул скрипучие створки чугунного литья, и экипаж въехал в аллею, густо обсаженную огромными и мрачными в ночи деревьями.

— Мы приехали, миледи!

Измученная девушка вылезла из экипажа и в первый раз за этот богатый неприятными событиями день застыла от удивления, а не от ударов судьбы.

Перед ней находился очаровательный маленький особнячок. Двухэтажный, в георгианском стиле, с красивыми и причудливыми арками над высокими с частым переплетом окнами, он сиял, как сказочный пряничный домик приветливыми огнями хорошо освещенных комнат. Кружевные занавески и чистейшие стекла окон создавали ощущение легкости и уюта.

Из двухстворчатых стеклянных дверей выскочила женщина лет сорока в чёрном платье экономки, оживляемом кружевными чепцом, воротничком и кокетливым фартуком пронзительно белого цвета.

— Ах, — зашебетала она с весьма ощутимым иностранным акцентом, — наконец-то, дождались! И вода для ванны готова, и ужин переставается, и чванливый француз сердится!

— Какой француз? — с трудом встряла в эту быструю речь встревоженная Инн.

— О, — женщина вцепилась в её локоть и решительно повлекла гостью в дом, — наш повар — месье Жорж. Уж такой сердитый господин — одни усы чего стоят!

Повар — француз! На такую удачу девушка и не рассчитывала, но вскоре опять испытала смятение. Она вошла вслед за женщиной в просторный холл здания и остановилась перед широкой мраморной лестницей.

— Чей это дом? — поинтересовалась Иннин, изумленно оглядывая расписанный сценами из мифологии плафон потолка.

— Неужели вы не знаете? — черные глаза экономки недоверчиво воззрились на гостью, — конечно же, его светлости. Это — Вудвилл-лодж.

Инн удивилась герцогской блажи иметь ещё один дом наряду с дворцом Мортландов.

Экономка провела гостью в ванную комнату, где наряду с диваном, креслами и чайным столиком, дымилась горячей водой огромная, устланная полотенцами медная ванна и жарко полыхал камин.

Инн с наслаждением скинула с себя грязное, пропахшее жуткой гостиницей платье, но когда, оставшись в одной сорочке, попыталась залезть в воду, экономка с неожиданной грубостью сдернула с неё рубашку.

— Лезть в воду одетой, — свирепо сверкнула она глазами, — вопиющая глупость!

— Но миссис... — возмутилась шокированная Инн.

— Мисс Джина, — поправила её эта невозможная женщина, — где-нибудь в другом месте, можете купаться хоть в бальном платье, но только не в этом доме! Не уподобляйтесь грязным аристократкам, ради глупого тщеславия согласных терпеть даже вшей! Женщина должна быть вся чистой, а не только её рубашка!

И, с силой надавив на плечи, усадила девушку в ванну.

Инн хотела высказать экономке недовольство по поводу 'грязных аристократок', но колдовство горячей воды и восхитительно пахнущего жасминовой отдушкой мыла быстро сделали свое дело. Она ещё раз возмущенно дёрнулась, когда в комнату вошли две негритянки в форменной одежде горничных, но те настолько умело принялись намыливать ей ноги и руки, а главное, мыть обычно доставляющие массу хлопот пряди волос, что нарождающиеся протесты очень быстро стихли. За Инн никогда так не ухаживали, и она даже задремала!

— Миледи! — сквозь дремоту прорвался голос Джины. — Проснитесь! Вас ждет ужин!

Ужин! У Инн даже заурчало от голода в желудке. Как не восхитительны были булочки Беаты, но она их ела ещё утром. Днем от невыносимой тревоги её аппетит молчал, но теперь проснулся с утроенной силой.

— Настоящий французский повар? — очарованно спросила она, пока её вытирали огромными полотенцами. — Никакого соуса из варенья, копченой рыбы и тмина в пирожных?

— Надо думать! — пожала плечами Джина. — Я в этом разбираюсь мало. По мне так нет ничего лучше хорошо прожаренной бараньей отбивной и не важно, с каким она соусом. Но у других может быть иное мнение!

Оставалось только удивляться такой лояльности — все знакомые Инн экономки обычно считали, что гораздо лучше разбираются во всём, чем их хозяева. Но её мнение изменилось, когда она увидела, во что Джина облачила гостью.

Струящийся легкий шелк кремового цвета ничуть не скрывал форм ещё влажного тела, мало того, завязывался на плечах лентами, и рубашка была так низко вырезана, что едва держалась на груди.

— Пресвятая Дева! — ахнула Инн, торопливо прикрывая вырез руками. — Что это такое?

— Рубашка! — в голосе Джины зазвенел металл. — А это пеньюар! Извольте надеть!

Чернокожие горничные помогли надеть что-то воздушное и невесомое. Инн вновь глянула на себя в зеркало, в тайной надежде, что теперь всё прикрыто, и судорожно сглотнула слюну. Пеньюар из прозрачной ткани цвета слоновой кости не только ничего не прятал, а наоборот, подчеркивал вызывающую непристойность её наряда.

— Я не могу носить подобное безобразие!

— Интересно, почему? — насмешливо искривила губы Джина. — Прелестное дезабилье для будуара! Разве вы собираетесь в нём выйти на улицу?

— Это непристойно!

— Что — непристойно? Разве вы сильно обнажены? Насколько я знаю, светские дамы позволяют себе более открытые пеньюары!

— Но...

— Я уже приказала сжечь ваши рубища, а других нарядов в этом доме нет. Хотите, можете раздеться и ходить голой! А теперь к зеркалу, нужно вас привести к ужину в надлежащий вид.

И она бесцеремонно вытолкнула Инн в спальню — обтянутую золотистыми шелковыми обоями комнату. Вставив ноги в открытые туфельки на высоких каблуках, девушка в отчаянии ещё и выяснила, что этот дикий наряд имеет разрезы по бокам, да такие, что при каждом шаге ноги обнажаются, чуть ли не до колена!

— Видела бы меня, миссис Элспет, — обреченно вздохнула она, присаживаясь перед зеркалом, — уж точно оставила бы без сладкого пудинга на ужин!

— Насколько я поняла, вы не любите пудинги?

Джина и две её помощницы суетились, раскладывая пряди волос на полотенца. Инн поморщилась:

— Что хорошего в пудинге — вязкий, липкий, как замазка! Его всегда слишком много во рту, хоть и берёшь по капле!

Как в ту пору обычно ухаживали за волосами? Пряди хорошенько расчесывали свинцовым гребнем, смазывали жиром, а потом либо посыпали отрубями, либо крахмальной пудрой. Уже уложенные волосы могли и яичным белком смазать. Зато прическу из таких волос не растрепать было даже урагану, и блестели локоны на солнце, как зеркальные!

Но в этом странном доме все было наоборот. Горничные сушили пряди волос полотенцами, а орудие пытки — частый гребень и щётки порхали в их руках, словно волшебные, и никакого жира, яиц или отрубей!

— Чистота гораздо прельстительней даже красоты, если та неряшлива! Никакими благовониями не заглушить запаха прогорклого масла на волосах!

Так же деловито хмурясь, Джина вглядывалась её лицо.

— Чудесно, чудесно..., - бормотала она как бы про себя, — ваша красота — щедрый подарок Создателя! Мы вот тут, слегка... Миссис Элспет, наверное, старая, вредная и уродливая старуха?

Вопрос отвлек Инн от недоуменного созерцания действий экономки, которая зацепив что-то из золоченой баночки, быстро нанесла эту субстанцию ей на скулы.

— Да! А как вы догадались?

— Миледи, вы ещё совсем юная девушка, — руки Джины порхали по её лицу, словно крылья бабочки, — поэтому не знаете, что нельзя прислушиваться к советам некрасивых и старых женщин относительно своего вида. Завидуя вашей юности и очарованию, они сделают всё, чтобы лишить вас преимуществ данных красотой. Будут рекомендовать уродливые платья, закрывать вам грудь дурацкими платками, нагромождать на изумительно тонкие талии, утолщающие корсеты, и прочее...

Инн зачарованно смотрела, как меняется её лицо — вроде бы и не сделала эта удивительная женщина ничего особенного, но её глаза заблестели ярче — их почти черная синева стала пронзительной и глубокой, и нежной изящной линией выделились губы. Забранные высоко в небрежный узел волосы, только одной, чуть влажной прядью, падали на обнаженную грудь, подчеркивая сливочную нежность кожи.

Но Джина почему-то оставалась недовольной. Она задумчиво помяла подбородок и быстрым движением распахнула стоящую на туалетном столике эмалевую шкатулку, заполненную футлярами. Выдернув один из них, экономка вытащила небольшую нить золотистого крупного жемчуга и обвила шею девушки.

— Да, конечно, — согласилась с молчаливым вердиктом, тяжело вздохнувшая Инн, полюбовавшись, как мягко засветилась её кожа в этом обрамлении, — но это слишком дорогая вещь, я не могу такое надеть даже с разрешения хозяйки!

— Пока вы в этом доме, все драгоценности принадлежат вам! — заявила Джина. — Но хватит разговоров, пора выходить к ужину!

— В таком виде? — возмутилась Инн.

— Именно в таком виде!

И прежде чем она попыталась воспротивиться, экономка бесцеремонно вытолкнула её в соседнее помещение.

— Приятного аппетита!

Девушка, нервно запахивая разъезжающиеся полы пеньюара, настороженно огляделась.

Единственным предметом обстановки был сервированный на две персоны стол. Жарко горящий камин за экраном из павлиньих перьев, несколько напольных ваз с алыми розами и больше ничего из того, чтобы полагалось иметь столовой — буфета или поставцов с посудой. Милая, располагающая к себе комната, и всё было в ней хорошо, если бы глаза Инн не наткнулись на стоящего перед окном мужчину.

Громко вскрикнув от испуга, она отступила назад в будуар, но дверь оказалась закрытой.

— Успокойтесь, леди Иннин! Я вовсе не монстр, и не питаюсь маленькими девочками!

Обернувшийся мужчина оказался Мортландом.

— Рад вас видеть живой и невредимой!

Инн облегченно перевела было дух, но тут ей бросилось в глаза отсутствие на джентльмене сюртука и жилета!

— О, Боже, — она судорожно сжала на груди края своего весьма сомнительного одеяния, — прошу вас, выйдите из комнаты или разрешите уйти мне, я не одета!

Мортланд подошел к столу.

— Избавьте меня, пожалуйста, от нелепых капризов! — холодно попросил он.

Но Инн никак не могла прийти в себя, ошеломленно пялясь на него, и тогда герцог повысил голос.

— Графиня, вы сегодня столько всего натворили, что у нас есть темы для разговора и поважнее вашей глупой стыдливости! Садитесь!

Он был прав. Виновато согнув голову и мелко семеня, чтобы полы пеньюара не разлетались, девушка робко приблизилась к столу и присела на край стула. Хозяин дома внимательно оглядел пылающее от смущения лицо гостьи и приказал:

— Подавайте!

Знакомые негритянки вплыли в комнату с блюдами в руках.

Как ни тревожно и отчаянно было положение Инн, один вид сырного супа с креветками, фрикасе из цыпленка, консоме, бриошей с маслом и оливками, и пирожных со взбитыми сливками моментально привел её в состояние близкое к голодному обмороку.

— Я не любитель французской кухни, — между тем, заявил герцог, задумчиво изучая содержимое тарелок, — поэтому профессионализм нашего повара придется оценивать вам. Понравится — оставим, нет — поищем другого!

Иннин было стыдно, но она не просто ела, а буквально тряслась от жадности, поглощая столь долго недоступную для неё вкусную еду, но все-таки справедливость заставила её пренебречь собственным аппетитом и спросить:

— Но раз вам не нравится французская кухня, то зачем вы приняли на работу повара-француза?

— Хотел вам сделать приятное, — любезно улыбнулся Мортланд в сомнении ковыряя вилкой фрикасе, — когда я гостил в Кавендиш-холле, то заметил, что повар вашего дяди (кстати, очень неплохой!) не смог удовлетворить ваш вкус. Не торопитесь, на кухне ещё много еды! Вы давно не ели?

Инн только пожала плечами, ловко работая ножом и вилкой.

— Можно сказать, что я не ела уже четверо суток! В этой странной гостинице, в которую вы меня отправили...

— Помилуйте, графиня, — Мортланд даже отложил в сторону столовые приборы, — я предлагал хорошую гостиницу, но эта идея не пришлась вам по вкусу! Мне и в голову не пришло, что покинув мой дом, вы направитесь в самый злачный в городе притон!

Инн чуть не подавилась.

— Но ведь ваш лакей...

Герцог в изумлении округлил глаза:

— Разве можно в таких вопросах доверять лакею? Он мог вас завести куда угодно, даже в доки! Ему было приказано всего лишь сопровождать вас в поездке по городу. Почему же вы, увидев, куда он вас привез, не приказали немедленно покинуть это место?

Инн судорожно сглотнула.

— Я не знала..., думала, английские гостиницы все такие!

Герцог щедро плеснул себе в бокал бренди.

— Какая глупость! Нормальный англичанин никогда не поселится в столь мерзком месте — это пристанище шлюх, да нищего отрепья.

У Инн пропал аппетит, и она отложила вилку и нож, уткнувшись взглядом в тарелку.

— Невкусно?

— Нет, отчего же, но что-то мне расхотелось есть!

— Немудрено! У меня тоже кусок в горле застрял, когда я узнал, что женщина, назвавшаяся именем моей невестки, обвиняется в воровстве!

Неимоверный стыд и отчаяние заставили несчастную девушку закрыть лицо ладонями.

— Я не знала, — прошептала она, чувствуя, как на ресницах накапливаются слезы, — не думала!

— И что теперь прикажите делать мне? Объясняться в полиции, что это вовсе не жена лорда Тейлора ворует часы на Ковент-гарденском рынке, а её кузина — графиня дю Валльдэ?

Инн ахнула от ужаса.

— Но разве вы не могли им пояснить, что я не воровка, и скорее умру, чем возьму чужую вещь? — по её щекам покатились слезы.

— Не нужно так распускаться, — жесткий голос хозяина дома призывал к порядку, — лучше выпейте! Станет легче!

И он протянул ей свой бокал. Инн покорно хлебнула, и на мгновение лишилась дыхания от обжегшей рот огненной жидкости мерзкого вкуса. Легче не стало!

— Что из того, что я — герцог? — между тем сурово продолжал выговаривать Мортланд, — Я не могу взмахом руки сделать так, чтобы прилюдно вытащенные из вашей сумочки часы вдруг стали в глазах свидетелей невидимы. Ни один маг не может превратить воровку в честную женщину, если её застукали на месте преступления с краденой вещью в руках.

Сердце Иннин тошнотворно сжалось.

— Меня арестуют? Вышлют в колонии?

Она так много раз за этот день перемещалась от отчаяния к спасению, и обратно!

— Иннин! — пальцы Мортланда горячо сжали её похолодевшую руку. — Что вы такое говорите? Нет, дорогая, конечно, вас не арестуют, и уж тем более, не вышлют, но мне пришлось выложить кругленькую сумму, чтобы этого не случилось!

И перед расплывающимся от слез взором Иннин оказался лист бумаги. На нем четким почерком какого-то клерка было написано, что в случае уплаты герцогом Мортландским суммы в десять тысяч фунтов стерлингов мистеру Джошуа Смиту — торговцу бакалеей, тот отказывается от всех претензий к мисс Лили Тейлор по поводу происшествия, имевшего место быть на Ковент-Гарденском рынке. Стояли чьи-то подписи и прикладывался погашенный чек на сумму в десять тысяч фунтов, подписанный герцогом Мортландским.

— Десять тысяч! — от потрясения у Инн разом высохли слезы, — Помилуй, Пресвятая Дева! Как же я смогу вам возратить хотя бы сотую часть этой суммы?

— Вы предпочитаете тюрьму? — герцог вновь занялся бренди, с видимым интересом поглядывая на собеседницу.

— Нет, конечно, — Инн в панике схватила дрожащими руками бриоши с блюда и нервно проглотила, не замечая ни вкуса, ни начинки, — но..., такие деньги! Даже если я обращусь к Лили...

— И расскажите сестре, что она теперь числится карманной воровкой, поэтому должна заплатить за спасение своего честного имени?

Мортланд залпом выпил содержимое бокала и с легким вздохом заметил:

— Нет у неё таких денег в наличии! Приданое леди Лилианы надежно защищено от поползновений моего брата оставить будущих наследников без гроша в кармане, и супруги Тейлоры будут жить только на проценты с основного капитала.

— А если я обращусь к дяде? — Инн лихорадочно искала выход, — он, наверняка, заплатит вам!

— И узнает, что девушка, которую он любит, променяла его руку и сердце на притон Ковент-Гардена? Пожалейте лорда Кавендиша — зачем же терзать его и дальше? Лучше пусть Джордж думает, что вы в Бельгии ведете душеспасительные беседы со старым кюре!

Иннин опять мучительно покраснела, вспомнив лицо дядюшки. Нет, конечно, нет! Она не сделает ничего, что может принести ему новую боль!

— Но я не знаю иных способов возместить вам столь чудовищный долг. Мой домик в Бельгии не стоит и десятой части этой суммы, да и как туда попасть?

Герцог сухо улыбнулся. В первый раз за этот вечер.

— Думаю, мы найдем возможность пересечь пролив, — мягко пообещал он, — но почему бы все-таки не перейти к десерту? Этот суровый повар-француз, наверняка, рассердится, если вы не попробуете его знаменитых пирожных.

— Я не могу есть! — Инн с сожалением остановила взгляд на усыпанных цукатами птифурах и марципанах.

Герцог с шумным вздохом откинулся в своем кресле, поигрывая бокалом с янтарной жидкостью.

— Да забудьте вы про эти деньги, — лениво посоветовал он, — сумма, конечно, велика, но я могу вполне ей пренебречь! Ешьте и не забивайте себе голову всякой ерундой!

— Ерундой? — Инн округлила глаза и неуверенно протянула руку к пирожному. — Ведь это целое состояние! Я не могу принять такой подарок.

Девушка машинально взяла с блюда марципан и осмотрела — он был такой красивый и благоухающий! Есть не хотелось, и она бережно крутила лакомство в пальцах.

— Ах, какие церемонии между друзьями! — между тем, небрежно заметил Мортланд. — Я чувствую в какой-то степени вину за то, что не вернул вас в ту ночь в особняк Кавендишей. Но какой прок сожалеть о том, чего нельзя вернуть? Хотя я понимаю

ваши сомнения, поэтому предлагаю услугу за услугу.

Инн настороженно подняла глаза на собеседника. Крепко спавший дотоле инстинкт самосохранения вдруг пробудился и наполнил её душу гнетущим ощущением опасности.

— Услуга? В чем она будет заключаться?

— О, сущие мелочи!

Прислуживающая за столом негритянка наполнила бокал герцога в третий раз. Инн с тревогой наблюдала за переливаемой из бутылки янтарной жидкостью. До этого она никогда не видела, напивающегося при дамах джентльмена — это было так странно! Девушка нервно надкусила пирожное.

— Дело не совсем обычное, хотя, на первый взгляд, и простое. Мне нужна своеобразная компаньонка — девушка для сопровождения!

— Кто?

Изумленная Инн подавилась.

— Простите, пожалуйста, — смущенно извинилась она после того, как смогла восстановить дыхание и справилась со слезами, — но я так устала за этот день, что мне мерещатся всякие нелепицы!

Герцог залпом выпил и третий бокал. Инн опасливо покосилась на собеседника — однако на его лице не было признаков опьянения. Мортланд взял с блюда птифур и, осторожно надкусив, вернул на место.

— Неужели вам это нравится? Впрочем, о вкусах не спорят!

Его глаза холодно блеснули.

— Но вернемся к нашему разговору, графиня. Вы не ослышались, и вам не померещилось — мне действительно нужна девушка для сопровождения, когда я посещаю... некоторые места!

Нет, он положительно был пьян!

— Какие места? — осторожно поинтересовалась Инн. — Надеюсь не такие, как 'принц Альфред'?

— Помилуйте! — хмуро фыркнул герцог. — Да я и за корону британской империи не пересеку порог этой грязной харчевни. Но все же существуют места, какие бы вам не посоветовала посещать миссис Элспет, но мне нравится проводить там свободное время!

Разумеется, она слышала о таких местах! Дамы из великосветского общества любили тайком потолковать о скандальных нравах темного мира дорогих куртизанок, певичек, актрис и прочих сомнительных женщин. Были там и свои 'звезды' — печально ослабившиеся дамы хороших фамилий, которых за какие-либо провинности изгоняли из общества.

Предостерегая дебютанток от ошибок, наставницы охотно тыкали их носом в незавидное положение парий.

— Не совсем приличные места? — Инн растерянно задрала брови. — Разве я..., но чтс скажет лорд Кавендиш?

— Он не узнает об этом!

— Но меня могут узнать другие знакомые! — нервно возразила Иннин.

Ей было известно, что некоторые джентльмены посещают сомнительные заведения — об этом в своё время рассказывала кузине Лили.

— Вы всегда будете в маске. В тех местах подобная предосторожность не вызовет удивления. Мне же нужна сопровождающая дама, чтобы держать на расстоянии сонм красоток, обитающий в кущах отсутствия условностей. Я состоятельный человек и

представляю для них определенный интерес, который они весьма настойчиво демонстрируют!

Инн невесело хмыкнула, сразу вспомнив влюбленность Лили:

— Вас не оставляют вниманием в обоих мирах! Неужели нет места, где вы смогли бы укрыться от женского внимания?

Герцог отправил четвертый бокал вслед за первыми тремя.

— Есть, — выдохнул он, — около одной, определенной женщины! В высшем свете — это жена, но я не собираюсь жениться, а в других местах — официальная метресса, и здесь мои руки развязаны. Я хочу, чтобы её роль играли вы. Со своей стороны обещаю вам всю доступную роскошь, французского повара и этот дом.

Несчастливая девушка потеряла виски — для одного дня было уже слишком! Её бедная голова разболелась от непонимания происходящего. Иннин очень не понравилось услышанное — всё в ней восставало против подобного предложения, но... долг в десять тысяч! Какие условия она могла ставить при таких обстоятельствах? Впрочем, одно было!

— Но положение компаньонки, — слова вырывались из неё с большим трудом, — не повредит моей чести?

Мортланд пожелал сделать вид, что не понимает.

— Что может повредить вашей чести?

У Инн запылали щеки — не такая уж она была дурочка, чтобы не понимать некоторых вещей.

— Ну..., - тихо пролепетала она, — когда мужчина и женщина...

Герцог громко и раскатисто рассмеялся.

— И чему вас только учат, — снисходительно хмыкнул он, — глупых барышень! И какой вы представляете для меня интерес в этом плане?

Девушка смущенно пожала плечами, и тогда Мортланд её уверил:

— Поверьте, недостатка в женщинах я не испытываю!

Явное пренебрежение, прозвучавшее в его голосе, в какой-то степени даже обидело Иннин, с другой стороны — ей стало стыдно.

— Но, — она постаралась взять себя в руки, — как должна вести себя леди, оказавшись в этих самых 'кущах отсутствия условностей'?

— Там не бывает ни леди, ни правил для леди! Это мир весёлых и легкомысленных женщин с определенной репутацией, с их фанабериями, фантазиями, смехом, музыкой, развлечениями! Вы войдете туда под маской и с новым именем, и уйдете оттуда тоже инкогнито! Конечно, при условии, что вам не понравится там настолько, что захочется остаться на всю жизнь!

Иннин гневно взглянула на собеседника.

— Я, конечно, натворила много глупостей, — сердито заявила она, — но это не дает вам права...

— Ладно, ладно! — примирительно поднял руки герцог. — Нам надо выбрать вам псевдоним. Лили Тейлор, как понимаете, не подходит! А вот как на счёт мисс Эрики Трелони?

— Откуда вы его взяли?

— Как-то я путешествовал по Шотландии, и там в одном из пабов на стол накрывала уникально уродливая старуха. Она отзывалась на это имя!

Юная француженка неожиданно обиделась.

— Я вам напоминаю уродливую шотландку?

Мортланд вдруг стал серьезным:

— Нет, графиня, если и напоминаете, то совсем о другом!

Инн недоуменно глянула на собеседника — что-то такое послышалось в его словах, после чего девушке стало не по себе.

— А как долго продлится мое пребывание в роли... компаньонки? — наконец, поинтересовалась она.

— Вот! — герцог, поучительно подняв палец, неожиданно подскочил со своего места. — Это самый главный вопрос! Пойдемте, милая Инн, я вам кое-что покажу...

И он, крепко ухватив её чуть выше локтя, вытащил из-за стола и увлек за собой. Они пересекли несколько комнат, прежде чем остановились на пороге погруженного во тьму помещения. И всё-таки Иннин поняла, что перед ними большая зала.

— Здесь, миледи, — на ухо прошептал Мортланд, — расположена дверь, через которую вы можете попасть в Бельгию! В этом мраке таится рояль, который вам предстоит освоить настолько, что дюжина приглашенных гостей найдет вашу игру не омерзительной, а талантливой и прекрасной!

Откуда же он прознал, что для неё подобное — непосильная задача? Может, рассказала Лили?

— Что? — горько рассмеялась Иннин. — Это невозможно!

— Тогда вы не скоро увидите Бельгию, ваш дом и могилу отца!

Он ещё договаривал последние слова, когда заглянувшая в окна луна осветила помещение серебристым светом, и из мрака, как призрачный фантом, вдруг выступил белый, такой знакомый ей по снам рояль!

Инн глянула на призрак из сновидений, затем в панике оглянулась на светлеющее во мраке лицо герцога, и ей стало плохо. Видимо, предел выносливости был перейдён!

Инн редко болела, да и то в детстве. Но в этот раз недуг запрятал её в постель надолго. Валяясь с жаром среди простыней золотистого шелка, она не могла не думать с иронией о превратностях судьбы и двойственности мужской сущности. Кем был герцог Мортландский в глазах всех её знакомых? Надменный, тяжелый и неприятный человек. Но его светлость завалил свою гостью подарками — конфетами, цветами, безделушками, книгами, и, наконец, однажды, когда она завтракала в постели, на кровать опустился очаровательный щенок.

— О, — Инн отставила поднос с едой в сторону, — какое чудо!

Герцог стоял у её кровати с корзинкой в руках и наблюдал, как она радостно трогает шелковистые длинные ушки и гладит хорошенький носик.

— Это спаниель 'принц Чарльз', — пояснил он, — я сегодня встал затемно, чтобы съездить в одно знакомое мне местечко и порадовать вас к пробуждению этим подарком.

— Благодарю вас! — Инн живо села на кровати, и уже не обращая внимания на свое дезабилье, начала теревить тут же вступившего в игру шаловливого песика. — Принц Чарльз — это его имя?

— Нет, название породы, в честь одного легкомысленного монарха, который терпеть не мог государственных дел, тратя все свое время на женщин и на разведение спаниелей этого вида.

Инн подняла на руки повизгивающего зверя и обожаяще потерлась об его мордочку носом.

— Не сказать, чтобы он совсем уж бездарно проводил время, раз оставил в память о себе такое чудо. Так его и назовем — принц Чарли, его высочество! Я всегда мечтала о такой собаке. Как вы догадались?

— Я чуточку волшебник, — хмыкнул герцог, и низко склонился над ней, — поцелуи получают только псы, или на долю дарителей тоже что-то остается?

Инн рассеянно мазнула губами по чуть колющейся щеке. Она не могла оторвать восторженного взгляда от спаниеля.

— Вы очень милы, ваша светлость, когда хотите таковым быть!

Герцог шутливо покачал головой.

— И хотя это не та благодарность, на которую я рассчитывал, покупая этого зверя..., извольте получить ещё один подарок.

И удивленная Инн увидела перед своим носом длинный бархатный футляр. Она в растерянности покосилась на улыбающегося герцога.

— Что это?

— Откройте!

Придерживая одной рукой, норовившего облизать лицо песика, другой рукой Инн поддела замочек футляра и замерла от неловкости. На белом бархате красовалось ожерелье из крупных и мелких сапфиров в белом золоте, собранное в причудливую узорчатую сетку, которая должна была покрыть почти всю грудь.

Девушка помрачнела — дело в том, что она знала стоимость украшения! Почти перед самой свадьбой Лили долго восхищалась ожерельем в лавке ювелира в тайной надежде, что отец либо купит его в подарок на свадьбу, либо подскажет жениху сделать это. Но, увы, и

тот, и другой посчитали, что платить тысячу фунтов за безделушку слишком дорого!

— Я думаю, — покраснела она, — это лишнее!

— Отчего же, — руки герцога расправили ожерелье во всю длину и ловко обвили покорно склонившуюся шею девушки, — я так мечтал посмотреть, какой оттенок примут ваши глаза по соседству с сапфирами...

Инн дрожащей рукой погладила камни.

— И всё же, это слишком дорогой подарок! Я не могу его принять!

— Но, дорогая леди Иннин, ведь и шестнадцать лет человеку бывает только раз в жизни!

Юная француженка ошеломленно распахнула глаза, глянув на улыбающегося герцога, и ахнула. Как же она могла забыть про свой день рождения?

— Вы хотите сказать, что не помните об этой дате? — правильно растолковал её изумление Мортланд.

— Мне стыдно, но это так, — печально улыбнулась Инн, — все эти несчастья, свалившиеся на мою голову в последние дни...

— Ну-ну, — герцог поспешно опустился рядом на кровать и ободряюще сжал её руку, — незачем вспоминать о прошлом, наоборот, надо уверенно смотреть в будущее!

— Да и там тоже мало хорошего, — тяжело вздохнула девушка, грустно прижав к себе радостно взвизгнувшего щенка, — последний свой день рождения я праздновала с отцом. Отец Оноре играл на скрипке, а мы с папой представляли себя на балу в Трианоне и танцевали менуэт! Жервеза всегда пекла в этот день большой пирог со взбитыми сливками!

— Думаю, месье Жорж так же порадует вас сегодня своим шедевром, — губы герцога коснулись её пальцев, — хотите, я станцую с вами менуэт, хотя это не мой танец!

Инн несколько натянуто рассмеялась и, выдернув пальцы из его рук, сосредоточила все внимание на спаниеле.

— Вы слишком современны для менуэта, а мой отец был блестящим французским вельможей той эпохи! Жизнерадостный и веселый, он жил очень легко, никогда не заглядывая в завтрашний день. Ему нравилось заниматься археологией, и он это делал, мало думая о том, что у меня дырявые чулки или нет денег на дрова! Чтобы не забивать себе голову заботами, на время бесконечных экспедиций отправлял меня в Англию, но зато когда возвращался... — У Инн побежали по щекам слезы, — наступал праздник! Он смеялся и шутил, пел мне старинные французские песенки, мечтал и фантазировал, что когда-нибудь я выйду замуж за самого короля. С его точки зрения, Капетинги и Плантагенеты были просто беспородными выскочками по сравнению с дю Валльдэ! Отец как будто не видел той убогости, что окружала нас — отсутствия денег, натиска кредиторов, ветшавшего без ремонта старого дома...

— Чтобы так жить, нужно большое мужество и несокрушимая вера в жизнь. Потерять разом — любимую жену, состояние, страну и при этом найти новые ориентиры в жизни, не стесняясь, не интригуя и не жалуясь... Вы очень любили отца?

— Разве можно было его не любить? Я только и жила от встречи до встречи! И вот теперь он уже никогда не вернется — карета превратилась в тыкву, невеста короля в воровку с Ковент-Гарден, графиня дю Валльдэ — в мисс Эрику Трелони!

— Леди Иннин! Не всё так плохо, как кажется с первого взгляда. Я ведь показал вам ещё не все подарки, — герцог сочувственно протянул ей носовой платок, — оставьте вашего пса и подойдем к окну!

Девушка выглянула на улицу. Под окном, придерживая грумом, гарцевала самая

красивая из виденных ей ранее кобылок — вороной масти, со звездочкой на лбу, грациозная и изящная.

— Пресвятая Дева! — молитвенно сложила руки у груди Инн. — Неужели это мне?

— Конечно! — герцог легонько сжал её плечи, но возбужденная девушка этого даже не заметила, не сводя восхищенного взора с чуда за окном, — Её зовут Шаловливая Бетси. И она целиком и полностью ваша. Вы хорошо держитесь в седле?

— Что? — увлеченная разглядыванием девушка даже не сразу поняла смысл вопроса, но потом рассеянно заверила. — Да, конечно! Правда, не так прекрасно, как Лили. Когда я смогу на ней прокатиться?

— Да, хоть сейчас! Но...

Инн с огорчением посмотрела на стоящего за спиной мужчину.

— Вы хотите сказать, что у меня нет амазонки?

— Нет, я хочу сказать, что миссис Элспет была плохой учительницей, раз не научила вас элементарным вещам!

Инн окатило удушливым жаром — почему-то ей сразу стало ясно, чего он от неё ждет. Прерывисто вздохнув и потупив глаза, она, чуть приподнявшись на цыпочки, легко прикоснулась поцелуем к его щеке, тут же испуганно отпрянув назад.

— М-да! — раздалось у неё над головой. — Стоило ради подобного поцелуя вскакивать в четыре утра и носиться, собирая по всему Лондону весь этот зверинец! Инн, я не заразный и не умирающий! Попробуйте это сделать ещё раз, только с большим чувством!

Инн стояла, упрямо опустив голову и рассердившись на этот возмутительный нажим. Он хотел, чтобы его поцеловали, она это сделала — так что ж ему ещё надо?!

— Я вас не понимаю! — нахмурилась девушка, сделав попытку отступить, но уперлась в подоконник.

— Разве? — в его голосе зазвучали опасные интонации. — А если бы на моем месте был Томас?

От гнева у неё расширились глаза, и девушка в бешенстве оттолкнула преграждающего путь мужчину.

— Да, как вы смеете! Заберите ваши подарки, я и так вам должна слишком большую сумму денег, но погашать долги поцелуями не собираюсь!

Она гневно отцепила замочек ожерелья и презрительно кинула его в герцога, а потом решительно направилась к прыгающему по постели спаниелю. Но не успела хозяйка взять его на руки, как веселый щенок, подскочив, лизнул лицо и дружелюбно замахал хвостиком, преданно заглянув в глаза. У Инн защемило жалостью сердце — вот так же, наверное, и она, преданно заглядывая в глаза Кавендишам, пыталась обрести в Англии свой новый дом!

Взрыв отчаяния был такой силы, что ноги не выдержали, и, упав к изножью кровати, она зарылась лицом в простыни и разрыдалась.

— Вот видишь, Инн, — голос герцога прозвучал где-то возле самого уха, — не всё, что дарит нам жизнь можно принести в угоду гордыне. Наше слабое место — те, кого мы любим, или те, кто любит нас!

Английских леди с детства приучали ездить верхом и грациозно управлять лошадью. Сидя в седле, женщина должна была непринужденно пожимать руки многочисленным знакомым и легко спешиваться. К обязательным умениям относилось так же управление лошадью в толпе, что бы избегать происшествий на прогулках в парке.

Привычной картиной любого лондонского сезона были ранние, ещё до завтрака, променады обряженных в амазонки леди, катающихся верхом по песчаной дорожке по Роттен Роу.

Тот осенний денек был на удивление сух, тих и согрет скупым солнечным светом, чем и поспешил воспользоваться весь лондонский бомонд 'малого сезона'. Впервые выехали на обозрение всей фланирующей публики и Мортланд со своей спутницей.

Первую верховую прогулку по Гайд-парку Инн запомнила надолго. Крепко обиженная на герцога за его возмутительное поведение, всадница демонстрировала спутнику ледяную холодность. Зато Шаловливая Бетси произвела сенсацию.

Широкие аллеи были заполнены колясками с нарядными дамами, шарабанами джентльменов, не говоря уж об отдельных всадниках, но ни у кого в этом разнообразном, и отнюдь не бедном обществе не было столь очаровательной кобылки, как у юной француженки. Бетси вела себя идеально, изящно переступая и красиво вздергивая умную головку. И любующаяся лошадкой Иннин всё внимание окружающих приписывала ей, а не своей персоне.

Хотя, надо сказать, заинтересованные взгляды больше адресовались все-таки хозяйке, а не её кобыле. Тонкая фигурка в голубой амазонке стала предметом самого пристального изучения всех прогуливающих дам и джентльменов. А что им ещё оставалось делать? Только пялить глаза! Девушка, позволившая себе без сопровождения появиться рядом с Мортландом, да ещё под плотной вуалью, была явно подозрительной особой, и поэтому пристойнее было сделать вид, что упорно её не замечаешь.

Правда, большинство джентльменов не пугало знакомство с подобной дамой, поэтому они с красноречивыми улыбками приветствовали герцога и его новую 'штучку', изящно касаясь краев шляп.

Один из них осмелился подъехать к парочке поближе.

— Мортланд, дружище! — его глаза весьма откровенно обежали фигурку девушки. — Что за Психея рядом с тобой, не представишь нас друг другу?

Инн сквозь мутную, покрытую частыми мушками вуаль внимательно осмотрела кареглазого черноволосого мужчину лет сорока и сразу же его признала. На одном из приемов их представляли друг другу. Это был довольно серьезный господин, занимающий ответственный пост в каком-то министерстве. Тогда он только мельком одарил взглядом её и Лили, да и вообще, держался с корректной холодностью и полным безразличием к двум юным дебютанткам. Миссис Элспет взидала на него с нескрываемым благоговением, потому что как-то он помог ей в одном, как она высказывалась, 'деликатном деле' (скорее всего, ссудил деньгами!). Инн никогда бы не подумала, что такой важный господин захочет, чтобы его представляли на улице, да ещё девице, скрывающей свое лицо.

— Эрика, дорогая, перед тобой сэр Фредерик Глоссоп — важный государственный чин и мой хороший друг!

— Эдди, зачем пугать очаровательную девушку перечислением титулов и званий, лучше расскажи ей о количестве денег в моем кармане!

Инн сначала не поняла смысла его высказывания, а когда до неё дошло, то потеряла от такого хамства дар речи. Но добродушно смеялся герцог, улыбался сэр Фредерик, холодно усмехнулась и она.

— Меня мало интересуют ваши финансы, — язвительно парировала она оскорбление, — но если вы считаете, что денег у вас чересчур много, то жертвуйте бедным!

Брови Глоссопа взмыли вверх.

— Какая презанятная шгучка! Где ты её откопал, Мортланд?

— Я отнюдь не собиралась вас развлекать!

Инн выпалила это и тут же прикусила губу, укорив себя за несдержанность. Но сэр Фредерик почему-то не среагировал на столь враждебную речь, а кивнув на прощание головой, обратился к герцогу с непонятной фразой:

— Когда надоест, вспомни про меня — я в долгу не останусь!

— Этот разговор считаю преждевременным! — возразил Мортланд, и припустил коня.

Недоумевающая Инн последовала за ним. Её покорило сказанное джентльменами, но она не могла понять — почему. В полном молчании они проехали ещё несколько кругов по парку, и вернулись домой.

Инн и сама не подозревала, что так устанет за столь краткое время, но свалилась с ног, едва сняв платье.

— Сон — лучший лекарь, — заботливая Джина принесла ей горький травяной настой, — вы ещё так слабы!

— Джина, — Инн уютно устроилась среди подушек, — знаешь, у меня такое ощущение, что я попала в Зазеркалье — все странно и всё как-то не так!

Экономка накрыла её одеялом и опустила полог.

— Те, кто живет с той стороны зеркала, считают, что всё не так у нас! Но, — сверкнула она живыми глазами, — и в том, и в другом мире ценится золото!

Подопечная согласно кивнула головой, хотя не особо поняла — о чём речь. В последнее время это стало привычным явлением — слова почему-то потеряли свой обычный смысл, что уж говорить о поступках людей!

Твердолобую экономку мало интересовали переживания юной француженки.

— Каждое утро вы должны выезжать Бетси в парке! — жестко заявила она на следующее утро, и, не слушая возражений, буквально выгнала девушку из дома.

И что было приятного в прогулках под перекрестными взглядами публики? Инн даже кожей чувствовала нездоровое, неприятное любопытство. Несколько раз к ней пробовали подъехать с любезностями какие-то господа, но гордое молчание в ответ и наличие серьезно настроенного здоровяка грума за спиной, заставили их быстро ретироваться.

Вторым неприятным делом, которое заставляла её делать Джина — была игра на фортепьяно.

Инн, будь её воля, убежала бы от инструмента из кошмарных сновидений, куда глаза глядят, но не тут-то было. Джина упорно затаскивала её в музыкальный салон, где на блестящем паркетном полу стоял белый, чудовищно дорогой рояль.

— Если вы не хотите навсегда остаться в Англии, — выговаривала ей властная женщина, — то должны выполнить условие его светлости. Да и жизнь кончается не завтра — как знать, может, владение этим ремеслом принесет вам когда-нибудь кусок хлеба?

Сразу же после полудня в дом приходил маленький, сердитый старичок. Судя по отвратительному английскому и уже знакомому певучему акценту, он был соотечественником Джины. Сухой и грозный итальянец, тем не менее, проявлял недюжинное терпение, заставляя свою ученицу заниматься музыкальной грамотой.

— У меня нет слуха! — отчаянно сопротивлялась девушка. — Это бесполезно!

Но Джина и маэстро Тьерезини внимательно вслушивались во все звуки, вырывавшиеся из-под её, прикасавшихся к клавишам, пальцев.

— Слух есть, — задумчиво бормотал маэстро, — вы же чувствуете собственную фальшь! Осталась самая малость — почувствовать и саму музыку, но для этого нужно, чтобы заговорило сердце. Не правда ли, сеньорита?

Джина в ответ на обращение согласно покачала головой.

— По крайней мере, нужно иметь желание учиться.

Инн негодуяще фыркнула.

— Что вы говорите?! Моя кузина отнюдь не самый сердечный человек, однако, играет легко, быстро, и её приятно слушать. Нужен талант!

— Талант желателен, — охотно согласился маэстро, — но не обязателен! Мастерство дает только каждодневный, упорный труд. Начнем с гамм...

Он так заморочил девушке голову, что прошла неделя мучительного неимоверного труда, прежде чем Инн спросила у экономки, обычно невозмутимо восседающей с вязанием рядом с ученицей и учителем.

— Джина, ты сама когда-нибудь музицировала?

Экономка не удивилась вопросу, а, старательно перекинув петлю, спокойно пояснила.

— Я когда-то пела в Ля-Скала! Слышали о таком оперном театре?

У Инн изумлением округлились глаза.

— Да, но...

— Это было лет пятнадцать назад. Вообще-то, я — римлянка, но мой чудесный голос привел меня на подмостки Миланской оперы. В ту пору в Италии шла очередная война! Только не спрашивайте меня, кто и с кем тогда воевал, потому что к моему рассказу это отношения не имеет. Кажется русские..., а может быть, австрийцы, но однажды в здание театра ворвались какие-то люди. Нас — актрис изнасиловали, и я потеряла голос, сорвав его в крике.

У юной собеседницы волосы встали на голове дыбом не столько от самого рассказа, сколько от полного равнодушия в голосе самой рассказчицы.

— К счастью, у меня всегда было крепкое здоровье, поэтому я довольно быстро встала на ноги, и, похоронив менее удачливых товарок, стала прислуживать костюмершей в том же театре, да заодно и прирабатывать проституцией.

— Чем?

Девушка потрясенно прижала руки к груди. Раньше она даже предположить не смогла бы, что может встретиться с подобными женщинами, и вот! Живёт с такой особой под одной крышей!

Джина подняла на неё ледяной взгляд черных, потускневших глаз.

— Проституцией, леди! Тем, чем мне и надо было заняться с самого начала, а не испытывать судьбу на прочность! Солдаты в захваченном городе насилуют только порядочных женщин, а шлюхам они платят и относятся к ним значительно лучше. А что вы хотите, наши профессии сходны — и те и другие рискуют жизнью за деньги!

— Но, — растерянно прошептала Инн, — считается, что быть блудницей очень плохо! И вновь взгляд, только уже снисходительный и полный спокойного презрения.

— Это самое древнее ремесло на земле! Моя семья испокон века занималась им. Куртизанками были и мои бабки, и прабабки — это тяжелый, но честный хлеб. Вот вы всё время молитесь, а я ведь тоже католичка! Но женщины моей семьи переспали с таким количеством кардиналов и епископов, что поневоле, религиозность — не мой удел!

Юная француженка испуганно перекрестилась при столь кощунственных словах, и быстро перевела разговор на другое:

— А как вы оказались в Англии?

— Меня привез из Италии старый герцог — отец нынешнего. Мы столкнулись с ним в уборной нашей примы, и ему понравились моя услужливость и расторопность гораздо больше, чем её тщеславные капризы. Он уговорил меня оставить ремесло, привёз в Англию и поселил в этом доме для ухода и присмотра за многочисленными любовницами. А уж потом я по наследству досталась молодому Мортланду.

— Так этот дом...,- прикусила губу оскорбленная Инн.

— Да, приют тайной любви! Иногда девушки следуют одна за другой, а иногда я по полгода без работы. Жаловаться не на что! Мало кто так удачно устраивается в жизни!

Иннин механически забарабанила по клавишам. Пресвятая Дева, да она попала в тот самый особняк, о котором ей когда-то рассказывала Лили. Какой позор! Но что она могла предъявить герцогу, если была ему должна столь чудовищную сумму? Какие претензии? Хорошо хотя бы, что ей не приходилось выполнять унижительных обязанностей, как тем бедняжкам, что жили здесь до неё. Надо овладеть этим чертовым инструментом и бежать отсюда — бежать, куда глаза глядят!

— Эти девушки, — все-таки, не выдержала она и вновь прервала мучительно дающиеся гаммы, — они были актрисами?

— Отнюдь, — пожала плечами Джина, — зачем его светлости здесь актрисы, с ними он встречается совсем в других местах!

— Но они потом становились актрисами?

Итальянка скупно усмехнулась:

— Интересное у вас представление о жизни актерской братии. Это ведь тяжелая, неустанная работа — жалкие гроши оплаты, капризная публика! Очень немногим удастся достигнуть вершины мастерства и славы, а удержаться на этом Олимпе ещё сложнее. Здесь и интриги, и умение изворачиваться и находить могущественных покровителей. Тут мало таланта — нужен ум, достойный Макиавелли. Бывшие же обитательницы Вудвилл-холла привыкли к роскоши, изнежены и избалованны. Зачем им такая докука? Когда герцог остывает к любовнице, то просто составляет протекцию, и она находит себе новых, не менее богатых покровителей!

Перед внутренним взором шокированной девушки предстало лицо сэра Фредерика — теперь она поняла смысл его странных слов! Жуть охватила несчастную, когда до неё дошло, что в глазах окружающих она — куртизанка Мортланда, его очередная игрушка, а вовсе не та 'компаньонка', о которой он так деликатно говорил. И своей глупой перепалкой с джентльменом Инн только утвердила его в этом мнении!

Девушка тяжело вздохнула, пытаясь сосредоточиться на игре. Что ж, она сама во всем виновата! Ах, если бы можно было повернуть время вспять?! Но Инн не дала себе углубиться в воспоминания о Кавендише, не захотела терять время в бесплодных слезах о человеке,

любовь которого так глупо потеряла!

— Джина! — шмыгнула она носом, поглядев в торчащие перед носом ноты. — Значит, ты считаешь, что желание герцога услышать мою игру, всё-таки осуществимо? А ты не можешь пояснить, какая ему от этого польза?

Итальянка отрицательно качнула головой, старательно работая спицами.

— Откуда мне знать, что у него в голове? И не думаю, что найдется хоть одна душа на земле, которая могла бы похвастаться, что хорошо знает его светлость.

— Я слышала о связях герцога с актрисами, — мысли Инн опять перекинулись на столь волнующую тему, — но зачем ему актрисы? Или, наоборот, зачем ему другие девушки, если у него в любовницах такие знаменитости, как Клерон или Эприл?

Наверное, она начала надоедать своими расспросами экономке, потому что та с заметной досадой пояснила:

— Знаменитости в любовницах — это признак хорошего тона, мода, демонстрация влияния и богатства. Но все балерины, певицы и прочие Коломбины из актерского цеха, достигшие вершин успеха, слишком зациклены на себе и своих амбициях. Сыграв уже столько ролей, бедняжки и сами не разбирают, где у них кончается сцена и начинается реальность! А настоящую страсть нельзя сыграть или изобразить. Герцог же слишком богат и влиятелен, чтобы довольствоваться в своей постели тривиальным притворством.

Наверное, впервые за время пребывания в этом доме, Инн сразу же сообразила, что стоит за обычной недомолвкой итальянки.

— Разве любовь можно купить? — горячо возразила она. — Что из того, что здесь царит роскошь? Какое отношение она имеет к женскому сердцу?

— Конечно, можно! — убеждённо заявила Джина. — Купить можно всё! Нужно только соответственно за это заплатить! Все обитавшие здесь ранее девушки отвечали его светлости любовью и были с ним счастливы!

— А потом?

— Всё когда-нибудь кончается! — меланхолично заметила собеседница. — Нет на этой земле ничего вечного, и если Господь дал тебе возможность взять от жизни, хоть немного счастья, его нужно брать и не забивать себе голову пустыми химерами. Так что играйте, миледи! Это, прежде всего, в ваших интересах!

Тут она была права! Но позже, когда лакеи привели с прогулки, не выносящего её музицирования Чарли (пес неизменно начинал противно выть!), Инн принялась с ним носиться наперегонки по скользкому паркету, и, не удержав равновесия, со всего маху шлепнулась на пол, да ещё прокатилась на животе и ударилась лбом о ножку рояля.

— Вот, — сказала она восторженно прыгающему вокруг псу, нащупывая надувающуюся шишку на лбу, — это всё, чем способно ответить данное орудие пыток на все мои невероятные труды. Оказывается, наша неприязнь взаимна, а Джина ещё толкует, что я научусь играть!

Ох, как же ей досталось за это!

— Вы, право слово, что ребенок неразумный! — кипятилась Джина, прикладывая к безобразному синяку примочку за примочкой. — Неужели мне вас ещё и за руку водить? Что скажет его светлость, когда увидит?

— Его нет уже три недели, так почему он должен появиться сегодня, — шипела от боли Инн, вырывая из её рук противно пахнувший тампон, — да и какое ему дело до моих шишек?! Подумаешь!

Джину даже с лица сменилась от бешенства.

— Зарубите себе на носу, леди! Вы всегда, в любую минуту, в любое мгновение должны быть готовы к тому, что его светлость снизойдет до вас! Поэтому никаких шишек и царапин, никакой неопрятности в туалете!

Инн хотела зло огрызнуться, но недоуменно промолчала, пытаясь вникнуть в смысл слова 'снизойдет'. Интересно, что Джина хотела этим сказать? Можно было, конечно, и спросить, но юная француженка уже начала опасаться её ответов.

Герцог не появлялся очень долго.

— Джина, — как-то раз обратилась Инн к экономке, увлеченно играя с Чарли, — почему его светлость не навещает нас в последние дни?

— Уехал на Рождество в Мортланд-холл, но к сессии парламента непременно вернется!

Инн стало грустно — она вспомнила, как весело и увлеченно украшали они с Лили Кавендиш-холл к Рождеству ветками остролиста и падуба. Интересно, вспоминает ли леди Тейлор о пропавшей троюродной сестре?

А ей оставалась в утешение только игра! И вновь был Чарли, дребезжали струны несчастного инструмента, и рояль чуть ли не пытался сбросить с себя её неуклюжие пальцы, не смотря на титанические усилия маэстро Тьеризини.

— Он похож на необъезженную лошадь, — пожаловалась итальянке Инн, — разве что не фыркает и не брыкается!

— Его можно понять! — сухо ответила та, по привычке занимаясь очередным рукоделием.

Но Инн не обиделась — другое было в её голове. А что если она так никогда и не овладеет упрямым инструментом? Что в таком случае Мортланд намерен предпринять относительно своей гостьи? И девушка поделилась своими опасениями с Джиной.

— Откуда я знаю, — пожала та плечами, — спросите его самого!

— А как? Его светлость давно здесь не появляется!

— Раз уж вам настолько невтерпёж, сами изъявите желание встретиться!

Идея была заманчивой, хотя и пугающей. Инн опасалась своего покровителя, отчетливо ощущая исходящую от него угрозу, хотя и не могла точно обозначить, чего именно боится. Девушка ещё раз проиграла порядком надоевшие гаммы, рекомендованные маэстро для тренировки пальцев.

— Как, по-твоему, — отвернулась она от клавиш, — а когда герцог вернется, я могу пригласить его светлость к обеду? Это не будет им восприниматься, как недопустимая вольность?

Джина легко вздохнула, придирчиво расправила шитье на коленях и равнодушно пробормотала:

— Отчего же, его светлость будет только рад, если вы пожелаете его увидеть, но..., — итальянка сделала красноречивую паузу, — было бы уместнее пригласить его на поздний ужин!

— Почему?

— Днем он, как правило, занят делами, а вечером посещает любимый клуб! Герцог не относится к тем светским бездельникам, которые встают после обеда, а затем полдня слоняются по дому в одном халате не в состоянии придумать себе занятие от скуки!

— А что, такие бывают? — удивилась Инн.

Её недоумение можно было понять — и отец, и дядюшка вели очень деятельный образ жизни, дорожа каждой минутой своего времени. В голове девушки не укладывалось, как это можно — ничего не делать!

— Бывают, — между тем, презрительно фыркнула Джина, — например, брат его

светлости — лорд Тейлор. Второго такого бездельника поискать! Если бы не война, он, наверное, спился бы со скуки!

— Что ты такое говоришь? — возмутилась Инн столь чудовищному обвинению.

— А что ему ещё делать? У герцогской четы младший сын появился достаточно поздно, и они в нем души не чаяли, потакая во всем — ну, как же, такой красавчик и милашка!

Итальянка кивнула, каким-то своим мыслям.

— Но у покойного Мортланда все-таки была голова на плечах, поэтому, когда начали читать завещание, то выяснилось, что он не оставил младшему сыну даже шиллинга, всё отписав старшему брату. Наверное, старый герцог понимал, что Тейлору опасно иметь деньги, прежде всего, для него же самого!

Наша героиня вдруг почувствовала, что у неё не хватает в груди воздуха. Но ведь если бы завещание было иным, то возможно...

— Вот тогда между братьями и пробежала чёрная кошка. Герцог любит младшего брата по-прежнему, а вот тот... каких только пакостей ему не подстраивает, в какие только неприятности не вовлекает — впору в Бедламе сажать на цепь!

— Наверное, его раздражает подчиненное положение? — тихо заметила Инн, пытаясь найти место трясущимся рукам.

Джина насмешливо глянула на взволнованную собеседницу.

— Подчиненное положение? Думаете, Мортланду нравится, что его младший брат отплыл на континент? Он бы землю и небо перевернул, чтобы оставить его дома, но такова была воля самого лорда Тейлора. И герцог смирился, хотя один Господь знает, как тяжело у него на душе.

Инн задумалась — точка зрения Джины не находила в её душе отклика, но рассуждения итальянки были здравы, да и знала та все обстоятельства дела гораздо лучше, чем она сама. И все-таки..., что-то говорило девушке, что в отношениях братьев всё гораздо сложнее.

— Так мне передать его светлости вашу просьбу о совместном ужине?

Инн рассеянно кивнула головой и вновь припала к упрямому инструменту, машинально вырывая из него душераздирающие звуки.

Ответ пришел через две недели, когда юная француженка стояла в напряженной позе перед зеркалами на примерке очередного платья. В комнату заглянула улыбающаяся Флора с письмом на подносе.

Девушка с неожиданным волнением увидела вытесненный на конверте герб Мортландов. Письмо содержало всего лишь две фразы: 'Буду вечером. После одиннадцати!'

Трудно сказать, о чём думала в этот день Иннин, сжавшись в кресле с книгой в руках, но только она с большим трудом вникала в суть хитросплетений сюжета нашумевшего в этом сезоне романа. Главный герой — классический подлец пытается соблазнить невинную добродетельную красавицу, но та любит полного всяческих достоинств небогатого джентри. Были здесь и недоразумения, и клевета, и отсутствие приданого, но умница-англичанка при помощи непоколебимых принципов и чувства собственного достоинства сумела не только пристыдить и поставить на место негодяя, но и попутно благополучно выйти замуж за добропорядочного эсквайра. И заметьте, не пыталась заигрывать с мужем своей кузины! Инн была крепко собой недовольна. Вот если бы и она смогла столь решительным, а главное, единственно верным образом решить свои проблемы!

— Почему они такие умные, эти героини романов? — огорченно поделилась она мыслями с приводящей в порядок её платья Джиной. — Знают, где упасть в обморок и

знают, что сказать, чтобы наглец оказался испепелён прямо на месте. Все их рассуждения и чувства чисты и делают им честь, а мужчины безумно влюбляются в их совершенства. Но раз я это понимаю и осознаю, то почему у меня в голове такая каша? Почему я не могу быть такой же, как они?

Итальянка презрительно фыркнула, встряхивая дневную накидку.

— Книги пишут для того, чтобы развлечь скучающую публику небылицами. Зачем ей знать, как действительно развлекаются джентльмены? Лучше написать, что они тратят годы, ухаживая за недоступными красавицами, чем упоминать о фунтах, потраченных на услуги проституток.

— Но не всё же выдумка, — горячо кинулась на защиту любимых романов Инн, — бывает же на свете такая любовь, когда мужчина способен ради женщины на подвиги, и вовсе не думает о борделе!

— Бордель всегда у них в голове, — уверенно заявила Джина, — это только со стороны кажется, что джентльмен восхищается разумом девушки, её духовными и нравственными качествами! На самом деле на уме у него совсем другое — какие у неё ножки, велика ли грудь, темпераментна ли она в постели?

— Какой вздор! Тогда как же выходят замуж дурнушки?

— А здесь включается другой стимул! Джентльмен напряженно размышляет — перекроет ли содержимое её сундуков с приданным отсутствие бюста, тонкой талии и смазливой мордашки? И если денег много, то будьте уверены, он предпочтет глупую уродину самой разумной красавице. А потом на её же денежки найдет, с кем ему утешиться!

— Но живут же пары и по-другому, — попыталась возразить возмущенная Инн, — вот мой дядюшка — Джордж, лорд Кавендиш, я уверена, был верен своей покойной жене!

Джина застыла с пеньюаром в руках, наморщив лоб и что-то сосредоточенно вспоминая.

— Кавендиш..., Кавендиш...

У Инн упало сердце, и на глазах выступили слезы. О ком угодно, что угодно, но только не о дядюшке! Она не переживет, если услышит о нём, что-нибудь порочащее этого великодушного человека.

— Я не помню всех обстоятельств, но твёрдо уверена, что у лорда была связь с замужней дамой!

Да, с итальянкой скучать не приходилось — куда там романисткам! Жизнь всегда преподносит сюжеты, до которых далеко даже самому изощренному перу. Вот только темы их бесед отнюдь не радовали несчастную девушку — уж больно грязной и мерзкой представала в них действительность. Уж лучше с головой уйти в романы и забыться в красивых выдуманных историях.

Так за разговорами часы пробили десять, и настало время готовиться к визиту герцога.

Инн в раздумье устала на свой разнообразный и богатый гардероб.

— Я бы хотела обсудить с ним свое будущее, — попыталась объяснить она Джине суть проблемы, — поэтому нужно что-то надеть такое, чтобы ему понравилось...

Итальянка скупой усмехнулась и сунула ей под нос один из скандально открытых пеньюаров из полупрозрачного шелка.

— Это поможет вам решить любую проблему с его светлостью!

Инн покраснела от раздражения.

— Джина, я вовсе не собираюсь соблазнять Мортланда — я хочу с ним поговорить!

Итальянка, понизив голос, любовно расправила перед её носом легкую материю:

— Если вы хотите создать задумчивую обстановку для деликатного разговора, то пеньюар поможет создать атмосферу доверительности между вами и его светлостью! Вспомните, ведь он уже видел вас в таком виде, и что? Разве позволил себе, какие-нибудь вольности?

Инн досадливо прикусила губу. Ей вовсе не хотелось красоваться перед герцогом полураздетой, но с другой стороны, в мужчинах итальянка разбиралась гораздо лучше, той же миссис Элспет.

И началась знакомая до тонкостей процедура — купание, обтирание, одевание, долгие минуты, проведенные перед зеркалом в руках, что-то тщательно подправляющей в её облике заботливой Джины.

— Вот так! — экономка была явно довольна плодами рук своих.

Инн внимательно себя осмотрела и почувствовала смятение. Это как будто подсвеченное изнутри лицо, оттененное живописно ниспадающими на практически обнаженную грудь локонами, просвечивающие сквозь легкую ткань руки и неясные линии груди.

— Джина, — нахмурилась она, — у меня весьма сомнительный вид!

Итальянка довольно хихикнула, с гордостью оглядывая дело рук своих.

— Когда вы окажитесь обнаженной перед мужчиной, — фыркнула она, — до вас сразу дойдет, что пеньюар — это все-таки одежда! Кстати, его светлость уже ждет!

Все сомнения сразу вылетели у Инн из головы при этом известии. Кинув умоляющий взгляд на стоящую на прикроватном столике любимую мадонну, она прочла молитву, и лишь только потом мужественно шагнула в раскрытую предупредительной Джиной дверь.

Всё повторялось. Так же, как и в тот далекий осенний вечер гудело пламя камина, стоял накрытый на двоих столик, и раздетый до рубашки мужчина ждал у окна.

— Графиня!

— Ваша светлость!

Церемонно поприветствовали они друг друга, как на светском рауте, что было донельзя нелепо в подобных обстоятельствах, но смущенная Инн охотно приняла предложенный герцогом чопорный тон. Тот жестом пригласил её присесть, развалившись напротив.

— Вы просили меня об ужине? Могу ли я узнать, чем обязан такой чести?

И, конечно же, в его руке оказался неизменный бокал с бренди. Инн с неожиданным раздражением подумала, что уже не представляет Мортланда без его любимого напитка. И тут же со стыдом призвала себя к порядку — какое ей дело до того, что пьет герцог?

— Да, — мягко проговорила она, глядя на первое блюдо, предлагаемое Флорой — утку под прованским соусом, — если позволите...

Герцог от утки отказался — он, вообще, судя по всему, ужинать не собирался.

— Я хотела у вас спросить, что...

И Инн растерянно замолчала, глядя на невозмутимо поигрывающего бокалом с бренди Мортланда. Утка источала аппетитный аромат перед носом, гудел огонь камина, полураздетый мужчина внимательным взглядом наблюдал за ней, а она..., она забыла, что хотела ему сказать! Все умные и убедительные фразы, столь любовно и тщательно подбираемые весь день, обдуманые до последней буквы — где они? В голове царствовала звенящая пустота, в которой перепархивали отдельными фразами высокопарные диалоги героини романа с негодяем соблазнителем.

'- Да как вы смеете предлагать мне такое! Вы, бесчестный человек!

— Я всё равно добьюсь вашей руки, и вы станете моей или ничьей!' ну и т. д.

Несчастливая девушка кинула испуганный взгляд на герцога, боясь открыть рот, чтобы подобная чушь не сорвалась с губ. Видимо, Мортланду надоело дожидаться, пока она придет себя, и он взял инициативу в свои руки:

— Так что же такого важного вы хотели мне сказать? Слушаю вас!

Какая уж тут была утка, когда он столь холодно настроен?

— Вы сердитесь на меня, — Инн обреченно положила вилку на стол, — но, поверьте, я меньше всего на свете хочу вызвать ваше недовольство! Я прекрасно понимаю, сколь завишу от вас и от вашего расположения ко мне...

Инн сразу почувствовала, что ляпнула, что-то не то. Да, конечно, это было чистой правдой, но вот надо ли было говорить об этом герцогу? Героиня книги так никогда бы не поступила — уж она бы нашла, что сказать, чтобы внушить трепетное уважение к своей персоне. Увы, у неё времени для раздумий не было!

— Да? — голос герцога прозвучал насмешливо. — Вы это осознаете? Но тогда, может, сядете ко мне поближе? Скажем, на колени!

— Что? — Инн выронила из рук салфетку. — На колени? Зачем?

— Чтобы прошло моё недовольство!

— Но... такое предложение — недопустимая и оскорбительная вольность!

— И вы считаете, что добьетесь моего расположения, говоря мне такие вещи?

Яд в его голосе был столь убийственен, что у Инн набежали слезы на глаза. Ситуация становилась невыносимой.

— Пожалуйста, — умоляюще глянула она на мрачно нахмурившегося мужчину, — не сердитесь на меня! Я вовсе не это хотела сказать, и долго собиралась с духом, чтобы поговорить с вами, несколько раз прокручивала эту беседу в голове. У меня получалось так правильно и верно! Но сегодня, чтобы не нервничать, перед вашим приходом (ведь ждать пришлось так долго!) я взяла в руки роман Берт Ингрет 'Гордость девы'. Читали?

Громкое презрительное фырканье было ей ответом, и поделом! Будет такой человек как Мортланд читать дамские романы!

— И теперь в моей глупой голове только фразы из этого романа! Что-то типа 'я вам могу предложить только свое благорасположение...' или 'истая леди может испытывать только осторожность чувств...' как, по-вашему — что она имела в виду, говоря об этом?

И тут случилось нечто непонятное — герцог расхохотался. Инн изумленно смотрела на него — ей даже в голову не приходило, что такой серьезный господин может так искренне и беззаботно смеяться. А Мортланд даже поставил на стол бокал с бренди, и вытащил носовой платок.

— Обязательно прочитаю этот дивный роман, — хрюкнул он в кусок ткани, — чувствуется, что это очередной шедевр премудрости, вышедший из-под пера моей тетушки Джейн!

— Тетушки Джейн? — ошеломленно переспросила девушка, решив, что ослышалась.

Она прекрасно помнила пожилую сухощавую даму, взиравшую на неё через лорнет с таким видом, как будто она была редкостным насекомым. Любовные романы и она — да было ли что, настолько же далеко стоящее друг от друга?

— Да, именно так, — уже спокойно подтвердил герцог, вновь складывая платок, — в нашей семье есть свое литературное дарование. Леди Джейн — моя тетка по отцу,

пятидесятилетняя старая дева пишет романы для юных девиц. А так как она сама, увы, в своё время так и не смогла воплотить романтические грёзы в жизнь, то насилует ими бумагу и английскую читательскую публику. Я ей не мешаю, пусть зарабатывает хотя бы карманные деньги на карточную игру, а уж бумагу, чернила и издателей я оплачу. Ну, и что же там дальше про 'осторожность чувств', испытываемых леди? Вы решили это практиковать по отношению ко мне, предложив мне 'благорасположение' и прочую ахинею?

Инн неловко пожала плечами — она чувствовала себя полной идиоткой. Надо же, пятидесятилетняя старая дева, а дает советы, как нужно выходить замуж юным девушкам. Тетушка Джейн..., с ума сойти!

— В общем, да, — неохотно призналась она, — хотя и другими словами, которых я так и не смогла вспомнить.

— И хорошо, что не смогла, — легко вздохнул герцог и неожиданно приказал, — иди сюда, дорогая! Будем разговаривать, и не бойся — здесь нет миссис Элспет, и никто об этом не узнает!

Он хлопнул себя по колену, и столько было в этом жесте властной силы, что Инн просто не смогла ослушаться, покорно переместившись на предложенное место.

Мортланд крепко прижал её голову к своему плечу, обхватив другой рукой за талию.

— Глупышка, — тихо сказал он ей на ухо, — между очаровательной девушкой и увлеченным ею мужчиной не может быть 'осторожности чувств'. Это противоестественно!

Инн осторожно прильнула щекой к горячему шёлку рубашки. Пахло от джентльмена замечательно — такой смешанный запах одеколона, мужчины и бренди...

— Мне было тревожно, когда вы перестали нас навещать, — честно ответила она, — но поговорить мне хотелось не об этом!

— О чем же?

— Что будет со мной, если я так и не научусь играть на фортепьяно?

— Всё будет так, как ты захочешь!

Казалось, это был тот ответ, которого она ждала, но... Инн зачарованно слушала, как гулко и тяжело бьется мужское сердце. Было в этом что-то головокружительно интересное и возбуждающее — неужели он полезет к ней с поцелуями, как когда-то Томас? Конечно, она укажет ему на место даже похлеще героинь тетушки Джейн, но все-таки...

Нетерпеливое ожидание сдавило ей сердце — вот сейчас его губы приблизятся к её губам...

— Инн, дорогая, — вдруг обратился к ней Мортланд, — не перескажешь ли ты мне вкратце роман 'Гордость девы'? Удивлю близких за завтраком, сделав приятное тетушке.

— Ей будет приятно? — усомнилась почему-то разочарованная и недовольная его просьбой Инн.

— А-то, — добродушно вздохнул Мортон, — каждый бумагомаратель в восторге от своих писулек, искренне считая их гениальными шедеврами! Так в чем там суть?

Инн, нервно перебирая складочки рубашки на его груди, быстро ввела слушателя в курс дела.

— Значит этот лорд Свингли (откуда только она откопала такое имя!) — невиданный подлец? Губящий репутации добродетельных дев, связанный с разбойниками и контрабандистами мерзавец?

— Выходит так! На редкость неприятный персонаж!

— И от этого лишен всякого правдоподобия. В чистом виде плохих людей не бывает,

девочка моя! Обстоятельства заставляют их совершать преступления, а вовсе не демонические свойства характера, делающие злодеями чуть ли не с рождения.

— Разве вы не сталкивались с плохими людьми?

— Нет! Иногда кое-кто, оказавшись загнанным в угол, творил неблагоприятные дела, но отнюдь не потому, что ненавидел людей, а потому что вообще о них не думал!

Голос Мортланда прозвучал задумчиво и почему-то тоскливо. Растерянная Инн попыталась заглянуть ему в лицо, но он не дал ей этого сделать.

— Иннин, ты любишь смотреть на огонь?

Она согласно кивнула, недоуменно пытаясь сообразить, почему герцог сменил тему разговора. А тот, между тем, неторопливо поигрывая локонами её волос, продолжал:

— Нет на свете ничего более опасного, чем пламя. Оно такое яркое, порывистое и, тем не менее, заключено в определенные рамки, совсем как наши чувства и сердца. Посмотри, его языки живые...

Девушка недоуменно скосила глаза в сторону камина, — огонь гудел, рвался ввысь, беспокойно оранжевый и злой, даже не смотря на защиту экрана. Герцог замолчал, тяжело положив ладонь ей на голову, и, поглядев ещё несколько минут на языки пламени, Инн вдруг почувствовала, как давно забытый покой нисходит на её смятенную душу.

Она блаженно потянулась, уткнулась носом в мужскую грудь и... крепко уснула!

В герцогском дворце педантично придерживались раз и навсегда заведенного распорядка дня.

Жизнь светской дамы итак была не из легких. Посудите сами — чтобы уже в 9 утра кататься на лошади в Гайд-парке, надо было рано встать, а если ещё накануне лечь спать в четыре утра? И ведь так каждый день за исключением воскресенья, когда балы и приемы заканчивались немногим раньше. Во дворце Мортландов утреннюю чашку чая с куском хлеба с маслом приходилось поглощать ровно в семь часов утра. И ни минутой позже! Никаких подносов с горячим шоколадом в постель, никаких поздних завтраков! Пропустил и всё — сколько хочешь звони служанке, на кухне посыльной твёрдо ответят, что госпоже придется потерпеть до второго завтрака.

После прогулки дамы семейства Морландов возвращались домой, чтобы приступить к разбору корреспонденции — приглашений на балы и званые вечера, писем от подруг и знакомых, с тем, чтобы самим в свою очередь ответить на письма и приглашения, и написать свои послания. Затем, переодевшись, женская половина семьи Тейлоров выезжала из дома, чтобы посетить магазины, портних и шляпные мастерские. Серебряные украшения, мебель и зеркала покупали в Сохо. Чиппендейл облюбовал там же для своего магазина Сент-Мартин-лейн, а на Греческой улице дамы посещали салон веджвудского фарфора. Благо, Сохо вплотную примыкал к фешенебельным Мэйферу и Сент-Джеймс-стрит.

Около часу дня женщины возвращались восвояси, чтобы ещё раз сменить платье для выхода к столу. Надо сказать, что дамы из семьи Мортланда редко посещали в это время чужие дома, потому что герцог не одобрял этого. За поздним ленчем он хотел видеть всех своих домочадцев, потому что привык использовать второй завтрак для общения с семьёй.

Около двух часов дня Мортланд, как правило, покидал дом, потому что с половины третьего начинался 'час запросов', с которого приступал к работе парламент.

И к трем-четырем часам дня дамы семейства Тейлоров, наконец-то, могли немного расслабиться за шитьем в гостиной, а то и почитать книги или полистать журналы. Но в основном, леди в это время принимали у себя гостей, и, угостившись чашечкой чаю с печеньем, со вкусом перемывали кости общим знакомым под зевки, клюющей носом постоянно не высыпающейся Лили.

Надо сказать, что в Британии начала XIX века только представительницы аристократических семей могли вольно предаваться чаепитию, а вот среди женщин среднего и низшего сословий, это занятие осуждалось, приравниваясь к мужскому алкоголизму. Множество листовок и памфлетов, распространявшихся среди населения, клеймили позором ослушниц, грозя любительницам чая разорением домашнего хозяйства, подрывом семейных устоев и даже общим упадком экономики страны.

Но наши леди этих памфлетов не читали, и время, проведенное за чашечкой чая в болтовне с общими знакомыми, считали самым лучшим отдыхом в перегруженном беспорядочной суетой дне.

Обед продолжался с шести до семи вечера, и нередко за столом присутствовали посторонние, а вот герцог часто пренебрегал домашним застольем, предпочитая обедать в клубе.

Дамы крайне редко проводили вечера, не выезжая из дома. Они навещали друзей,

играли в карты, посещали балы или театры, и возвращались домой не раньше трех утра. И только в воскресенье с утра Тейлоры всем семейством посещали церковь, что хоть немного, но разнообразило обычный уклад жизни.

Немудрено, что старая герцогиня, больше всего на свете любившая комфорт, норовила от светской каторги сбежать в своё поместье, но отсутствие хозяйки в доме холостого сына заставляло пожилую женщину с началом лондонского сезона возвращаться в столицу.

Вот и сейчас все четыре дамы тихо сидели за обедом, с плохо скрытым нетерпением поглядывая на золовку, та же в свою очередь не вставала из-за стола, ожидая, когда закончит трапезу сын.

Наконец, герцог, промокнув губы салфеткой, вроде бы покончил с едой. Но только сидящие за столом леди счастливо перевели дыхание, как на них устремился инквизиторский взор хозяина дома. Передернуло даже герцогиню, что уж говорить о скучающей Лили или тетушках Джейн и Беатрис (младше первой на три года, но такой же старой девой). Те разом испуганно опустили взгляды в тарелки, преувеличенно внимательно осматривая остатки десерта.

— Дорогая невестка, — первый удар был нанесен по тайком зевающей Лили, — если вы считаете, что оставшись соломенной вдовой, можете всё время проводить в праздности и веселье, то глубоко ошибаетесь!

— Эдвин, — попыталась защитить сноху герцогиня, — что ты такое говоришь?!

И тут же пожалела, что раскрыла рот.

— Я знаю, о чём говорю! — вызверился тот. — Вчера ваша невестка всю ночь протанцевала на приеме у Батлеров. Но пока её муж воюет за Британию, его супруга должна тоже показывать пример мужества и патриотизма, и не на паркете балного зала. Пусть окажет помощь в организации работы приюта для бездомных детей-сирот, и навестит заведение на одной из улиц Уайтчепела. Леди Лилиана должна выяснить — сколько сиротам нужно одежды, одеял, подушек, и писчих принадлежностей! Всё лучше, чем киснуть от скуки и сплетен в гостиных, да виснуть на руках неразборчивых кавалеров! Кстати, их что-то слишком много крутится вокруг вас в последнее время!

Лили надменно вздернула брови. На что это он намекает? Не понравилось сказанное и герцогине.

— Вашу невестку, — укоризненно заметила она, недовольно глядя на сына, — не в чем упрекнуть!

Герцог презрительно хмыкнул.

— И только! Вы же, ваша светлость, — обратился он к матери, — можете поехать с ней!

— Увы, — быстро отказалась та, — у меня мигрень, колики в боку..., я намерена весь день пролежать в кровати!

— Если вам будет скучно...

— Уверяю вас, сын мой, что скуки я не почувствую!

— Тогда вы, тетушки!

При мысли об Уайтчепеле у леди Джейн и у леди Беатрис вытянулись лица.

— Но, Эдвин, это ведь время приемов! Приедут с визитами дамы, а нас нет. Мы попадем в неудобное положение! Что скажут наши знакомые, если узнают, что мы закрыли перед ними дверь из-за каких-то оборванцев?

Ответный взгляд герцога заставил дам опасливо вжаться в стулья.

— Дорогая тетя Джейн, — в голосе племянника сквозила такая язвительность, что та

покрылась бурыми пятнами, — когда вы начали строчить свои опусы, я был только рад. Ну, думал ваш глупый племянник, хоть какое-то занятие от скуки, хоть какое-то развлечение, помимо бесконечных карточных проигрышей. По-вашему, я как Мидас могу обращать в золото всё, к чему прикоснусь? Но Бог с ним, с вашим расточительством за мой счет, но на обыкновенную благодарность я хотя бы могу рассчитывать?

— Конечно, Эдвин! — заторопилась заверить его сбитая с толку леди.

Но племянник ещё не закончил.

— Вчера я, по недомыслию, решил просмотреть ваш новый роман 'Гордость девиц'!

Раздался звон выпавшей из рук герцогини полупустой чашки чая. И пока лакеи убирали осколки, она округлившимися глазами смотрела на сына, изо всех сил пытаюсь сохранить серьезное выражение лица, но было видно, каких усилий ей стоит не рассмеяться.

— Эдвин? Ты читаешь романы для девиц?

Сын метнул в неё нелюбезный взгляд.

— Конечно, нет, — едко отрезал он, — но их читает одна моя хорошая знакомая!

Лица всех дам скрутило судорогой.

— Эдвин, — надменно нахмурилась герцогиня, — надеюсь, ты не перейдешь границ благопристойности?!

— Границы благопристойности перейдены в этой дрянной книжонке, где я, матушка, выведен в роли закоренелого подлеца. Под жуткой фамилией лорда Свингли скрываются донельзя утрированные черты характера вашего сына. Там какая-то водевильная, дрянная история, но мои отношения с Глен выписаны пером мастера, именно так, как их всем представила семья Оуэнов.

Мортланд, действительно, был в неразумной юности влюблен в одну особу, но разлюбил её к горькому разочарованию семьи девицы, а те в отместку вылили на него потоки грязи.

— Джейн? — потрясенно обратила свой взгляд на золовку герцогиня. — Это правда?!

— Всего лишь недоразумение, — та сразу же испуганно открестилась от обвинений, — Эдвин, ты все неправильно понял!

— Нет! — язвительно ухмыльнулся Мортланд. — Я все правильно понял. Если бы дело ограничилось мной, но ты затронула и покойного отца!

Женщины притихли, втиснув головы в плечи.

— Какого черта вы суете нос не в свои дела? Не можете придумать сюжетов для любовных романов, так пишите святочные рассказы о слюнявых младенцах и бедных сиротках, выходящих замуж за принцев! И вообще, займитесь-ка лучше благотворительностью — посетите больницы для бедных, организуйте сбор средств в пользу вдов и сирот! Делайте что-нибудь!

— Эдвин, — вновь попыталась вмешаться недовольная этим взрывом герцогиня, — я уверена, что твои тети...

— Если они мне не докажут, что способны хоть пару часов в день заниматься чем-нибудь полезным, то я лишу их карманных расходов и сошлю на вечное хранение в деревню! Пусть разводят кур и играют в триктрак со священниками сельских приходов! Или вы думаете, что они и там смогут оставить меня без штанов?

Невыносимый характер Мортланда был притчей во языцех — о нём ходили легенды, хотя, конечно, больше всего от вспышек гнева страдала его собственная семья. Но сегодня он превзошел сам себя — злой, как чёрт, и жёсткий, как пуританский фанатик.

— Хватит, — орал он на вжавшихся в стулья дам, — испытывать моё терпение! Мне по горло хватало и Тома! Его загулов, пьянок, дебошей, долгов! И стоило только проводить его на войну, как блажить начали вы? Тетушка Беатрис, куда из кухни делась бутылка кулинарного хереса?

— Я взяла всего чуть-чуть, — в противоположность сестре Беатрис была кругленькой безобидной толстушкой, — у меня так болела голова!

— И вы высмолили всю бутылку? Как заправской пьяница!

— Эдвин, — взвилась, не выдержав такого позора герцогиня, — ты что, умом тронулся?! Или тебе жалко хереса?

— Мне не жалко хереса! Мне вообще ничего не жалко! Но во всем должен быть порядок! И я не позволю, чтобы про мою тётку шептались слуги, а затем и все кому не лень, что она тайная пьяница! Болит голова — вызывайте доктора, а те тяните тайком из кухни бутылки!

— Да я и не тянула, — слезы брызнули из глаз униженной женщины, — я...

Но у герцога и в мыслях не было кого-то слушать, кроме самого себя.

— Я вас и так всех распустил дальше некуда!

— Эдвин, успокойся!

— Нет возможности, дорогая матушка! Вот ваша сноха, например, вчера купила себе новый палантин за пятьдесят гиней, каковую сумму я вынужден буду оплатить французской пройдохе с Хайт-стрит.

— Я трачу свои деньги!

У Лили даже слезы выступили на глазах от такой мелочной скаредности всем известного богача. Бутылка хереса, палантин! Да что он себе позволяет, жадный скупердай!

— Нет у вас своих денег, миледи! Мой братец пропил все проценты с вашего капитала на полгода вперед. Так что вы уже сейчас живете на мои средства, а ваши появятся не раньше осени. Мне нравятся хорошо одетые женщины, я не против платьев и палантинов, но только после того, как вы согласуете со мной ваши траты!

У старой герцогини не выдержали нервы — это бывало всякий раз, когда она жила в одном доме с сыном. Откуда такая жестокость по отношению к своим близким? Наверное, единственной привязанностью Мортланда был Томас, но ей ли было не знать, как ругались, да что там — жестоко дрались иногда братья. Их нередкие потасовки превращались в побоища до первой крови — и никогда не выходил победителем, казалось бы, более сильный и высокий младший брат. Мать подозревала, что это оттого, что он не может драться с Эдвином в полную силу. Том был более близок матери, и она знала, какой болезненной любовью полна его душа по отношению к старшему брату. Но..., чёрт бы побрал этих мужчин — ничего у них не поймешь!

Вот и сейчас, нервно скомкав салфетку, она изобразила головную боль.

— Мне нужны нюхательные соли, — женщина с измученным видом потерла виски, — моя голова... сын мой, позвольте мне удалиться к себе?

— Конечно!

Но стоило только вслед за герцогиней робко приподняться с места снохе и золовкам, как грозный рык заставил их испуганно плюхнуться на место.

— А с вами я ещё не закончил!

Тетушки уныло потупились, а вот у Лили мятежно сверкали глаза возмущением. И, разумеется, привлеченный этим неповиновением, как тигр запахом крови, деверь тут же

накинулся на неё.

— Полчаса на сборы! И особенно не выряжайтесь — удобное практичное платье и ботинки. Не надо пугать и воспитателей, и воспитанников своим оперением!

Когда Лили сорвалась с места, её трясло от негодования. Если до этого утра она думала, что вся, на какую она только способна, ненависть живет в её сердце по отношению к муженьку, то сейчас с яростным разочарованием осознала, что ошибалась! Его братец — вот настоящий мерзавец. Герцог?! Да он был мелочнее самого убогого нищего!

Молодой женщине хватило месяца супружества, чтобы понять, что блестящая позолота дворца Мортландов — оптический обман, направленный на то, чтобы дурачить доверчивую публику, ослепленную могуществом древнего герцогского рода. Скрупулезный, педантичный и расчетливый человек без капли тепла или сердечности, герцог установил в своем доме режим такого жесткого террора и экономии, какая и не снилась даже семьям с гораздо более скромным достатком. Допустим, раз и навсегда установленное весьма умеренное меню завтраков, обедов и ужинов, даже к чаю подавалось только три вида печенья, поштучно на присутствующих гостей и домочадцев, и не больше!

Лили поражало — почему от него не убегают слуги? Но все лакеи и служанки работали в доме с незапамятных времен, и, скорее всего, преданность хозяину и многолетняя привычка удерживала их на месте? Но сегодняшняя безобразная сцена! Классический негодяй!

Сейчас юная женщина с горьким сожалением вспоминала годы, проведенные в мечтах об этом мужчине. Прав был отец, предупреждая её о тяжелом характере Мортланда, и как же глупа была она, мечтающая стать герцогиней. Теперь, оказавшись внутри семьи Тейлоров, Лили отчетливо поняла, что брак с любым из них — непосильный крест. Вынеся подобное, можно было без промедления попасть в рай.

Первой кандидаткой на место среди ангелов, была наделенная терпением святой леди Кэтрин. Лили было стыдно вспоминать свою прежнюю нелюбовь к надменной и суровой даме. Зато теперь она отлично понимала, что даже ангел опечалится, если будет иметь дело с мужчинами рода Тейлоров. Старый герцог, по слухам, то же был ещё тот фрукт! Пренебрегал женой, имел кучу любовниц, держал семью в черном теле, ругался и ссорился со старшим сыном до рукоприкладства, любил до безумия младшего, а потом раз — и оставил жену, Томаса и своих сестер без гроша за душой, сделав полностью зависимыми от настроений старшего отпрыска.

Вот и сейчас этот невозможный человек, выведя их всех из себя и осыпав оскорблениями, как ни в чем не бывало, спокойно удалился из столовой, оставив своих родственниц в состоянии близком к обморочному.

Впрочем, тетюшка Джейн, моментально оставив испуганный и смиренный вид, громко и неприлично для дамы её положения выругалась.

— Успокойся Би! — гневно прикрикнула она на тихо плачущую сестру. — Хватит хныкать из-за паршивого хереса. Да что б он им подавился!

— Джейн! Не надо, — умоляюще тронула её за руку та, — видно, у мальчика неприятности, раз он так разошелся. Эдди вовсе не так плох, как пытается показать.

— Ты наивная слезливая дурочка! — фыркнула леди. — Нашла, кого жалеть. Этого жальщего свой собственный хвост скорпиона!

И Лили была согласна со старой фурией, которая, кстати, полностью унаследовала язвительный характер Тейлоров, и была ещё та змея и заноза, доставая всех домашних с не

меньшей силой, чем так проклинаемый ею сейчас племянник.

— Ты знаешь, — ядовито ухмыльнулась тетя Джейн, машинально допивая полностью остывший чай, — вчера я за бумагой наведальась в его кабинет, и нечаянно увидела...

Лили усмехнулась про себя — как же, нечаянно! Да старуха совала свой нос повсюду — любопытная и въедливая, как щелочь.

— ... счета на гигантские суммы от модисток, цветочников, ювелиров и прочих!

Тетя Беатрис перестала шмыгать носом и пододвинулась к сестре поближе, с загоревшимися любопытством глазами. Передумала покидать столовую и Лили.

— Ты думаешь это на его новую любовницу?

— А на кого же ещё? Там такие суммы на одни только цветы — хватит содержать этот склеп в течение года! Ясное дело, будешь считать каждую каплю хереса, чтобы твоя куртизанка один раз опустила носик в букет орхидей!

— С ума сойти! — округлила глаза младшая сестра. — Да как же должна выглядеть женщина, ради которой мужчина отваживается на такие безумства?

— Ох, Би, — бросила снисходительный взгляд на неё старшая, — ты, как ребенок малый! Спросила бы лучше, что она должна для него сделать?

Вот именно этот вопрос больше всего заинтересовал и внимательно прислушивающуюся к разговору сестер хмурую Лили.

— Ну, и что? — глухо переспросила она теток.

Но тетя Джейн тоже была Тейлор, поэтому ехидная улыбка расплзалась на её лице.

— Ах, милочка, мы ведь девицы, откуда нам знать о брачных радостях? Вы гораздо больше нас разбираетесь в подобных вопросах, уж имея такого-то мужа, как красавец Томас!

Лили немедля вышла из комнаты. Старая стерва умудрилась уязвить её даже больше, чем герцог!

Томас! Брачные радости! Весь дом знал, что Тейлор напился до свинского состояния перед брачной ночью, но никому не было известно, что произошло между молодоженами сразу же после венчания.

— Ну что, дорогая, — обратился к жене Томас, едва они отъехали от церкви, — твои мечты об избавлении от меня рухнули?

Лили, кусая губы, чтобы не разреветься, подчеркнуто отвернулась к окну, но новоявленный супруг не собирался оставлять её в покое даже при столь красноречиво демонстрируемом нежелании разговаривать.

— Надеешься, что меня убьют, и тогда ты, наконец-то, прыгнешь в постель к Эдди? Но знаешь, милая, он вряд ли обрадуется, обнаружив тебя среди простыней!

Как же она его ненавидела! До дрожи в руках!

— Вы бредите? — презрительно изогнула брови новобрачная. — Может, у вас горячка?

— У-гу, и нынче ночью я тебя с ней познакомлю, кошечка! Посмотрим, как ты тогда будешь шипеть и показывать коготки!

Краска бросилась в лицо Лили, униженной непристойным и развязанным тоном сидящего рядом мужчины.

— Ваше поведение неприемлемо для только что женившегося джентльмена!

— Зато оно приемлемо для столь долго отвергаемого жениха!

— Только не стройте обиженного! Вы сами никогда не хотели на мне жениться! И если бы не приданое...

— Я бы и не взглянул на вас? Это вы хотите сказать? Вы не правы, дорогая супруга! Вас

судьба наградила незаслуженно щедро, дав и красоту, и деньги, и древность знатного рода. Лишь в одном она обделила своё создание — спрятала под красивой личиной вздорный и склочный, неуживчивый характер. Мегера с внешностью ангела — вот кто вы, миледи!

Хорошо начиналось её замужество — нечего сказать! Лили сжала руки в кулаки и надменно вздернула подбородок, одарив нахала ледяным взглядом.

— Кроме денег, я не вижу ничего, чтобы нас соединяло в этом союзе!

— Почему же, — мерзко хихикнул Томас, — кое-что есть!

Справедливость этого утверждения она испытала на собственной шкуре уже через несколько часов.

Из-за скорого отбытия новобрачного в полк, свадебное путешествие было решено отложить, и поэтому из церкви они прибыли прямо в особняк Мортландов. На небольшой прием по такому случаю собрались только родственники обеих семей, но и из них получилась приличная толпа. Все радостно гомонили, поздравляли новобрачных, угощались свадебным завтраком, а Лили не могла проглотить и кусочка, с ужасом наблюдая, как то и дело возле новоявленного супруга появляется лакей с вином. Том пил и его синие глаза становились все холоднее и холоднее.

От тошнотворной тревоги у неё скрутило судорогой живот и похолодели пальцы. Ей захотелось поделиться с кем-то своими опасениями, услышать слова успокоения и сочувствия, но сколько она не искала глазами маленькую француженку, той почему-то нигде не было.

— А где Инн? — наткнулась она в толпе на миссис Элспет.

Но старуха только странно и победно улыбнулась.

— На пути к своему счастью!

Хорошо, конечно, что хоть кто-нибудь станет счастливым в этом мире! Но, вообще-то, Лили плохо поняла, что имела в виду её наставница. Выспросить же более подробно не дал угрюмый супруг, повсюду сопровождавший юную жену.

А потом настала ночь.

Лили, дрожа от холода и ужаса, ждала визита супруга. И он пришёл! Хотя слово 'пришел' никак не отражало того действия, с которым напившийся до полубесчувственного состояния Том перевалился через порог.

Едва заведев его остекленевший в ненависти взгляд, Лили оцепенела на своей половине кровати, испытывая непреодолимое желание убежать. Она его, быть может, и осуществила, но стоило ей только попытаться опустить ноги на пол, как Томас с яростным рыком бросился за убегающей новобрачной. Дальше всё превратилось в мерзкий кошмар — пахнувшие перегаром слюнявые и болезненные укусы, брезгливость и оторопь, а потом боль..., постыдная мерзкая боль и распростертое тяжело дышащее тело, придавившее её к кровати.

Бр-р! У несчастной Лили даже сейчас, спустя три недели после свадьбы пробежали по коже мурашки отвращения при одном воспоминании, как пьяный супруг так и заснул прямо на ней.

И как будто этого было мало, слухи о том, что Тейлор жестоко унизил юную жену прямо в брачную ночь, очевидно, благодаря болтливости слуг разлетелись по всему Лондону. Лили итак, едва появившись в свете, столкнулась с едким неодобрением Браммеля, теперь же, она стала причиной многочисленных сплетен и пересудов.

Чем же юная супруга так отвратила от себя мужа прямо в брачную ночь? Этот вопрос

задавали друг другу все сплетники, и сами же отвечали, что наверняка, с юной леди что-то не так! Лили догадывалась об этом, потому что ловила на себе презрительные любопытствующие взгляды, а иногда до неё даже доносились обрывки фраз, явно относящихся к событиям той мерзкой ночи. Понятно, что это не улучшило её отношения к супругу.

Снаряжаясь в сиротский приют угрюмая Лили попросила служанку найти ей шерстяное платье попроще. Она никогда не бывала в благотворительных заведениях, но вполне здраво полагала, что здесь деверь был прав, и на сирот её красивые платья вряд ли произведут впечатление.

Она думала о своем незавидном положении всю дорогу в Уайтчепел, пока её горестные размышления не были прерваны распахнувшим дверцу грумом.

Лили нехотя вышла из экипажа и, презрительно сморщив нос, оглядела совершенно непотребную улицу Уайтчепела — ободранные стены домов, из окон которых свисало застиранное грязное тряпье, провонявшую помоями улицу и толпящийся вокруг любопытствующий разномастный сброд в самых немыслимых одеждах. И даже воздух здесь драл горло по-особенному спертым, пропитанным сажей и зловонной гарью смогом! Это был беднейший район города.

Ну и место выбрали для сирот попечители этого убогого заведения! Хуже не бывает!

Торопливо уткнув нос в надушенный платок, юная леди поспешила войти в распахнутую услужливым лакеем, покрашенную в коричневый цвет дверь.

Очутившись внутри пропитавшегося отвратительным запахом прогорклого жира здания, Лили с тоской поняла, что внутри заведение ничуть не лучше, чем снаружи. Уходил куда-то вглубь дома длинный как кишка, узкий и темный коридор, покрашенный всё той же жуткой коричневой краской, и никого — ни привратника, ни слуги!

— И что мне здесь делать? Куда идти? — кисло поинтересовалась она у сопровождавшего её Джона.

— Вот здесь, миледи, кабинет директора этого приюта, — услужливо проводил он хозяйку к неприметной двери в начале коридора, — вам нужно к нему. Он всё покажет и расскажет!

И забежав вперед, почтительно приоткрыл дверь. Лили с удивлением услышала, как он сообщает кому-то странно робким и даже подобострастным голосом:

— Сэр, к вам с поручением от его светлости герцога Мортландского, изволила прибыть его невестка — леди Лилиана Тейлор.

— Скажите миледи, что я приму её!

Вот даже как — не больше и не меньше! Да что он себе позволяет? Мало того, что она — Лили Тейлор посетила столь убогое заведение, так ещё кто-то там смеет говорить о ней таким высокомерным и несносным тоном... ни дать, ни взять сам Мортланд!

Лили гневно перешагнула порог комнаты и... замерла.

Любовь с первого взгляда — бывает ли она? Кто-то издевательски высмеивает саму идею мгновенного притяжения, а кто-то серьезно толкует о её полной неразумности и несостоятельности. И лишь те, кому приходилось довольно сильно пострадать от этой напасти (а иначе и не назовешь!), склонны давать оценку этому чувству очень осторожно.

Лили было почти девятнадцать лет — к моменту этой встречи она уже прошла через череду разочарований и в первом чувстве к Мортланду, и в неудачном браке с Тейлором, поэтому сказать, что поразивший её недуг вызван неопытностью и наивностью было нельзя.

И, тем не менее, юная женщина застыла на пороге, мгновенно очарованная одним лишь только взглядом бархатистых темно-карих глаз, возвышающегося посередине комнаты джентльмена. Они были столь притягательными — чуть лукавыми, таинственно мерцающими, и безумно красивыми! Они разглядывали друг друга, скорее всего, несколько мгновений, но смущенной Лили показалось, что прошла вечность. Её собственный муж был признанным красавцем, но, наверное, для каждой женщины существует свой мужчина. И Лили оставила равнодушной безупречная красота младшего Тейлора, а вот золотистые длинные волосы, перевязанные ленточкой на затылке, правильные, хотя и жесткие черты чуть смуглого лица незнакомца сразили наповал. Высокий, широкоплечий, мужественный — он даже на мгновение показался ей чем-то неуловимо похожим на мужа! Может, открытой обаятельной улыбкой, которой Тейлор достаивал всех, кроме своей жены? На мужчине был отлично сшитый сюртук синего цвета, совсем недавно введенный в моду Джорджем Браммелем, а указательный палец руки украшал перстень с крупным рубином. Да! Необычный директор был у этого приюта для нищих заморышей!

Мужчина дал посетительнице возможность внимательно себя осмотреть, и лишь потом церемонно представился.

— Калверт, Тони Калверт, миледи! Джон сказал, что вы здесь по поручению его светлости?

Лили открыла было рот, чтобы ответить, но ей пришлось прокашляться, прежде чем голос вновь послушался своей хозяйки. Дикое, невообразимое смущение вдруг овладело ею, и она едва выдавила из себя, что-то крайне неразборчивое:

— Да, он прислал... списки... одеяла..., он приказал, я приехала...

Калверт вежливо прослушал весь этот хаос слов, но, видимо, ему хватило и обрывков фраз, чтобы уловить смысл жалких заиканий.

— Я лично помогу вам выполнить указания вашего деверя. Воспитанникам нужно много всего — ведь дети так быстро растут! Со стороны герцога весьма похвально озаботиться нашими нуждами. Но, как говорится, 'не оскудеет рука дающего'..., пройдемте!

И он галантно показал посетительнице работу подопечного приюта. Возможно, будь рядом с ней не столь привлекательный мужчина, Лили никогда бы не согласилась ходить по мрачным помещениям классных комнат и спальных дортуаров, смотреть, как одетые в одинаковую уродливую одежду воспитанники сидят кружками вокруг своих учителей — особ весьма мрачного и затрапезного вида, но вполне соответствующих общему духу заведения.

Но она, как робкая овечка за пастухом плелась за этим странным директором по кухням и кладовым, и, с восхищенно распахнутыми глазами, зачарованно внимала всем его высказываниям, мало что понимая! Как-то смазалась и потеряла уродливые очертания мерзкая и убогая обстановка приюта. Да что там — Лили даже перестала воспринимать тошнотворный запах! Всё затмили глаза, спокойные и уверенные жесты и звуки глухого неторопливого голоса хозяина этого места. Окончательно потерявшей голову юной леди казалось, что она ступает по облакам, и вообще находится уже на другом свете, а не в одном из самых неприглядных мест Уайтчепела. Достоин удивления, что она не упала, потому что то и дело спотыкалась и беспрестанно цеплялась за всё подряд юбками и полами накидки.

— Вы побледнели, миледи! Устали? Здесь такой спёртый воздух. Разрешите предложить вам чашечку чаю или стакан вина?

Может, Лили и побледнела, но не от усталости, а оттого, что шла кругом голова, и слабели ноги каждый раз, когда он обращался к ней.

— Пожалуй, чаю! — только и смогла выдавить она.

Они вернулись в знакомый кабинет с разномастной старой мебелью, и посетительница осторожно пристроилась на краешке жесткого и неудобного стула. Калверт позвонил, и спустя некоторое время особа преклонных лет в грязном переднике внесла поднос с чаем.

'Что со мной? — в панике думала Лили, заморожено взирая на хозяина кабинета. — Я не испытывала ничего подобного! Неужели...'. Она растерянно осознала, что очарованна этим человеком практически до безумия!

Между тем, Калверт пытался вести непринужденную светскую беседу, наверное, думая, что невестка герцога — слабоумная деревенщина, которая и трех слов связать не сумеет.

— Чай я люблю крепкий, без молока и сахара, а вы?

— Да, пожалуй!

Невпопад, но этот человек, видимо, привык иметь дело с косноязычными идиотками, потому что был само терпение и снисходительность.

— Может, вас ещё что-нибудь интересует в работе нашего учреждения?

Лили сделала над собой сверхусилие, демобилизовав все, какие только есть силы, пока

Калверт не пришел к окончательному выводу, что второй такой дурочки не видывал свет. Глоток на удивление хорошо заваренного чая помог ей, наконец-то, более или менее прийти в себя, но её мало интересовала работа приюта.

— Судя по всему, вы человек небедный?

— Да, я относительно обеспечен! — легко согласился собеседник, смакуя чай.

— Тогда что же вас заставляет заниматься этим? — и она брезгливо передернула плечами в сторону двери.

Мужчина на миг перестал улыбаться, и его глаза полыхнули чем-то непонятным, но явно нехорошим. Лили поперхнулась чаем, когда он вновь раздвинул губы, но уже в холодной ухмылке:

— Я сам в свое время вырос в подобном приюте!

Казалось бы, это признание должно было вызвать у урожденной леди Кавендиш чувство высокомерного презрения, но нет! Лили была скорее озадаченна, причем не собиралась скрывать этого от собеседника:

— Вы не дворянин?

— Вас это удивляет?

Лили в полном смятении вновь глотнула чаю.

— Признаться — да! — озадаченно протянула она. — Не знаю, смогу ли вам объяснить свои ощущения, но вы не похожи на простолюдина!

— Вы так хорошо в этом разбираетесь? — в его голосе прозвучала мягкая ирония.

— У вас руки аристократа! Они один в один совпадают с теми, что сжимают мечи и шпаги на фамильных портретах Мортландов. Я слышала, что истинного аристократа всегда можно узнать по рукам!

— Интересная теория, — собеседник криво усмехнулся, — однако неверная. Я не дворянин, леди Лилиана, и моего имени вы не найдете в 'Книге баронетов'. Боюсь, что 'Колледж оф армз' никогда не ломал голов над составлением герба рода Калвертов. Но вы мне польстили, сравнив с герцогами Мортландскими.

— Это уж скорее им я льщу, сравнивая с вами! — слетевшее с губ замечание было лишним, но довольно четко характеризовало то, что было на душе у молодой женщины.

Джентльмен задумчиво прищурился, поднеся чашку с чаем к губам.

— И что мы с этим будем делать?

Спокойный голос собеседника, однако, привел её в невиданное смятение, потому что Лили сразу осознала, о чём спросил Калверт, не смотря на невинность вопроса. И, как не странно, вместо того, чтобы оскорбиться, вдруг почувствовала захватывающе приятное волнение.

— А нужно что-то делать?

Лили судорожно сжала чашку с опасностью обжечь пальцы и опустила взгляд на исцарапанную столешницу, в возбужденном нетерпении ожидая продолжения столь двусмысленного разговора.

— Это уж, как вы захотите!

— Чего захочу?

Но спросив, юная женщина испуганно покосилась на таинственно и дерзко улыбающегося мужчину. Игривый диалог, кажется, зашёл неприлично далеко, но меньше всего на свете она хотела бы его прервать.

Калверт встал с места и решительным жестом вытащил из кармашка жилета золотой

брегет. Под звуки приятной мелодии механизма щелкнула инкрустированная бриллиантами крышка, и часы оказались на столе прямо перед носом гостьи.

— У вас пять минут на раздумья! Дольше ждать я не буду. Если надумаете, то в дальнем конце коридора, рядом с кухней, есть чёрная лестница. Спустившись, найдёте мой экипаж.

И мужчина стремительно покинул комнату, оставив опешившую от такого поворота дела гостью наедине с чашкой остывающего чая.

Он ушёл, и дурманящее колдовство, превратившее её в слабоумную дурочку, моментально закончилось. Лили недоуменно, словно впервые, оглядела убогое помещение и выругалась про себя. Да она что, совсем обезумела? Как могла так предельно глупо себя вести? Её взгляд наткнулся на уверенно тикающие часы.

И по мере того, как стрелки бежали к назначенному времени, всё большее возмущение поведением этого странного мистера Калверта поднималась у неё в груди! Да что он себе позволяет? Как осмеливается столь дерзко себя вести с леди её положения?!

Вообще-то, тоненький голосок внутри упрямо твердил хозяйке, что лучше всего оставить всё, как есть. Надо бросить часы на этом облезлом столе, сесть в экипаж и уехать домой, постаравшись как можно быстрее забыть хозяина этого кабинета, но уязвленная гордость вкупе с чем-то непонятным, окатывающим жаром всё тело, толкали юную женщину совсем в ином направлении.

Крепко сжав в руке брегет, Лили поспешила по коридору в указанную сторону, сочиняя в своей голове такую полную презрительного пренебрежения отповедь, что тетушка Джейн искусала бы себе локти от зависти, попытавшись сочинить для своих романов хоть что-нибудь подобное.

Коридор богоугодного заведения заканчивался несколькими ступеньками, выходящими на грязное замусоренное крыльцо. Судя по запаху, сюда выносили помои из кухни. И не успела Лили сделать и шага к ожидающему экипажу, как поскользнулась на гнилой корке и только благодаря постороннему вмешательству, не шлепнулась в зловонную лужу у порога. Резко дернувшись от испуга, она замерла, оказавшись в сильных руках, во время предотвративших её падение.

— Миледи!

Конечно же, это оказался Тони Калверт. Лили разъяренно заглянула в столь опасно приблизившиеся к ней глаза. И все вернулось на круги своя — сердце замерло, ноги ослабели, и еёхватило только на то, чтобы дрожащей рукой протянуть часы хозяину. Но джентльмен проявил к ним весьма умеренный интерес — резко ухватив женщину за талию, он в доли секунды, как какой-то мешок с картофелем, грубо втолкнул её в ждущий экипаж.

— Что это значит? — ошалело пискнула Лили, оказавшись зажатой в углу кареты. — Вы не правильно меня поняли! Я просто хотела вернуть вам часы!

И съежилась от неловкости, услышав, как торжествующе рассмеялся Калверт. Но только она собралась гневно спросить, что его так развеселило, как твердые руки сжали её сопротивляющееся тело в объятиях, и горячие губы накрыли, силящийся что-то возразить рот.

Лили ещё ни с кем не целовалась — не считать же поцелуями пьяное, кусающее мушлякание, которым наградил её в брачную ночь Томас! Но сейчас..., сейчас!

О, это было нечто совсем-совсем другое! Губы Калверта оказались такими нежными и горячими. От них не хотелось отрываться, блаженно кружилась голова, и как набат билось восхищенное сердце. Какое уж сопротивление — её отталкивающие наглеца руки сначала

просто обессилено повисли, а потом сами по себе поднялись и с восторженно погрузились в удивительную для мужской шевелюры шелковистость волос. Губы охотно раскрылись навстречу жадно вторгшемуся во внутрь языку.

— О! — только и смогла, что простонать она, прежде чем оказалась полностью лишенной хоть какого-то соображения.

Дальнейшее воспринималось ей, как в горячем тумане — все поцелуи слились в один блаженный и бесконечный, тело как зачарованное льнуло к по-хозяйски глядящим его мужским рукам. Она покинула экипаж, обессилено обмякнув в объятиях Калверта и уткнувшись пылающим от стыда лицом в отвороты его сюртука.

А потом была смутно воспринимаемая обстановка комнаты, и ничего вокруг, кроме уверенно и быстро раздевающих её рук и скользящих по лицу, груди и животу жадных губ. Неожиданное прикосновение холода простыней к обнаженной спине вогнало в мгновенную дрожь то ли холода, то ли возбуждения, но поцелуи становились все крепче и горячее, сознание меркло, погружаясь в огненное марево. Грудь болезненно и невероятно приятно пульсировала под ласковыми ладонями, ноги сами по себе разъехались, а бедра инстинктивно подались навстречу жаркому мужскому телу. Казалось, что ещё миг и её просто разорвет от напряжения, когда волна внезапного блаженства окатила юную женщину, заставив нетерпеливо застонать, и выгнуться навстречу распаленному страстью мужчине.

Но внезапно Лили вздрогнула и испуганно распахнула затуманенные глаза, сразу же наткнувшись на напряженный взгляд, ставших почти черными глаз.

— Что? — задыхающимся шепотом спросил он. — Что-то не так?

— Это больно..., - едва ворочая языком, пролепетала она, — очень больно!

— Нет, любовь моя, совсем нет... разве только в первый раз! Но ведь он уже у тебя был? Даже здесь, в его объятиях, при воспоминании о муже её передернуло от брезгливости.

— Да! — послушно согласилась она, и чтобы избавиться от мерзких воспоминаний, порывисто прильнула к телу, возбуждающему такой силы желание телу. — Был...

Их губы вновь слились в жадном иссушающем поцелуе.

— Всё будет хорошо, расслабься..., всё будет хо-ро-шо, — прерывисто шептал ей прямо в ухо хриплый от страсти голос.

Но вдруг всё резко изменилось, и залившаяся слезами от внезапной боли перепуганная Лили резко отпрянула и закричала.

— Тони!

— Что такое? О...

И он осушил губами её слезы.

— Всё..., всё уже позади, радость моя!

И Лили поняла, что да — на этот раз, действительно, всё позади.

— Больно! — горько пожаловалась она, жалобно всхлипнув.

— Бедняжка! Обними меня покрепче и поцелуй — я умею утешать девушек в таком горе!

И Лили покорно раскрылась навстречу его жадным объятиям.

Реальность вернулась спустя некоторое время через ощущение давящей тяжести распластанного на ней обессиленного мужского тела. Неловко, чуть подрагивающими руками Тони сильно сжал её голову и крепко поцеловал в губы, больно сминая и без того распухший от поцелуев рот. У Лили не было никакого опыта в любовных делах, но до неё

дошло, что это не совсем обычный поцелуй — он был полон благодарности и восторженного восхищения удовлетворившего свою страсть женщины.

Она медленно разомкнула ресницы и заглянула в склонившееся над ней лицо. Их глаза встретились, и Лили воочию осознала, что значит выражение 'овладеть'. Этот мужчина овладел не только её телом, но и каким-то непостижимым образом проник в кровь, в душу, в мысли, поработив и изменив её уже навсегда.

Позже вспоминая подробности этого невероятного фантастического дня, Лили никак не могла полностью восстановить ход событий. Они отложились в её памяти, как отдельные яркие картинки, а не цепь последовательно сменяющих друг друга сцен.

Вот Тони изумленно рассматривает испачканные кровью пальцы.

— Как могло случиться, что ты досталась мне девственной? Твой муж не спал с тобой?

— Почему же, — Лили, морщась как от саднящих ощущений, так и от неприятных воспоминаний, приводила себя в порядок, — в брачную ночь вроде бы что-то такое имело место! Наверное, он был для этого слишком пьян!

И очевидно в её голосе прозвучало такое презрение, что вызвало у заинтересованного собеседника новые вопросы:

— Ты настолько не любишь своего мужа?

— Наш брак с Томом, — грустно пояснила Лили, — был заранее обречен на неудачу. Я его не любила, а он меня так просто ненавидел!

Уютно свернувшись под теплым одеялом, она лениво наблюдала за суетящимся около постели мужчиной. Тот торопливо натягивал бриджи.

— Полежи немного, я раздобуду нам поесть!

У Лили даже глаза заблестели от голода, а рот наполнился слюной.

— Я бы сейчас подкрепилась даже собственной шляпой!

— Думаю, что найду что-нибудь более приятное и для зубов, и для желудка!

И вот уже она видит на поднесенной к носу тарелке странную смесь с аппетитно дразнящим запахом.

— Что это? Пахнет вкусно!

— Это яичница с хлебом и копченой грудинкой. И хотя я не ахти какой повар, это блюдо мне всегда удается.

— Ты сам готовил?

— Да, — Тони улыбался, — когда-то давно я был помощником кока на одном из английских фрегатов. И видишь, ещё не потерял навыков!

Лили никогда не ела ничего вкуснее. Давясь от жадности, она проглотила содержимое тарелки в мановение ока.

— С ума сойти! — Лили блаженно и сыто откинулась на подушки. — Мне никогда и в голову не приходило, что такое со мной может произойти, даже не мечтала!

— А о чем ты мечтала?

Было так уютно и прекрасно прижаться к его плечу щекой, и поведать ему о всех своих неудачах.

— Я мечтала стать герцогиней Мортландской!

— Зачем тебе титул?

Лили беспечно пожала плечами, обведя пальцем контур его пупка. Он напрягся и шутиливо погрозил ей пальцем, заставив от души рассмеяться.

— Теперь понимаю, что совсем не нужен! Но сколько я себя помню, мне всегда твердили, что я стану герцогиней, и поэтому свыклась с этой мыслью. Но когда Мортланд отказался от брака в пользу своего брата, меня это сильно оскорбило!

— Я отдаленно знаком с лордом Тейлором. Надо сказать, что это весьма

привлекательный джентльмен!

Лили тяжело вздохнула и нежно поцеловала его в шею.

— Ничего в нем нет привлекательного! Грубый и жестокий солдафон! И что проку от его смазливой физиономии? Само по себе мерзко осознавать, что мужчина женился на тебе только ради денег, а он ещё корчил из себя обиженную сторону — пьянствовал, неизвестно где пропадал целыми ночами. Благо, хоть и ему хватило одной брачной ночи, и он больше ко мне не приставал, хотя я, на всякий случай, всегда закрывала дверь между нашими спальнями. С каким же облегчением я вздохнула, проводив его на войну, чтобы не видеть за столом распухшую от попок физиономию муженька. Наш брак какая-то бессмыслица!

— Лучше было бы выйти замуж за Мортланда?

Юная женщина задумалась, рассеянно поглаживая грудь любовника.

— Не знаю, — в сомнении протянула она, — Мортланд — тяжелый человек! Он мне когда-то очень нравился, но сейчас я понимаю, что была бы несчастна с ним. Но так многие живут в нашем кругу — любовь часто заменяет уважение, а счастье — чувство выполненного долга. Об этом мне постоянно твердили гувернантки, покойная мать, да и не уставал повторять отец. Но так, как мы с Томом, жить невозможно! Меня тошнит даже от звуков его имени! Все души в нем не чают, как же — милашка Том, такой обаятельный, такой красавец! Моя французская кузина Иннин умирала от любви к нему, думая, глупышка, что я этого не замечаю. А я завидовала ей, потому что не в состоянии испытывать к Тейлору даже симпатию. Мне бросается в глаза совсем другое — эгоистичность, жестокость, пьянство, нежелание обременять себя заботами...

— Думаю, на континенте у него забот хватает!

— Это война, — нервно возразила Лили, — счастье же в браке требует не размахивания саблей, а обоюдной доброй воли к согласию, чего, согласитесь, гораздо труднее достичь!

Тони крепко прижал её к себе и с чувством поцеловал в лоб.

— У тебя хорошая головка на плечах, дорогая!

Лили с усмешкой заглянула в таинственно мерцающие глаза.

— А ты думал, что я глупая кукла?

— Если даже и так, то самая соблазнительная кукла на свете!

Их губы слились воедино, за ними последовали и распаленные страстью тела, и началась новая восхитительная игра.

Покидала приют любви Лили уже ближе к вечеру. Голова кружилась, руки и ноги дрожали от переутомления — и хотелось только одного — спать, спать и спать..., и желательно обняв Тони.

— Что я скажу дома?

— Что дела приюта потребовали гораздо больше времени, чем ты предполагала. Мол, тебе лучше захотелось узнать жизнь бедных сирот и так далее...

Лили иронично глянула на Калверта.

— Мой деверь отнюдь не идиот!

— А что ему ещё останется, как не поверить? А если он переспросит у меня, то попадет в очень глупое положение!

— Когда мы увидимся?

— Как только у тебя появится такое желание. Достаточно заранее прислать с лакеем записку, и я, отложив все дела, примчусь по первому зову!

Как же тяжело Лили было вырваться из объятий возлюбленного, какой бесприютно

одинокой она себя почувствовала, шествуя по коридору по направлению к ждущему экипажу, оставив за спиной того, кто отныне становился смыслом её существования. Она была счастлива и возбуждена до предела. А вот, казалось бы, естественные для юной леди её положения и воспитания стыд, сожаление о совершенном грехе или раскаяние даже мельком не зацепили сознания юной леди.

С домочадцами Лили встретилась только за обедом, после которого все семейство собиралось в театр на 'На волшебную флейту'.

Она вышла к столу в прекрасном настроении. Мир так чудесно изменился — в нём появился Тони! Никогда, наверное, столь весело не играл свет свечей на золоченых рамах картин, не сверкало серебро столовых приборов, и даже медная каминная утварь светилась, как золотая. Всё казалось таким радостным и праздничным..., кроме заседавших за столом угрюмых домочадцев Мортланда. Мрачные, неприятные люди! Впрочем, Лили было искренне жаль старых леди, ведь в их жизни никогда не было такого возлюбленного. Эти бедняжки не знали, что такое настоящее счастье!

Но, впрочем, было кое-что, помимо состояния эйфории — юная женщина была чудовищно, чертовски голодна! Яичница с беконом из рук любимого — это прекрасно, но Лили подозревала, что только хорошо зажаренный слон смог бы удовлетворить до конца её разыгравшийся аппетит.

Герцог, свекровь и тетки в шокированном недоумении наблюдали за поглощавшей пищу молодой женщиной. Она съела все до крошки из того, что предлагалось лакеями, опустошила стоящие посередине стола общие блюда, проглотила в мановении ока десерт. И лишь только потом смогла отвлечься от еды, потому что уже едва сидела за столом, беспрестанно клуя носом. На смену невероятному возбуждению пришла давящая, требующая сна усталость. Какой театр?! Да она не продержится и акта — спать, спать и спать...

Мортланд не спускал с неё глаз, хотя и подозрительно молчал. С опозданием, но до Лили дошло, что сегодня он изменил своему обыкновению обедать в клубе, почему-то оставшись дома. Но делать какие-либо выводы из этого не стала, слишком затуманенной была голова.

Чтобы хоть как-то справиться с кошмарной усталостью и отвлечься от довольно болезненных ощущений внизу живота, Лили принялась вяло разделявать персик. Тот упрямо сопротивлялся, явно не желая превращаться в дольки. С интересом наблюдавшую за племянницей тетюшку Джейн, наконец-то, прорвало, и она все-таки задала вопрос, занимающий головы всех сидящих за столом:

— Вас не было более пяти часов, дорогая! Насколько я знаю, вы прибыли незадолго до обеда! Неужели все это время посвятили работе приюта?

— О, да! — Лили насмешливо кивнула головой. — И я могла пожаловаться на что угодно, только не на скуку. Время пролетело незаметно!

Пожалуй, она все-таки перестаралась в своем презрении к этим людям — опасный огонек промелькнул в глазах насторожившегося Мортланда. Но вопрос последовал со стороны недоумевающей герцогини:

— Что же вы там делали?

Лили тяжело вздохнула, но всё же лениво пояснила:

— Делала обход помещений, знакомилась с учителями и воспитанниками, расспрашивала о нуждах, составляла списки..., ну, и всё прочее!

— Где же списки? Я думал, по приезде вы зайдете ко мне?

Разумеется, Мортланд знал, на чем её подловить. Но Лили в этот вечер было море по колено. Она снисходительно глянула на деверя.

— Их пришлют вам, думаю, не позднее завтрашнего утра!

И герцог был вынужден проглотить такое объяснение.

— Вы сегодня прекрасно выглядите, леди Лилиана!

Не в характере Мортланда было делать подобные комплименты дамам своей семьи. Тетушки и мать изумленно уставились на герцога, не в силах понять — что это с ним?

Вздрогнула от неожиданности и Лили, мысленно вернувшись из уютной спальни маленького домика где-то в Уайтчепеле в холодное великолепие столовой. Она недоуменно уставилась на деверя — он, кажется, обратился к ней?

— Да, моя дорогая, — кинулась ей на помощь, раздосадованная такой рассеянностью свекровь, — мой сын прав — вы сегодня очаровательно выглядите!

Моментально стряхнувшая дремоту Лили ответила сухой улыбкой.

— Может, его светлость, просто взглянул на меня сегодня чуть внимательнее?!

Недоуменное молчание воцарилось за столом. Конечно, намек на то, что Мортланд обычно пренебрегает невесткой, отдавал дерзостью. Герцогиня опасливо покосилась на помрачневшего сына и попыталась сгладить бестактность, допущенную снохой.

— О, дорогая, мы всегда восхищались вашей красотой. Жаль, что наш Томас лишен счастья...

Слушать про 'счастье' Томаса сегодня было особенно невыносимо, поэтому взбешенная Лили резко перебила свекровь:

— Сегодня прекрасная погода!

Недалекая тетушка Беатрис, конечно же, ничего не поняла, поэтому удивилась.

— Да как же — 'хорошая', когда такой ветер?! Я вышла на улицу, и у меня с головы сдернуло новую шляпку, представляете? А я её только впервые надела!

Лили с нарочитым сочувствием покачала головой.

— Боже, какая неприятность! Вы должны быть осторожнее, с нашим-то плачевным финансовым положением... Когда теперь представится возможность купить новую шляпку? Может, можно как-нибудь отчистить навоз и грязь? Скипидар пробовали?

Она собиралась продолжать развлекаться в том же духе, когда ледяной голос герцога положил конец этой комедии.

— Какой дьявол в вас вселился, дорогая? Неужели это запоздалая реакция на замечание о покупке палантина? Я же сказал, что не против затрат на ваши туалеты, но в разумных пределах!

Лили смирила его ответным холодным взглядом.

— Зато я против жизни за ваш счет! Нельзя ли обсудить с поверенными моего отца вопрос о более ранней выплате суммы моего содержания в связи с бедственным положением нашей семьи после загула супруга? Или я прошу слишком много для женщины, которой столь откровенно пренебрегают?

Кто бы ей сейчас напомнил, что несколько минут назад она хотела спать. Тайная любовь придала юной женщине уверенности и сил к сопротивлению, и теперь она с наслаждением сцепилась с тем, кто загубил её жизнь, навязав столь чудовищный брак!

Сидящие за столом дамы раскрыли от изумления рты. Тетушка Джейн с радостно заблестевшими глазами, боялась пропустить даже слово, а тетя Беатрис ахнула, схватившись

за щеки. Не на шутку встревожилась и герцогиня, с ужасом глядя на багровеющего сына.

Даже составители генеалогических книг, и то затруднялись бы сказать, сколько лет дворянскому роду Тейлоров. Известно, что прибыли они с Вильгельмом Завоевателем из Нормандии, и уже тогда имели баронский титул. Герцогство Тейлоры получили при Тюдорах за особые заслуги перед короной после разгрома Непобедимой Армады. Были в истории этого рода и взлеты, и падения, изгнание и эмиграция во время правления Кромвеля, триумфальное возвращение с королем Карлом II и поддержка Вильгельма Оранского во время 'славной революции'. Всякое бывало, но никогда и не при каких обстоятельствах женщины герцогской семьи не разговаривали таким тоном с главой рода, уж не говоря о возмутительном смысле сказанных слов. Казалось, сама кровля герцогского дворца должна была обрушиться на голову неблагодарной смутьянки!

Мортланд и все семейство окаменели на своих местах, сверля возмущенными глазами непокорную сноху, но та и бровью не повела.

— Я, — горько сказала она, надменно вздернув подбородок, — сама не желаю ничего от вас брать!

На этом её запал кончился. Лили устало оглядела выпученные глаза дам:

— Я не поеду в театр. У меня был тяжелый день!

И поспешно удалилась из зала, не дожидаясь ответной возмущенной реплики. Ей хотелось только одного — как можно скорее улечься в постель, хотя, конечно, время для этого было явно неурочным.

Просыпалась Лили медленно, блаженно потягиваясь и норовя поуютнее устроиться под одеялом, чтобы ещё понежиться в теплой постели. Вставать не хотелось — непонятная ленивая истома окутала всё тело, не открывались глаза, хотя сомкнутые веки и тревожил уже явно дневной свет.

— Грейс, — промурлыкала она, позвонив отчего-то запаздывающей служанке, — почему ты не разбудила меня к завтраку?

— Какой завтрак, миледи, — донесся до неё озадаченный голос Грейс, — дело идет к пятичасовому чаю!

Лили недоверчиво приподняла голову от подушки и уставилась на закрывающую свет костлявую фигуру горничной. Неужели она проспала почти сутки? Как по сигналу желудок засосало от голода.

— Почему же ты меня не разбудила раньше?!

Та почему-то помялась, прежде чем ответить.

— Его светлость приказали вас не тревожить, — тихо пробормотала Грейс, — а когда проснетесь, тот час пригласить в его кабинет. Он сегодня из-за этого даже целый день дома сидит — злой как сын, и что-то там копается в своих бумажках, роется..., наверное, деньги считает!

Вся прислуга Мортланда была твердо уверена, что у хозяина не могло быть других дел, кроме как считать деньги.

Лили тяжело вздохнула, разом вспомнив, каких дел вчера натворила. Что за бес в неё вселился? Неохотно сползая с постели, она счастливо улыбнулась, вспомнив о Калверте. Тони! В её жизни появился Тони! Она все-таки дождалась своего любимого мужчину, а всё остальное, по большому счету, не имело особого значения!

Ей не хотелось идти в кабинет Мортланда — уж слишком это напоминало отцовские выволочки. Но когда доделывающая прическу Грейс упомянула, что с визитом к тетушкам

прибыла миссис Элспет, Лили сочла меньшим из зол разговор с его светлостью.

Герцог действительно копался в каких-то счетах, гневно морща нос. И Лили невольно спросила себя — уж не те ли, которые видела любопытная тетушка? Но, заметив невестку, он небрежным жестом отодвинул от себя бумаги и взглянул на часы на каминной полке:

— Однако!

Лили робко пристроилась на краю стула, мирно сложив руки на коленях — словно провинившаяся пансионерка в кабинете директрисы школы для девочек.

— Вы желали меня видеть, ваша светлость?

Герцог промолчал.

И пусть! Лили не собиралась и дальше задавать вопросы, раз на них никто не отвечает. В конце концов, это он хотел с ней побеседовать, а не она с ним. Ей же чудовищно, до спазмов в желудке хотелось есть, но придется терпеть до обеда.

— Знаете, вам можно позавидовать — погрузиться в столь глубокий и безмятежный сон! Наверное, так спят только люди, не обремененные угрызениями совести?

Лили упрямо рассматривала заусеницу на пальце — где же она могла её содрать? Уж не в карете ли, когда сопротивлялась первому поцелую Тони? Казалось бы, сегодня, когда она выспалась и успокоилась, угрызения совести все-таки должны были настигнуть согрешившую женщину. Но Лили даже в голову не пришло терзаться из-за того, что, наконец-то, нашёлся мужчина, который сделал её по-настоящему счастливой. Если бы ещё не эти надоедливые Тейлоры!

Между тем, несносный мужчина напротив ещё только начинал разговор.

— А я вот не смог заснуть в эту ночь, пытаюсь вникнуть в суть ваших обвинений, — мрачно буркнул он, — и признаться, так ничего и не понял! Чем я вам не угодил?

Лили досадливо передернула плечами. Ей ничего не хотелось объяснять, но, похоже, что другого выхода нет. Всё равно не отстанет!

— Прошу у вас прощения за свои слова. Поверьте, это больше не повторится! Даже если вашим близким придется считать каждую булавку, то кто я такая, чтобы роптать?

Сказала и тут же выругалась про себя — теперь до герцога дойдет, что она просто издевается над ним!

Ответный укол не замедлил:

— Судя по вчерашнему скандалу, вам необходимы тысячи булавок!

Лили холодно сверкнула глазами:

— Я понимаю, что воспринимаюсь вами, как досадное прибавление к приданому! Но попрекать меня в желании тратить хотя бы часть собственных денег? Не слишком ли? Или, по-вашему, принеся вашему братцу восемьдесят тысяч фунтов, я должна исчезнуть, как снег весной, чтобы не мешать Тейлорам транжирить мои деньги?

Ей было приятно увидеть, как Мортланд в замешательстве опустил глаза. Что ж, сам виноват!

Но тот, оказывается, просто обдумывал ответную фразу:

— Право слово, вам нужно учиться держать себя в руках! Избавьте меня от ваших глупых нападок и безосновательных обвинений. Мне лучше знать, как правильно распоряжаться вверенными суммами!

Лили было противно слушать эти поучения.

— Почему же вы в этом не убедили собственного брата, — презрительно спросила она, поднимаясь с места, — раз позволили ему за месяц растратить полугодовое содержание?!

Или, по-вашему, это и есть разумное распоряжение деньгами? А теперь, если позволите...

И не дожидаясь разрешения, удалилась — этот зануда ей надоел!

Зверски хотелось есть, но даже все яства мира не смогли бы её заманить к пьющим в гостиной чай дамам. Лили тихонько кралась по коридору, намереваясь укрыться в библиотеке, когда дорогу ей перерезала непреклонная фигура дворецкого.

— Её светлость желают видеть миледи в Красной гостиной!

Да, уж! От слуг не скроешься, да и дворецкий вовсе не собирался уходить, передав ей пожелание госпожи — очевидно, ему были даны четкие инструкции притащить непокорную во что бы то ни стало.

Лили появилась на пороге обтянутой малиновыми обоями гостиной в самый разгар обсуждения вчерашнего скандала. Герцогиня сидела с утомленным и несчастным видом, а тетки что-то увлеченно вещали замершей с потрясенным видом миссис Элспет. Четыре пары осуждающих глаз остановились на поправшей этикет, неразумной овечке.

— Лили, дорогая, — в ужасе выдохнула гостья, — я не верю собственным ушам!

Юная женщина застыла в тоске. Читать нотации было любимейшим делом её бывшей наставницы, и надо было обладать телячьим терпением Иннин, чтобы слушать поучающий вздор больше двух минут. А тут ещё такое подкрепление в виде двух старых дев с языками змеи и скорпиона одновременно! Она ещё шла, покорно опустив плечи к свободному месту за чайным столиком, а миссис Элспет уже укоризненно заверещала:

— Неужели я этому тебя учила?!

И так далее и тому подобное... Лили тоскливо осмотрела сервировку столика. На опустевшей тарелочке для печенья не было даже крошек!

— Я представляю, как будет огорчен ваш отец, когда узнает... А бедный Томас?

Лили подавилась истерическим смехом — пьяница, у которого не хватило сил даже на то, чтобы завершить брак, распутник, не вылезающий целыми ночами из-под юбок проституток будет огорчен тем, что она нахамила его скупердю брату?

— Что с вами происходит, дорогая? — холодно добавила свекровь свою лепту в осуждение посмевавшей так распуститься снохи. — Вести себя таким образом немислимо!

Лили пожалала плечами, налив себе уже остывшего чаю.

— Не знаю, я не знаю, что со мной! То плачу, то сержусь, иногда невозможно хочется есть, и такая слабость, что проспала бы весь день... — слово в слово процитировала она свою покойницу мать.

Когда леди Элизабет хотела чего-то добиться от отца, то изводила его точно такими же жалобами на состояние нервов. Пусть лучше думают, что у неё слабое здоровье, чем капризный и вздорный характер.

— И давно это у вас, милая? — сухо поинтересовалась свекровь.

Лили настороженно покосилась на миссис Элспет — та прекрасно знала, что до свадьбы она была здоровее лошади, поэтому, протяжно вздохнув, слабым голосом призналась:

— Нет, началось буквально на днях!

И если две тетки сидели, вытаращив на неё недоумевающие глаза с немимым вопросом — сейчас им вызывать карету из Бедлама или подождать, пока она покусает кого-нибудь, то свекровь и миссис Элспет почему-то быстро и заинтересованно переглянулись, но промолчали. Мало того, перестали изводить её нотациями.

Всё это время Мортланд старался избегать встреч с Кавендишем. Не то, чтобы он мучился угрызениями совести, но и смотреть на страдания этого разумного человека из-за глупой и бестолковой девчонки ему не хотелось. Конечно, лорд не надоедал ему жалобами на сбежавшую невесту, но в свое время сообщил, что Иннин покинула его, чтобы вернуться в Бельгию. Кавендиш переживал, каким образом девушка осуществит свое намерение, и просил содействия Тейлоров в организации поиска беглянки.

Мортланд и Томас сделали всё, о чем их просил лорд, но, разумеется, ни в одной из прибрежных гостиниц исчезнувшей Иннин погоня не нашла. Герцог не имел привычки посвящаться кого-либо, даже брата в свои альковные дела, и находящийся в неведении Том волновался и беспокоился о судьбе юной француженки.

— У нас был роман! — с горечью признался он брату. — Знаю, что повел себя безответственно, но... посуди сам! Такая красавица! Никто бы не удержался...

— Ты её соблазнил?

Томас досадливо поморщился, прежде чем ответить:

— Нет! К счастью, мне помешали довести дело до конца. Как бы тогда я смог смотреть в глаза тестю? В свое оправдание могу лишь сказать, что не подозревал о его намерениях жениться на очаровательной крошке!

А вот Мортланд не считал себя виноватым перед Кавендишем. Девчонка в Бельгии ли, в Англии (всё равно!), отказавшись от брака с лордом, рано или поздно стала бы куртизанкой. У неё просто не было иного выбора! Так почему бы не упростить ей этот путь, предложив, к тому же, более выгодные условия, чем она бы получила в любом, даже самом дорогом борделе?

Но сегодня ему нужно было срочно увидеться с Кавендишем, чтобы обсудить поведение невестки. Лили серьезно беспокоила его — вчерашняя вспышка гнева, агрессивность! Герцог не привык к таким эксцессам в собственном доме, да ещё со стороны столь юной леди. Нужно было задать по этому поводу несколько вопросов её отцу.

Кавендиш похудел и заметно постарел, но все же идеально держал себя в руках, и никто из его одноклубников не подозревал, какие страдания он испытывает, невозмутимо шурша газетой в гостиной.

'Одиночество в толпе' — основополагающий принцип поведения истинного английского джентльмена в обществе, и в лице Кавендиша он нашел свое идеальное воплощение.

Лорд внимательно выслушал жалобы Мортланда на дочь.

— Да, — тяжело вздохнул он, — Лили нужно твердой рукой держать в узде! Не знаю, от кого она унаследовала такое своенравие, но в свое время мне приходилось прибегать к силе, усмиряя её норов!

— К силе? — удивился герцог. — А именно?

Кавендиш чуть улыбнулся.

— Пара пощечин не повредит ничьему здоровью, но хорошо прекращает женские истерики!

— Вы мне советуете..., но я ведь ей не муж, а всего лишь временный опекун!

— Я не считаю себя вправе давать вам какие-либо советы, даже относительно своей

дочери. Вы спросили — я ответил! А как уж вы будете решать эту проблему — не моё дело!

Да, даже потеря невесты не изменила характера Джорджа Кавендиша. Невозмутимс выдав эту тираду, он вновь уткнулся в газету, всем видом показывая, что считает разговор законченным.

Тело любимого напоминало загадочную карту страны утонченного наслаждения.

Лили, затаив дыхание от восхищения, нежно обводила пальцем рельеф заросшего черными волосками мускулистого живота, испещренную тонкими страшными шрамами широкоую грудь.

— Откуда это, любовь моя?

— Обычная драка! Повалился недели три, да и.... на мне всё заживает, как на собаке!

— А это, — она уважительно нащупала на плечах и спине жуткие следы перетяжек буграми вздутой кожи, — это тоже от ножа?

— Нет, котенок, это от плети. Меня долго секли, и я выжил просто чудом!

— Секли?

— Тебе вовсе не надо знать, каким наказаниям подвергаются провинившиеся матросы флота Его величества короля Англии.

— Так ты был матросом?

— Скажем, юнгой! Меня продали на корабль в семилетнем возрасте.

— Кто?

— Какая разница? Главное, что сейчас я с тобой, и поверь, это уже немало! Нужно жить только сегодняшним днем, не думая о том, что будет завтра, потому что оно может так и не наступить.

— Ты это так странно говоришь!

Лили возбужденно уткнулась носом в пушистую грудь. Ей казалось, что вся комната как ватой забита сладострастным привкусом его кожи, заполнена его тяжелым дыханием..., он уже дважды овладевал ей сегодня, и всё равно, её как волной окатывало желание вновь почувствовать на себе чудесную тяжесть его тела. И она невольно льнула и льнула к Тони, получая наслаждение даже от простых прикосновений к его рукам, груди, плечам... Но любовник был явно чем-то озабочен.

— Тебе не стоит ссориться с Мортландом!

— Это произошло случайно!

— Ничего случайного не бывает, — угрюмо возразил Калверт, — он по-прежнему занимает твое сердце. И твои наскоки — обида за его пренебрежение!

— Нет!

— И все-таки мне бы не хотелось, чтобы ваши отношения окончательно испортились. Будь сдержаннее, ангел мой! Тебе вскоре это понадобится.

Надо сказать, что Лили не поняла, что он хочет сказать. В голосе Тони звучали и грусть, и предупреждение, и неясное сомнение. Впрочем, в его присутствии она вообще очень плохо соображала, больше думая о его ласках, чем о смысле слов. Даже звуки голоса любовника и то опьяняли её, доводя до нетерпеливой дрожи. Ей постоянно хотелось гладить и целовать каждый дюйм его тела!

— Мортланд невыносим — мелочный и занудный брюзга!

— Нужно немного подождать, и, уверяю, он превратится в самого преданного друга!

— С чего бы это?

— Если ты выполнишь своё главное предназначение — зачнешь наследника! Видишь ли, любовь моя, сколько бы ни безобразничал твой супруг в чужих постелях, продолжателя

рода ему сможешь родить только ты. И если маркизу недосуг было заняться своими прямыми обязанностями, то будет только справедливо, если отцом его сына окажусь я! Если на то будет Господня воля...

Лили озадаченно потерлась носом о плечо любовника. Ей стало не по себе.

— Но, дорогой, Тома уже второй месяц нет дома. Думаешь, Мортланд не догадается, что муж к моему младенцу не имеет никакого отношения? А с той единственной ночи, вообще, прошло уже три месяца!

Но Калверта почему-то это возражение смутило мало.

— Никто не знает, что ночь была единственной... даже сам Тейлор! Ты сама рассказывала, что он все время был до бесчувствия пьян — откуда ему помнить, было у вас что-либо или нет? А в остальном.... Женщины иногда на месяц перенашивают детей! А там видно будет, может, ты родишь раньше срока!

— Откуда ты знаешь?

— Я сам отец трех малышек!

Неожиданная ревность захлестнула Лили с головой — другие женщины в его жизни! Неужели эти губы целуют ещё кто-то? И действительно, что ей известно о Тони, кроме того, что он руководит благотворительным заведением?

— У тебя есть семья?

— Нет!

— А любовница?

— Сейчас она лежит рядом со мной!

— Я имею в виду других женщин!

— Есть и другие женщины, но не здесь и не сейчас!

— А где твои дети?

— Растут! Слишком много вопросов, милая! Слишком много ненужных, глупых вопросов!

Его голос прозвучал предупреждающе, и у Лили тут же выступили слезы на глазах. Тони тяжело вздохнул и прижал её голову к груди.

— Малыш, не сердись. Я понимаю, что тебе это любопытно, но у нас так мало времени!

Его губы прижались к её виску.

— Обними меня, любимая!

Так, наверное, змей соблазнял Еву, и уж если праматерь променяла Эдем на грех, то что она могла противопоставить ласкам возлюбленного?

Покачиваясь по ходу кареты, Лили сидела, уткнувшись в плечо любовника, полностью обессилившая и притихшая. Казалось, не прошло и мига, как экипаж остановился у заднего крыльца приюта.

— О, — застонала она, судорожно вцепившись в лацканы его сюртука, — неужели уже приехали? Но почему так быстро мчится время, когда мы вместе? Я не хочу с тобой расставаться..., вот если бы ехать и ехать куда-нибудь!

Калверт нежно поправил прядку с трудом приведенных в порядок волос любовницы.

— Ангел мой, а что если я приглашу тебя послезавтра на маскарад в Воксхолл? У тебя есть подходящий костюм?

Юная леди Тейлор удивилась настолько, что даже отступила чудовищная усталость.

— Найдется, но как я смогу выбраться из дому? Это диво дивное, что мои дуэньи терпеть не могут отменять собственные приемы — я ведь шагу не могу сделать из дому без

их опеки! Все вечера расписаны на месяц вперед. Завтра, правда, у нас карточная игра, поэтому мы никуда не поедem с визитами.

Калверт снисходительно хмыкнул.

— Когда весь дом уснет, — прошептал он ей на ухо, — ты, ангел мой, тихонечко выскользнешь из спальни и пройдешь к черному ходу!

— Но там будет закрыто, слуги укладываются спать рано, когда хозяйки дома.

— Дверь будет открыта, — заверил её любовник, — останется только выскользнуть за ворота, а там буду ждать я. Мы знатно повеселимся!

Лили улыбнулась, с восторгом глядя в любимое лицо.

— За вами, сэр, хоть в ад!

— Ну, так далеко — не надо...

Зеленый травянистый бархат верхнего платья с рукавами до колен, золоченый пояс на линии бедер, распущенные волосы, да тонкий обруч диадемы вкупе с плотной маской — в общем, её маскарадный костюм был непритязателен. Но Лили он нравился, так как хорошо подчеркивал и тонкую талию, и волнующую округлость бедер, а главное, выставлял на всеобщее обозрение её главное сокровище — золотистое руно густых волос, обычно целомудренно спрятанное в благопристойную прическу.

— Я красивая, — сказала она себе, крутясь перед зеркалом, прежде чем пуститься в самую опасную в своей жизни авантюру, — я очень красива, и самое главное, что это увидит Тони!

И он, конечно же, увидел и сразу оценил. Правда, это произошло не ранее, чем они все-таки добрались до освещенного яркими огнями здания деревянной ротонды в парке Воксхолла.

Нестройный шум бравурного веселья и яркие сверкающие краски костюмов оглушили и ослепили впервые увидевшую такое зрелище Лили, но её спутник смотрел только на свою любовницу:

— Из-за вас, миледи, передрались бы все рыцари Круглого стола!

— Это более поздняя эпоха!

— Я плохо разбираюсь в истории Англии, но зато знаю толк в красивых девушках!

Лили ревниво шлепнула по придерживающей её талию руке. Надо сказать, что самого Тони было то же непросто узнать в костюме эпохи последних Стюартов — атласный камзол, кружевные манжеты, парик.

— Кавалер, вы ведете себя вызывающе, — рассмеялась она, чувствуя, что он прижимает её к себе, — нас выставят с этого сборища!

— Можно подумать, что кому-то есть до этого дело, — возразил Калверт, и Лили с ним согласилась.

Действительно, это был особенный вечер. Играла громкая, бравурная музыка, мало похожая на чинные светские контрдансы, и вся разномастная толпа в самых причудливых костюмах танцевала ирландский рил, но это отнюдь не было главным занятием этого удивительного сборища.

То здесь, то там стояли отдельные небольшие группы людей, пьющие шампанское и громко и заразительно смеющиеся над какими-то только им известными шутками — иначе, чем скандальным и фривольным их поведение и назвать было нельзя! Свободные манеры дам, позволяющих себе в разговоре касаться кавалеров, звенеть бокалами, откровенно кокетничать, ошеломили получившую патриархальное воспитание Лили. Но это ещё было не всё — все чаще её глаза натывались на обнимающиеся парочки.

— Это куртизанки? — в сомнении обратилась она к спутнику.

— Смотря кого называть куртизанками! Я знаю нескольких дам весьма знатных фамилий, которые ведут себя более распутно. Да и среди этих прелестниц в масках найдется немало тех, кто с самым непроницаемым выражением лица разливают чай в гостиную и критикует современные нравы. Лили, маскарады и придуманы для того, чтобы скрыв свое лицо под маской, позволить себе проказничать. Подумай сама, это ведь так приятно,

обниматься на глазах у всех, точно зная, что это тебе сойдет с рук!

Лили облегченно вздохнула, прильнув к его руке.

— Здесь так интересно, — с восхищением прошептала она, — представление, сродни театральному!

— Так это и есть театр, многие женщины — актрисы! Они призваны, чтобы развлечь общество, придать веселью нужную остроту. Билеты весьма дорогие, и люди не стали бы платить такие деньги за какое-нибудь заурядное развлечение. Вот вскоре на арене начнется весьма оригинальный балет. Хочешь шампанского?

И он приложил к её губам свой бокал. Лили рассеянно глотнула искристую жидкость. Шампанское было не ахти!

— Так здесь все мишура, — рассмеялся Тони на её замечание, — и вино, и люди, и их маски...

— Но не наша любовь? — она сама не подозревала, какой мольбой прозвучали её слова.

— Нет, конечно, нет!

И Тони нежно прильнул к её губам поцелуем:

— Хочешь, уедем отсюда?

Предложение было заманчивым, но Лили не хотелось так скоро покидать красочное зрелище.

— Ещё немного, — попросила она, — я хочу посмотреть на балет!

— Хорошо, моя королева, но я согласен подождать совсем немного! Ты не представляешь, как соблазнительно выглядит твоя грудь, распирая это платье — так и хочется дать бедняжке свободу!

— Тони!

— Только дай добраться до кровати, потом скажешь всё, что захочешь!

— Любовь моя!

И что ей были люди вокруг, когда она была в его объятиях?

Но ослепленной страстью и любовью Лили было невдомек, что в нескольких шагах от неё застыла в оцепенении, глядя на кузину, шокированная Иннин.

Они приехали с герцогом на карнавал одними из последних, потому что Джина почему-то забраковала её первый костюм домино.

— Там многие будут в домино, — в последний миг, что-то нашло на экономку, — не вышло бы пуганицы!

И чуть ли не за час был создан буквально из ничего другой костюм. Иннин была обряжена Флорой — тонкая, струящаяся туника, расшитая шелковыми цветами, и увитая имитациями лиан. Голова и волосы представляли собой нечто вроде клумбы, из которой в живописном хаосе свисали гроздья винограда, кисти вишен и слив. Всё это было очень красиво, но настолько экстравагантно, что Инн не могла даже точно сказать — нравится или не нравится ей этот костюм?

— Превосходно, — зато сразу же дал оценку Мортланд, — лучше и не придумаешь!

И вот теперь, оказавшись среди многообразия масок и костюмов всех эпох и времен, Инн смогла оценить предусмотрительность итальянки — ничего даже близко похожего на её туалет не наблюдалось, вот только вопрос — почему это было важно?

— Чтобы я вас не потерял в толпе, — охотно удовлетворил её любопытство герцог, — видите ли, люди под масками, да ещё в таком фривольном месте, как Воксхолл, могут позволить многое из того, что в другой момент сочли бы для себя недопустимым.

Дальше уточнять Инн не стала — достаточно было оглянуться на обнимающиеся парочки вокруг. Это была не первая их вылазка в места, где блистали развязанные и вульгарные девицы и где джентльмены забывали о приличиях в их компании. И никого не удивляла маска на лице спутницы герцога — здесь вообще никого и ничто не могло удивить. Мортланд обычно либо беседовал с знакомыми джентльменами, либо тупо таращился на происходящее, и его постоянным спутником было бренди. Обязанности Инн никто бы не назвал обременительными — ходи везде с ним под руку или стой рядом, чтобы показать, что герцог на вечеринке ни один. Иногда он с ней обсуждал происходящее вокруг, но зачастую упорно молчал.

Вот и сегодня, находясь рядом с привычно накачивающимся бренди Мортландом в костюме 'круглоголового', скучающая Инн рассеянно, чтобы хоть чем-нибудь себя занять, оглядывалась вокруг. Ничего забавного или веселого она здесь не наблюдала — подумаешь, очередные заигрывания джентльменов с весёлыми девицами!

Вот только не понятно, зачем посещать такие места герцогу? Что он находит здесь интересного? Но развлечения мужчин иногда трудно понять нормальной девушке, поэтому и предположений строить не стоит.

И тут внезапно кое-что заинтересовало и её, а именно — увлеченно обнимающаяся парочка в укромном месте у стены. Сначала девушка безразлично скользнула взглядом по влюбленным, но что-то в этой паре заставило её приглядеться внимательнее. Высокий мужчина в атласном вишневом камзоле и парике непристойно обхватил бедра находящейся с ним девушки, и парочка погрузилась в самозабвенный поцелуй. Незнакомка так чувственно изогнулась, прильнув к кавалеру, что от них чуть ли не зримо исходила странная жаркая волна, которая заставила замереть сердце юной француженки и сбила её дыхание. Нервно облизнув пересохшие губы Инн почувствовала, как напоминанием о Томе, что-то полыхнуло и томительно заныло внутри. Надо было бы отвернуться, но её словно приворожило к разворачивающему перед глазами зрелищу чужой страсти — не было сил оторвать взгляд!

Влюбленные чуть отстранились друг от друга, переводя дыхание, и неизвестная девушка, встряхнув головой, вновь обняла и поцеловала ухажера.

И вот тут потрясенная Инн испуганно вцепилась в локоть ни о чем не подозревающего Мортланда, потому... потому что вдруг узнала свою кузину! Как часто она помогала Лили расчесывать золотистый водопад её волос! А эта манера встряхивать локоны, чтобы эффектнее легли на плечи и заструились вплоть до того места, которое сейчас так самозабвенно ласкал неизвестный, и этот знакомый маскарадный костюм..., ну, конечно же! Чем дольше она глядела на сестрицу, тем больше её узнавала — Лили! Но это было невозможно! Невозможно!

— Что с тобой, дорогая?

— Там, — прошептала она, испуганно кивая в сторону, увлеченных только друг другом любовников, — там..., но как она может? Это ведь не она, правда?

Мортланд внимательно проследил за её взглядом и сменился в лице — это было заметно даже сквозь маску, по плотно сжавшимся губам.

— Увы, дорогая! Это именно леди Лилиана!

— Но как, ведь Том... он рискует жизнью, а Лили... разве это не чудовищно? Иметь мужа, а самой...

Герцог чему-то усмехнулся.

— Скромность — не самая сильная сторона натуры вашей кузины! — саркастично

заметил он, не спуская глаз с любовников.

Между тем, те даже не подозревали, что стали предметом столь пристального наблюдения, и Лили в счастливом неведении не хотела никого видеть, кроме своего любимого Тони.

Инн же искренне не понимала, как сестра может себя вести столь непристойно, и не умирает от стыда за столь распутное поведение? Но Лили и её таинственный спутник, мило обнявшись, о чем-то доверительно и увлеченно шептались друг с другом. И столько в этой паре было странной привлекательности, столько нескрываемой нежности и любви друг к другу, что Инн не выдержала.

— Они вместе, — возмущенно высказала она Мортланду, — вместе! И ей ни капельки не стыдно, мало того, она счастлива! Но как же Том? Лили ведь клялась ему в верности перед Богом и людьми!

Герцог сделал знак лакею, и взял с подноса очередной бокал бренди.

— Любовь превратила нашу капризницу в настоящую сирену! — с заметным удивлением пробормотал он.

Инн внезапно стало не по себе, и она обиженно глянула на спутника. Тот же, потягивая любимый напиток, не спускал изучающих глаз с воркующей парочки. Надо сказать, что столь специфический интерес со стороны Мортланда к Лили был девушке неприятен.

И весь её гнев излился на бессовестную сестрицу — если бы глаза людей могли убивать, то Лили уже лежала бездыханной в объятиях своего не менее бесстыдного любовника!

Юная же леди Тейлор даже не подозревала, какие страсти кипят вокруг. Осторожно касаясь возлюбленного, она не могла на него вдоволь насмотреться. Он ей казался самым красивым, самым умным — у Лили шла кругом голова даже от запаха находящегося рядом мужчины. А его голос! Он волновал её до дрожи во всем теле, до покалывания в пальцах рук и ног.

В этот миг она была настолько счастлива, настолько всех любила, что искренне удивилась, если бы кто-нибудь напомнил ей о муже. Том? Да он-то тут причем? У него своя жизнь, у неё своя! Если жена ему настолько не по душе, пусть ищет свою любовь — ей не жалко! А его супруга свою уже нашла, и кто, глядя на высокого широкоплечего и ласкового красавца осмелился бы сказать, что Лили сделала плохой выбор?

— Знаешь, — вдруг шепнул ей Калверт, — здесь твой деверь!

Лили испуганно встрепенулась.

— Где? Он нас видел?

— Даже если и увидел, то не узнал, — хохотнул Тони, — Мортланд здесь со своей последней 'штучкой' — мисс Эрикой.

'Штучка' герцога весьма интересовала его невестку, поэтому Лили с любопытством устремила взгляд на фигурку Флоры рядом с 'круглоголовым' джентри.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Мне она кажется совсем юной, почти девочкой, — задумчиво проговорила она, — и смутно напоминает мою французскую кузину Иннин. Такая же хрупкая и изящная! Инн уехала в Бельгию сразу же после нашей свадьбы с Томом, потому что была смертельно влюблена в моего безголового муженька.

— Все мы на кого-то похожи! — неопределенно протянул собеседник.

Но Лили была не расположена слушать его отвлеченные рассуждения, другая мысль пришла ей в голову при виде незнакомки:

— Любопытно, — возбужденно сверкнула она глазами, — что чувствует женщина, любовь которой покупают?

Похоже, Тони опешил:

— Тебе это действительно интересно? — недоверчиво спросил он.

Лили отмахнулась от его явного недоумения.

— Ты не понимаешь! Я всегда шла в придачу к деньгам, а Том ещё и недовольно фыркал, и никогда не скрывал — если не приданое, то даже не взглянул бы в мою сторону!

Губы Тони неожиданно тронула улыбка. Лили возмутилась.

— Не вижу здесь ничего смешного! Это омерзительно! Но что должна чувствовать женщина, ради обладания которой мужчина сам готов отдать кучу денег? Наверное, это приятно?

Калверт мрачно хмыкнул:

— Не знаю! Я ни разу не платил женщине за любовь, но думаю, что вряд ли это так уж приятно и той, и другой стороне! Просто есть потребность в телесных утехах, так же как в еде, одежде и отдыхе. Кто-то продает, а кто-то покупает! Поверь мне, малышка, здесь нет никакой романтики. Что же касается денег, то знаешь, я и сам иногда нуждаюсь в звонкой монете... не менее Тейлора.

Лили покосилась на собеседника, лукаво приподняв бровь:

— Ну да, эти костюмы, рубин, да и яичница с беконом то же чего-то да стоит, а жалование директора богоугодного заведения, наверняка, сущие гроши?

— Что-то в этом роде, — тяжело вздохнул Тони, — не у каждого же отец — богатый лорд и пэр королевства!

Юная женщина внимательно глянула на любовника.

— Если тебе нужны деньги, — мягко предложила она, — то думаю, можно найти выход. Мой муж растратил за месяц нашего совместного существования моё содержание на полгода вперед, но я могу предложить, что-нибудь из своей шкатулки!

— Не нужно, — Тони поцеловал её в висок, — как-нибудь выкрутимся и без таких жертв. Но всё равно, спасибо за предложенную помощь!

Лили блаженно затихла в его объятиях, но её глаза всё равно отыскивали во фланирующей толпе неподвижно застывшую фигурку Флоры. Ей показалось, что девица смотрит прямо на неё.

— И все-таки, кое в чем я завидую девушкам, подобным мисс Эрике, — легко вздохнула она, — они могут самостоятельно выбирать свой путь.

— Да ну? Кем же они могут ещё стать, кроме как куртизанками? Ты хоть представляешь, какие гроши получают представительницы других, доступных женщинам ремесел? Тебе этого не хватит даже на пару носовых платков!

— Но ведь они могут стать певицами, актрисами!

— Для этого нужен талант!

Лили презрительно фыркнула.

— Те, которых я слышала до селе, особенными способностями не обладают. Я гораздо лучше танцую и пою чем большинство из них, и что? У меня нет даже возможности это показать!

— Я слышал, пение очень модно в свете!

— Да, побаловать арией, другой ничего не понимающих в музыке полуглухих старух, которые привыкли слушать только себя и ничем кроме сплетен не интересуются! Разве это

достойная реализация таланта?

Инн все больше и больше впадала в панику, наблюдая за сестрой.

— Ваша светлость, — озадаченно спросила она у Мортланда, — о чём Лили и этот мужчина могут так долго и увлеченно разговаривать друг с другом? Неужели он всё это время одаривает её комплиментами?

Герцог равнодушно пожал плечами.

— Влюбленные всегда найдут, о чём поговорить, — лениво заметил он, — неисчерпаемы темы разговора, и не проходит интерес! Всё важно, всё достойно самого пристального внимания, вплоть до откровенных глупостей.

— Но Томас...

— Томаса, как вы успели, наверное, заметить — здесь нет! И никто кроме вас о нем и не вспоминает!

— Но разве это правильно?

— Наверное, нет! Но разве всё в жизни должно быть правильным?

Инн была потрясена.

— Вы что же, — со слезами в голосе спросила она, — прощаете вашей невестке подобное поведение? Оправдываете распутство?

— Нет, — качнул головой Мортланд, и уже строже добавил, — нет! Но и рвать на себе волосы и делать вид, что произошла катастрофа, тоже не собираюсь!

Остаток ночи Лили и Тони провели в объятиях друг друга за вином и разговорами по душам. Но как ни хорошо им было вместе, рассвет неуклонно приближался, и нужно было возвращаться назад.

— Я бы отдала всё на свете, чтобы проснуться однажды утром в твоих объятиях! — тяжело вздохнула Лили, торопливо натягивая свой маскарадный костюм. — Как это неправильно и нехорошо — любить украдкой, пробираться домой, словно вор, скрываться и лгать!

— Можешь навсегда остаться в этом доме, — Тони умело помогал ей шнуровать платье, — но уверена, что эта нищенская обстановка не надоест тебе уже через три дня, и ты не пожалеешь о потерянном положении в обществе, богатстве и титуле?

Лили грустно рассмеялась.

— Уверяю, мне не о чем особо сожалеть! Во всем мире нет ничего, чтобы имело ценность, равную моей любви к тебе!

Калверт нежно поцеловал её в шею.

— И всё же, любовь моя, такая ценность есть! Это положение твоего будущего ребенка. Хотела бы ты, чтобы он вырос незаконнорожденным, со всеми вытекающими отсюда последствиями?

Лили озадаченно нахмурила лоб.

— Я никогда не думала об этом, — призналась она, — но... может, ребенка и вовсе не будет?

— Может и не будет! Но такой возможности тоже исключать нельзя!

Дверь черного хода, к её облегчению, оказалась по-прежнему открытой, а весь дом тихо спал, хотя на улице уже проявились признаки близкого рассвета. Лили торопливо прокралась по лестнице на второй этаж, где располагалась её спальня. В коридоре царила сонная тишина, и она, проскользнув в свою комнату, облегченно перевела дыхание. И в тот момент в ужасе заметила, что из спальни Томаса через открытую дверь льется тусклый свет.

У Лили от страха перехватило дыхание.

Пусть Томаса не было дома, но она всё равно запирала дверь между их спальнями. Так, для собственного спокойствия! И вот, кто-то сейчас находился на половине Тома! И этот кто-то теперь наверняка знает, что её не было дома всю ночь!

У Лили тошнотворно засосало под ложечкой и слабостью подкосились ноги. Она с трудом поползла до ближайшего стула, так и не сводя глаз со спальни Томаса. Сейчас кто-то из неё выйдет и разразится невиданный скандал! И что она скажет, как будет оправдываться?

Молодая женщина ещё не успела окончательно впасть в панику и сама выбежать навстречу опасности, как послышались шаги, свет исчез и раздался тихий стук захлопнувшейся двери.

Она выждала несколько секунд, а потом осторожно высунула нос в коридор, как раз во время, чтобы увидеть, как Мортланд с канделябром в руке исчезает за поворотом, устремляясь в сторону своих покоев.

Лили в задумчивости тихо притворила дверь. Не надо быть особо умной, чтобы догадаться — герцог, таким образом, давал понять, что знает о её похождениях, и пока будет молчать. Но вот интересно — до каких пор, и почему он выбрал такую тактику?

А что же Инн? Она была потрясена увиденным на маскараде настолько, что не спала потом весь остаток ночи, крутясь изо всех сил среди раскаленных шелковых простыней. Лили и незнакомец — видение их объятий преследовало её как кошмар, как наваждение!

И девушка с ужасом и стыдом вынуждена была признать — это было красивое и завораживающее чувственностью зрелище. Наутро, после бессонной ночи, она с недоумением увидела в зеркале обведенные черными тенями неестественно огромные глаза и распухшие сухие губы.

— Я больна? — с ужасом спросила она, обыденно крутящуюся вокруг юной госпожи Джину.

— Это болезнь девственников — лукаво хмыкнула итальянка, — и лечится только при помощи мужчины!

У Инн полыхнули стыдом щеки.

— Не смей мне такого говорить, — сурово одернула она распустившуюся экономку, — это грех! Грех желать мужчину!

Но Джина только пожала плечами, ничуть не смутившись выговором.

— Любовь угодна Богу и не может быть грехом!

— Супружеская любовь, — сухо уточнила француженка, — а раз нет супруга, не может быть и любви!

— Вам виднее, — покладисто согласилась Джина, — только даже у монашек и то есть жених небесный.

И не успела Инн прикрикнуть на богохульницу, как та деловито продолжила:

— Вы сегодня плохо спали, а это никуда не годится! Потому что впереди у вас ещё одна бессонная ночь!

— Опять маскарад? — уныло осведомилась Инн.

— Нет, на этот раз посещение какого-то увеселительного заведения. Поэтому — сейчас завтрак, потом прогулка, и спать!

Инн поежилась при мысли о кровати, как о пыточном ложе.

Вылазки герцога со спутницей по значным местам следовали одна за другой, и успели достаточно приесться Иннин. Она устала от масок и общей ауры порока, окружающей её.

Но до поры до времени это было ещё терпимо, пока недели через три после маскарада не произошел случай, переполнивший чашу её терпения.

В тот весенний день в парке ласково светило солнце, Бетси бежала по аллее неторопливой трусцой. Но вот на одной из аллей показалась открытая коляска, управляемая джентльменом, рядом с которым сидела дама. Инн присмотрелась, и не смотря на плотную вуаль, узнала леди Клер Горриндж-Спадвик — юную жену старого мужа. А вот её спутника она видела впервые. И хотя пара чинно о чем-то толковала между собой, Инн не отводила от них глаз — чем-то они привлекали внимание.

Но подслушала их разговор она случайно. Ей захотелось спешиться и прогуляться к пруду, но когда девушка подходила к воде, то слышала голоса, раздающиеся из-за ближайшего кустарника. Кое-какие слова случайно её заинтересовали, и она, затаившись, прислушалась.

— Клер, я уже сказал, что мне надоели твои непонятные претензии! — донесся недовольный голос мужчины.

— Но почему, почему, — голос леди Клер резал ухо несчастными интонациями, — что произошло, почему ты ко мне остыл? Разве нам было плохо вместе?

— Хорошо, — не стал спорить джентльмен, — но всё когда-нибудь кончается. Да, я любил тебя, но чувства остыли!

— Ты же знаешь, я жду ребенка!

Инн, хотя и не видела лица женщины, догадалась, что та плачет.

— У него есть отец — твой муж!

— Ты знаешь, что он давно ничего не может! Как я объясню свою беременность?

— Об этом нужно было думать раньше!

— Я люблю тебя..., я надеялась...

— На что? На что ты могла надеяться? Что я окажусь таким же бессильным, как твой муж? Когда женщина позволяет себя соблазнить мужчине — дети и беременности становятся её заботой. У меня появилась невеста, я собираюсь жениться, и скандалы вокруг моего имени никому не нужны!

— Но...

— Мне надоело прятаться и скрываться, надоели встречи украдкой! Да и с деньгами худо, поэтому не рассчитывай на мою поддержку — я откажусь выступать соответчиком в бракоразводном процессе!

Клер разрыдалась.

— Но это бесчеловечно! Ты не можешь оставить меня в такой сложной ситуации!

— Только не надо делать из меня подлеца! Если на то пошло, я не давал обещаний заботиться о твоём ребенке. Обоюдное удовольствие и ничего больше! Беременность — это конечно, неприятно, но говорят, есть способы избавиться от неё...

— Как это — избавиться?

Возникла неловкая пауза. Инн услышала, как незнакомец выругался сквозь зубы:

— Как, как? Да откуда я знаю — как! Это ваши женские дела. Но я слышал, что где-то в районе гугенотской церкви на Сохо-сквер практикует некая миссис Брауни, которая по сходной цене освобождает дам от нежелательных последствий страсти.

— Как же я её найду?

— Не знаю! Клер, на твоём месте я все-таки попытался бы, что-нибудь устроить со своим мужем! Неужели все так безнадежно? Напой его, как-нибудь затащи в постель, а потом стой на своем до конца. Видишь ли, миссис Брауни..., в общем, дорогая, я слышал, что после этого женщины уже никогда не смогут иметь детей, и это очень-очень опасно!

Странно, но наша героиня услышала в голосе подлеца, что-то похожее на сострадание.

— И что же мне делать, умирать?

Молодой человек помялся, а потом внимательно огляделся вокруг — хорошо, что француженку скрывали густые кусты поросли, иначе бы ей не ускользнуть от пристального взгляда.

— Клер, — его голос стал даже нежен, — зачем умирать тебе, когда лучше умереть твоему мужу! Он так стар, что все не перестают удивляться тому, что ещё жив. Смерть графа не вызовет подозрений!

У Инн сперло дыхание в груди. А что же юная жена — неужели отважится на такое преступление?

— Я не смогу убить, — жалобно всхлипнула Клер, — не смогу и всё!

— А зачем тебе убивать? — её любовник понизил голос, и теперь Инн с трудом слышала его шепот. — Есть люди, которые за деньги сделают это для нас!

— Ты их знаешь?

— Говорят, что в районе доков есть один трактир — 'Свинья и свистулька'. Ты переоденешься в простое платье и поедешь туда...

— Я боюсь! Может, это сделаешь ты?

— Кто из нас хочет избавиться от мужа, и кто сможет за это заплатить? Нет, дорогая, это твоя проблема, — тут же взвился до небес этот подлец, и вновь таинственно понизив голос, продолжил, — там ты найдешь человека и скажешь, что тебе нужен Бисби!

У Инн дрогнуло сердце сигналом тревоги — она слышала это имя совсем недавно в 'Принце Альфреде', и не забыла реакции на него местных оборванцев. Но что скажет дальше любовник леди Клер?

— ... Бисби решает любую проблему, но берет дорого, очень дорого!

— Где же я возьму такие деньги? Даже после смерти мужа капитал и титул перейдут к его племяннику!

— Но, девочка моя, если ты родишь мальчика, то племянники останутся ни с чем! А как взыскать деньги, пусть станет проблемой Бисби — главное, что ты станешь весёлой вдовой!

И эта нахальная парочка рассмеялась!

Инн трясло от возмущения, когда она спешила назад к своему груму! Сговориться убить безобидного старика, только чтобы скрыть беременность?! Есть ли у этих людей совесть?!

— Такое часто бывает, — уже дома пояснила ей Джина, — а зачем он женился на молоденькой? Неужели не понимал, что обрекает себя на развесистые рога?

— Не убивать же его за это!

Итальянку мало, что могло смутить, поэтому она равнодушно пожала плечами.

— Ему все равно умирать! Годом раньше, годом позже!

— А этот Бисби? Кто он, Джина?

Инн показалось, что итальянка чуть помедлила с ответом.

— Откуда мне знать, кто носит это имя? Почему оно вам запомнилось?

— Я слышала, как поминали Бисби, обращаясь к герцогскому лакею в 'Принце Альфреде'!

— В таком месте могут упомянуть только, какого-нибудь оборванца! Выбросьте из головы, миледи! Вряд ли, слуга его светлости выполняет поручения, связанные с убийством людей.

Укор и насмешка, прозвучавшие в голосе экономки окончательно рассеяли тревоги француженки. Действительно, мало ли о каком Бисби шла речь? И сколько их в Лондоне? Может, это такое же распространенное имя, как Жан во Франции?

— Но готовится преступление! — мысль о судьбе лорда Уильяма Горриндж-Спадвика по-прежнему волновала девушку. — Неужели ничего нельзя сделать, чтобы несчастный старик остался жив?

Надо сказать, что беседу они вели в спальне, где Джина готовила юную подопечную ко сну. И Инн уже лежала под лёгкой простыней, пока та хлопотала вокруг, тщательно задерживая полог.

— Здесь, — довольно жестко подвела итог итальянка, — речь в любом случае идет о жизни! Или жизни леди, которую в гневе может убить обманутый супруг, или жизни

ребенка, которого убьет повитуха, или жизни лорда. А раз последнему осталось совсем мало, то пусть лучше выживут все остальные!

— Страшный выбор!

— А жизнь, миледи, далеко не любимое вами бланманже! А теперь выбросьте из головы эту дурочку, которую вскоре обчистит до нитки любовник, зажившегося на земле лорда, и спите, спите... у вас и самой немало проблем, чтобы забивать голову чужими несчастьями!

— Обчистят? — изумилась Инн. — С чего вы это взяли?

Джина раздраженно вздохнула, бросив укоризненный взгляд на подопечную.

— Незачем, конечно, ковыряться в этой грязи, но с другой стороны, не вижу причин, почему бы не раскрыть вам глаза. Эти юные простушки — жены престарелых мужей всегда под пристальным наблюдением различных молодчиков с прельстительными физиономиями и отнюдь не привлекательными мыслями. Им морочат головы, укладывают в постель, одурманивают хорошими качественными ласками, а потом..., потом диктуют свои условия! Хочешь, чтобы тебя любили и дальше — плати! Иногда деньгами, а иногда и жизнями мужей, если любовник захочет захватить всё!

Потрясенная Инн так и села на постели.

— Но он говорил Клер, что у него есть невеста! Как же он потом женится на вдове?

— Да не собирается он жениться ни на одной, ни на другой, если та реально существует! Это делалось специально, чтобы поторопить дурочку, дать ей понять, что любовник ждать не намерен, мол, от других отбоя нет! Никуда он от леди Клер не денется, пока последний грош из состояния Горриндж-Спадвика не переключается в карман тех, кто его подослал!

— Подослал?

В первый раз за время их знакомства Джина заметно смутилась.

— Я так думаю, — буркнула она, — есть кое-какой опыт. Но вы-то можете спать спокойно!

— Потому что у меня нет денег?

— Потому что вы находитесь по другую сторону барьера!

И решительно задернутый полог погрузил пространство огромной кровати в таинственный полусумрак. Инн откинулась на прохладный шелк подушек и крепко задумалась. Мысли её крутились вокруг всего разом — здесь была и Лили с её любовником, и леди Клер, и слова Джины.

Постепенно, понемногу, но юная француженка начала осознавать, что мир вокруг неё настолько сильно меняет свои очертания, что превращается в нечто диаметрально противоположное представлениям о жизни доброго кюре Оноре или всезнающей миссис Элспет.

И как ни туманны были слова Джины, девушка уже научилась понимать её намеки. Конечно, она была по другую сторону барьера — ведь, желая того или нет, сама жила на деньги из карманов Мортланда. И ничего не менял тот факт, что это делалось только по его собственной прихоти. Леди Клер, наверное, то же казалось правильным содержать любовника. Ведь тот подлец открыто внушал женщине, что у него нет денег! Какое же влюбленное сердце не дрогнет?

А что если и Лили платила своему любовнику? Ведь она так богата! Неужели, её глупая доверчивая сестра стала жертвой какого-то красавца (а что он был именно таковым, Инн не

усомнилась даже на мгновение!), и теперь её ждет боль и разочарование? Сама, конечно, виновата — разве можно быть такой распутной? У леди Клер хотя бы муж-старик, но имея в супругах красавца Томаса, так бесстыдно себя вести? И неуправляемое воображение сразу же подсунуло хозяйке подсмотренную сцену — ненасытный, чуть ли не пожирающий губы Лили бесконечный поцелуй незнакомца.

Страсть — таинственная телесная связь между мужчиной и женщиной! Вот что двигало и обманутой леди Клер, и потерявшей голову Лили — неужели она столь сильна, что стоит таких безумств?

Разбудив Иннин ближе к вечеру и погрузив в очередной раз в ванну, Джина принялась увлеченно возиться с платьями.

— Этот блеклый цвет, — бормотала она себе под нос, — вряд ли хорошо будет смотреться при свечах! Наверное, лучше всего вот это платье из органди персикового тона...

Иннин терпеливо дожидалась конца размышлений. Её неимоверно раздражало, что она не имела права голоса при выборе платья, но с другой стороны, вкус экономки всегда оказывался безупречным. И тут итальянка вдруг оторвалась от своего занятия и неожиданно остро глянула на подопечную.

— Почему бы вам не поговорить о своих бессонных ночах с его светлостью? Подобный исход дела будет желателен и для него, и для вас! Сколько можно его мучить? Мужчина ведь может и потерять терпение!

Инн отпрянула от неё, как от змеи.

— Ни за что! Я тебе запрещаю даже заикаться об этом!

Джина только равнодушно фыркнула.

— Уверяю, после этого всё станет намного проще! Да и всё равно — рано или поздно вы уляжетесь с его светлостью в постель, так зачем откладывать? Зачем злить мужчину?

— Нет!

— Вам виднее!

Этот разговор привел Иннин в дурное расположение духа, и когда она садилась в экипаж, то враждебно осведомилась у Мортланда:

— Что на этот раз — очередной вертеп?

— Всего лишь игорный дом, — сухо ответил герцог, — но со специфической программой!

— Всё понятно! — Инн попробовала раскрыть веер, но он с глухим треском разлетелся на перья, и она с досадой откинула его от себя. — Опять хоровод масок и хохочущие красотки, не знающие, что такое стыд!

— Не без этого!

Действительно, на это раз они оказались в зале с ломберными столиками. В соседних помещениях играли в рулетку и бильярд — отчетливо слышался стук кия о шары. Народу было много, в основном мужчины, но толпилось и немало женщин. Инн сразу же обреченно поняла, какого рода — разодетые с вызывающей роскошью содержанки слонялись по залам от одной группы к другой, запросто заговаривая с мужчинами, а где и повисая на них, особенно на тех, кто следил за рулеткой.

Лакеи с разносами, уставленными бокалами, громкая музыка — ни дать ни взять светский раут, если бы не развязность дам и не общая, уже легко улавливаемая аура злчного места.

Распорядитель, с угодливой улыбкой провел их за отдельный столик — из их угла была

хорошо видна анфилада комнат.

Мортланд заказал графин с бренди, а для спутницы — бокал с вином.

— Вы будете играть? — любопытствовала Инн, пригубив из бокала.

— Нет, — качнул головой герцог, — хочу понаблюдать! Это интересно, Эрика! Человек во время игры, как на ладони — по тому, как он себя ведет, проигрывая, можно с точностью дать оценку его характеру!

— А зачем оценивать людей?

— Изучая людей, можно немало узнать и о самом себе!

Вот и свою пленницу Мортланд, наверное, изучал, как какое-то насекомое, неведомую тварь! Теперь юной француженке стало понятно, почему святые уходили жить в пустыню, замуровывали себя в уединенных кельях, давали обеты молчания. Господь проводил её через все эти испытания, чтобы она поняла, как слаба плоть, как омерзителен и гадок грех.

И как будто было мало для одного дня неприятностей, к ним за столик подсел старый знакомец — сэр Фредерик Глоссопп. Со дня их последней встречи мужчина не стал приятнее.

— Я не помешаю? — спросил он, скользнув откровенным взглядом по её фигуре.

— Отнюдь, — лениво протянул герцог, — мы с Эрикой скушаем. Сегодня у моей подруги плохое настроение!

Надо же — заметил!

— Это можно исправить, — внезапно оживился джентльмен, двусмысленно подмигивая девушке, — я могу вас пригласить в одно место, где будет прелюбопытное зрелище.

— Какое?

Мортланд налил себе очередной бокал бренди, а Инн нервно допила собственное вино — что ещё они придумают? Ей было не по себе от оценивающего взгляда сэра Фредерика.

— Вина даме! — подозвал Глоссопп лакея.

Но Инн отрицательно кивнула головой, разом придя в ярость от такой фамильярности.

— Я выпью бренди!

— Не слишком ли крепко для женщины? — удивился тот.

— Кто близко знаком с его светлостью, — язвительно парировала Иннин, — невольно имеет дело с большим количеством этого напитка.

Против её ожидания, мужчины рассмеялись, зато ей пришлось пить мерзкое пойло. Напиток неожиданно оказался весьма кстати — он согрел желудок и ослабил напряжение. Инн почувствовала себя гораздо лучше, и решительно протянула бокал за новой порцией.

— Не стоит повторять так быстро, — предупредил герцог, с любопытством наблюдая за своей протеей, — вы можете сильно опьянеть!

Лучше бы он промолчал. Инн упрямо нахмурилась.

— Так вы в ссоре, — неизвестно чему обрадовался сэр Фредерик, — тогда, тем более, вам нужно отвлечься. Здесь неподалеку проводится аукцион...

Мортланд недовольно поморщился, и Инн поняла, что он сейчас решительно откажется подниматься с места, а её сегодня тянуло ему во всем перечить.

— Аукцион? — наиграно оживилась она. — О, я хочу на аукцион! Но что можно продавать в столь поздний час?

— А вы не знаете? — губы Глоссоппа раздвинула нехорошая улыбка. — Так это ещё один повод, чтобы посетить это зрелище! Так что, Мортланд? Едем?

Инн в ожидании ответа все-таки выпила бренди, и ей уже было все равно куда идти и

что делать, одно только четко держалось в даже опьяненном мозгу — нет! Никогда она не даст сделать из себя девку для постельных утех его светлости! Пусть и не надеется!

— Я, — капризно заявила она герцогу, — хочу на аукцион! Если вашему сердцу столь дорог вид, кидающих кости людей, то, может, я посету распродажу с мистером Глоссом? Вы потом доставите меня домой, сэр Фредерик?

— Хоть на край земли! — с радостно расширившимися глазами пообещал тот.

От такой перспективы у него на щеках даже вспыхнули неровные багровые пятна, и все же он вопрошающе глянул на герцога:

— Ты не против, Мортланд, если твоя девушка...

Он не договорил. Зато его светлость окинул Инн таким взбешенным взглядом, что она почувствовала себя удовлетворенной — наконец-то, ей удалось вывести его из себя.

— Я думаю, что решение мисс Эрики вызвано неумеренным количеством потребленных ею крепких напитков, — холодно заявил он, — но если человек напрашивается на неприятности, то получает их. Едем!

Ехали они в разных экипажах с сэром Фредериком, и при желании Мортланд мог высказать ей всё, что угодно, и, признаться, Инн ожидала взрыва негодования и жёстких слов, но тот молчал! И это молчание было гораздо красноречивее угроз и упреков. Юная француженка почувствовала мрачное удовлетворение, что сумела хоть в малой степени досадить чванливому герцогу! Скромной и тихой, живущей на чужих хлебах сироте всегда не хватало дерзости и отваги, пусть даже достигнутой при помощи бренди.

Не прошло и четверти часа, как экипаж остановился у входа в какое-то популярное заведение, судя по количеству собравшихся у входа карет. Инн, вслед за моментально натянувшими маски спутниками, вошла в холл и недоуменно осмотрелась.

Приятные серые обои, тонкость декорированной отделки стен и потолков сделали бы честь любому аристократическому дому, и пахло соответственно — чистотой и мастикой для натирания пола. В холле их встретила принявшая плащи и шляпы прекрасно вышколенная прислуга.

Но тут на усталой коврами лестнице вдруг показалась сбегаящая от трёх пьяных джентльменов смеющаяся красotka в одних панталонах и низко вырезанной коротенькой рубашке. Ошеломленная Инн увидела, как её поймали и с хохотом вверх ногами потащили назад. Откуда-то доносился громкий смех и женский визг, звучали аккорды играющих веселенькую и разухабистую мелодию музыкальных инструментов. Инн не сразу сообразила, что попала в бордель.

— И что же будет выставляться на этом аукционе? — потрясенно спросила девушка. — Какие лоты?

Сэр Фредерик недоверчиво улыбнулся, внимательно присмотревшись к ней, как будто пытался проникнуть взглядом под узкую полоску маски.

— Мисс Эрика? Вы разыгрываете меня?

И в этот момент в холл выплыла самая худая на свете женщина — только кожа, да кости. Старинный седой парик и фиолетовое платье делали её похожей на выходца с того света! Но манеры этой диковинной дамы были безупречны, так же, как и улыбка, порхающая на высохших в нитку губах. Маски на лицах вновь прибывших не обманули опытную сводню — она сразу поняла, что перед ней богатые господа из высшего общества. Женщина даже не позволила себе выказать удивление наличием при гостях дамы.

— Посетив мое заведение, вы оказали нам честь, джентльмены!

— Мисс Варанс, мы приехали на аукцион!

— О, конечно, вы чуть было не опоздали! Уже собирались начинать, и только вас не хватало — таких богатых и щедрых господ! В этот раз девушки выше всяких похвал — все из хороших семей, есть даже дочка викария. Вам непременно понравятся!

Инн с нехорошими предчувствиями следовала позади своих спутников и говорливой дамы — о, мадонна, куда ещё привели её бренди и обида? В какую грязь?

Она, конечно, не знала, что из-за эпидемии сифилиса и гонореи в Англии появилась мода на девственных проституток, которые заведомо считались чистыми. Изнасилование девственниц в ту эпоху являлось хорошо организованным и доходным бизнесом, поэтому торговля этим товаром была поставлена на широкую ногу. Практиковались так называемые 'аукционы', на которых и продавали столь специфический товар.

Впрочем, в описываемое время продажей женщин с молотка грешили и многие английские мужья. Происходило это во время ярмарок, на площади, где продавали крупный рогатый скот. Накинув на жену веревку, муж привязывал её к столбу и, собрав свидетелей, называл начальную цену. А дальше всё происходило по давно известному ритуалу — кто давал самую высокую цену, тому муж и передавал жену, становившуюся законной супругой покупателя. Иногда торгами даже руководил нанятый для этой цели мелкий судебный чиновник. Обычно цены на жен публиковались в газете, и редко превышали три гинеи.

Но откуда о таких странных обычаях английских простолюдинов было знать юной француженке?! Она и не подозревала, что её ждет.

Несколько шагов и девушка в сопровождении джентльменов оказалась в полутемном зале, с рядом стульев вокруг круглой сцены. Значит, это будет какое-то представление, но почему аукцион? В зале действительно собрались одни мужчины, и Инн съежилась от неловкости под перекрестным огнем любопытствующих глаз джентльменов. Мелко семеня и старательно прячась за спины спутников, она прошла на предложенные им места, осторожно присев на край дивана, и в этот момент поймала на себе насмешливый взгляд Мортланда. Он подействовал на неё как удар хлыста, и Инн, бунтарски приподняв голову, взмахом руки подозвала к себе лакея.

— Бренди!

— Эрика! — предупреждающе окликнул её герцог. — Это явно лишнее!

— Отнюдь, — криво усмехнулась она, залпом проглотив содержимое рюмки, — весьма даже кстати!

Подкрепившись таким образом, Инн уже с большим мужеством глянула на сцену.

Что ж, она была готова ко всему — тяжелый хмель бродил в крови, уродуя и искажая стены и лица вокруг, но это уже были сущие мелочи.

Первой на сцену вышла совсем юная пухленькая блондинка в весьма откровенном туалете.

— Мисс Элиза, — аукцион вел какой-то лысый мужичонка, маленький, но с зычным голосом, — первоначальная цена сто фунтов. Мисс тринадцать лет и красивые ножки.... Покажите, мисс!

Девочка покорно задрала подол, под ним оказались полненькие ножки в чулках без малейшего намека на панталоны.

— Сто фунтов, джентльмены, — орал зазывала, — есть желающие?

Инн увидела, как откуда-то справа поднялась рука.

— Сто фунтов — раз! А вот джентльмен в синем фраке...

— Сто пять! — раз... Мисс Элиза покажите грудь!

Покрасневшая девушка покорно расшнуровала корсаж и показала ещё только чуть намечающиеся холмики.

— Сто пять — два! Вы даёте больше? Ваша цена...

Оторопевшая Инн широко раскрыла глаза, пытаясь понять, что происходит. Юная Элиза, в конце концов, ушла за сто десять фунтов.

— Я не понимаю..., — озадаченно наморщила она лоб, по привычке обращаясь к Мортланду, — почему их так продают?

Тот пренебрежительно и устало глянул на неё:

— Эти девицы, — подчеркнуто холодно произнес он, — девственницы. И таким образом стараются, как можно дороже продать свой оригинальный товар.

Инн поперхнулась, в ужасе глядя на сэра Глоссопа:

— Вы сказали, что это зрелище может меня развлечь? Но каким образом? Что тут веселого?

Сэр Фредерик надменно вздернул брови:

— А что здесь такого, чтобы вызвать слезы? Этим девушкам нужны деньги, а нам нужны развлечения — это честная сделка!

— А в чем развлечение? Они же боятся, и вряд ли до конца понимают, что происходит!

Глоссопп посмотрел на неё, как на дурочку.

— Вы странная девушка, мисс Эрика! Конечно, мы смотрим на девушек, но не для того, чтобы насладиться их страхом, а для того, чтобы помочь бедняжкам!

Теперь уже настала очередь изумляться француженке:

— Помочь? Каким образом?

— Купив их! Не знаю, чем богат этот аукцион, но иногда попадаются такие прелюбопытные экземпляры — правда, приходится раскошелиться, но они того стоят.

Волна бешенства затмила её рассудок. Наверное, весь этот вечер подготавливал Инн к полной потере контроля над собой, и чувствовала она себя в этой новой ипостаси великолепно и органично.

— Скажите, пожалуйста! — деланно восхитилась она. — Можно, оказывается, сделать счастливым человека, купив его! Тогда почему же вы до сих пор не вступили в торг?

Глоссопп смущенно покачал головой, что вызвало у Инн припадок брезгливого презрения. Надо же, ещё и корчит из себя стыдливого мальчика!

Но когда джентльмен открыл рот, то выяснилось, что она неверно истолковала его жест.

— В списке восемь участниц — и завсегдатаи в курсе, что внимания знатоков стоят только последние две. Как правило, они приберегаются для людей с серьезным содержимым кошельков, которые разбираются, на что не жаль денег!

Волна омерзения прокатилась по коже девушки.

— И насколько же может раскошелиться в таких случаях публика?

Сэр Фредерик неопределенно качнул головой.

— Обычная цена за девственницу — около ста фунтов, но мне как-то рассказывали, что Бисби взял красотку, заплатив за неё триста фунтов! Но он человек особый, и может позволить себе выложить подобную сумму за ночь с понравившейся девочкой.

Бисби! Опять это имя! Инн даже на мгновение забыла о своих обидах.

— А кто такой Бисби? Нувориш, набоб?

— Человек! — неожиданно резко оборвал её герцог. — Мисс Эрика, вы проявляете

какое-то нездоровое любопытство к тому, что вас ни в коей мере не касается!

Ах, вот даже как!

— Сэр Фредерик, — Инн призывно глянула на сэра Фредерика, — а как, по-вашему, сколько на аукционе дали бы за меня?

И, конечно же, тот принял её слова за сигнал к действию и уже откровенно сосредоточил взгляд на её довольно смелом декольте.

— Думаю, — тихо сказал он, — вы бы вызвали фурор! Даже не осмеливаюсь назвать сумму....

— А что мешает вам проверить? — раздался ледяной голос герцога. — Мисс, отправляйтесь к миссис Варанс и предложите выставить себя под лотом девять. И если вам удастся сорвать те же сто фунтов со скушающей публики, то это будут не мои деньги. Я порядком устал от вас, Эрика!

Пылающая от гнева, оскорбленная Инн начала подниматься с места, когда её силой усадил на место взбудораженный сэр Фредерик.

— О, его светлость, просто шутит! — забормотал он, покрывая поцелуями руку, напрягшейся от отвращения девушки. — Если вам нужно сменить покровителя, то к чему проходить через такое унижение? Мое сердце и мой кошелек к вашим услугам, да и мимо вашего внимания видимо ускользнуло, что участницы должны быть непременно девственницами!

— Я — девственница! — язвительно улыбнулась Инн, — Так какое же предложение последует от вас, милейший сэр Фредерик? Сколько вы мне предложите?

Было даже забавно наблюдать, как почтенный член правительства взволнованно потирает руки.

— Девственница, — почему-то ужаснулся он, — но как...

И его глаза с немой изумлением уставились на невозмутимо потягивающего бренди герцога.

— У его светлости, — любезно пояснила ему француженка, в гневе поднимаясь с места, — со мной проблемы! Я надоела ему настолько, что он рад бы от меня избавиться, только не знает как!

— Эрика! — герцог вроде бы и не повысил голоса, но что-то такое прозвучало в его словах, что девушка невольно присела. — Если ты сейчас уйдешь, то навсегда!

— Значит ли это, что вы меня отпускаете, — холодно спросила Инн, — и я свободна от своих обязательств?

— Нет!

Это прозвучало настолько презрительно, что горько прикусив губу, она с досадой уселась на место. Одним словом герцог умудрился поставить её на место, тыкнув носом в незавидное положение отработывающей долг рабыни. Десять тысяч фунтов — откуда же взять такие деньги?

— Увы, — развела она руками перед носом ошеломленного сэра Фредерика, — но я должна этому джентльмену крупную сумму денег.

— Насколько крупную? — заинтересовался тот, вытирая лоб платком.

Инн с усталым пренебрежением глянула на лорда.

— Думаю, что даже такой щедрый оригинал, как мистер Бисби, и то бы отказался её заплатить! Да и какая разница для меня, кому быть должной? Что вы, что его светлость — одна беда!

Глоссопп нервно облизнул губы — он был явно выведен из себя. Наморщив лоб, мужчина потребовал от лакея бокал вина и, быстро осушив его, остро глянул на герцога.

— Хорошо, — неожиданно твердо сказал он, — пусть будет так. Вы мне настолько нравитесь, мисс Эрика, что я готов рассмотреть этот вопрос. Какова сумма долга?

— Десять тысяч фунтов! — с наслаждением заявила француженка, ожидая увидеть, как вытянется при этом шокирующем известии его физиономия.

И действительно, брови мужчины изумленно вздернулись.

— Я не ослышался?

— Нет!

У Инн даже хмель выветрился из головы, когда она заметила, что столь фантастическая сумма вовсе не отпугнула этого сластолюбивого развратника. Он немного подумал и поделовому обратился к герцогу:

— Мортланд, я вижу, что эта девушка порядком действует тебе на нервы, и готов избавить от такой доуки. Я не богат, сумма в десять тысяч фунтов — это мой годовой доход, и я не могу одним махом выкинуть её на стол. Но если я единовременно внесу, скажем, треть этих денег, а на остальные подпишу векселя, примешь ли ты такой вид оплаты?

— Под какой процент?

Этот заинтересованный вопрос превратил Иннин в столб.

Итак, Мортланд решил её продать, как продают рабов. Почему-то перед глазами появилась сцена на вчерашнем маскараде — что-то нежно шепчущий счастливой Лили незнакомец в маске, и ощущение опьяняющей страсти и любви, исходящей от этой пары. А её удел, по-видимому, наглые бессовестные распутники! От горечи так сжало грудь, что казалось, острый кол вонзился в сердце — не вдохнуть, не выдохнуть...

Между тем, джентльмены, оказывается, не закончили торга.

— Ну, скажем, три процента годовых! — предложил Глоссопп.

Герцог небрежно поиграл пустой рюмкой, раздумывая.

— Полторы тысячи чистого дохода, — продолжал настаивать сэр Фредерик, — неужели ты не видишь, что это весьма выгодная сделка — получить за капризную и вздорную девчонку неплохие деньги!

— А пять процентов?!

Сэр Фредерик насмешливо скривил рот.

— Мортланд, не перегибай палку! Тебе никто не даст таких денег. Я делаю это лишь потому, что в моем возрасте трудно найти себе хорошее развлечение — всё надоело, всё приелось... а с этой крошкой, думаю, не будет скучно! Есть в ней что-то приятно щекочущее нервы!

— Ты скуп, как и все шотландцы!

— Да, мои предки в гробу переворачиваются, слыша, как я пытаюсь уговорить тебя продать мне уличную девку за целое состояние! Если пять процентов твое последнее условие, то я так и быть принимаю его! Но не пенса больше, будь она хоть царица Савская и Клеопатра в одном лице.

— Она Иштар — это такая богиня любви и раздора в вавилонской мифологии!

— Иштар, Венера, Психея — назовите, как хотите, но больше я не дам ни пенни. Она ещё совсем юная, неопытная дикая козочка — это тоже на любителя! Итак, если вам подходят мои условия, то жду вас с девушкой завтра у моего поверенного — оформим сделку

по всем правилам.

Почему она не умерла прямо на месте? Инн и сама не знала, но плохо ей стало настолько, что тошнота подкатила к горлу.

— Простите, — выскочила она из-за стола, — мне срочно нужно выйти!

Если они в чем-то и усомнились бы, то зеленое лицо и сотрясаемое в спазмах тело говорили сами за себя.

— Конечно, дорогая! — сэр Фредерик уже говорил с ней тоном собственника, — вы выпили безобразно много! Приведите себя в порядок, а мы подождем вас здесь!

Инн выбежала из зала, и тут же наткнулась на ожидающего в холле Джима — грума его светлости.

— Мне нужно в дамскую комнату!

Что уж говорил кому слуга, но только какая-то девушка в платье горничной подхватила её под локоть и провела в помещение уборной. Оказавшись в этой специфической комнате, Инн потребовала у девушки воды, выпила полный стакан тепловатой, мерзкой на вкус жидкости, немного подумала, а потом решительно сдернула со своего пальца золотой перстенок.

— Возьми, но только помоги мне покинуть этот дом, чтобы никто не увидел!

Страшненькая рябая девчушка отрицательно закачала головой.

— Мне попадёт!

— Но я же здесь гостя, а кольцо дорого стоит. В случае чего — ты ничего не знаешь, и никого не видела! Оставила меня, мол, в туалете...

Золото так привлекательно сияло в её пальцах, что горничная жалостливо завздохала, а потом все-таки согласно кивнула головой, проведя Инн куда-то за ширмы в углу. Там, рядом с тряпками, ведрами и шваброй находилась узкая дверь.

— Это для уборщиц, — пояснила ей служанка, — выходит в помещение для прислуги, а там дальше ещё лестница, которая ведет на крыльцо черного хода.

Инн отдала кольцо и приоткрыла противно скрипящую дверь — откуда пахнуло знакомым по Ковент-Гарденскому рынку запахом нечистот и отбросов. Лестница была узкая, со стертыми шаткими ступеньками, как впрочем, и все ступеньки, по которым человек спускается на дно жизни. А в том, что её ждет теперь нищета, голод и холод Инн не сомневалась. Но она хорошо помнила условия их договора — она отработывала десять тысяч только до тех пор, пока у герцога была в ней надобность, в обратном же случае — она становилась свободна! Если Мортланд уступил её Глоссоппу, значит, потребность в ней отпала, а раз так... Инн хмуро улыбнулась — придется герцогу остаться без почти верных двенадцати или сколько там, тысяч фунтов. Товар сбежал!

Улица встретила её холодным ветром и чернотой безлунной ночи. Но Инн не испугалась, она вышла на проезжую часть дороги и, после недолгого ожидания, остановила кеб. Их всегда много обреталось возле подобных заведений — ждали клиентов.

— Куда, мисс? — спросил возница, распахивая перед ней дверь облезлого экипажа.

И ахнул, когда выглядевшая как картинка из модного журнала для самых богатых, леди уверенно заявила:

— Ковент-Гарден, трактир 'Принц Альфред'.

Возница смачно сплюнул и выругался. Надо же так ошибиться — принять проститутку за порядочную женщину, но клиент есть клиент, кем бы он ни был! Инн устало откинулась на спинку продавленного сидения.

Что поделаешь, но это был единственный адрес во всем Лондоне, который она знала и по которому могла отправиться.

'Принц Альфред' если и изменился за эти два месяца, то настолько мало, что это могло бы броситься в глаза только чересчур осведомленному человеку. Всё тот же, в клубах табачного дыма, пропахший прокисшим пивом грязный зал, забитый отбросами общества и шлюхами самого низкого пошиба. Всё это ревело, пыхтело и гоготало настолько увлеченно, что Инн дошла уже почти до середины помещения, когда её, наконец-то, заметили.

— Мисс? — выплыла в установившейся тишине ей навстречу хозяйка, вытирающая руки о засаленный передник, — вы здесь что-то забыли или кого-то ищите?

Инн с тяжелым вздохом сняла бархатную маску и устало глянула на эту грязнулю.

— Мисс Лили! — ахнула та, вцепившись руками в обвислые щеки. — Вы?

— Я, — громко отрезала Инн, — надеюсь, моя комната не занята?

— Но..., но..., — баба до того растерялась, что не нашла, что ответить.

— Расплатитесь с кучером, — властно приказала ей постоялица, — у меня нет мелких денег! Утром на завтрак подадите крепкий кофе и свежий рогалик. И ещё, с сегодняшнего дня меня зовут мисс Эрика Трелони, так и запишите в вашей книге. Да, ещё... уведомите об этом обстоятельстве почтенного джентльмена, так ловко сунувшего в мою сумочку часы! Передайте, что я с нетерпением буду ожидать нашей следующей встречи, чтобы выцарапать ему глаза!

И в полной тишине Иннин принялась подниматься по знакомой скрипучей лестнице вверх.

— Однако, — настороженно бросила ей вслед хозяйка, — вы очень изменились, мисс!

— Зато вы мало! — огрызнулась девушка, и прошла в пропахший мочой и помоями коридор.

Тут резвились вовсю, судя по доносящимся со всех сторон звукам. Какой-то мужлан стоял, покачиваясь, и мочился прямо на стену. Француженка только хмуро хмыкнула, приподняв юбку, чтобы зловонная лужа не намочила подол из расшитого золотом и мелкими топазами персикового органди. А чтобы она хотела, чтобы её закидали розами? Притон, он и есть притон! Инн толкнула дверь бывшей своей комнаты без особой надежды на успех. Но к её удивлению, она была пустой — в крошечной темноте, конечно, не было видно, в каком состоянии, но ударивший в нос запах пыли, запустения и мышей говорил сам за себя.

— Ну, вот, — тихо сказала она себе, чихнув, — я и дома! Только в таком дерьме вам и самое место, графиня Иннин Ишгар Эриду дю Валль! Дёшево, зато честно!

Всё выпитое за вечер бренди вдруг властно напомнило о себе, подкосив ноги. Вся комната пришла в движение, закрутившись вокруг, как бешеная карусель. Инн со стоном повалилась на кровать, подняв облако пыли, но ей сейчас бы подошло и пыточное ложе.

— Как же мне плохо, — тихо пробормотала она, засыпая, — но я больше никогда не буду плакать и бояться! В конце концов, что я могу потерять? Всего лишь жизнь, а она явно не стоит того, чтобы за неё держаться! Многие из нас уже ушли — кто погиб на эшафоте, кого разорвала чернь, а кто так же побирается на чужбине. И кто я такая, чтобы требовать себе лучшей доли?

Ей снился весенний парк Кавендиш-холла. Она склонилась над нарциссами, пытаясь вдохнуть в себя сладковатый запах, но те почему-то противно пахли табаком и... кофе!

Запах был настолько невероятен, настолько не сочетается с белым великолепием цветов, что она изумленно распахнула глаза, тут же с громким воем схватившись за виски. Свет,

резанувший глаза был таким болезненным, мерзким и вызывающим тошноту, что в голове как будто забарабанили барабаны, и боль толчками билась в висках, затылке, темени...

— О, Пресвятая Дева! — взывала девушка, пытаясь хотя бы ладонями скрепить лопающуюся от мучительной боли голову. — Я умерла, и уже в чистилище?

— Да нет, милая леди, это всего лишь похмелье!

Но когда бедняжка попыталась, разлепив опухшие веки, разглядеть сидящего напротив мужчину, то первая попытка закончилась полнейшим фиаско.

— Не надо было накануне увлекаться выпивкой! — укоризненно заметил тот.

И около её губ оказалась чашка с кофе, но девушку била такая дрожь, что зубы только лишь клацнули о край, и, получив ожог, Инн в ужасе отпрянула.

— Так, — сказал джентльмен, — видимо, дело ещё хуже, чем я предполагал. Нужны более радикальные средства! Сара, бренди!

При одном только воспоминании о бренди, желудок Инн содрогнулся и она, перевесившись через край кровати, извергла из себя всё, что было съедено, наверное, за неделю. Кто-то громко выругался на кокни:

— Сара, быстрее тащи какие-нибудь тряпки — нашей даме не по себе!

И невменяемую от тошноты, боли, жуткой жажды и мерзкого привкуса во рту девушку чьи-то, отнюдь не милосердные руки начали теревить, вытирать, силком засовывать ей в рот край бокала.

— Пей! — рявкнул громкий голос. — Это лекарство!

И стонущая Инн покорно глотнула ненавистный напиток. Было ощущение, что в желудке загорелось пламя, потом столб огня обжог мозги и глаза едва не выдавило из глазниц.

— Я умираю! — прошептала бедолага, уже готовая принять свой смертный час.

И вдруг стало легче — не настолько, чтобы она стала здоровой и бодрой, но, по крайней мере, к девушке вернулась способность видеть и соображать. Вытерев какой-то вонючей мокрой тряпкой лицо, она дрожащими руками провела по растрепанным волосам, зацепившись за запутавшийся в локонах золотой обруч диадемы, и только тогда осмелилась исподлобья глянуть на своего спасителя.

— Вы? — от ярости у Иннин даже прошла головная боль. — Вы осмелились попасться мне на глаза?

Прямо перед ней сидел тот самый мужчина, который в свое время впутал её в неприятную историю с часами.

Надо сказать, что выглядел он несколько иначе, чем в их последнюю встречу — прекрасно сшитый фрак дорого сукна, ослепительно белый шейный платок, завязанный элегантно, небрежным узлом, изменилась и сама повадка. Небрежная поза, с которой он развалился перед ней, положив ногу на ногу и опираясь на щегольскую трость, золотистые густые волосы, забранные в хвост на затылке — Инн даже мысленно отругала себя за тупость! Как она такого человека могла принять за обычного торговца? Его принадлежность к сливкам общества была в глаза, но тогда..., тогда она вообще ничего не понимала!

И девушка с протяжным стоном вновь схватилась за голову. Между тем, неожиданный визитер соизволил открыть рот:

— Мне странно слышать подобное из ваших уст, — лениво приподнял он брови и, задумчиво поднеся кисть руки близко к глазам, принялся придирчиво разглядывать безукоризненно белую перчатку, — во-первых, вы сами попросили миссис Смит довести до

моего сведения, что находитесь здесь! Неужели, не помните?

Удивительно, но она помнила эту просьбу, только никак не могла сообразить — зачем он ей вчера понадобился? Видимо, уловив её сомнения, джентльмен любезно пояснил:

— Вы хотели мне выцарапать глаза! Я к вашим услугам!

Инн судорожно перевела дыхание. Какое там — царапать, её била неприятная внутренняя дрожь такой силы, что дрожали губы, мерзли и руки, и ноги.

— Вы считаете, что у меня нет для этого оснований? — клацнула она зубами, метнув неприязненный взгляд в собеседника. — Вы подсунули мне в ридикюль часы?

— Да! — откровенно признался этот наглец. — Вернее, их вам подсунули, но это к делу не относится, потому что действовали по моему приказанию!

— Но зачем? Что я вам сделала плохого?

— Ничего, — холодно улыбнулся тот, — ничего!

Инн страдальчески покосилась на незнакомца.

— Так объясните, какой прок был вам от моего заключения в тюрьму?

Мужчина снисходительно покосился на неё:

— Глупышка! Никто не собирался приглашать полицию — тебя обвели вокруг пальца для того, чтобы потом выгодно продать!

— Что? — Инн перестала теребить виски и ошеломленно покосилась на собеседника. — Но вы же не могли знать, что Мортланд...

— Он не единственный мужчина в Лондоне, который согласен отвалить требуемую сумму за столь красивую девочку. Но он раскошелился и поэтому получил вас! Отказался бы, так я вас выставил на аукцион, а потом принудил к работе в борделе!

— Господи, Вседержитель! — потрясенно перекрестилась Инн. — Что я вам сделала?

Мерзавец изобразил на лице недоумение.

— До чего же неблагодарный народ — женщины, — сокрушенно покачал он головой, — я не выставил её на панель на улицах Сити, не послал работать за гроши в парк Сент-Джеймс, а нашел щедрого и доброго покровителя, который окружил её роскошью, был с ней ласков и справедлив. И она ещё и упрекает меня за заботу! В этом городе с полсотни тысяч нищих бездомных бродяжек, на всё согласных за кружку эля и кусок хлеба — хочешь присоединиться к ним?

Инн с ужасом смотрела в его лицо — так, наверное, выглядел и дьявол — красивый, но насквозь порочный! Что может быть страшнее?!

— Мне дала бы денег моя кузина!

— Никогда бы ты не дождалась её помощи, прежде всего потому, что не знаешь английских законов. Деньги твоей кузины принадлежат семье её мужа, она и гроша не может из них изъять без согласия супруга! — он лениво провел по подбородку набалдашником трости.

— Я нашла бы работу!

— Разве ты хорошая кухарка или ловкая прачка? На что ты вообще пригодна, кроме того, чтобы согреть постель состоятельному джентльмену?

Девушка нервно повела плечами, отлично сознавая, что он загнал её в угол.

— Не всё в мире сводится к постели, — отчаянно заметила она, — ведь помимо помешавшихся на распутстве маньяков есть и нормальные люди, которые способны уважать женщину хотя бы за то, что она христианская душа.

— Только не надо говорить о христианских душах! — отмахнулся от её слов этот

невозможный человек. — Оставь это для исповеди, а здесь не церковь, и я — не кюре! Умей ты хоть что-нибудь делать, клянусь, дал бы тебе эту работу! А так... хватит болтать — я очень занятый человек и у меня мало времени!

Он встал с места и шутовски раскланялся:

— Я польщен, что 'Принц Альфред' вам, миледи, настолько по душе, что вы как дитя к матери устремились сюда, поссорившись с покровителем. Но я хороший делец, и четко соблюдаю условия сделки — поэтому, возьмите себя в руки, и назад — в Вудвилл-холл! И пока герцог собственноручно не выставит вас за дверь, не смейте даже нос высовывать из этого дома!

— Да кто вы такой, что считаете себя вправе распоряжаться моей жизнью? — возмутилась француженка.

— Меня зовут Бисби, миледи! И это имя хорошо известно в определенных кругах. Что касается права, то оно есть — право сильного! Знаменитое право сеньора — в этом мире мало, что меняется, графиня! Уж ваши предки знали об этом!

Бисби?! Инн вскинула изумленные глаза на собеседника — действительно, кто ищет неприятности, тот их находит! Она в когтях дьявола!

— И ещё, — с презрительной усмешкой добавил тот, — никогда больше не пейте бренди! Это не ваш напиток....

По возвращении в Вудвил-холл Иннин попала в руки неодобрительно молчавшей Джины. Итальянка, брезгливо сморщившись, швырнула её платье в угол ванной комнаты, как будто это было завшивевшее рубище, да заставила Флору и Мардж потратить на беглянку гораздо больше мыла, чем обычно. Утомленная, с раскаленной головой Иннин уснула, едва коснувшись головой подушки.

Сны девушке снились безобразные — без начала и конца, и такие нехорошие, что проснувшись среди ночи в холодном поту, она долго не могла прийти в себя. Голова болеть перестала, и только нестерпимая жажда напоминала о произошедшем сутки назад кошмаре.

Весь дом спал, и Инн не захотелось будить горничных. Она нехотя вылезла из постели, и прямо в одной рубашке отправилась на кухню. Проходя мимо столовой, девушка заметила, что в комнате кто-то был — горели свечи, полыхал огонь в камине.

Иннин остановилась на пороге, окинув комнату изучающим взглядом, и не сразу заметила покоящуюся на подлокотнике кресла знакомую руку с неизменным стаканом бренди. Ситуация сложилась крайне неловкая. Видеть герцога сейчас, после всего случившегося, Инн не хотелось, но и уходить было поздно — он её уже заметил.

— Инн?

— Да, ваша светлость. Я шла на кухню, выпить воды!

— Графин на столе!

Инн робко прошла к столу — два стакана подряд, и то едва ли удовлетворили жажду. Мортланд молчал, казалось бы, не обращая на неё никакого внимания, и девушка, поставив графин на место, уже хотела тихонько ретироваться назад, когда он заговорил:

— Вы ничего не хотите мне сказать?

Говорить?! Больше всего на свете Инн хотелось бы провалиться сквозь землю или просто умереть.

— Простите..., сама не знаю, как всё получилось!

Герцог чуть кивнул головой.

— Знаете, — холодно заметил он, — на самом деле вы прекрасно знаете, что и как получилось!

Инн, виновато опустив голову, нервно теребила оборку своего ночного одеяния.

— Что вы хотите от меня услышать? — спросила она. — Что я сгораю от стыда? Да это так, но кому понравится общество, в котором вы принуждаете меня бывать!

— Неужели? Но, во-первых, вы сами пожелали посетить аукцион, а во-вторых, многим из тех, кого мы встречаем, тоже не понравилось бы общество девушки, уличенной в краже!

Оскорбление моментально достигло желаемого результата — у задохнувшейся от возмущения Инн затряслись руки и выступили слёзы на глазах.

— Вы же знаете, что я не воровка!

— Знаю, но раз вы считаете себя, заслуживающей снисхождения, то почему так нетерпимы к остальным, попавшим, в силу обстоятельств, на дно жизни?

У Мортланда был настоящий дар ставить людей на место. После такого упрека только и оставалось, что потупить глаза и замереть от стыда и неловкости. Но пауза в разговоре вовсе не разрядила напряженной обстановки, мало того, сделала её ещё более невыносимой.

— Но зачем вам я? — не выдержала отчаявшаяся Иннин. — Чего вы от меня хотите?

Мортланд небрежно пожал плечами.

— Я нормальный человек, — спокойно пояснил он, — не стоик, но и не Ловелас. Да, мне нужно общество женщины, и как мне кажется, именно такой как вы — милой, нежной, иногда забавной, иногда не очень. Мне приятно с вами находиться рядом. Да, я действительно не хочу жениться и обременять себя чуждыми и противными своей натуре обязанностями, но и роль меняющего женщин повесы, мне не подходит. Нет потребности в такого рода развлечениях! Вы меня понимаете?

Инн согласно кивнула головой — не такая уж она и дурочка, чтобы не понимать очевидных вещей!

— Мне приятно тратить на вас деньги, приятно сидеть с вами глубокой ночью в столовой и болтать обо всякой чепухе, но то, что вы устроили вчера — мне совершенно не нравится! И я не желаю, чтобы это когда-нибудь повторилось!

И вновь в столовой наступила тишина, странная даже для глубокой ночи — лишь слегка потрескивали догорающие дрова в камине, да металось от невидимого сквозняка пламя свечей. Потом Мортланд легко вздохнул и поставил недопитый бокал на стол.

— Если вы перестанете дуться и сядете ко мне на колени, мы поговорим о леди Лилиане!

О сестрице? Да сколько угодно, лишь бы отвлечь внимание от себя и закончить столь неприятный разговор.

— Вы признались Лили, что видели её на маскараде?

Мортланд настолько широко улыбнулся, что у него заиграли ямочки на щеках. Явление крайне редкое, и поэтому по-настоящему заинтриговавшее нашу героиню.

— Да говорите же, жестокий человек!

Но его светлость только покачал головой и красноречивым жестом хлопнул себя по колену.

— Иначе, — ответил он на её испуганный взгляд, — буду нем, как скала! Что вы так засмущались — разве это первое моё приглашение?

Инн нехотя, но все-таки обошла стол и присела к нему на колени.

— Вот, — гневно нахмурилась она, — сижу! Рассказывайте!

Мортланд обвил руками её талию, и все-таки прижал строптиво сопротивляющуюся девушку к себе. Его губы оказались как раз возле её уха:

— Я дал невестке понять, что знаю о её похождениях! Но она не вняла моему предупреждению, и продолжала встречаться с этим господином. Пришлось приставить к Лили человека, и недавно я выяснил имя её любовника!

Щёки Инн окрасились нервным румянцем. А что если Лили разведется с Тейлором? Не девушка резко одернула себя, запретив пустым мечтам вновь овладевать своим рассудком.

— Но кто..., кто этот мужчина? Где они познакомились? Это кто-то из светских знакомых? Я его знаю? — засыпала она герцога взволнованными вопросами.

— Некий джентльмен, — нехотя пояснил Мортланд, — его имя ни о чем не скажет! В свете вы вряд ли могли с ним встретиться, хотя в некоторых домах он иногда бывает. Его происхождение неизвестно, прошлое сомнительно, но, благодаря протекции нескольких влиятельных персон, этот джентльмен практически везде принят.

— Но как это возможно?

Инн не понаслышке знала, с каким тяжелым скрипом открываются двери в высший свет для людей подобного типа. Несмотря на свой громкий титул, без протекции Кавендиша её

вряд ли пустили даже на порог Сент-Джеймского дворца. Ни большие деньги, ни особые таланты и способности не могли смягчить жесткие требования света к неофитам.

Герцог скупо усмехнулся.

— Говорят, что этот человек незаменим по части оказания различных деликатных услуг!

— И всё?!

— Это немало, ангел мой! Сейчас многое меняется в нашей жизни — тот же Бс Браммель, который так невзлюбил нашу Лили, незнатного происхождения, но ведет себя, как истинный джентльмен и этого вполне достаточно для того, чтобы его принимали в обществе! У приятеля Лили тоже безупречные манеры и хорошие связи. Благодаря какой-то таинственной услуге королевскому дому он принят при дворе — и это многозначительный факт даже для капризных жеманниц из 'Олмакс-клуба'. Но, надо сказать, что наш любезник редко злоупотребляет терпением дам-патронесс и предпочитает любимые клубы дамским гостиным. Как-то на одном из ужинов, оказавшаяся с ним рядом за столом графиня Албемарль решила дать понять джентльмену, что считает его выскочкой и набобом. Раз за разом она роняла на пол то салфетку, то веер, то нож, и каждый раз тот аккуратно поднимал упавшие вещи, делая вид, что не замечает издевки. Когда количество сбрасываемых предметов перевалило все разумные пределы, он, во время очередной перемены блюд, попросил лакея поставить свою тарелку на пол. Мол, так ему будет гораздо удобнее ухаживать за рассеянной дамой!

История немало позабавила Иннин. Похоже, любовник Лили по эксцентричности не уступал своей взбалмошной возлюбленной!

— И чем всё закончилось?

— Злые языки говорят, что долгой взаимной привязанностью! Но, как ты понимаешь, ни графиня, ни её обожатель никого не посвящали в свои взаимоотношения. Да и эта история скорее исключение — джентльмен крайне редко посещает обеды, ужины и балы, вне стен любимого клуба.

— Тогда где же они могли встретиться с Лили?

Мортланд тяжело вздохнул:

— Хотел бы и я узнать это! Но вероятность того, что либо он, либо невестка кого-либо посвятят в подробности своего романа, практически равна нулю. Зато мне известно ещё одно пикантное, хотя и неприятное обстоятельство — Бо Браммел и его компания заключили пари на то, что вскоре леди Тейлор заведет любовника, поставив на кон очень крупные суммы.

— Какая мерзость! — возмутилась Инн. — И что? Деньги достались этому господину?

— Нет, хотя именно под его гарантии заключалось пари! Но я специально узнавал, сумма пока так и осталась не востребованной!

— Вы уже разговаривали с этим джентльменом?

И вновь тяжелый вздох потряс грудь Мортланда, и он ласково поцеловал её в макушку.

— Да, и мне стоило титанических усилий уговорить его забыть о нашей ветренице!

— Разве такие вопросы не решаются только при помощи дуэлей? — удивилась Иннин.

Герцог снисходительно фыркнул:

— Нет уж, увольте! Я не настолько хорошо стреляю, чтобы сойтись с этим авантюристом у барьера! Да и..., любая дуэль чревата громкой оглаской, и, рано или поздно, но кто-нибудь доболтался бы до истинной причины, а я не могу позволить, чтобы моего

брата окрестили рогоносцем! Том этого так не оставит, и тогда действительно прольется кровь — и обидчика, и твоей бестолковой кухни! Нет, дуэль в этом случае — явная глупость! У меня итак нашлось, что ему предъявить! И поверь, было далеко не просто разлучить эту парочку!

— И что же Лили?

— Она ещё не знает, что возлюбленный оставил её, а когда узнает..., боюсь, не натворила бы глупостей! Лили иногда так напоминает моего шального братца! Что она, что Томас скроены по одной мерке и составляют прекрасную пару — как жаль, что оба упряма так этого и не осознали.

— Пару, — Инн озадаченно наморщила лоб, — но ведь Томас не любит Лили!

Герцог невесело рассмеялся.

— Я бы не был столь категоричен в оценке их взаимоотношений!

Инн нахмурилась — ей не понравился сквозящий в его словах намек на возможность каких-либо чувств к жене со стороны Тейлора.

Между тем, Мортланд неожиданно сжал её в тесных объятиях и заглянул прямо в глаза:

— Ты по-прежнему влюблена в Томаса?

Лили смущенно ткнулась носом в его плечо, чтобы избежать испытывающего взгляда:

— Как я могу, ведь он муж Лили!

Герцог промолчал, но и хватки не ослабил. Прошло немного времени, и Иннин в смятении осознала, что с ней происходит что-то неладное. Тепло мужского тела легко проникало сквозь ненадежный шелк ночной рубашки одновременно и согревая, и возбуждая сидящую на мужских коленях девушку, а стук сердца прильнувшего к ней джентльмена эхом отдавался в её сердце.

— Я рад, что ты это понимаешь!

Бесцеремонный палец неожиданно скользнул к ней под подбородок и резко нажав, вздернул его на уровень мужских глаз. Инн как будто жаром обдало, когда их взгляды встретились — что-то темное, завораживающее и тревожно страшное буквально сочилось из-под черных ресниц его узких глаз.

— Поцелуй меня! — не попросил, а тихо приказал он.

И она безропотно прикоснулась губами к его губам. Поцелуй недолго был безответным, через миг он превратился в что-то такое, что колкая дрожь прокатилась по всему телу, и весь мир сосредоточился только в возбуждающих жар в крови ласковых губах. Мужские руки пробежали по всему затрепетавшему от тревожного предчувствия телу, каким-то образом умудряясь быть одновременно повсюду — и на налитой груди, и на обнаженных бедрах, и на напрягшемся в непонятном ожидании позвоночнике. Инн показалось, что ещё немного, и она потеряет сознание от страха и возбуждения.

— Я...,- задыхаясь, с трудом освободила она губы из властного плена, — я..., мне страшно!

— Не бойся..., я остановлюсь, как только ты захочешь!

Дыхание Мортланда было прерывистым и хриплым, а голос пугающе чужим, но ей так нравились его ласки, они были такими жарко головкружительными, что Инн охотно дала себя успокоить заверениями, и подставила губы под новый поцелуй.

Но мужчина в этот раз пошел дальше — под его уверенными руками жалобно затрещала рубашка, и легкая тонкая ткань сползла с верхней половины тела. Задыхающаяся от переполнявших её чувств Инн, с забившимся набатом сердцем, бессильно откинула голову,

неосознанно помогая распаленному мужчине прокладывать дорожку из поцелуев по чувствительной коже шеи вниз, туда, где уже призывно напрягшись, налилась болью грудь. Её руки судорожно вцепились в волосы мужчины, то ли пытаясь оттолкнуть, то ли наоборот продлить блаженство. И мир вокруг закружился, как на карусели, кровь забила где-то внутри бурным потоком, болезненным напряжением и ожиданием растекаясь по всему телу!

— Джина! — неожиданно ворвался в затуманенное сознание громкий голос Мортланда. — Помоги миледи!

И пока одурманенная Инн пыталась прийти в себя, около неё как из-под земли выросли Джина, Мардж и Флора. Деловито подхватив находящуюся в полуобморочном состоянии девушку на руки они поволокли её в спальню, в мановение ока раздев и уложив на кровать.

— Быстрее, миледи, быстрее! — непривычно торопилась Джина. — Его светлость не должен вас ждать!

— Ждать чего? — не поняла Иннин, недовольная тем, что её так бесцеремонно теребят.

Но на вопрос никто не ответил, спеша растереть её, надушить, расчесать и вообще привести в порядок.

— Что происходит? — занервничала девушка.

Она всё поняла только в тот момент, когда к своему ужасу увидела по-хозяйски устраивавшегося рядом Мортланда.

— Нет, — в панике попятилась Инн к краю кровати, — нет!

Но там уже стояли Мардж и Флора, не осталась в стороне и хмурая Джина:

— Хватит капризничать, миледи! — мрачно предупредила она. — Пора бы знать, что нельзя таким образом играть с мужчинами, а потом их оставлять ни с чем!

— Но... но вы же обещали...,- залепетала Иннин, умоляюще глядя на спокойно наблюдающего за ними герцога, — вы говорили...

Но тот только распахнул полы халата, и когда несчастная девушка увидела, что под ним скрывается, она с отчаянным криком принялась вырываться из черных рук. Дальше все превратилось в безнадежную борьбу с тремя сильными женщинами. Инн сопротивлялась изо всех сил — кусалась, рвалась, царапалась, звала на помощь, но толку от этого было мало. Три безжалостные фурии заломили ей локти, сорвали рубашку и протестующе извивающаяся в их руках Инн в панике почувствовала обнаженной кожей спины прохладу шелковых простыней.

— Нет! — изо всех сил закричала она, рванувшись прочь. — Нет!

— Держите её! — раздался где-то рядом сухой голос Мортланда. — Хватит..., уже и так доигрались до аукциона — она сама не понимает, чего хочет!

Три пары рук крепко прижали её тело к постели, с силой развели ноги, и распаленная тяжесть мужского тела давящей грозной тяжестью обрушилась сверху...

Той ночью Инн потеряла не только девственность, она потеряла веру в разумность мира. Мерзкая постыдная боль, отвращение, брезгливость и тошнота, а главное — полное неприятие того, что произошло! Девушка сопротивлялась до последнего, даже тогда, когда сопротивление уже потеряло всякий смысл, потому что это было единственным, что ей ещё оставалось.

После того, как Мортланд её покинул, Иннин долго рыдала от отчаяния, уткнувшись носом в подушку, а когда, полностью обессилив, все-таки замолчала, то увидела, что три её мучительницы выстроились у постели и, сложив руки поверх передников, терпеливо переживают взрыв отчаяния.

— Как вы могли так поступить со мной? — возмущенно спросила она у этих жестокосердных фурий. — Разве вы сами не женщины, чтобы допустить подобное?

Но Мардж и Флора только невозмутимо улыбались, и больше никаких эмоций не отразилось на их черных спокойных лицах, словно они и не слышали её упреков. А вот Джина, наоборот, живо среагировала на её обвинения:

— Не мы спровоцировали эту ситуацию, — гневно возразила она, — вы сами раззадорили ласками и поцелуями мужчину, а потом отказались удовлетворить его страсть! Я вас несколько раз предупреждала отдать добром то, что, в конце концов, забрали у вас силой! Мы же только отрабатываем свой хлеб!

— Но это преступление!

— Преступление жить за чужой счёт, и не платить по счетам! Вы что же, не понимали, что вас здесь держат не только для того, чтобы баловать, да обряжать в шелка и драгоценности?

На стороне Джины всегда была каменная негибкая логика человека, не утруждающего себя душевными переживаниями.

— Испанская пословица гласит, миледи: 'Возьми всё, — сказал Бог, — но за всё заплати!' Пришла пора отрабатывать содержание!

— Но это же бесчеловечно! Я не могу даже шевельнуться от боли!

— Этому можно помочь! Есть специальные мази, облегчающие страдания. Только надо для начала привести себя в порядок!

Джина помогла стонущей от боли девушке встать с постели, и, осторожно придерживая, повела в ванную комнату.

Наутро Иннин не смогла подняться с постели — от боли в спине, ногах, руках, да и вообще во всех уголках тела у неё началась лихорадка, но самой терзающей и невыносимой, все-таки была душевная боль. Она горько плакала от стыда и отчаяния, когда возле постели появилась итальянка.

Деловитая и невозмутимая женщина держала в руках бокал с коричневым, тошнотворно пахнущим напитком.

— Выпейте, — властно сунула она его в руки заплаканной подопечной, — это средство от последствий страсти!

Инн недоуменно и брезгливо отпрянула от питья.

— Каких ещё последствий?

— Тех, что раздувают талии прелестниц, которые имеют дела с джентльменами, — усмехнулась итальянка, — или вы хотите родить через девять месяцев младенца?

Только этого не хватало! Девушка осторожно попробовала на вкус густое питье и тут же поморщилась от мерзкого привкуса.

— Настоящий яд!

— Конечно, яд, — не стала отрицать итальянка, — ведь он убивает уже зародившуюся жизнь! Пейте, миледи, у вас нет другого выхода!

И Инн, тяжело вздохнув, выпила отраву, а что ей оставалось делать?

Спустя три недели другая кухня тоскливо застыла над ночным горшком, выплескивая из себя только что съеденный завтрак.

— Будь оно всё проклято!

Толпящаяся вокруг с полотенцами и чистой водой прислуга только руками разводила, не зная, как облегчить страдания госпожи, но стоило ей чуть прийти в себя, как в комнату бодрой походкой зашел деверь.

— Вам нездоровится, дорогая?

Лили вновь затошнило даже от звуков его голоса.

— Оставьте меня, я хочу спокойно умереть!

Но Мортланд только вежливо улыбался, как будто его ничуть не трогали её раздраженные тирады. Мало того, глаза его светлости так подозрительно поблескивали, что доведенная до предела Лили посчитала, что этот фанфарон над ней просто издевается.

И у неё были все основания так считать.

Все беды начались с того, что она как обычно послала записку для Тони, назначив очередное свидание. И вот когда веселая Лили в предвкушении встречи красовалась в новой шляпке перед зеркалом, размышляя, какое впечатление та произведет на Тони, в комнату зашел герцог.

— Я слышал, вы собрались в сиротский приют?

Лили насторожилась, но не сильно — нечистая совесть часто заставляла её придавать особое значение даже самым невинным вопросам о приюте Тони Калверта.

— Да! Решила отвезти туда несколько одеял.

Увы, в этот раз её опасения были не напрасны. Мортланд немного подумал и вдруг выдал:

— В этот раз я решил вас сопровождать. У меня тоже есть дело к мистеру Калверту.

Можно только представить, насколько опечалили его невестку эти планы. А ведь тогда та думала, что речь пойдёт только о сорванном свидании!

В экипаже они в основном молчали. Лили размышляла, что скажет при встрече Калверту, чтобы деверь ни о чём не догадался. Мортланд же с заметным любопытством поглядывал на спутницу. 'Нет, — отругала саму себя за подозрения Лили, — откуда ему знать, что мой любовник именно Калверт?!'

Знакомое крыльцо приюта встретило обыденным запахом нечистот, столь характерным для этого мрачного места — сколько раз за прошедшие месяцы она взбегала в предвкушении счастья по его скрипучим ступенькам? Мортланд любезно пропустил её вперед, и нервничающая Лили подошла к знакомой двери, моля Бога, чтобы Тони каким-нибудь неосторожным восклицанием не выдал их тайну.

Лакей распахнул дверь, и, невольно улыбнувшись, леди перешагнула порог столь дорогой для неё комнаты, но... кто это?!

За письменным столом в окружении множества бумаг восседал щуплый морщинистый мужчина лет пятидесяти в старомодном паричке и в дешёвого сукна затрапезном фраке.

— Миледи, ваша светлость, — суетливо выскочил он из-за стола, подобострастно и часто кланяясь, — какая честь для нашего заведения видеть столь высоких гостей!

И пока поражённая Лили пыталась осознать, что происходит, герцог надменно кивнул

головой человечку:

— Моя невестка, мистер Калверт, привезла одеяла для ваших воспитанников!

— Миледи невероятно добра, — низко поклонился хозяин приюта, — она часто навещает нас в последнее время. Да не оскудеет её рука!

Лили показалось, что она сходит с ума. Мортланд задавал мужчине ещё какие-то вопросы, на которые тот старательно отвечал, но всё более и более нарастающий гул в ушах не позволял юной женщине вникнуть в суть их беседы, мало того, комната вдруг странно закочалась вокруг, все посерело, и Лили упала в обморок.

Очнулась она уже в экипаже, с больной головой и трясущимися от слабости руками и ногами. Со стоном приподняв голову, леди с неловкостью сообразила, что все это время пролежала в объятиях Мортланда, и даже сейчас он продолжал заботливо придерживать её за плечи.

— Что со мной?

Герцог сухо хмыкнул.

— Наверное, будет лучше, если мы этот вопрос зададим доктору?

— Я не больна!

— Иногда доктора приглашают и к здоровым леди! — туманно заметил Мортланд.

Но Лили была настолько поражена преображение красавца Калверта в убогого мужичонку, что не обратила на его слова особого внимания. Она напряженно размышляла, что все-таки произошло, и куда делся её возлюбленный, и не могла найти сколько-нибудь приемлемого ответа на этот вопрос.

— Я найду Тони, — мрачно пообещала она себе, — обязательно найду, хотя бы затем, чтобы спросить — каким образом он превратился из молодого красавца в жалкого и неопрятного уроды?!

Но, увы, с этого дня в её жизни всё необратимо изменилось.

Не надо думать, что Лили, заведя любовника, не понимала, что поступает плохо. Все-таки она росла в доме Кавендишей, а для этой семьи в оценке допустимого поведения полутонов не существовало. Молодая женщина, конечно, переживала, осознавая всю двойственность и неопределенность своего положения, и часто думала, что лучшего выхода из ситуации, чем развод с Тейлором просто не существует. Но прекрасно понимая, какой скандал поднимется в обоих семействах, малодушно оттягивала разговор с Калвертом на эту тему до лучших времен.

А вот теперь ещё и он как-то странно исчез! Можно только представить, в какой растерянности находилась Лили в тот момент, когда Мортланд призвал в свой дом доктора.

Осмотр проводился в присутствии свекрови. Низенький толстячок — доктор Кейси был приверженцем новейших методов диагностики, придерживающийся теории полного и тщательного осмотра больного, длившегося иногда и в течение двух, а то и трех часов.

Лили улеглась в постель, и он с неизменной добродушной улыбкой щупал ей пульс, заглядывал в глаза, тщательно простучал и прослушал все тело, заглянул в рот. Долго рассматривал на свет мочу, нюхал и ещё осуществлял с ней какие-то непонятные манипуляции, задал сотню вопросов о пищеварении. И под конец, накинув на пациентку простыню, осуществил на ощупь самый интимный досмотр, задавая вопросы, при ответе на которые Лили смущенно краснела.

И только после окончания этих долгих и утомительных процедур в комнату был приглашен герцог.

— Похоже, вы правы, ваша светлость. Миледи носит ребенка!

Лили, затаив дыхание от страха, ждала, что доктора спросят о сроках беременности, и тогда все поймут, что её супруг не может быть отцом младенца, но герцог почему-то не стал заострять на этом внимания.

— Вы нас очень обрадовали, мистер Кейси! — единственное, что он счел нужным сказать.

Зато этот вопрос очень интересовал всех дам семейства Тейлоров.

— Какая радость, девочка моя, — радостно всплеснула руками герцогиня, — что ты сумела исполнить свой долг перед мужем! Хотя, прямо скажу, я боялась, что отношения между вами и Томасом, вряд ли принесут такие прекрасные плоды! Когда же это произошло?

Лили неопределенно пожала плечами.

— Не знаю точно, — пробормотала она, — может, в ночь перед отъездом?

Но теток было не так-то просто провести.

— Ту ночь Томас провел вне дома, — язвительно улыбнулась тетя Джейн, — его привезли только утром! Пьяного до последней степени!

Зря она напомнила Лили об этом прискорбном факте. Глаза будущей матери жёстко сверкнули ненавистью, и разом исчезли все терзавшие её муки нечистой совести.

— Вот утром он ко мне и приполз!

— Ах, какая чудесная новость, — продолжала радоваться свекровь, проигнорировав её враждебный тон, — сегодня же напишу письмо вашему отцу! Представляю, как вы счастливы, душечка!

Лили смерила недоуменным взглядом ликующую даму. Неужели они не понимают, что единственное, что сделало бы её по-настоящему счастливой — это новость, что Томас сгинул где-то на континенте, да простит ей Господь ещё и этот грех!

А Том, тем временем, был очень далек мыслями от Англии и жены. Прирожденный и ловкий лазутчик он выполнял весьма опасное и специфическое поручение своего командования на юге Италии.

Король Фердинанд Неаполитанский и его жена Каролина еще в октябре 1805 г., соблазнившись после битвы при Трафальгаре мыслью, что Наполеон на этот раз будет разбит, выступили против узурпатора. Королева неаполитанская Мария-Каролина — родная сестра казненной королевы Марии-Антуанетты терпеть не могла 'корсиканского выскочки'.

Но после разгрома русско-австрийских войск под Аустерлицем Бурбонам пришлось жестоко поплатиться за свой поступок. Наполеон приказал немедленно занять все королевство французскими войсками. Король и королева бежали на остров Сицилию под охрану британского флота, а Наполеон назначил королем неаполитанским своего брата Жозефа.

Смятение и ужас царили на юге Италии по мере приближения французских войск.

Взрывы сотрясали гавань — это при отходе подорвала арсеналы с порохом королевская гвардия.

На улицах царила такая сумятица, которой здесь не видели даже во время карнавалов.

Отступающие в беспорядке войска растекались по узким улочкам портового городка, перемешавшись с повозками и скарбом, решивших бежать от французов горожан — крик, ругань, плач детей, одиночные выстрелы.

Уже в приличном отдалении от берега виднелись силуэты кораблей английской эскадры, резво уходящей в морскую даль. На белое полотно знакомых парусов, возвышаясь на тротуаре одной из намертво запруженных повозками улиц, обреченно смотрел бородатый мужчина в грязной одежде рыбака. Его растрепанные волосы едва сдерживала красная косынка, а рукав рубахи был обагрен кровью.

— Эй, лацароне! — крикнул кто-то из окна сверху. — Что встал столбом? Не мешай людям нестись, куда глаза глядят, словно перепуганным курицам!

Том Тейлор, который только что проводил взглядом свою последнюю надежду на спасение, поднял голову вверх и увидел дородную сеньору в черном платке вдовы. Облокотившись на вываленную из окна перину, она, как ни в чем не бывало изо всех сил колотила её вальком. А сил у толстухи было не мало.

— Сеньора, — почтительно поклонился он, — нельзя ли у вас попросить совета? Сразу видно, вы женщина умная и уважаемая!

Та польщено улыбнулась.

— Зайди за угол и толкни калитку! — предложила она. — Сейчас я к тебе спущусь!

Это оказалось проще сказать, чем сделать. Зато когда Томас смог пролезть через многочисленные узлы и баулы недовольных и озлобленных людей и завернуть за угол большого дома, то хозяйка уже самолично стояла на пороге калитки, уткнув руки в крутые бедра, внушившие бы зависть даже самым пышным дамам.

— Откуда ты, паренёк? Судя по всему, явно не местный! — подозрительно оглядела она его.

— Я приехал на базар продать рыбу, — простонародный говор дался ему без труда, — но остался безвсего. Какие-то люди оставили меня без денег, избили, и я едва спасся от

смерти. И вот теперь брожу в этой кутерьме, не зная, что мне делать и как добраться до дому?

— А откуда ты?

Это был опасный вопрос — кто знает, уроженкой каких мест была эта толстуха?

— Моя деревня на севере, у отца есть виноградник!

— Бедняга, — покачала головой женщина, — там уже французы. Говорят, что они всех крепких и сильных парней или расстреливают, или забирают в свою армию!

— О, мадонна, — Том изобразил растерянность и испуг, — что же мне делать, добрая госпожа? Может, вы знаете кого-нибудь, кому нужен работник?

— Да, кто же в такое время нанимает людей? — отрицательно покачала головой толстуха. — Впрочем, пойду спрошу у донны Марии — может, она что-нибудь придумает?

— А вы разве не хозяйка этого дома?

— Нет, я её экономка, но ты не бойся, паренек! Донна Мария — милосердная сеньора. Присядь пока вот тут...

Томас огляделся. Он находился среди самого миниатюрного садика, который видел в своей жизни — два маленьких деревца в кадках, полоска земли с яркими цветами, да раскидистый куст самшита, в тени которого стояла каменная скамья. На неё-то он и присел, уткнувшись в сцепленные в замок ладони. Тейлору было о чем подумать — из-за взрыва арсенала и образовавшейся в связи с этим паники, он не успел к отходу эскадры. И вот теперь остался в чужой, ждущей в самом ближайшем времени оккупации вражескими войсками стране — без денег, крыши над головой и без сколько-нибудь приемлемого плана действий. Что делать, как пробираться к своим?

Его размышления прервали легкие женские шаги. Том приподнял глаза и увидел спускающуюся по мраморной лестнице молодую женщину в черном платье. Она была свеженькой и миленькой, особенно на фоне возвышающейся горой экономки. Томас быстро подскочил с места и низко поклонился:

— Сеньора!

— Ты ранен? — участливо спросила женщина. — Что же ты мне не сказала, Ваноща, что он ранен?

Томас чуть пожал плечами, рассеянно проводя здоровой рукой по раскрывшейся ране на плече, полученной в одной из недавних переделок, и вдруг до него дошло, что делать:

— Да, моя донна! Этот взрыв, я так испугался, что сначала и не заметил раны, но сейчас чувствую себя очень плохо...

— Бедняжка! Ваноща, приготовь постель — его надо перевязать, накормить и дать возможность встать на ноги.

— Мне бы работу...

— Потом, потом..., о какой работе может идти речь, когда ты еле на ногах стоишь! Кстати, как твое имя?

Имя? Томас чуть улыбнулся.

— Пьетро, донна, Пьетро Фелуччи.

Кажется, капризница удача, показав ему язык, снова решила сменить гнев на милость!

Когда французские войска вошли в город, Тейлор наблюдал за вражескими мундирами из окна чердака, где его поселили. С бородой и париком пришлось проститься, после того, как донна Мария недвусмысленно дала ему понять, что не потерпит в своем доме такой грязи. Томасу пришлось туго, когда дамы воочию увидели его коротко стриженные черные

волосы, которые совсем не походили по цвету на парик.

— Я его носил вместо шапки, — притворившись простодушным дурачком признавался он, — нашел на улице, натянул и тепло!

Донна Мария снисходительно вздохнула.

— Ты же мог развести вшей! Да и зачем человеку, имеющему такое чудо на голове грязный лохматый парик?

— А все господа носят...

— Они носят букли, пудренные парики, а это просто страсть какая-то! — высказалась Ванноца, брезгливо поднимая двумя пальцами его бесценное шпионское снаряжение.

— Так это, господа, — не согласился Том, — а мы люди простые, нам и такое сойдет. Пожалуйста, не выкидывайте. Я его покажу Летти, вот она обрадуется!

— Кто такая Летти? — нахмурилась донна Мария.

— Так моя жена!

Наличие жены не обрадовало его хозяйку, хотя особо и не расстроило. Донна Мария вдовела уже третий год. Её супруг — уважаемый дон Рамиро Кастельяно, испанский командор умер при таинственных обстоятельствах от удара кинжала на ночной улице. По недомолвкам любящей поболтать Ванноццы, Тейлор очень быстро выяснил, что командора, скорее всего, убил ревнивый муж одной из любовниц. Тем не менее, вдова чтит память покойного, неизменно заказывая поминальные мессы и не снимая траура столь длительное время. Помимо экономки в доме проживало ещё две горничные, повар, конюх и привратник. Уйма народа! Лишний рот был явно лишним, но хозяйка даже не намекала на то, чтобы подлечившийся пришелец покинул её дом.

Три года траура — это много, особенно когда в доме появляется неизвестный мужчина с такой внешностью, как у него. Томас особенно не ломал себе головы над этой проблемой — безопасный дом, хорошая еда стоили удовлетворения любовных appetитов вдовушки.

Французская оккупация превзошла все даже самые мрачные ожидания — в городе воцарился террор, аресты шли день и ночь, тюрьмы были переполнены, и если бы ему не удалось найти прибежище в доме безобидной, славящейся благочестием вдовы, то его труп уже валялся в общей яме, куда сбрасывали казненных.

При таких обстоятельствах было опасно появляться на улицах, но и сидеть без дела, у Томаса не хватало выдержки.

Встреча с завербованным когда-то агентом прошла без происшествий. Тейлор перехватил его перед выходом на промысел.

Серое, в предрассветных сумерках море плескалось у старого, напроць прогнившего пирса, где пришвартовывались жалкие суденышки городской бедноты. Возле одной из продырявленных лодок и уселись рядышком лорд Тейлор и его агент. Тот был опытным человеком в их деле, и поэтому сейчас ёмко, хотя и немногословно обрисовывал обстановку в городе.

— Не жалеют никого — ни мужчин, ни женщин..., звери, настоящие звери!

— Мне это знакомо, — тяжело вздохнул маркиз, — как только начинают говорить о равенстве и братстве, о правах гражданина и конституции, нужно ожидать, что это закончится только равным правом для всех качаться на виселице или положить голову под нож гильотины! Везде, где бы ни появились 'носители свободы' творится самый настоящий кошмар. Людям не хватает ума, чтобы понять, революция — это всего лишь смена, сидящих на их шеях господ, на какие бы демократические идеи она не опиралась!

— Мы попробуем вас переправить в Салерно, — предложил Тото, — там спокойнее, да и есть возможность связаться с английской эскадрой. Здесь скоро станет совсем худо! Комендантом в городе назначен генерал Жильберт — настоящий кровопийца и палач. Говорят, он решил жениться на дочери очень богатого банкира, из казначеев самого Наполеона, дав слово подарить ей взятие этого города на свадьбу. И теперь ждет прибытия невесты!

— Я слышал, что Наполеон хочет отдать королевство своему старшему брату, — заметил Том, ежась от холодного утреннего ветра, — до Бонапарта нам пока не дотянуться, но попробуем испортить свадебные торжества его генералу!

Тото недоверчиво глянул на заросшего бородой лохматого мужчину.

— Вы остаетесь здесь?

— Раз уж так распорядилась судьба, то почему бы не использовать выпавший шанс, — легкомысленно улыбнулся Тейлор, — ручаюсь, это будет интереснейшим делом!

Рыбак только пожал плечами — кто поймет этих англичан? У всех каша в голове, но платят хорошо.

— Мне нужно знать точное расположение комнат дворца, в котором остановился генерал и один комплект формы французского гренадера внутренней охраны.

— Сложновато, — почесал подбородок Тото, — но можно попробовать достать!

— Да, уж постарайся!

Дерзкий и хладнокровный Тейлор никогда не отождествлял себя с окружающими людьми, и поэтому использовал тех, не задумываясь об их чувствах и страхах. Но точно также он не придавал особого значения и смертельной опасности, грозящей непосредственно ему, воспринимая все перипетии происходящего, как увлекательную игру, требующую только чуть больше сосредоточенности, чем партия бриджа в любимом клубе. А весь мир вокруг был наполнен, в лучшем случае, марионетками, обязанными послушно действовать в его руках.

Дамы семейства Тейлоров настолько обрадовались новому поводу к бесконечному обсуждению с родными и знакомыми перспектив прибавления в их семействе, что теперь даже на миг не оставляли беременную невестку в покое. Лили до зубной боли осточертели бесконечные разговоры про беременность и роды, которыми угощали её все леди, посетившие в эти дни особняк Мортланда.

Во-первых, в них было мало что интересного и приемлемого для нормального человеческого уха, а во-вторых, навязчивая забота теток и свекрови мешала молодой женщине выяснить, что произошло с Калвертом.

— Я не больна, — то и дело угрюмо взывала она к здравому смыслу опекунов, — не надо носиться со мной, как со стеклянной! Я вполне в состоянии посетить портниху и без вашего сопровождения.

Но те искренне не понимали, чем она недовольна, наоборот, норовя сопровождать её даже в перемещениях по дому.

— Ты должна беречь себя, — то и дело взывала к невестке герцогиня, — этот плод особо бесценен для нас, ведь Томас сейчас сражается за Англию!

Лили хмуро фыркнула. Как же, поверила она в геройство супруга — наверное, даже на войне он находит с кем напиться и кому залезть под юбку! Пакостник!

Правда, один раз Лили все-таки уговорила тетю Джейн заехать в приют и попыталась осторожно узнать у новоявленного директора, хоть что-нибудь о предшественнике.

Они посещали шляпную лавку, когда Лили сделала вид, что внезапно кое-что вспомнила. Она театрально ахнула, в задумчивости потерла лоб и капризно заявила:

— Я вспомнила, что мне нужно срочно посетить заведение мистера Калверта!

— Но, дорогая, — возмутилась тетя Джейн, — в твоём положении опасно посещать столь сомнительные места, как Уайтчепел. Наверняка, там можно подхватить, какую-нибудь опасную заразу!

— А я не могу нарушить слова, данного мистеру Калверту, — уперлась на своём Лили, — если боитесь заболеть, возвращайтесь домой, а я возьму наемный экипаж!

— Наемный экипаж?! Да вы что, милочка?! Чтобы невестка герцога Мортландского наносила визиты в наемном экипаже? Неслыханно!

Старая дева ещё долго ворчала и причитала, но зато больше не препятствовала поездке в благотворительное учреждение.

В приюте дам тепло встретил мистер Калверт, но, увы, в своей новой ипостаси.

— Как я рад, как я рад, — хлопотал он вокруг посетительниц, — какая честь видеть вас, миледи!

Леди Джейн с брезгливым видом подобрала юбки, словно боясь запачкаться, и недовольно глянула на спутницу, молчаливо призывая быстрее закончить визит.

— Когда я была здесь в последний раз, — поторопилась приступить к делу и сама Лили, — то встретила в вашем кабинете высокого светловолосого джентльмена. У нас состоялся разговор о ваших воспитанниках, и он дал мне список необходимых им книг. Увы, я его потеряла, и хотела бы вновь...

— Да, да, я обязательно передам вам этот список!

— А тот джентльмен..., увы, забыла его имя, он здесь часто бывает?!

Директор прищурил глаза, недоуменно наморщив лоб и демонстрируя озадаченность.

— Я не знаю, о ком вы говорите! Разве только это был один из попечителей приюта?! Но я затрудняюсь, миледи, припомнить хоть кого-то с описываемой вами внешностью. Может, вы встретились, с кем-то из благотворителей? Многих заботит и печалит судьба несчастных сирот, и они посильно помогают приюту!

И что ей оставалось делать — только вернуться домой ни с чем, да ещё целую неделю выслушивать брзжание окружающих о недопустимости столь легкомысленного отношения к своему здоровью.

Прошла неделя, вторая, минул месяц. От Калверта не было никаких известий, и когда до Лили дошло, что, скорее всего, и не будет, она впала в отчаяние.

Ей не хотелось жить без возлюбленного. С его исчезновением весь мир потерял краски, и ничто больше не приносило радости. Молодую женщину от всего воротило, да вдобавок ко всему довольно тяжело протекла беременность.

Первоначальная хандра сменилась черной тоской безысходности. Что она будет делать через несколько месяцев, когда в положенный срок ребенок так и не запросится на свет, как это объяснит окружающим? Когда рядом был Тони, Лили ничего не боялась, но он исчез, унося за собой и весь смысл её жизни!

Полная мрачных и безрадостных дум она могла сидеть часами на одном месте, уставившись безучастным взглядом куда-то в угол комнаты и не реагируя на попытки домочадцев, хоть как-то её расшевелить.

— Лили ничего не ест, всё время мрачная и практически не разговаривает, — пожаловалась встревоженная герцогиня сыну, — исхудала, поникла, да ещё постоянно недомогает. Надо что-то делать!

Мортланд понятиливо кивнул головой — он, в общем-то, и не ожидал ничего другого, но, с другой стороны, нельзя было допустить, чтобы охватившая молодую женщину тоска привела к потере ребенка.

— Вам, матушка, наверное, придется прервать сезон и уехать в деревню! — тяжело вздохнул он. — Прогулки на свежем воздухе и покой, думаю, принесут больше пользы здоровью леди Лилианы, чем напряженная светская жизнь!

Герцогиня только обрадовалась такому предложению — она не любила Лондона, предпочитая ему свое поместье Стрейдж-холл, доставшееся ей когда-то по наследству. Зато тетки отнеслись к отъезду далеко не с таким энтузиазмом, неохотно прощаясь с многочисленными подругами и родственницами.

— Все, сколько-нибудь значимые персоны остаются в Лондоне, — ворчали они, отдавая приказ о сборах, — и лишь мы, как подвергшиеся остракизму парвеню, бежим из города!

— Уверяю, что приехав в Стрейдж-холл, мы отнюдь не окажемся в пустыне, — отмахивалась от их жалоб золовка, — парк сейчас великолепен! Да и Лили там будет хорошо!

Пожилая дама обожала это место, потому что была там полноправной хозяйкой, не зависящей от настроений и финансовой поддержки старшего сына.

В Стрейдж-холле огромные средства тратились на благоустройство парка — диковинные растения, оранжереи, клумбы с самыми редкостными цветами, остриженные в виде причудливых фигур деревья, каскадами сбегаящие от дома к большому пруду идеально подстриженные лужайки. Многочисленные гости только охали и ахали, мысленно подсчитывая, во что обходится вся эта роскошь герцогскому карману.

Лили было всё равно, куда ехать. Один раз, правда, мелькнула мысль, что с этим переездом окончательно рвется ниточка, связывающая её с любимым, но молодая женщина без особого сожаления отмахнулась от неё. Она уже смирилась с тем, что Тони ушёл навсегда.

Сопровождать своих дам вызвался и герцог. Мортланда настолько волновало состояние беременной невестки, что он без колебаний бросил все дела в Лондоне, решив провести время до середины июня в деревне.

17 июня в Лондоне обычно стартовало самое масштабное и очень значимое для всех британцев событие — Королевские скачки Аскот, которое он, конечно, не мог пропустить.

И вот именно в деревне и началось сближение между деверем и невесткой, казалось бы, немыслимое ещё месяцем раньше.

Пошёл на него, конечно же, Мортланд, потому что Лили, интуитивно чувствуя его вину в постигшем её несчастье, держалась очень холодно. Но джентльмен то и дело вызвался сопровождать невестку в прогулках по парку, и отнюдь не молчал при этом, изо всех сил стараясь растопить лёд в их отношениях.

Лили не разделяла увлечения свекрови деревьями и кустами, и бродила по парку, чтобы просто развеяться, а утреннее срезание цветов позволяло исчезнуть из переполненного гостями дома.

Герцогиня добросовестно выполняла данное золовкам слово, и дом был буквально наводнен людьми. Шум, гвалт, разговоры, смех, звуки музыки, пение и танцы.

У борющейся с тошнотой и головной болью Лили всё это вызывало стойкое чувство отвращения. Лето, жара, духота, а эти неугомонные люди, то игру в жмурки затеют, то в глупые фанты или ещё, во что-нибудь подобное! Раньше она сама была не против подобного времяпрепровождения, но не теперь, когда противно отекали руки и ноги, и всё время хотелось пить и спать! Подобные забавы хороши во время осенних вечеров или в зимние праздники, но не сейчас, когда маркиза желала уединиться в тенечке с книгой, а её одиночество нарушала свора народу, приставая со всякими глупыми идеями развлечься и дурацкой трескотней.

Лили была уверена, что Мортланд полностью разделяет её взгляды, хотя по обыкновению молчит, но как-то, во время очередной прогулки, они смогли обменяться мнениями по этому вопросу.

— Сударыня, — лениво протянул деверь, выводя её в тенистую аллею, — моя матушка собрала столь большую толпу гостей специально для того, чтобы вам не было скучно.

— Но меня это не развлекает! И если вы скажете, что вам приятны все эти Скорриджи, Вильямсы, Лукасы и барышни Абрамс, никогда не поверю!

Мортланд небрежно пожал плечами.

— Обычные люди, — заметил он, — надо быть снисходительнее к тем же барышням Абрамс..., они так милы с вами!

Лили хмуро фыркнула.

— Как же милы?! Лицемерные старые девы! — она грустно улыбнулась. — Я скучаю по Инн. Как мне сейчас не хватает её доброты и понимания, милых глаз. Моя кузина — чудесный человек, даже когда она просто находится рядом, на душу снисходит покой!

Мортланд задумчиво покосился на собеседницу:

— Никогда бы не подумал, что вы к ней так привязаны!

— Я не отношусь к людям, открыто демонстрирующим свои привязанности, но с Инн я

могла смело делиться сокровенным, зная, что она поймет и не осудит!

— Вы в этом уверены?

Вопрос прозвучал странно, и Лили задумалась, прежде чем ответить.

— Я уверена в том, что кузина любит меня, — наконец сказала она, — у неё прекрасное великодушное сердце. Боюсь за неё! Ведь Инн, по сути дела, ещё беспомощный ребенок — что там с ней происходит? Юная девушка в чужой стране, под сомнительной защитой кучки старых беспомощных слуг. Но я верю, что Господь милостив к таким чистым сердцем людям, и она избежит всех опасностей!

Мортланд впал в задумчивость, медленно вышагивая рядом. Невестка покосилась на деверя и обреченно вздохнула — странно сложилась её жизнь. С исчезновением Тони Лили лишилась возможности услышать хоть одно разумное слово, если рядом не находился его светлость.

Сэр Перси Вильямс, его молоденькая жена и сестра, супруги Скорриджи, два брата и сестра Лукасы находились в отдаленном родстве с Тейлорами. А вот Сара, Клеманс, Пруденс и Шарлота Абрамсы были дочерьми близкой школьной подруги герцогини. К юной невестке сиятельной дамы вся эта свора относилась более чем прохладно, но демонстрировала приторную любезность, не забывая уколоть исподтишка или сказать завуалированную гадость.

— Ах, дорогая, — как-то воскликнула мисс Абрамс — двадцатипятилетняя девица с вытянутым прыщавым лицом, — как жаль, что до свадьбы вы не были приняты в свете! Знаете, девушки на выданье, вынужденные много общаться с блестящими молодыми людьми, приобретают особую непринужденность в общении!

— Да, — подхватила мисс Пруденс (такая же страшенькая старая дева), — но вы ещё так молоды, что быстро научитесь — мы с сестрами готовы оказывать вам всевозможную поддержку!

— Это так любезно с вашей стороны! — Лили постаралась, чтобы в голосе не прозвучало откровенное ехидство.

На помощь юным леди пришел сэр Перси:

— Я против домашнего воспитания, — самодовольно заявил он, — по-моему, нет ничего лучше пансионатов или школ для юных леди. Там их учат правильному времяпрепровождению.

— Мой отец считал, что сам в состоянии проконтролировать моё образование и воспитание!

— И все-таки, — не унимался этот маленький кривоногий человечек, — есть пословица 'пожалеешь розгу, потеряешь ребенка!' Домашние склонны проявлять снисходительность и мягкость сердца, а юным леди нужна строгость и послушание!

Старые дамы охотно закивали головами, многозначительно пялясь сквозь очки на изнывающую от тоски молодую женщину.

И чьё тут выдержит терпение? А ведь этим разговорам не было конца и края! И лишь только герцог не говорил банальностей, не мучил её идиотскими поучениями, но всегда оказывался под рукой, чтобы помочь или составить компанию в игре в бридж или вист. В те дни, когда он отлучался по делам, у Лили не было возможности перекинуться, с кем-нибудь даже мнением, наверное, поэтому она ждала его возвращения и невольно радовалась, когда знакомая фигура вылезала из экипажа у парадного подъезда Стрейдж-холла.

Иннин находилась в кошмарном состоянии. Если бы не неустанная опека Джины, она бы, наверное, забилась куда-нибудь в угол и выла целыми днями, подобно раненному зверю. Необратимость свершенного и муки стыда терзали её подобно раскаленному железу. 'Я теперь блудница...', — эта мысль не давала ей покоя, — '... и попаду прямоком в ад — туда, где всех прелюбодеек ждут адовы муки и скрежет зубовой!' Как же она себя корила за то, что вышла той ночью из спальни, ругала последними словами за распущенность, которую проявила в объятиях герцога.

— Что я наделала? Как я могла такое допустить?! — всхлипывала она бессонными ночами, корчась среди шелковых простынь, как на пыточном ложе.

А жизнь, между тем, текла прежним чередом — прогулки по утреннему парку, безуспешное сидение за роялем, примерка платьев, книги, вышивание, игры с Чарли.

Вот только полностью пропал аппетит.

— Это никуда не годится, — однажды нахмурилась Джина, озабоченно оглядев почти нетронутые тарелки с любимыми прежде яствами, — придется написать его светлости, чтобы он приехал и задал вам взбучку!

Инн не на шутку перепугалась.

— Только не это, — в панике заметалась она по комнате, — я не хочу, не могу его видеть..., как я посмотрю ему в глаза? Как дальше будут складываться наши отношения?

Джина тяжело вздохнула, но, судя по чуть тронувшей губы улыбке, ей страхи подопечной казались глупыми и наивными.

— Всё образуется, — веско заявила она, — вам надо перестать мучить себя всяким вздором! Все девушки проходят через это, и никто не делает из потери девственности такую трагедию!

— А как же Кларисса?

— Её не существовало в действительности! Прямо скажем, что автору эта история удалась плохо, хотя наивные простушки любят читать про смертельные муки обесчещенной девы. В конце концов, не каленым железом выжжено на вас, что вы имели дело с джентльменом. Вернетесь в Бельгию, и забудете о том, что с вами сделал герцог, как о невнятном сне!

— Его светлость изнасиловал меня!

— Вели бы себя более разумно, и этот миг стал бы счастливейшим в вашей жизни!

Инн знала, что рано или поздно Мортланд появится в Вудвилл-лодж, но всё равно так и не сумела подготовиться к его визиту.

Встреча произошла настолько неожиданно, что Инн даже в последствие изумленно вспоминала миг, когда поутру, спускаясь по лестнице, увидела в холле Мортланда. Сердце в груди сделало такой скачек, что почернело в глазах, и она едва устояла на ногах.

Инн в панике кинулась прочь. Ноги сами по себе принесли её в музыкальный салон, и, обогнув фортепьяно, перепуганная девушка спряталась за штору. И всё бы ничего, если бы не спаниель Чарли. Решив, что хозяйка затеяла, какую-то новую игру, шаловливый пес, весело лая, кинулся вслед за ней, и принялся рвать зубами ткань гардины.

Понятно, что после этого герцогу только и оставалось, что пойти на звук лая.

— Иннин, — позвал он её, — дорогая! Не надо прятаться, давай лучше поговорим!

Девушка робко и неохотно вышла из своего укрытия, машинально отгоняя ластившегося к ней пса.

— Я сожалею о случившемся! — мягко проговорил Мортланд, подходя к ней.

При его приближении Инн боязливо съежилась, но герцог заключил задрожавшую девушку в ласковые объятия.

— Прости, прости...

Его губы легко коснулись пробора её волос.

— Мы останемся друзьями, добрыми и хорошими друзьями! Мало того, я чувствую себя настолько виноватым, что считаю наше соглашение ликвидированным! Вы свободны, и можете хоть сегодня покинуть этот дом!

Инн недоверчиво подняла голову и заглянула в столь близкие сейчас глаза Мортланда, только сейчас отметив, что они оказывается не черные, как ей казалось раньше, а серебристо-серые.

— Могу покинуть Вудвилл-лодж, — растеряннo улыбнулась она, — но... куда я пойду? У меня нет средств, чтобы перебраться через пролив!

Она сама не знала, чтобы хотела услышать в ответ — может, ожидала, что герцог предложит ей денег? Нет! Произошедшее между ними, почему-то полностью исключало подобный исход дела, и Мортланд это подтвердил, нежно погладив её по голове.

— Понимаю! Вы можете остаться здесь, но тогда..., тогда я не смогу вам гарантировать, что всегда смогу контролировать свои желания! Ведь вы так прекрасны, так желанны!

И горячие губы красноречиво коснулись её виска.

Инн вздрогнула от этого поцелуя и, закрыв глаза, бессильно уткнулась лбом в декоративные складки накрахмаленного шейного платка джентльмена, глухо всхлипывая и вздрагивая от рыданий. Она уже всё поняла и осознала, и теперь обреченно оплакивала свои девичьи мечты о светлой и достойной любви.

Но было и ещё кое-что.

— Обещайте, — вытерла она слезы, — что когда я перестану быть для вас... желанной, вы не отдадите меня Бисби!

— Обещаю, дорогая!

— И если уж так случилось, то я хочу, чтобы вы остались моим единственным мужчиной, поэтому, когда наши отношения закончатся, вы дадите мне денег, и я вернусь домой!

— Обещаю, но честно говоря, не вижу оснований заглядывать столь далеко!

Мортланд с чувством поцеловал её в лоб.

— Но раз мы всё обсудили и обо всем договорились, может, скрепим наше новое соглашение единственно возможным в этом случае способом?

И он, как будто на балу, предложив ей локоть, едва ли не церемонно повел в спальню. А там, у постели их уже дожидались три готовые на всё прислужницы. Правда, в этот раз им не пришлось в шесть рук усмирять бьющуюся в отчаянии девушку.

Выйдя из туалетной комнаты, Иннин робко присела на край кровати, старательно отводя глаза от ждущего Мортланда, но едва она коснулась мягкого матраса, как его сильные руки обхватили её за талию и решительно привлекли к себе. Инн сильно вздрогнула и крепко зажмурилась, когда прикоснулась к раскаленной мужской наготe.

— Не надо бояться, мой ангел, — шепнул он ей на ухо, — доверься мне и я сделаю тебя счастливой!

Не бояться?! Интересно, он хотя бы понимал, что говорил? Судорожно вцепившись в край одеяла, испуганная девушка настойчиво потянула его на себя, инстинктивно прикрывая почти не скрываемую смелым дезабилье грудь.

— Что ты, моя красавица, что ты, — властные руки настойчиво разжали стиснутые кулаки, и резким движением герцог лишил её сначала укрытия покрывала, а вслед полетел и пеньюар.

Инн вновь страдальчески зажмурилась — треск разрываемой материи физической болью отдался в её ушах, и тело испуганно вздрогнуло, потеряв даже эту эфемерную защиту от мужского тяжелого взгляда. Пальцы Мортонa с силой прошли сначала по её щекам и шее, а потом хищно затрепетали на холмиках груди.

— Не надо стесняться того, что совершенно! Твое тело чувственно и одновременно так ещё невинно — такой изображали Диану древние римляне. Овал груди безукоризнен, как изваяние из мрамора, но нежный бутон соска делает его трепетно живым и желанным... Посмотри, как ты головокружительно прекрасна!

И прежде, чем Инн опомнилась, он потянул её за плечи с подушек, и, поставив на колени, повернул лицом к изножью кровати. Трепещущая и задыхающаяся от неловкости и возбуждения девушка глянула на стену напротив и чуть не потеряла сознание от ужаса. Она так долго прожила в этой комнате, спала каждую ночь на постели, но даже не подозревала, что за складками декорирующей стену ткани скрывается гигантских размеров зеркало, в котором прекрасно видна вся кровать. И сейчас в нем отразилась чудовищная по непристойности картина — тоненькая обнаженная фигурка, стоящей на коленях, черноволосой, растрепанной девушки с огромными перепуганными глазами, и маячивший за её спиной обнаженный мужчины. Инн перевела растерянный взгляд на его искаженное страстью лицо, и только тут до неё окончательно дошло, что она видит саму себя.

— О, Пресвятая Дева! — перепуганная девушка постаралась вырваться из крепких рук, и хоть как-то прикрыть наготу, но не тут-то было.

— Смотри, любовь моя, смотри! Разве есть, что-нибудь прекраснее подобного создания Творца?

Её сердце, невольно замороженное этим хриплым, чувственным голосом билось настолько сильно, что, казалось, порвет кожу на груди и выпрыгнет наружу. Тело сотрясал болезненный, колючий и жаркий одновременно озноб, и, как безумная уставив взгляд в зеркало, она лишь смогла обвести языком окончательно пересохшие губы.

— Как же я хочу тебя, красавица моя!

Ей даже стало на мгновение легче, когда Мортланд, наконец-то, опустив голову, прильнул к её шее жадным болезненным поцелуем, но только на мгновение.... Оцепенев от растерянности, она шокировано наблюдала, как его руки скользят по её телу вниз. Инн с громким криком стыда и отчаяния прикрыла лицо ладонями, не в силах больше смотреть на эту вызывающую оторопь своим разнузданным бесстыдством картину.

— Нет! — простонала она. — Я прошу вас, пожалуйста, прекратите!

— Глупышка, — и мужчина нетерпеливо увлек её на подушки кровати, — нашла, о чем просить!

Изумленный всхлип заглушил поцелуй, и всё исчезло в сумбурном мареве страстных ласк и поцелуев.

Спустя некоторое время, когда любовники, наконец-то, разжали объятия, утомленная Инн меланхолично подумала, что не всё так уж плохо в её теперешнем положении. И

мужчина, обессилено откинувшийся рядом, тоже в иные моменты бывает очень и очень неплох. И лукавая улыбка пробежала по её губам, когда она напомнила себе о кое-каких моментах только что пройденного урока страсти — что ж, раз так получилось, она больше не будет убиваться и плакать!

А что, если их новые отношения перерастут в истинную любовь, и, в конце концов, закончатся браком? Инн оживленно восторгалась и заинтересованно поцеловала любовника в плечо.

Одобрительная улыбка Джинны, поднимающей её с постели, чтобы привести в порядок, красноречивее всяческих слов говорила, что подопечная на правильном пути.

За всю непростую историю взаимоотношений с Мортландом Инн ни разу не видела его светлость в таком превосходном настроении. Казалось, он помолодел лет на десять — разгладились усталые морщинки вокруг глаз, исчезла вертикальная черточка, пересекающая лоб, да и взгляд обычно сумрачных глаз стал удивительно светел. А уж улыбка! У неё тревожно екало сердце при виде привлекательной улыбки, лучившейся на его губах. И она, наконец-то осознала, что в этом мужчине так привлекало её сестру.

— Да, — горько выдохнула Инн, когда они перебрались из спальни в столовую, — Лили была права!

Брови Мортланда дрогнули в весёлом недоумении.

— При чем здесь ваша взбалмошная кузина? Я надеялся, хотя бы день отдохнуть без упоминания её имени!

Но бедной, запутавшейся в собственных чувствах, девушке было не до шуток. Она печально наблюдала за ловкими руками, накрывающей на стол Флоры, и пыталась найти слова:

— Понимаете, ваша светлость, Лили много раз мне говорила о вашей привлекательности, настойчиво толкуя, что вы гораздо интереснее лорда Тейлора. И мне всегда казалось, что она либо намеренно слепа, либо кривит душой. Но как-то перед самой свадьбой кузина произнесла слова, тогда ошелобившие меня...

Инн смущенно замолчала, но Мортланд, протянув руку через стол, поощрительно пожал кончики её пальцев.

— Продолжайте, — попросил он, — каждое слово Лили о моей персоне стоит особого внимания. И не стесняйтесь выражениями, душа моя, могу твердо обещать, что все её откровения будут погребены в стенах этого особняка.

— Кузина была очень несчастна, — Инн тяжело вздохнула, с ностальгической тоской вспоминая те далекие дни, — она настолько не желала вашего брата, что сказала вещь, показавшуюся тогда мне кошмарной. Лили возмущало, что падшие женщины в отличие от леди более свободны в своих привязанностях. Она мечтала испытать страсть в ваших объятиях, и её приводило в отчаяние, что это желание навсегда останется недостижимым!

Вот, не зря говорят, что молчание — золото. Инн с тревогой увидела, что на Мортланда эти слова произвели определенное впечатление. И хотя он, по-прежнему улыбался, выражение его глаз изменилось.

— Так вот о чем разговаривают в своих детских наши юные целомудренные леди, — задумчиво пробормотал он, — но почему вы об этом решили рассказать именно сейчас?

Инн криво улыбнулась, сясь унять дрожь в руках.

— Я исполнила её мечту, — тихо произнесла она, пряча глаза, — и наконец-то, смогла понять, почему она так стремилась к вам, но и заплатила ту самую цену, за которую когда-то

с негодованием осудила кузину!

За столом воцарилось молчание. Мортланд с преувеличенным вниманием разглядывал поданный ужин, и лишь спустя некоторое время пробормотал с тяжелым вздохом:

— Ваша кухня повергает меня в трепет! Вообще-то, я не люблю проблемных женщин — они развлекают, но, — он досадливо махнул рукой, — головной боли гораздо больше! От своих же возлюбленных я требую предельно мало — беспрекословного послушания, а взамен могу дать практически всё, что им взбредет в голову!

Инн только ниже опустила голову. Она поняла, что эти требования адресованы ей. Мортланд даже не попытался лицемерить, доказывая, что она для него не падшая женщина, он предпочел пропустить эту часть рассказа мимо ушей, зато свои желания сформулировал кратко и исчерпывающе.

— Что же касается Лили, — продолжил он дальше, подзывая Флору и кивая на бутылку с бренди, — то в отношении маркизы я совершил непростительную ошибку. Мне казалось, что если их с Томом предоставить самим себе, они рано или поздно найдут общий язык.

— Но что можно сделать, если Том не любит свою жену? — не поняла собеседника Инн. — Ведь сердцу не прикажешь! Это понимаю не только я, Лили придерживается такого же мнения!

Но герцог только покачал головой:

— Вы обе плохо знаете моего брата. А вот я уверен, что Лили ему нравится, мало того, бесился он именно оттого, что догадывался, какого рода мысли навещают её в девичьей постели относительно его родного брата!

Инн была с этим категорически не согласна, но не стала противоречить.

Мортланд попробовал вкусный сырный суп — шедевр повара-француза и поморщился, отодвинув от себя тарелку.

— Эй, кто там! — раздраженно крикнул он. — Я могу в этом доме получить нормально прожаренный бифштекс или, не изуродовав кусок мяса, француз не сможет ночью спать?

Слуг как ветром сдуло, а герцог вернулся к теме разговора.

— Я пришел к выводу, что мне не нужно было затевать эпопею с женитьбой Томаса, а обвенчаться с Лили самому! Только сейчас, хорошо узнав миледи, я понял, что мы бы нашли общий язык.

Трудно сказать, что испытала Инн при этом неохотном признании — это была и налетевшая шквалом болезненная ревность, и горькая обида, и гнев, и осознание несправедливости происходящего.

— Общий язык? Вы же видели, что Лили завела любовника, едва ваш брат покинул Англию, и сами жаловались, что она невозможна, капризна, невыносима!

Ей и самой стало стыдно за поток злобы, который она вылила на кузину, но Мортланд, к счастью, отнесся к её словам с пониманием:

— Любовник — это от отчаяния, ведь Томас из мелочной мести выставил её на позор перед всем светом, безжалостно натравив на жену того же Браммеля. Лили по-настоящему честолюбива, а её превратили в мишень для издевательств. И зачем заводить любовника, если бы она делила постель с мужчиной, о котором страстно, наперекор всему мечтала?

Инн была так потрясена этими заявлениями, что невольные слезы потекли по её щекам.

— Но раз Лили так хороша, — гневно выкрикнула она, — то зачем вам я?

Мортланд снисходительно улыбнулся.

— Ты очаровательна, когда ревнуешь! Только зря расточаешь столько пыла против той,

которая никогда бы не стала твоей соперницей. Жениться можно на ком угодно, а вот любить...

У юной девушки сразу же высохли слезы, и она уставила светящиеся надеждой глаза на любовника. Неужели она все-таки дождется от него долгожданного признания в любви?

Но Мортланд заговорил совсем о другом.

— Сегодняшний день, моя радость, я посвящу тебе, но вот завтра у меня куча дел, — герцог с аппетитом поглощал истекающий соком кусок мяса, — нужно разузнать хоть что-нибудь о Томе. Меня настораживает отсутствие писем — на него это не похоже!

У Инн тревогой встрепенулось сердце, и она опустила вилку и нож.

— Нет, — с досадой ответил Мортланд на невысказанный вопрос, — если бы с ним произошло несчастье, меня бы уведомили, но война есть война!

В то осеннее утро город проснулся взбудораженным ночными событиями во дворце коменданта. Волна сплетен и ужасающих слухов наполнила его подобно лавине, стекаясь на рыночные площади, а оттуда уже разливаясь во все концы, под крыши даже самых нищих хижин на окраинах. И это несмотря на тщательный надзор и запрет распространять порочащую французскую армию информацию.

Французы озверели, пытаясь пресечь разговоры, но были бессильны перед шепчущимися по углам жителями южного города.

Трудно сказать, что было преувеличено досужими кумушками, а что являлось истинной правдой в ужасающих слухах о произошедших ночью событиях, но абсолютно всем было известно, что случилось нечто выдающееся по жестокости и дерзости замысла.

Ещё вчера, падкая до зрелищ, лопающаяся от любопытства толпа неприязненно разглядывала приехавшую из Франции невесту коменданта.

Украшенный позолотой и искусной резьбой экипаж, впряженный в шестерку изумительных рысаков, в сопровождении целого отряда гренадеров полдня гарцевал по улицам древнего города. Девушка хотела осмотреть достопримечательности, о которых так много слышала. И жених — важный и надутый фанфарон раза в три старше невесты, стараясь произвести впечатление галантного кавалера, вызвался быть провожатым.

Приятно смуглая, черноволосая, живая и кокетливая, как истая парижанка девушка смело выглядывала из окна экипажа, демонстрируя модную шляпку и красоту цветущей молодости.

— У неё в приданном миллионы, да и сама недурная гусочка, — шептались досужие зеваки, откуда-то все прознавшие и об отце невесты — крупном французском банкире, и о большом приданном.

— Как бы он не подавился этим молодым мясом, — шипели острословы, — кроме генеральской сабли, ниже пояса ему нечем похвастаться! За миллион можно было купить себе супруга и получше.

— Он в большой чести у Наполеона. Говорят, этот недомерок корсиканец обещал его произвести в короли, так что за миллион крошка рассчитывает торгашеский герб украсить короной!

— Ну, пока муженек будет пересчитывать деньги, его жену будет интересовать только количество рогов на голове достойного короля. Вон как глазки блестят, сразу видно, что девчонка только и думает, как бы побыстрее задрать подол!

Сегодня волна злословия схлынула. Да и к чему было злорадствовать — бедняжка вызывала скорее жалость, чем чувство удовлетворенной мести. Кто-то очень злой, жестокий и дерзкий заставил содрогнуться в бессильной ярости не только французов, но и весь город.

Шептали всякое, но уже к вечеру стала вырисовываться достоверная картина происшедшего накануне.

Невеста ужинала в обществе жениха и каких-то родственников, приехавших с ней из Франции, потом слушала концерт кастратов. Уже поздно ночью, пожелав друг другу спокойного сна, хозяева и гости разошлись по своим покоям.

Сопровождающие девушку дамы спали в соседних комнатах, но ни одна из них не слышала ничего подозрительного. Во всех коридорах дворца и конкретно у дверей покоев

невесты генерала всю ночь простоял вооруженный конвой, который тоже не заметил никакого движения в погруженном в сон особняке. Зато рано утром дворец был разбужен душераздирающими воплями прислуги.

Спальня выдавала следы борьбы — перевернутая постель, залитые кровью простыни, но даже не это привело в ужас перепуганную женщину, а привязанная к одному из столбиков балдахина и закутанная коконом в британский флаг безмолвная фигура.

На крик служанки ворвались солдаты, но тоже не отважились подойти к страшному свертку, пока к суженной не пробился сам, одевающийся на ходу генерал Жильберт. Именно по его приказу развязали скрученные простыни и, сорвав британский флаг, присутствующие застыли от ужаса и потрясения.

Девушка была в кошмарном состоянии — судя по потекам крови, неизвестный жестоко надругался над её телом, отчего даже привыкшие ко всему вояки и то не выдержали и стыдливо отвели глаза. Но даже не многочисленные синяки и кровоподтеки притягивали к себе ошеломленные взоры присутствующих, а слово 'Франция', нацарапанное ножом на животе девушки неизвестным изувером. Это было настолько гадко, настолько превышало все пределы допустимого, что дружный вопль ярости потряс комнату. Шок продолжался, наверное, минуты три, прежде чем зарывавшая родственница не кинулась накрывать изуродованное тело простыней, и только тут выяснилось удивительное обстоятельство.

— Она жива! — закричала дама. — Лекаря, лекаря!

Полкового врача приволокли полураздетого, да ещё с большого похмелья.

— При таких ранах и такой потери крови она не может быть жива, — пробормотал тот, досадливо опускаясь на колени, и тут его брови удивленно взлетели, — это Господне чудо! Пульс хоть и нитевидный, но прощупывается — мадемуазель дышит! У неё болевой шок!

Юная француженка пришла в себя только на третьи сутки страшной горячки, чуть не стоившей ей жизни.

— Где он? — спросила она свою сиделку, с трудом выговаривая слова.

— Кто, дитя моё?

— Этот синеглазый дьявол..., гренадер?

— Его здесь нет, — добрая женщина попыталась успокоить свою пациентку, — он ушел!

— Нет, — пробормотала несчастная, — он вечно будет здесь!

Можно только представить, какие неприятные минуты пережили все обладатели синих глаз, несущие службу во дворце! Но после учиненного жесточайшего допроса, все-таки, стало ясно, что никто из гренадеров Аквитанского полка не причастен к этому беспримерному по жестокости злодейству. Поиски зашли в тупик — не арестовывать же всех синеглазых мужчин многотысячного города! Расследование не дало результатов, хотя на первых порах казалось, что напуганные террором жители города все равно наведут на след неизвестного злоумышленника, но надежды не оправдались — никто ничего не знал! Не было даже намёка, даже самой тоненькой ниточки, дающей представление о дерзком негодяе. А когда близкие несчастной девушки попытались осторожно выведать у неё ещё хоть какие-нибудь подробности о насильнике, то натолкнулись на странное нежелание говорить о происшедшем.

— Это был дьявол, — неохотно бормотала она, неловко краснея и отводя виноватые глаза, — невероятно красивый и безжалостный! Он говорил, как француз — парижанин!

Жильберт только недоуменно пожал плечами — зачем француз, пусть даже

упорствующему роялисту обряжать свою жертву в британский флаг, да ещё открыто намекать, что подобное насилие будет ждать всю Францию от наглых англичан? Ясно, что действовали какие-то приспешники адмирала Нельсона.

Оскверненная невеста потеряла для него значительную долю интереса — кому охота есть испачканный в грязи хлеб? Но и отказаться от девушки, которая пострадала от его неспособности защитить её честь, не представлялось возможным. Да и пятьсот тысяч приданого! Такие деньги на дороге не валяются, даже если к ним прилагается обещанная девица.

И едва только девушка сумела встать с постели, её повели под венец. Церемонию она едва выдержала, поэтому о брачной ночи к обоюдной радости новобрачных не могло быть и речи, а через три дня на возвращающегося из порта генерала напали какие-то оборванцы, и тот погиб в перестрелке.

Лили впадала в отчаяние, глядя на круто вздымающийся живот. Что будет, когда в положенный срок малыш не появится на свет? Какой скандал поднимется в семье?

И, конечно же, не могли развеять её сплин ни толпы гостей, ни суетящиеся вокруг домочадцы. Лишь звуки фортепьяно, вырывавшиеся из-под её пальцев, выдавали всю степень тоски, обуревавшую будущую мать. Играла она прекрасно, но все-таки Моцарт иногда действовал на нервы леди семейства Тейлоров, не привыкшим особенно задумываться на печальные темы.

— Лили, — укоряла её свекровь, — что-то уж слишком мрачно..., эти этюды и стансы! Наверное, нужно быть особо влюбленным в музыку, чтобы слушать такое! Сыграй нам что-нибудь веселое — джигу, например, или ирландский рил! Молодежь потанцует...

Лили морщилась и начинала играть требуемое, но так, как она была по-настоящему талантлива, то даже в этих бездумных легких мелодиях пробивались отголоски настроения их исполнительницы, и танцев как-то не получалось.

— Что за скверный характер, — жаловалась золовкам тяжело вздыхающая герцогиня, — ни с кем она не может найти общего языка! А вокруг ведь столько приятных в общении ровесниц, настоящих леди!

Тетки согласно кивали головой.

— Бедняжка Томас! Он такой душка, светлый и легкий человек, а в жены ему досталась тяжелая и сварливая особа!

Лили знала об этих разговорах, и кисло соглашалась про себя, что во многом старые гарпии правы. Она на самом деле не смогла сойтись ни с одной, из гостивших в доме свекрови молодых леди.

Щебет юных девушек о женихах, их тщеславие и самодовольство напоминали ей свои собственные амбициозные мечты, и раздражали неимоверно, как раздражает уродку во время подsunутое под нос зеркало. Говорить же с вышедшими замуж сверстницами было не о чем. Лепетать 'ах, мой Джордж, ах, душка Генри...' при её обстоятельствах нелепо. Обсуждать слуг? Да она едва ли когда обращала на свою горничную даже толику внимания. Говорить об обоях, нарядах, мебели? Не больше двух минут! Книги? Всё давно уже было сказано-пересказано о романах таких авторов, как Ридчарсон, Филдинг, Стерн, Мария Эджуорт, и Фанни Берни, обсуждены все стихи Каупера, Томсона и Томаса Грея. Начинать по второму кругу? Не такая уж она любительница книг!

Так о чем же вести беседу? Умнее и благоразумнее было помалкивать, и лишь с Мортландом Лили могла, хоть в коей-то степени быть откровенной.

— В палату лордов не поступал какой-нибудь законопроект, облегчающий процедуру развода?

— Почему во многих странах имущество супругов отдельно, а у нас им полностью распоряжается супруг, если даже его умственные способности оставляют желать лучшего?

Подобные вопросы задавала она деверю, когда их никто не слышал, и это были именно те темы, на которые маркиза могла бы говорить часами. Благо, герцог её всегда внимательно выслушивал, хотя никогда не соглашался с точкой зрения невестки.

Приближалась зима, и близилось время её испытаний. Близкие всё чаще заговаривали с молодой женщиной о скорых родах, и всё чаще она проводила бессонные ночи, сидя в

тревоге на кровати и прислушиваясь к движению жизни внутри своего чрева.

Дитя страсти и любви — этот младенец мог превратить жизнь своей матери в кошмарный мрак нескончаемого позора.

После того, как Иннин 'вкусила' запретных наслаждений, она постоянно находилась в заведенном состоянии непрерывного беспокойного ожидания. Чтобы она ни делала, чем бы ни занималась, девушка постоянно настороженно прислушивалась, чтобы не пропустить звуков подъезжающего экипажа. Доходило до того, что скрип рессор мерещился ей даже по ночам, и, путаясь в ночной рубашке, она подбегала к окну, чтобы потом разочарованно вернуться назад.

— Эдвин, — с блаженным придыханием исповедовалась она перед своим единственным другом — статуэткой мадонны, — почему я раньше не замечала, какое это благозвучное имя? Имя древних и могучих королей, на нем ответ славы, силы, благородства...

Непроизвольно, как будто в одночасье резко поглупев, Инн начала награждать своего любовника совершенно несвойственными ему чертами характера. И не видела противоречий между этим идеалом и тем, как она относилась к герцогу всего лишь месяц назад, пока он не приохотил её к наслаждениям плоти. Когда недремлющая совесть напоминала ей об этом, девушка живо оправдывалась.

— Я просто его не знала! И ласки тут совсем не причем! Холодность Эдвина скрывает под собой горячее сердце, а жестокость — вовсе не жестокость, а твердость, свойственная людям его положения. Ведь быть герцогом это такая ответственность — он сам мне говорил! А насилие...,- тут её щеки начинали полыхать стыдом, — я сама виновата! Вела себя столь неразумно. Ведь вокруг Эдвина одни лгуны и прихлебатели, актрисы и падшие женщины, вот он и не верит никому! Но со временем герцог поймёт, что мы ровня, и все-таки женится на мне! Мы обязательно, обязательно будем счастливы!

Мадонна смиренно слушала, обращенный к ней горячечный лепет. Мраморная и прекрасная, она была со всем согласна, даже с тем, что вчерашний негодяй Мортланд так неожиданно превратился в рыцаря без страха и упрека.

Любовники нередко проводили совместные, полные страсти ночи, но всё же гораздо чаще Инн замирала в тоскливом и бесконечном ожидании. Зато, когда герцог всё-таки приезжал, она в полном восторге сбегала с лестницы и повисала у него на шее.

— Любовь моя!

Только теперь до Иннин дошло, почему обычно так спешили её горничные, приводя свою госпожу в порядок. И она сама их испуганно торопила, с быстротою молнии выныривая из ванны, натягивая сорочку и пеньюар, всовывая ноги в кокетливые туфельки без задников.

— Быстрее, быстрее! — то ли заклинала, то ли ругала она негритянок, в ужасе представляя, как раздраженный её задержкой герцог в гневе покидает дом на целые недели.

— Иди сюда, моя французская кошечка, — развязанным жестом хлопал себя по колену Мортланд, располагаясь с любимым бренди в столовой, — посиди со мной!

И зарывшись лицом в его расхристанную рубашу, Инн блаженно затихала, дожидаясь, когда он либо заговорит, либо потянет её в спальню. Когда она находилась в такой опасной близости от тела возлюбленного, в ней всегда стремительно и жарко разгоралось плотское желание, и Мортланд никогда особо не тянул с его удовлетворением. Можно сказать, что герцог и его любовница нашли общий язык на ниве любовных наслаждений, идеально

подходя друг другу.

Но если Мортланда абсолютно всё устраивало в сложившемся положении вещей, то в Инн с каждым днем, наоборот, всё сильнее зрели опасения, что рано или поздно, но сиятельный любовник её оставит, и как тогда жить без него?

И как-то он исчез на целых две недели.

То утро было серым. Вернее, на улице-то светило скупое осеннее солнце, но бедной девушке было не до этого. Всё было немило, ни к чему не лежала душа!

Инн неуверенно и со стыдом покосилась на мраморную мадонну.

— Я знаю, что веду себя недостойно, что совершаю страшный грех, и мне надо бы стыдиться и каяться, но что же делать, если я больше всего на свете хочу его увидеть? И...

Она в отчаянии закрыла запыхавшееся лицо руками, стремясь укрыть его от мраморного лика святой:

— ... я люблю его плотски, хочу, вожделею! Прости меня, Пресвятая Дева! Но пусть он придет! Пожалуйста — пусть придет, и я сотню раз прочитаю 'Ave'...

Наверное, её мольбы были услышаны, потому что под вечер Мортланд все-таки приехал в Вудвилл-холл. Деловито поцеловав кинувшуюся к нему, истомившуюся любовницу, он велел подать ужин.

— Ах, душа моя, — поглощал он приготовленный предусмотрительным Анатоном бифштекс, — мне так жаль, но я вынужден сократить свой визит в Лондон.

Побледневшая Инн горестно ахнула от такого разочарования. Увидев слезы на её ресницах, герцог тепло улыбнулся.

— Сегодня ночь проведу у тебя. Не плачь, милая! Вчера я случайно узнал, что проездом в Лондоне находится известный акушер — австриец Людвиг Шнитке. Говорят, в своем деле он первоклассный дока. Беременность Лили очень важна для дома Тейлоров...

Он говорил и говорил о Лили, а Инн едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться в голос. Казалось, что герцога вообще ничего не интересует, кроме сестрицы! А вот её заставляли пить отраву, хотя именно она — Иннин могла бы родить его собственного ребенка. Это было несправедливо!

Ужин затягивался, хотя у неё не было аппетита и не хотелось вести разговоры об абсолютно неинтересных материях — шляпке Лили, здоровье Лили, беременности Лили. И когда Мортланд, наконец-то, встал из-за стола и протянул руку, она так и засияла от радости.

— Пойдем, ангел мой!

В постели он был только её, и там не было места для проблем кухни. И Инн твердо пообещала себе, что не даст Эдвину о ней вспоминать. Поэтому поцелуй, которым она припала к губам любовника был необычайно страстен.

Как же она его любила в этот миг! Так любила, что не могла довольствоваться простыми поцелуями, ей хотелось попробовать на вкус всё его тело, ощутить запах кожи, услышать биение сердца, раствориться в любовнике целиком, без остатка.

В голове кружились багряно-оранжевые круги, какое-то странное шипение раздалось в ушах, и она слышала речитатив из неясных непонятных слов. Гудел отчетливо слышимый барабан, а широко распахнутые глаза вместо мокрого от пота напряженного мужского лица вдруг увидели страшные каменные стены с жуткими изваяниями идолов, блики факелов и чьи-то зеленые, странно узкие и блестящие глаза:

— И-ш-та-р, И-ш-та-р, И-ш-т-а-р!

Её второе никогда не употребляемое имя звенело, угрожающе заполняя всё вокруг. Это было настолько страшно, это дарило такое наслаждение, что Инн не выдержала и зашлась в отчаянном и протестующем крике, судорожно уцепившись в нависшие над ней плечи. Жаркая волна нахлынула с такой силой, что утопила её, растворив и жуткое видение, и сознание, и муку, и наслаждение в огненном мареве другого мира, где алмазные звезды взорвались в голове, прежде чем бросить её в черную бездну беспомысленности.

Инн опомнилась от брызг воды, упавших на лицо. Она неохотно распахнула глаза, и сразу же увидела встревоженное лицо Эдвина, внимательно вглядывающееся в неё. Но брызгала водой все-таки Джина. Итальянка стояла рядом с чашкой воды.

— Выпейте, миледи!

Пить хотелось, но оказалось, что ей далеко не просто утолить жажду. Почему-то тряслись губы, а руки оказались неподъемными.

— Что со мной? — даже язык и то шевелился с трудом, налившись тяжестью.

Мортланд скупой улыбнулся, и прилег рядом на постель.

— Я всегда знал, — туманно заметил он, — кто скрывается в вас! С того самого дня, когда вы просили вернуть кошку!

Инн недоуменно нахмурилась. Ей не понравилось это замечание. Странно, но в голосе любовника слышалось осуждение.

— Я не понимаю...

Теперь уже герцог открыто вздохнул:

— Страстная и темпераментная женщина — мечта любого мужчины!

— Я не могу и не хочу быть мечтой любого. Да и вас, очевидно, не радует эта мысль! Я люблю вас...

Мортланд почему-то раздраженно сморщил нос и отвёл потемневшие глаза.

— Ты полюбила бы любого, кто раскрыл тебе тайны плоти, так как путаешь любовь со сладострастием! Довольно распространенная ошибка!

С этими словами он встал с постели и приказал Джине подать одежду. Инн с ужасом наблюдала за резкими движениями, которыми он принимал платье из рук экономки.

— Чем я вас прогневала? — с тоской прошептала она. — Чем не угодила?

Герцог небрежно фыркнул.

— Никогда не говори мне о любви! — сухо заявил он. — Мне противны женщины, пичкающие мужчин пустыми уверениями и громкими словами. Я за честность отношений! Тебе нужен покровитель, мне нужна милая и прелестная любовница, так зачем же вся эта патетика и слезы?

У Инн опустились плечи. Она сообразила, что любое её слово только ухудшит положение, поэтому молчала, пока он одевался. И даже когда герцог удалился, холодно кивнув на прощание, Инн сдержалась и не задала ни одного вопроса.

— Джина, — потрясенно спросила она, когда за окном затих звук отъезжающего экипажа, — за что он злится на меня?

Но всё знающая итальянка, почему-то в этот раз не нашлась, что ответить.

Инн оскорблено задохнулась. Она позволила себе поверить страсти этого человека, раскрылась перед ним, отдала ему свою любовь, а он...

Девушка пролежала всю ночь без сна. Она вспоминала удивительные видения этой ночи, мучилась от душевной боли, и вновь переживала несправедливое оскорбление. И все-таки, Инн безумно, со всей силой только что пробудившейся женственности, любила

Мортланда. И это чувство было невозможно сравнить с тем, что она испытывала когда-то к Тейлору. Да ещё этот храм... Странно, но Иннин догадалась, о чем ей сказали жуткие зеленые глаза.

— Я заставлю тебя поверить в мою любовь, Эдвин! — в конце концов, решилась она на отчаянный поступок.

Чуть свет Джина появилась со своим кубком в руке. Яд приходилось долго настаивать.

— Обязательно, миледи! — непреклонно заявила она.

Инн спокойно приняла кубок.

— Конечно, — радушно улыбнулась она, — сейчас выпью, но принести воды запить эту гадость, а то в прошлый раз меня чуть не вырвало!

Джина обернулась со стаканом воды очень быстро, но не настолько, чтобы заметить, как яд оказался в вазоне с ярко-красными розами. И Инн нарочито сморщила нос, имитируя глотки из пустого бокала.

— Какая же мерзость!

— Так надо, миледи!

СТРЕЙДЖ-ХОЛЛ

Стояла на диво ясная и теплая для осени погода. Гости не торопились покидать уютное имение и радушную хозяйку, устремляясь по утрам на охоту и радуясь милости природы, забывшей про обязательные для октября дожди.

Герцог не стал сообщать всей многочисленной компании о приезде доктора, представив его только матери и невестке.

— Это лишнее, сын мой! — недовольно высказала герцогиня свое отношение к приезду австрийца. — Лили вот-вот рожать! Что там ещё выяснять?

— Её тетка умерла родами, а мать смогла подарить Кавендишу только одну дочь! Значит, у женщин их семьи проблемы с деторождением, и консультация хорошего акушера не повредит! Людвига Шнитке порекомендовали мне, как лучшего специалиста в Европе.

Лили восприняла приезд доктора равнодушно. Она была в подавленном настроении, и даже подаренная деверем шляпка заняла её внимание всего лишь на несколько мгновений. Безразлично, с отсутствующим видом покрутив в руках изящное творение из атласа и газа (кстати, обошедшееся герцогу в кругленькую сумму), она равнодушно, даже не примерив, положила её назад в коробку.

Мортланд тяжело перевел дыхание. Её настроение ему решительно не понравилось.

— Это самый лучший в Европе специалист по родовспоможению, дорогая!

Лили устало улыбнулась.

— Если вам это доставит удовольствие, то я согласна вытерпеть очередной мерзкий осмотр, но, ваша светлость, ни один даже самый ловкий доктор не сможет родить за меня! Что он может сказать нового?

Сам Мортланд, в общем-то, был согласен с невесткой. Но чувство долга перед братом заставляло его делать для будущего наследника всё, что только было в его силах. Он тоже не ждал ничего нового, и так же, как и Лили, ошибался.

Осмотр велся в присутствии герцогини, но даже если бы почтенный доктор снизошел до обсуждения состояния здоровья будущей роженицы, то они вряд ли поняли друг друга, потому что лекарь говорил только по-немецки.

Зато этим языком вполне владел сам Мортланд, вот ему и предстояло выслушать подробный доклад дотошного австрийца.

— Беременность протекает нормально, — заявил тот, — плод развивается хорошо, слышно сердцебиение и шевеление. Мать — сильная, здоровая женщина, с крепкими бедрами и широкими костями таза, что хорошо скажется во время родов. Вот только....

Доктор снял с крупного носа пенсне, и, тщательно протерев стекла, вновь нацепил их на место.

— Я не согласен, при всем моем уважении, с английским коллегой в определении срока беременности. Положение плода в лоне и его размер четко указывают скорее на семимесячное, а не восьмимесячное развитие... Я бы даже поставил чуть больше шести месяцев!

Только хорошо натренированное самообладание позволило потрясенному герцогу сохранить равнодушное выражение лица. Теперь надо было думать, что делать с этой информацией дальше!

За столом он внимательно наблюдал за Лили. Молодая женщина плохо ела, не

реагировала на обычный светский треп многочисленных гостей и, вообще, казалась углубленной в себя. Немудренно! Любому бы было не по себе в предчувствии разоблачения!

Обед казался бесконечным, разговоры тёток раздражали до звериного воя, матушка только хлопала глазами, с недоумением поглядывая на сына — уж она-то его знала, как никто, и почувствовала, что что-то не так. Гости изощрялись, стараясь обратить на себя внимание молчаливого хозяина, а Мортланд жевал, не чувствуя вкуса пищи, и размышлял, как бы ему поумнее построить разговор с Лили.

— Не хотите прогуляться по парку, — предложил он невестке, когда после обеда все дамы дружно потянулись в гостиную, — сегодня прекрасная погода!

Лили пожала плечами — гулять, так гулять! Честно говоря, ей было всё равно.

А парк был действительно прекрасен — красно-оранжевые листья усеивали дорожки, плыли по воде пруда, и смело соревновались с хвойными породами деревьев сочностью и броскостью красок.

Мортланд с леди не спеша брели по шуршащим аллеям. Увы, сегодня им было не дано в полной мере насладиться свежим и приятным ветерком и особым горьковатым запахом умирающей листвы.

Герцог окинул озабоченным взглядом осунувшееся лицо невестки, и решил, что столь неприятный разговор все-таки не стоит откладывать:

— Вы ничего не хотите мне объяснить?

Лили удивленно покосилась на деверя.

— Что именно нуждается в объяснении?

— Допустим, каким образом ваша восьмимесячная беременность превратилась в шестимесячную?

О том, что он плохо выбрал место для столь щепетильного разговора Мортланд понял сразу, как только увидел, что побледневшая женщина начинает заваливаться на бок. Герцог едва успел её подхватить, и с трудом дотащил погрузневшую женщину до ближайшей скамьи. Благо, нюхательные соли оказались при ней, и прошло не так уж много времени, прежде чем они сумели возобновить беседу.

— Моя беременность, — враждебно заявила Лили, едва придя в себя, — проистекает из естественных причин, и сказать мне по этому поводу больше нечего!

На герцога глянули настолько надменные глаза, что он даже слегка опешил:

— Вы знали! Вы всё это время знали, что Томас не может быть отцом вашего ребенка! Тогда на что же вы рассчитывали?

Лили нервно стянула перчатки с рук, едва ли осознавая, что делает.

— Я ни на что не рассчитывала! Просто дожидалась, когда ребенок появится на свет, чтобы начать процедуру развода!

Мортланд ошеломленно смотрел на её застывшее в подчеркнутой невозмутимости лицо. Однако это уже было чересчур!

— Вы осознаете все последствия этого шага? Что дальше будет с вами, с младенцем, и всем домом Тейлоров, в конце концов?!

— Будущее дома Тейлоров меня ни в коей мере не интересует, — сухо отрезала Лили, — и я с большим удовольствием расстанусь и с вами, и с вашим братом! Ну, а дальнейшее уже не касается никого, кроме меня!

Ничего себе! Герцог зло хмыкнул.

— Вы ошибаетесь, сударыня! Или думаете, что джентльмен, который обжимался с вами

на глазах сомнительной публики в Воксхолле, выступит ответчиком в бракоразводном процессе?

Только что мертвенно-бледные щеки Лили пошли багровыми пятнами.

— Это не ваше дело!

— Нет, моё, — завелся Мортланд, — ещё как — моё! Ведь это моя семья окажется в центре скандала, имя моего брата обваляют в грязи, и именно мне думать, куда девать вашего ублюдка!

Кто бы мог подумать, что женщина, имеющая солидное чрево, может подскочить с места с такой прытью, но это было ещё не всё! Ошеломленный герцог едва моргнул глазами, отшатываясь от внезапно выросшего перед носом капора, когда вдобавок его щеку обожгла хлесткая пощечина.

— Не смейте называть моего сына ублюдком!

Мортланд потер загоревшуюся щеку, растерянно глядя в разъяренные глаза беременной женщины. Вот и он дожил до того, что женщины бьют его по лицу! Но с другой стороны... герцог посмотрел на невестку с уважением. Надо же, малышку, оказывается, так просто не выбить из седла!

— Ладно, — мирно сказал он, — сознаю, что погорячился! Но и вы должны меня понять!

Лили обессилено опустилась на место, судорожно схватившись за живот. Растревоженный состоянием матери ребенок закрутился в чреве волчком.

— Мы можем ещё много чего сказать друг другу, — болезненно сморщившись, пробормотала она, — но от этого ничего не изменится! Я в какой-то степени даже рада, что вы узнали об этом — надоело жить в страхе!

— Гм-м...

Герцог надолго задумался, глядя вдаль аллеи, на медленно кружащиеся перед падением на землю листья. Как Лили не пыталась сохранить лицо в этой неприятной ситуации, она все же со страхом ждала, к какому решению он придет. Чтобы это ни было, будущая мать точно знала, что ничего хорошего его задумчивость не сулит.

Но Мортланд неожиданно присел рядом и, что было ещё более странно, крепко сжал её руки.

— Я думаю, что мы что-нибудь предпримем в связи с вашей беременностью, но при одном условии!

У Лили удивлением округлились глаза.

— А что в этом случае можно предпринять? Да ещё на каких-то условиях?

— Кое-что можно! Что именно — сразу я вам сказать не смогу, потому что должен кое с кем посоветоваться, но..., - в его голосе стали отчетливо слышны железные нотки нажима, — взамен вы должны пообещать, что больше не доставите мне огорчений подобного рода!

Леди недоуменно взирала на деверя, пытаясь сообразить, что у него в голове. Лили его не понимала, и это её беспокоило, но с другой стороны — разве у неё был выбор?

— Хорошо, я попробую ужиться с Томом! Если вы именно этого хотите?

— Именно этого!

ДВА МЕСЯЦА СПУСТЯ

— Ох, дорогая, — скрипела свекровь, восседая рядом с беременной снохой в экипаже, — как же я ненавижу дорогу в Мортланд-холл. Для меня это всегда была дорога к родовой боли. Трижды я проехала по ней. Троих сыновей родила!

— Троих? — удивилась, с трудом сдерживающая зевоту Лили.

— Да, — горько вздохнула герцогиня, — был ещё один мальчик, но он умер сразу после рождения, я его даже не увидела!

Закутанные в меха дамы сонно тряслись в экипаже. Где-то следом ехали ещё и миссис Элспет с тетками, но Лили решительно воспротивилась их присутствию рядом.

— Тесно, — капризно сморщилась она, обхватив руками чрево, — мало воздуха. Будет вполне достаточно вас, матушка!

И вот сейчас, вынужденная коротать время в обществе нелюбимой снохи, которой она всегда опасалась, герцогиня вещала ей об удивительном месте, в которое они добирались.

— Когда-то это был большой, хорошо укрепленный замок — настоящее баронское гнездо в старинном нормандском стиле. Родовой девиз Тейлоров: 'Несущие смерть!'. Вот за это замок и прозвали Мортландом — 'землей смерти'. Впоследствии, это прозвище переросло в родовое имя, и герцогство, с легкой руки короля Генриха Восьмого, превратилось в Мортландское. Все Тейлоры были людьми сложными и малопривлекательными, но отличными рубаками и ловкими придворными, что позволяло им сохранять головы даже при Тюдорах, когда они рубились подобно кочанам капусты. Во времена реставрации замок был переделан под дворец, но не сказать, чтобы замысел особо удался!

Дама уныло поморщилась, тяжело вздохнув.

— Это по-прежнему средневековое, жутко неудобное жилище, с насквозь продуваемыми огромными помещениями. В спальнях стоят гигантские кровати, в которых может, не теснясь, разместиться человек десять. Холод, жуткие сквозняки, каминны величиной с двухэтажные дома! Благо, что только Том родился у меня зимой, иначе я так бы и умерла от родильной горячки в этом склепе былой славы.

Тут глаза герцогини наткнулись на выпуклый живот снохи, и она запнулась, сообразив, что, пожалуй, её жалобы не к месту.

— Но Эдвин, — преувеличенно жизнерадостно поправила она, — обязательно что-нибудь придумает. Он заботливый сын и брат. Вот увидите — вам будет и тепло, и удобно!

Лили недоверчиво скривилась. Её мало интересовали семейные легенды Тейлоров — эти сказки вызывали у неё, по меньшей мере, скуку. Она понимала только одно, что едет в малопривлекательное место, чтобы выдержать самое страшное испытание в жизни любой женщины — роды! И задержится там гораздо дольше, чем ждут от неё свекровь и тетки.

Лили, не в пример кухне, была полностью лишена романтики, поэтому вид горделивого замка с семью башнями на холме вызвал у неё только тоску, а уж когда они подъехали к старым, украшенным гербом Мортландов воротам усадьбы ей моментально захотелось, как можно быстрее покинуть это место.

Старинный, заросший столетними дубами и вязами замерзший сад, лишенный листьев и грустный, навевал печаль по давно прошедшим дням, когда жилище ленд-лорда было сосредоточием всей округи и в нем жила масса окрестного люда. Теперь же дам встретил лишь старый дворецкий.

Лили угрюмо рассматривала древний холл — он был таких размеров, что там могли свободно разместиться с сотню рыцарей в полном боевом облачении. Каменный, из широких плит пол, теряющиеся где-то в высоте своды..., и холод, холод!

— Предки Мортландов должны были обладать несокрушимым здоровьем, чтобы жить в этом леднике, — пробурчала она, кидая саркастические взгляды на рыцарские облачения неведомых времен, которыми в изобилии был изукрашен этот негостеприимный зал.

Вскоре в холле появилась и другая, не менее древняя прислуга.

— Вам приготовлены спальни, миледи! — чопорно присела высохшая от старости экономка. — Каминны горят, тепло, хотя его светлость предупредил нас, что вы приедете только через неделю.

Действительно, они выехали раньше, потому что кто-то из соседей напугал герцогиню ожидающимися снегопадами, и та, опасаясь нарушить приказание сына, решила поспешить. Проклинающая про себя всех Мортландов и заведенные ими дурацкие порядки, Лили поднялась за старухой на второй этаж по огромной каменной лестнице, помнившей, наверное, ещё набег викингов, а то и завоевание Британии Цезарем.

Спальня превзошла все её самые худшие опасения — огромная комната, в центре которой возвышалась подобно королевскому ложу гигантская кровать под бархатным пологом. Сложенные из камня кое-как оштукатуренные стены защищали древние шпалеры, на которых когда-то были изображены батальные сцены, судя по сохранившимся на ветхой ткани обрывкам лошадиных хвостов и фрагментов боевых доспехов. И ни ковров, ни ванны, ни мягкой мебели, уж не говоря о прочих удобствах. И только ярко и жарко полыхал камин, навевая мысли не о тепле и уюте, а о пламени ада и огнях чистилища.

Горничная леди и то остолбенела.

— А где здесь туалетная, гардеробная? Где разбирать вещи?

Лили мрачно глянула на девушку, и велела разбирать кофры прямо здесь, на крышках старинных испанских сундуков. Пройдясь среди величественной и громоздкой мебели, более подходящей сказочному великану, чем молодой женщине, леди подошла к высокому стрельчатому окну. Снаружи разыгралась непогода — сек ледяной дождь, и хмурая дымка затянула весь горизонт, окутывая промозглой мглой многочисленные деревья.

Измученная Лили скинула только кофту, и прилегла на постель. Она очень устала — всю дорогу младенец крутился как волчок, не давая нормально дышать, и ей теперь хотелось только покоя.

— Наверное, его светлость посчитал, что я не выдержу тягот пребывания в этом месте и скину ребенка! — решила она про себя, пытаясь поудобнее устроиться.

По подсчетам близких Инн должна была родить в конце ноября. Но дни шли за днями, становилось всё холоднее и всё более бесприютно, а младенец и не думал покидать тела матери. И по мере приближения Рождества дамы семейства Тейлоров проявляли всё больше и больше нетерпения.

— Что такое, дорогая? Здоровы ли вы?

— Абсолютно! — бормотала Лили, с тоской вспоминая обещание Мортланда, как-то изменить ситуацию.

— Может, пригласить врача, — подхватывали тетки, обеспокоенные перспективой встретить Рождество в такой глуши, — наверняка, что-то не так!

— Я напишу Эдвину, — решила герцогиня, — пусть привезет какого-нибудь опытного акушера. Всё-таки ты, милочка, запаздываешь уже недели на три! Мало ли что...

Герцог прибыл незадолго до Рождества, как раз к ужину, но долгожданного доктора не привез.

— Да, — твердо ответил он в ответ на беспокойство матери, — я проконсультировался. Беременность иногда затягивается и до десяти месяцев. Это нормально! А Лили обойдется услугами местного доктора и акушерки.

— Но скоро Рождество!

— Что ж, встретим его в доме предков!

За столом он обменялся красноречивым взглядом с невесткой, приказывая той проявить терпение, но доведенная до невменяемого состояния встревоженная женщина уже не могла дольше ждать.

Мучаясь от бессонницы и тревоги, она с трудом дождалась, когда все заснут и решила без помех выяснить, что все-таки у деверя на уме.

Старый замок был чересчур перегружен лестницами, закоулками и переходами, причем все они были чудовищно запутаны в процессе многочисленных переделок и перестроек здания. Можно было долго подниматься по лестнице, чтобы упереться головой в потолок, или идти по коридору, который заканчивался тупиком. И вот, по этому бесконечному лабиринту в поисках покоев Мортланда, и блуждала, закутанная в теплый плед и придерживающая раздутое чрево Лили.

Приблизительно она знала, куда идти, но ночью всё выглядит иначе, чем днем, а колеблющееся слабое пламя свечи мало освещало путь. Пару раз Лили свернула не там, где надо, и даже заплакала от отчаяния, уткнувшись в заложенную кирпичом стену. Пришлось возвращаться назад, и начинать всё сначала. Немудрено, что когда беременная женщина, наконец-то, оказалась у искомой двери, то уже едва стояла на ногах.

Она постучала, подождала, но никто не ответил. По-хорошему, надо было вернуться назад, но у Лили не было сил даже держаться на ногах, не то, чтобы ещё и соблюдать правила приличия.

Да и вообще, раз она сюда все-таки добралась, глупо было отступить от задуманного.

И женщина дерзко вошла в едва освещенную потухающим камином комнату герцогских покоев. Это была огромная, холодная комната, в которой терялась даже гигантская кровать с пологам. Судя по всему, её хозяин крепко спал.

— Ваша светлость, — она решилась его разбудить, в изнеможении упершись в столбик балдахина, — проснитесь!

Но края полога даже не шевельнулись.

Лили совсем неподобающим образом чертыхнулась. Неужели Мортланд, где-то бродил даже в столь поздний час? Но где его могло носить, когда весь замок давно спит?

Разозлившись, она резко распахнула бархатные полотнища и замерла — деверь безмятежно спал, раскинувшись среди меховых одеял совершенно обнаженным. Шокированная Лили скользила взглядом по едва видимым ногам, рукам и спине спящего мужчины, и её губы искривила невеселая улыбка. Более неприличной ситуации и придумать было невозможно, и лучше бы ей, конечно, удалиться, но... у Лили не было сил скитаться по замку. У неё не только ныли ноги, но и болело всё тело, казалось, грозя разломиться на сотни кусков.

Обхватив руками живот, она осторожно опустилась на прикроватный ящик и облегченно перевела дыхание. Но поза была неудобной для моментально возмущившегося таким отношением младенца, и он ожесточенно забрыкался. Да ещё сильной болью заныла

спина. Ей надо было срочно прилечь!

— Ладно, — сказала себе тяжело вздохнувшая Лили, — эта кровать похожа на ипподром! Если я немного полежу на краю, то никто об этом не узнает! Согласна, что это чистой воды безумие, но что мне ещё остается делать? Несколько минут отдыха, и я пушусь в обратный путь!

И беременная женщина, затаив от напряжения дыхание, затащила свое грузное тело на кровать. Накинув на чрево край подбитого мехом одеяла, чтобы согреться, Лили немного расслабилась, покосившись на темный затылок мирно спящего деверя.

— Если бы меня сейчас хоть кто-нибудь увидел, — хмыкнула она, — то... я даже не берусь предвидеть, что могло случиться! Понятно, что Мортланд не может на мне жениться, коль я замужем за его братом. Обвинить нас в адюльтере, исходя из наличия пивного жбана, который я ношу вместо живота, тоже будет затруднительно!

Лили в лицах представила диалог с возмущенными тетками, немного похихикала..., и крепко заснула. Снилось ей что-то очень хорошее, светлое — то ли сад, то ли парк, цветы, лошади... Мортланд!

Наша героиня испуганно распахнула глаза и наткнулась на взгляд, склонившегося над ней мужчины.

— Вот так сюрприз, леди, — тихо пробормотал он, пристально изучая её лицо. — Знаете, Лили, вам идет даже беременность.

Она слегка похлопала ресницами, чтобы окончательно понять — что за странный сон ей приснился? Но, нет — мужчина по-прежнему оставался рядом, и тогда Лили вспомнила, почему оказалась с ним в одной постели.

— Вы несколько припозднились с вашими комплиментами моей красоте, — она с трудом попыталась встать, правда, без особого успеха, — да и здесь я по-другому делу! Как-то, два месяца назад, у нас с вами состоялся разговор, и вы обещали помощь. И если вы можете жестом фокусника разрешить мою проблему, то самое время продемонстрировать это умение?

Мортланд, немало не стесняясь, встал с постели. Возмущенно ахнувшая женщина едва успела закрыть глаза.

— Что вы демонстрируете стыдливость? Ручаюсь, что когда я спал, вы тщательнейшим образом рассмотрели меня во всех деталях!

Он был несносен!

— Я уже вам объяснила..., — разъяренно распахнула глаза Лили, как раз для того, чтобы увидеть, как джентльмен, натянув штаны, копается в своих вещах.

— Вот, — обернулся он к ней, держа в руках флакон темного стекла, — выпьете, когда вернетесь к себе!

Лили моментально пробил холодный пот страха.

— Что это?

Деверь пожал плечами, выбирая из кучи одежды рубашку.

— Не знаю! Мне дал настой один знакомый коновал. Он поручился, что всё, годящееся для лошадей подойдет и для леди. Когда у кобылы нужно по какой-то причине стимулировать роды, ей дают ведро этой дряни, но вам, маркиза, думаю, хватит и пинты!

— Что?!!

Лили затрясло от возмущения, и она моментально подскочила с постели.

— Вы хотите меня отравить?

Глаза джентльмена холодно сверкнули.

— Я хочу вам помочь! И это единственное, что пришло мне в голову. Если вас что-то не устраивает, вылейте флакон и готовьтесь к неприятностям!

Лили в отчаянии схватилась руками за виски.

— Подождите, я ничего не понимаю! Но... но, если родится мальчик, а вы никогда не женитесь, то именно он станет герцогом?!

Мортланд безразлично пожал плечами.

— Скорее всего!

— Но тогда... в ваших интересах, чтобы он погиб!

— Лили, не надо делать из меня монстра! Давайте, предоставим всё решать Всевышнему! Итак, вы будете это пить или нет?

Лили взяла в руки холодный флакон, с ужасом глянув на его темное содержимое. Что там — жизнь или смерть?

Мортланд с интересом наблюдал за её лицом.

— Вы должны чётко осознавать, что вас ждет впереди, если не решитесь выпить это пойло! Понятно, что придется покинуть этот дом. Своих денег вы не получите, потому что они принадлежат теперь Тому, и без особого постановления суда никто не выдаст вам даже пенни. Насколько я знаю Кавендиша, тот не только не поможет, но и вычеркнет ваше имя из семейного молитвенника. Родственники, подруги, знакомые — все с презрением отвернутся от распутницы!

Герцог тяжело перевел дыхание, снисходительно глядя на побледневшую женщину.

— Возразите, что вам поможет отец ребенка? Не факт! Неизвестно, что у него на уме, и как дальше будут развиваться ваши отношения?! Вы не первая женщина, доверившаяся любовнику и безжалостно оставленная им. Любовь, знаете ли, имеет свойство исчезать бесследно! Приходят другие женщины, не менее красивые, не менее желанные, но ещё не завоеванные. А это так щекочет нервы и возбуждает любовный пыл, не то, что давняя, всеми брошенная и оставленная любовница, к тому же во всем зависящая от твоих прихотей и настроений! И очень скоро вы поймете, что в тягость тому, кто ещё недавно клялся в вечной любви, и уйдете сами. Но вот куда? Мне не хочется продолжать, чтобы не пугать вас весьма незавидной судьбой женщины, упавшей на самое дно. Да, не скрою, пить эту гадость опасно и для вас, и для ребенка, но если вы этого не сделаете, то вашей судьбе не позавидует даже судомойка. У неё хотя бы есть верный кусок хлеба!

Сказать, что Лили была потрясена этими словами, это ничего не сказать.

— Я должна подумать! — тихо сказала она, и, держась за вновь разболевшуюся спину, двинулась к двери.

— Сударыня...,- Мортланд ещё попытался сказать ей что-то напоследок.

Но Лили, взяв свечу с каминной полки, только смирив его хмурым взглядом.

— Всё! Сегодня вы уже наговорили вполне достаточно! Оставим, что-нибудь на завтрашний день! — и, не выдержав, горько добавила. — А я вас так ждала...

Леди Тейлор ползла по ночным коридорам, пробираясь в свое крыло и практически не видя дороги. Она даже на мгновение не усомнилась, что Мортланд предложил ей принять настоящий яд. Это вытекало из логики событий, и её смерть была во всех отношениях выгодна семейству Тейлоров.

Но Лили умирать не собиралась, чтобы не ждало в её в конце пути, поэтому в гневе швырнула флакон, полюбовавшись, как он разлетается на куски, ударившись о стену. В

конце концов, будь что будет — покончить с собой она всегда успеет!

Беременная женщина уже свернула в коридор, ведущий к её комнате, когда со стороны холла послышался странный шум — громкие голоса и даже смех! Кто же это мог позволить себе вести подобным образом в герцогском дворце, да вдобавок ещё ночью? И озадаченная леди, в который уже раз за эту ночь повернула назад.

В холле действительно горели свечи, и бодрый мужской голос говорил дворецкому:

— Мне настолько не терпелось попасть в этот склеп, что я решил не ночевать на постоялом дворе, и мчался без передышки практически всю ночь! Не надо никому сообщать о моём приезде — посмотрю на их вытянувшиеся физиономии, когда выйду к завтраку!

Да кто же это мог быть? Лили спустилась на несколько ступенек и, с трудом перегнувшись через перила, посмотрела вниз.

Неизвестный джентльмен уже разделся, и теперь наблюдал, как зевающие во весь рот лакеи заносят его вещи.

— Осторожнее, олухи! Не разбейте зеркало!

Какой странный, бесцеремонный гость!

— Надеюсь, что мою комнату скоро приготовят?

— Да, ваша светлость, Смайлз уже пошёл растапливать камин, а Бетти приготовит постель! Ваши вещи сейчас доставят!

И тут гость внезапно поднял голову и глянул прямо на наблюдающую за ним женщину.

— Ба! Да это любимейшая супруга вышла встретить муженька! Приди же ко мне в объятия, дорогая!

Синие дерзкие глаза... да это же Томас! Изрядно похудевший, коротко остриженный, но всё такой же язвительный! Для одной ночи это уже было лишним!

— Томас! — потрясенно пробормотала Лили, глядя, как тот, перескакивая через ступеньки, несётся к ней. — Только не сегодня!

Тейлор подбежал к оцепеневшей от ужаса жене, с жадным любопытством рассматривая её вздутый живот и потрясенное лицо.

— Я вернулся к тебе, дорогая! А ты, как не странно, всё ещё на сносях!

Чужой, далекий, опасный человек — какое он мог иметь к ней отношение? Лили было настолько неприятно его лицо, что захотелось зажмуриться. Тейлор, между тем, прижался к её руке поцелуем.

— Надо же, даже раздувшись, словно обожравшаяся корова, вы, любовь моя, по-прежнему красивы!

Прикосновение его губ сразу же воскресило в памяти мерзкую ночь после венчания, когда он впился в неё пахнувшими бренди мокрыми губами, словно пиявка. Лили резко вздрогнула, стяхивая оцепенение, и попыталась выдернуть пальцы.

— Пожалуйста, — задыхаясь, пробормотала она, — не надо!

— Что — не надо? — глаза Томаса весело округлились. — Милая, вы о чем?

Но она уже не слышала его. Темный, мрачный страх сначала сковал её тело, а потом заставил брезгливо содрогнуться. Лили собралась с духом и с внезапной силой толкнула нависающего над ней мужчину, резко упершись в его грудь сжатыми кулаками.

Пока изумленный Томас пытался сохранить равновесие, чтобы не покатиться вниз по лестнице, его супруга, схватившись за живот, попыталась скрыться в коридоре. 'Бежать, бежать, куда угодно, но только подальше от этого негодяя!' — билась в голове навязчивая мысль, когда она слышала ругань догоняющего её супруга.

— Какой бес в тебя вселился, дорогая! Успокойся! Тебе нельзя волноваться!

Но Лили только подхлестнули его увещевания. Женщина прибавила шагу, но страшная, опоясывающая боль охватила её поясницу, и была настолько сильной и неотвратимой, что будущая мать испуганно закричала, схватившись за живот, и обессилено повисла на руках подоспевшего мужа.

— Эй, кто-нибудь, — громко закричал тот, глядя, как она извивается в его руках от боли, — помогите! Доктора!

Спустя несколько минут вокруг супругов столпились все члены герцогского семейства — тетки и герцогиня, в чепчиках с папильотками и в теплых шالях. Прибежал и натягивающий сюртук герцог.

— Том!?

— Том? Откуда?

— Что происходит?

— Роды, видимо!

Набежавшая прислуга осторожно извлекла из рук Тейлора тело стонущей от боли жены, и осторожно повела в спальню.

И только тут всё семейство сумело, наконец-то, прижать к груди вернувшегося с войны Томаса.

— Мальчик мой, — с радостной улыбкой обратилась герцогиня к младшему сыну, — давно ли ты в Англии и почему не написал о своем приезде?

Но Тейлор лишь мрачно приказал лакею растопить камин в гостиной, куда и последовали все судорожно зевающие и зябко вздрагивающие женщины в сопровождении Мортланда.

— Я хотел, — устало пояснил он, — сделать сюрприз на Рождество. Мчался сюда, как сумасшедший, загоняя коней, прямо из Дувра!

Мортланд с добродушной улыбкой смотрел на брата, которого боялся уже никогда не увидеть. Совсем недавно в министерстве хорошо осведомленные лица откровенно сказали герцогу, что надежды на благоприятный исход дела мало.

Тетки ещё немного радостно поболтали с всеобщим семейным любимцем и рассосались по спальням, герцогиня же удалилась к рожаящей невестке. Братья остались одни.

— Было трудно? — сдержанно поинтересовался Мортланд.

Томас незаметно пожал плечами.

— Как всегда. Я попал в неприятную переделку, но зато получил в награду большой отпуск для поправки здоровья.

— Ты был ранен?

— Так, ерунда... — Том не хотел распространяться о своих боевых заслугах, его волновало другое, — я думал, что Лили давно разродилась! И удивился, случайно узнав в Дувре, что вы всем семейством находитесь в Мортланд-холле! Я, конечно, далек от таких дел, но даже простых подсчетов и то достаточно, чтобы сообразить — этот ребенок сидит в моей супруге чуть ли не год!

Герцог тяжело вздохнул и сделал знак лакею, чтобы тот принес поднос с выпивкой — предстоял нелегкий разговор.

— Ты не прав, — с нажимом заявил он брату, — потому что так напился в ночь перед отбытием в Дувр, что не помнишь, как закончил её в спальне супруги!

— Ты уверен?

— Абсолютно! Я зашел к тебе на рассвете, и выяснилось, что ты на половине Лили!

— Но... проснулся я в своей спальне.

— Видимо, потом вернулся. Так что...

Чем грубее ложь, тем легче её преподносить. Главное — говорить твёрдо, уверенно, соблюдая спокойствие и невозмутимость, что Мортланд блестяще и продемонстрировал.

Томас в сомнении налил себе бренди.

— Ничего не помню, ничего!

— Бывает, — снисходительно согласился старший брат, — так что твоя жена только чуть задержалась со своим делом! Я консультировался с доктором — это нормально!

— Как она вела себя?

— Как и положено соломенной вдове, практически не вылезая из деревни!

Они замолчали, отдавая дань напитку, когда их тет-а-тет прервала взволнованная герцогиня.

— Это все-таки роды, — произнесла она, неодобрительно покосившись на почти опустевший графин, — послала за доктором, но схватки такой интенсивной силы, что, боюсь, тот вряд ли успеет!

И как будто в подтверждение этих слов из глубины дома донесся длинный мучительный крик, и хотя он был солидно заглушен крепкими стенами старого дома, на мужчин всё-таки произвел впечатление.

— Так и должно быть? — озадаченно спросил Томас.

— Не волнуйся, мой мальчик, — успокоила герцогиня младшего сына, — Лили крепкая, здоровая женщина. Всё будет хорошо, и ты благополучно станешь отцом здоровенького ребенка. Я пойду к ней, а вы оставайтесь здесь и ведите себя прилично.

Она смущенно улыбнулась.

— Когда я рожала, ваш отец так напивался, что к моменту появления младенца, уже ничего не соображал! Лили будет обидно, если ты не сможешь её поздравить!

— Насколько это затянется, — встревожено спросил Томас, — когда я смогу увидеть своего сына?

— Всё в руках Господа, — мать торопливо устремилась из комнаты, — иногда роды растягиваются на трое суток, а иногда матери едва успевают добежать до постели.

Братья проводили взглядами материнскую фигурку и одновременно потянулись к столику с напитками.

— Трое суток, — одним глотком осушил содержимое бокала потрясенный Тейлор, — да она мне этого никогда не простит!

— Успокойся, — сухо улыбнулся Мортланд, — Лили вовсе не свойственно страдать так долго, она справится гораздо быстрее. И раз нам всё равно коротать ночь в обществе друг друга и бутылки, то может, ты мне расскажешь, что ты делал все это время в Италии?

— Развлекался, — хмуро фыркнул в ответ собеседник, — зачем тебе все это, Эдвин? Ты ведь штатский человек, а война — это не альманах занимательных героических историй. Всё рассказать я тебе не могу, а травить байки для развлечения нет ни охоты, ни сил...

Время шло медленно, зато быстро один за другим пустели графины с выпивкой. Говорить братьям не хотелось — как-то не находилось тем, когда рядом мучилась женщина безраздельно занимающая их мысли. Монотонный бой часов только прибавлял напряжения в это и без того напряженное ожидание. И вот, когда уже поздний зимний рассвет возвестил об окончании этой кошмарной ночи, в комнату заглянула раскрасневшаяся горничная:

— Милорда зовут к миледи. Бог дал вам сыночка!

Томас даже подпрыгнул от неожиданности.

— Что? Наконец-то...

И тут же рванул из комнаты, последовал за ним и Мортланд. Он солидно запыхался, стараясь не отстать от неугомонного младшего брата — тому армия помогала держаться в превосходной физической форме.

А вот и покои невестки. Лили с мокрыми прядями волос, выбившимися из-под чепчика, выглядела донельзя измученной и усталой. Синие круги под глазами, искусанные в кровь губы, покрытый крупными каплями пота белый лоб — Мортланд бесстрастно изучал эти доказательства только что прошедших испытаний. Сияющий Томас, тем временем, устремился к горничной, держащей на руках младенца.

— Сын, — восторженно улыбнулся он, с тревогой глядя на сморщенное красное личико, едва виднеющееся из пеленок, — с ним все в порядке? Почему он такой сморщенный и уродливый?

— Нормальный младенец, — подошла к сыну герцогиня, — немного мал, но такое бывает.

— Кости есть, а мясо нарастет, — высказалась незнакомая толстая баба, хлопчущая у постели роженицы, — сколько уж я этих младенцев повидала. Этот крепкий, вон какой горластый...

И младенец действительно громко закричал, возмущенно раскрыв беззубый ротик.

Герцог устало покосился на потрясенное от волнения лицо брата и обратился к невестке:

— Дорогая леди Лилиана, поздравляю вас с благополучным разрешением от бремени! Прекрасный младенец, да и каким ему быть, имея таких родителей?

Интересно — выпила она приготовленное коновалом пойло? Если — да, то сделала это во время!

— Спать, — пробормотал он про себя, уже выходя из спальни, — спать! Всё закончилось хорошо — Том жив, родился мальчик, и никто не заподозрил, что он недоношенный, Лили то же жива и здорова. А все остальное..., потом, когда проснусь!

Он уже подходил к своей комнате, когда под ногами, что-то треснуло. Помянув про себя лентяйками горничных, герцог ногой сдвинул было стекло, когда понял, что это разбитый флакон со снадобьем.

— Вот, чертовка, — хмуро рассмеялся он, — настоящая дьяволица! И, однако, на редкость удачливая..., хотя ещё неизвестно — кому из нас в эту ночь повезло больше!

Отдохнуть так и не удалось. Когда он с наслаждением принимал ванну, вошел лакей и высказал пожелание матери собрать сыновей за завтраком. Мортланд с тоской посмотрел на разобранную кровать и велел камердинеру подать чистую рубашку и сюртук.

— А милорд уже покинул спальню миледи? — спросил он посланца, завязывая шейный платок.

— Да, ваша светлость, милорд дожидается вас в столовой.

И действительно, бодрый (как будто не было бессонной ночи) и энергичный брат сидел за столом и с аппетитом уплетал всё, что было предложено. Герцогиня с обожанием наблюдала за жующим сыном, потягивая крепко заваренный чай. Все же остальные домочадцы шумно обсуждали события прошедшей ночи. При виде Мортланда тетки привычно втянули головы в плечи и немедля замолчали.

Но, увы, эта готовность быть как можно незаметнее в глазах хозяина дома не распространялась на его мать. Герцогиня тут же вцепилась в старшего сына.

— Как назовем малютку?

— У него есть родители!

То ли от выпитого в неумеренных количествах бренди, то ли от переутомления пища имела странный привкус.

— Лили сказала, что ей все равно, — продолжала волноваться мать, — а ты что думаешь, Том?

Брат что-то невнятно промычал, сделав замысловатый круг столовым ножом, и продолжал жевать, как будто уже ответил на все вопросы. Герцог раздраженно вздохнул — неужели даже это нельзя решить без него?

— Старших сыновей в нашей семье всегда называли Энтони.

Герцогиня промолчала, она не любила вспоминать о смерти первенца.

— Может, Александр? — робко предложила тетушка Беатрис. — Это было второе имя нашего горячо любимого брата.

— Вот и прекрасно, — облегченно перевела дух новоявленная бабушка, — Энтони Александр, граф Тефорд Тейлор. Нужно поставить в известность священника о дате крещения. Кого пригласим крестными?

Мортланд уныло прослушал целый ряд имен, предлагаемый разошедшимися старушками. Он никак не мог понять — почему ему не дали лечь в постель? Эти глупости могли подождать и до вечера, а ещё лучше, до завтрашнего дня?

— Как леди Лилиана? — резко оборвал он женский гомон.

— У неё доктор! — небрежно буркнула герцогиня, и заинтересованно вернулась к обсуждению кандидатур.

Мортланд даже вздрогнул, когда сообразил, что само проведение не дало ему заснуть в это утро.

— Мне нужно увидеться с мистером Хаузом, — резко бросил он салфетку на стол, — и убедиться, что всё прошло благополучно. А вы продолжайте завтракать, — усадил он уже начавшего приподниматься брата, — всё равно у меня нет аппетита.

Доктора, во избежание чужих любопытных ушей, он принял в своем кабинете. Тот торопился, но всё же не осмелился проигнорировать приглашение столь знатного пациента.

— С матерью всё прекрасно, — поспешил тот заверить герцога, — молодая, полная сил и здоровья женщина — она быстро оправится после родов. Намека на родильную горячку вроде бы нет, не смотря на то, что пользовала её деревенская повитуха. Да и младенец здоров, несмотря на то что недоношенный!

— Недоношенный? — изобразил изумление герцог. — Как же так? По мнению весьма известных в этой области врачей, моя невестка даже переходила срок!

Мистер Хауз — щупленький и маленький человечек, однако обладал очень развитым чувством собственного достоинства, поэтому не стал спорить и доказывать свою компетенцию.

— А какая разница, — только тихо спросил он, — коль младенец здоров?

— Но, — герцог чуть пожевал губами, — возможно, на свет появился будущий герцог! Нашей семье будет крайне неприятно, если пойдут слухи, что он недоношенный, неполноценный и так далее. Будет лучше, если вы больше не перед кем не озвучите своих резонов!

— Вот как? — врач с иронией глянул на вельможу. — Что ж, вы можете рассчитывать на мою скромность, тем более, кто я такой, чтобы спорить с известными акушерами? Но спешу вам сообщить, что младенец с таким весом нуждается в дополнительном уходе, тепле и питании...

— Мы выполним все предписания, и ничего не пожалеем для малыша и его матери. Вас же я хочу попросить соответственно к ним отнестись, и очень рассчитываю на ваш опыт и знания.

Сумма денег, полученная за визит, солидно превышала обычную в таких случаях, но доктор не стал обращать внимание герцога на эту ошибку. Мало того, когда его о малом весе внука вскоре спросила светлейшая бабушка, он пожал плечами.

— Первый ребенок, всякое бывает. Может, у матери были недомогания или слабый аппетит? Обычно последующие младенцы весят больше, чем первенцы. Не волнуйтесь, хороший уход очень быстро сделает из вашего внука здоровяка.

Томас весьма умеренно интересовался здоровьем сына. Мальчик появился на свет, руки и ноги на месте — так о чем особенно волноваться? Вырастет! А вот его мать беспокоила Тейлора гораздо сильнее.

Он, конечно, не подозревал всей правды, но безошибочный инстинкт опытного волокиты твердил ему, что с Лили происходит что-то неладное, и с чем надо немедленно разбираться.

Как и все мужчины Тейлор был до предела эгоистичен, и не находил ничего особенного в своем поведении перед отправкой в армию. Подумаешь, загулял, ну так что же?! Лили сама вывела его из себя, столь упорно отвергая его руку и сердце, ей теперь и исправлять положение.

Том, может, и стоял бы на своем, если бы в глубине души не был уверен, что Лили и пальцем не шевельнет, чтобы наладить их семейную жизнь. Даже ребенок не смягчил эту фурию, и вряд ли ему стоит надеяться на разительную силу собственного обаяния или на покорность супружескому долгу.

— Сколько женщин у меня перебывало, причем всяких — и гордых как королевы, и сволочных как прожженные проститутки. Да я, даже при всем желании, не смогу их всех вспомнить или сосчитать, — гневно жаловался он брату, — и никогда, никаких осечек, стоило только поманить пальцем. А вот собственная жена воротит нос, как от навозной кучи!

Герцог терпеливо слушал брата. Прошла уже неделя после его приезда.

— Со своей женой ты сможешь разобраться только сам!

Надо сказать, что родовое гнездо Мортландов превратилось в место паломничества всей округи. Поводов было предостаточно — тут тебе и рождественские праздники, и прибытие младшего Тейлора из армии, и, наконец, появление наследника. Не надо также сбрасывать со счетов ещё и гостеприимный нрав герцогини — дама обожала гостей, привечала их, как могла, устраивая бесконечные балы и вечера.

Братья редко оставались одни, вынужденные терпеть общество своих деревенских соседей — людей, по большей части, скучных и нелепых. Но сегодня с утра бушевала метель, превратившаяся к вечеру в настоящий снежный ураган. Вьюга завывала в каминах, сотрясала стекла старого дома, норовя ворваться вовнутрь, но она принесла отдых, уставшим от наплыва гостей братьям Тейлорам.

Всю неделю Том терпеливо пытался изображать заботливого супруга у постели больной

жены, но без особого успеха.

Каждый раз, когда он заходил в спальню жены, у той сразу же закрывались глаза, и она, даже не особенно стараясь, делала вид, что смертельно устала и желает отдыхать.

На вопросы супруга Лили если и отвечала, то настолько кратко и недружелюбно, как будто имела дело с едва знакомым, крайне неприятным человеком. Можно только представить, как это всё бесило Томаса — баловня женщин. Ладно, презрительное пренебрежение до свадьбы, но терпеть такую холодность от собственной жены?

Воспользовавшись отсутствием посторонних, Лили в этот вечер впервые после родов посетила гостиную. Исхудавшая, бледная и подавленная, она уселась с книгой среди щебечущих о всякой ерунде теток и исподлобья поглядывала на деверя.

С некоторых пор она его панически боялась. И дело было не в том, что деверю стали известны все её тайны, а в тревоге за жизнь маленького Алекса. Малыш не был Тейлором, и, как знать, что об этом обстоятельстве думает этот суровый и нелюдимый мужчина? Ведь убить маленького человека так просто! Он слабенький, беззащитный, а нянька вместо того, чтобы денно и нощно следить за новорожденным милордом, норовит смыться на кухню — пить чай, да сплетничать с кухаркой.

Между тем, Томас, обрадованный тем, что жена соизволила покинуть свою комнату, моментально пристроился рядом.

— Что читаем, дорогая? Может, и мне побаловать себя чтением?

Лили нелюбезно сунула ему под нос обложку.

Зима, почти тюремный режим лишенной привычных развлечений беременной женщины, и неотступные мысли о грядущем испытании прирастили не очень любящую книги маркизу к подобному времяпрепровождению.

И сейчас она читала последний роман тети Джейн о любви молоденькой девушки к священнику, который отказался от невесты в пользу миссионерского служения. И когда сподвижник скончался, обращая дикарей в христианство, где-то в дебрях Африки, то ей в траурном конверте прислали засушенную фиалку, и она навечно обрядилась в траур.

Вряд ли, её супруг даже под дулом ружья согласился бы вникать в подобную ахинею!

— Конечно, прочтите, — нехотя ответила она, пытаясь убрать как можно дальше свое колено от заигрывающих прикосновений мужской ноги, — но сомневаюсь, что этот сюжет найдет отклик в вашем сердце! Впрочем, если у вас есть намерение принять сан и отправиться в Африку для миссионерской деятельности...

— Том так и сделал, — неожиданно влез в разговор герцог, всё это время глазевший в окно на разыгравшуюся бурю, — если бы у него в невестах ходила такая же тоскливая дура, как главная героиня романа! Женские образы вам удивительно удаются, тетя Джейн, таких меланхолических идиоток едва ли встретишь на всем пространстве двух королевств, иначе английскую нацию давно бы постигла катастрофа безбрачия!

Тетя Джейн обидчиво выпрямилась — она не терпела критики своих детищ.

— Не все такого мнения как вы, дорогой племянник, — поспешила вступить за старшую младшая сестра, — все наши знакомые леди просто в восторге от романа. Им зачитывается вся Англия!

— Если ваши слова были хоть в малой толике верны, мне не пришлось бы покрывать убытки издателя, — язвительно отрезал Мортланд, — или 'вся Англия' — это три десятка старых дев, которые способны муссировать любую чушь, где главный герой меняет брачный венец на дела весьма далекие от супружества? Этим они оправдывают собственные неудачи

в попытке выйти замуж!

Лили тихонько вздохнула, с невольным сочувствием поглядев на побагровевших теток — не любила она их, но не до такой степени, как родной племянник.

— Эдвин, — с мягкой укоризной протянула герцогиня, — твои тети не заслуживают подобных слов! Ты же знаешь, они вышли бы замуж, но твой покойный отец не терпел воздыхателей вокруг своих сестер.

Мортланд проигнорировал слова матери — была у него такая привычка, замолкать в самом неподходящем месте. Зато Томас, сверкнув синью глаз, миролюбиво заметил:

— Матушка, ты же знаешь, что Эдди не может жить вдали от Лондона, поэтому с досады и портит всем настроение. Не стоит обращать особого внимания на его слова — он редко говорит, что думает! Впрочем, если вам будет угодно, дорогие тетушки, вы можете сменить его дом на мой!

Надо сказать, что он удивил не только жену, но и всех родственников.

— Твой дом, Томас? — изумилась герцогиня.

Тейлор откинулся в кресле, наслаждаясь произведенным эффектом.

— По свадебному контракту, — довольно заявил он, — после рождения ребенка мужского пола мне отходит поместье Сеттенфорд в Кенте.

— Сеттенфорд, — всплеснула руками тетя Джейн, — но там находится конный завод Эдвина!

— Вот отныне и буду заниматься разведением лошадей, — подтвердил забавляющийся их удивлением племянник, — должен же чем-то заниматься младший брат герцога? Не все же мне проматывать наследство отца — я теперь женатый человек и глава семейства!

Лили прикусила губу — такого она не ожидала! Зато герцогиня засияла от радости:

— Том, мальчик мой! Неужели ты решил подать в отставку, неужели Господь внял моим молитвам?

Томас смущенно крикнул, быстро переглянувшись с братом.

— Нет, я всего лишь в длительном отпуске по ранению.

— Ты был ранен?!

— Пустяки, зато у меня появилась возможность побыть с милой женой! Вы рады, дорогая?

Лили с трудом отвлеклась от кроважадного зрелища — муж, разорванный на куски точным попаданием ядра. Руки бы оборвать тому, кто так бездарно промахивается!

— Конечно, милорд, — сухо ответила она, — быть рядом с вами — редкостное счастье!

Тетя Беатрис втянула голову в плечи, а её сестра громко закашлялась при столь двусмысленном ответе. Зато Том непринужденно рассмеялся.

— Вы чудо, Лили! Ваш язычок заставит любую змею подавиться от зависти собственным хвостом. Я уверен, что нам не будет скучно вдвоем в глуши любого графства, не только такого приятного места, как Кент. Ну, так что, тетушки, принимаете мое предложение?

Лили с усмешкой посмотрела, как мнутя тетки. Что для них была скромная деревенская усадьба! Пожилые леди привыкли к роскоши герцогских дворцов, к толпам гостей, сплетням и развлечениям. И пусть их третировал Мортланд, они к этому давно притерпелись, и научились даже извлекать выгоду из своего положения, вызывая неизменное сочувствие у многочисленной толпы светских бездельниц. Но искать гостеприимства у такой плохо воспитанной и резкой особы, как леди Лилиана? Нет, на

такой подвиг тетки не согласились бы даже ради 'душки' Томаса!

— Дорогой племянник, — ележно поджала губы тетя Джейн, — мы бы всей душой, но как нам оставить одиноким Эдвина? Без женского присутствия его дом превратится в мрачное логово закоренелого холостяка. Кто будет принимать гостей, отвечать на визиты? У нас много светских обязанностей, которыми мы не можем пренебречь даже ради общества твоей очаровательной жены!

Лили опустила заблестевшие смехом глаза в книжку, хотя, казалось бы, оснований для радости у неё было мало.

— У каждого своя Голгофа, братец, — меланхолично заметил и герцог, обращаясь к Тому, — и пусть мой пример послужит в назидание всем, у кого хватает совести завидовать герцогскому титулу. Этот путь отнюдь не усыпан розами!

Но, вообще-то, он был доволен, потому что заметил признаки потепления отношений между братом и невесткой. Как не крутила нос надменная гордячка Лили, всё же отпускаемые Томом шуточки, улыбки и ненавязчивые знаки внимания не могли не растопить её сердца.

Для характеристики таких людей, как Томас Тейлор в английском высшем свете существовало определение 'beau' (англичане любят щеголять французскими словами, точно так же, как и французы щеголяют словами английскими). 'Beau', в данном случае означало джентльмена, не только придерживавшегося образа жизни денди, но ещё и большого любимца женщин. И разве не особо избалованная мужским вниманием Лили могла устоять против настойчивых ухаживаний такого 'beau'? Конечно, нет!

Часто в ответ на остроты мужа на губах женщины вспыхивала улыбка, и она уже не выказывала недовольства, когда он прикасался к её руке поцелуем. Супруги всё больше времени стали проводить наедине, часто прогуливались в парке, и Лили с повышенным вниманием выслушивала всё, что считал нужным рассказать ей муж.

Чтобы закрепить пока ещё хрупкое перемирие, Тому всего лишь оставалось набраться терпения и дождаться, когда здоровье жены позволит осуществить супружеские права.

Но спустя месяц после прибытия полковника, из Лондона прибыл курьер, приглашающий Томаса Тейлора, маркиза Тефорда в Сент-Джеймский дворец.

Итак, Тейлоры были вынуждены оставить своих дам в Мортланд-холле, и выехать в Лондон. Всю дорогу братья обсуждали причины столь внезапного приглашения.

— Король опять нездоров, значит, тебя вызывает принц. Ты простой полковник — не генерал или адмирал! Откуда его высочество, вообще, может знать о твоих делах? — изумлялся Мортланд.

Том, конечно, кое-что знал, но предпочитал разыгрывать неведение.

— Не знаю, — легкомысленно пожимал он плечами, — что в голове у нашего сумасброда! Может, он вообразил себя гением шпионажа и затребовал досье секретных агентов? А что, король совсем плох?

— Говорят, его величество все чаще и чаще страдает приступами безумия, и принц постепенно забирает в руки власть над королевством. Ему на руку болезнь отца! — тяжело вздохнул Мортланд.

— В Европе немало потешаются над отношениями короля и принца! — заметил Томас.

— Да уж, куда, как смешно! Всякий раз, когда у Георга III случается новый приступ безумия, нет в Англии человека счастливее, чем принц Уэльский. Впрочем, еще счастливее тогда его кредиторы. Говорят, у него пятьсот лошадей и две тысячи костюмов!

— Да, костюмы — главная радость нашего Джорджи! Мне Браммель как-то рассказывал, что принц расплакался, как девчонка, когда он нашел покрой его костюма не вполне удачным!

— Лучше бы он плакал по другому поводу, — заметил в сердцах Мортланд, — пока мы не получили себе на шею такую же революцию, как и Бурбоны! Ведь постоянно в долгах, и когда они достигают катастрофических размеров, кредиторы устраивают скандалы, описывают имущество принца в его дворце Карлтон-Хауз, и даже грозятся посадить в долговую яму. И это наследника английского престола!

— И что же Джорджи? Затягивает пояс?

Мортланд раздраженно отмахнулся.

— Ох! Принц начинает распродавать лошадей и переезжает из опечатанного Карлтон-Хауза к родителям. А потом начинает трясти короля, вымогая деньги! Ненавидящий отпрыска Георг, желая от него избавиться, обычно обращался за деньгами к покойному Питту. Премьер в ярости предлагал парламенту уплатить долги принца Уэльского. Те с негодованием отпускали нужные кредиты при условии, что его высочество пообещает исправиться. Тот охотно давал обещание, вновь возвращался в Карлтон-Хауз и покупал новых лошадей, а потом опять набирал долги, и так до бесконечности...

Том рассмеялся — у него было прекрасное настроение, а вот сам герцог не мог похвастаться особо хорошим расположением духа. Ему, например, очень не понравились два письма Джинны с настоятельными просьбами приехать в Лондон. Он не мог понять настойчивости итальянки — если Инн больна, то почему не написать об этом прямо?

Впрочем, дела личные занимали малое место в разговорах братьев. Теперь их беседа коснулась европейской политики.

— Бонапарт, наглый и обидчивый как все выскочки, из кожи вон лезет, чтобы пробиться в семью европейских монархов. После Аустерлица и Ульма он намерен диктовать свою волю всей Европе. В министерстве иностранных дел поговаривают о проекте брака

между корсиканцем и великой русской княжной Екатериной Павловной. Альянс с Россией сделает Францию невероятно сильной!

Том задумчиво сморщил губы.

— Нет...,- неуверенно пробормотал он, — не думаю, что русский двор пойдет на столь унижительный мезальянс. Да и зачем это им — разве Бонапарт стоит у ворот Москвы? Аустерлиц унижителен для русских, но не более! Что они особо потеряли? Несколько полков, да ненадежного союзника в лице императора Франца. Слышал курьезную историю об Александре и прусском короле?

— Нет! А что там произошло?

— Перед тем, как Бонапарт полностью разгромил Пруссию, Фридрих-Вильгельм III и Александр заключили тайный договор, где предусматривалось предъявление со стороны Пруссии ультиматума узурпатору. Сам по себе этот договор — откровенная глупость со стороны Пруссии, но как будто этого было мало, Фридрих-Вильгельм, королева Луиза и Александр спустились в мавзолей Фридриха II и поклялись перед его гробом в вечной взаимной дружбе!

Мортланд изумленно фыркнул.

— Эти люди настолько сентиментальны?

— Дело даже не в этом. Такая клятва нелепа, прежде всего потому, что в свое время Россия воевала Фридрихом II целых семь лет! И то Фридрих бил русских, то русские жестоко били Фридриха. Они умудрились занять Берлин и чуть не довели прусского короля до самоубийства! Представляешь, как Бони испугался этой пылкой русско-прусской дружбы? Смешно... Наверное, поэтому ему доставило особое наслаждение превратить Пруссию в коврик для французских сапог. Невероятно, но всего лишь за один осенний месяц он оставил от её грозной военной славы туманное воспоминание и кучу курьезных анекдотов о сданных городах и разгромленных генералах!

— Но Бонапарт заставил русских примкнуть к континентальной блокаде!

— Тильзит, конечно, унизил Александра! Но его статьи совсем не повод, чтобы позориться на всю Европу, подкладывая свою сестру под этого жирного маломерка. Более гротескной фигуры не найти — маленький, пузатый, с намечающейся лысиной, взгляд исподлобья, хватки капрала! Александр отнюдь не дурак — мне рассказывали, что он притворялся глухим, каждый раз, когда Бонапарт намекал ему на проект брачного союза.

Мортланд метнул на брата осторожный взгляд. Тот никогда ему не рассказывал о своих похождениях в роли шпиона, и вдруг так легко проговорился.

— Ты видел узурпатора?

Судя по лукавым ямочкам на щеках, Томас развеселился.

— Конечно, так же как и тебя! Я занимал соседнюю ложу во французской опере, когда он ещё изображал первого консула и только грезил лаврами императора. Рядом с ним восседала Жозефина, кокетничающая напропалую со всей мужской половиной зала. Если что и прибавляет росту грозе Европы, так это развесистые рога, которыми она с неизменным энтузиазмом украшает его начавшую плешиветь голову!

— Она тебе понравилась?

— Нет! Я не люблю потрепанных жизнью женщин на пятый десяток! Легкая распущенность украшает красоток только до тридцати лет, потом, все-таки, наступает время семьи и нравственных устоев. Иначе, каких дочерей мы потом получим от этих Мессалин? Бессердечных пустых кокеток? Она транжира, потаскуха и просто сумасбродка, но, говорят,

что сердце у неё доброе, если только дело не касается её собственного кармана. Конечно, Жозефина была нужна нашему генералу, когда спала с Баррасом и продвигала при помощи широко раскинутых ног его по служебной лестнице, выбивая задом для муженька армии и назначения. Но теперь всё! Императору в женах нужна девственница с целомудренным лоном для рождения наследников, вот он и мечется по Европе в поисках невесты.

Мортланд почесал подбородок.

— Но если не русские, то кто?

— А то мало здоровых крепких девок по немецким захолустным дворам? Отдадут любую, бери, сделай милость! Вон русские уже второе столетие черпают из этого неисчерпаемого колодца телок для своих бычков, да ещё каких! Достаточно вспомнить о Великой Екатерине! Найдёт и Бони, не беспокойся, но это будет не Романова. И вообще, вся эта брачная заваруха интересует меня мало, и ничего не решает в истории Европы.

Мортланд удивленно покосился на брата — его всегда поражала легкость, с которой он судил отнюдь не о малозначимых делах и людях. И вот парадокс, тот почти всегда оказывался прав — у него было великолепное дипломатическое чутье, хотя опять же, об этом мало кто знал. И сейчас внезапный вызов принца волновал герцога гораздо больше, чем виновника переполоха. Том был поразительно беспечно настроен.

— Как ты оказался в соседней ложе с Бонапартом? Это ведь опасно?

Тейлор легко вздохнул и усмехнулся, каким-то своим мыслям.

— Эдди, жить вообще опасно. А в ложе рядом с корсиканцем я оказался благодаря тесной дружбе, которую завел с русским атташе в Париже генералом Чернышовым. Интереснейший господин, скажу вам я. Он ни на минуту не поверил в мое бельгийское происхождение, но тщательно притворялся, что не сомневается в этом. Это такая особо интересная игра, когда игроки дурят голову друг другу, изо всех сил строя из себя полных идиотов. Но, дорогой мой брат, зачем тебе эти тайны? Не зная их, спать гораздо спокойнее, уж поверь моему опыту! Возможно, что и Джорджи вызывает меня именно по этому поводу — откуда я знаю, какие мысли скребут в его голове?

Вот так переговариваясь, они и достигли Лондона, где пути братьев сразу же разошлись. Томас отправился домой переодеваться в букли и атласный сюртук для аудиенции у высочайших особ, а Мортланд поехал напрямик в Вудвилл-лодж, побоявшись, что из-за скопившихся дел у него уже не будет времени навестить содержанку.

Иннин проглядела все глаза, терпеливо высматривая любовника на подъездной аллее парка. Последний месяц растянулся для неё чуть ли не в год, прежде всего, из-за неприятностей с Джиной. С тех пор, как итальянка убедилась в беременности подопечной, она повела с ней непримиримую войну, постоянно доводя до слез и головной боли.

— Кого вы хотите обмануть, — кричала она, — меня? Не стоит! Я ваши увертки вижу насквозь, и спешу вас огорчить — ничего у вас не выйдет, герцог не даст ублюдку появиться на свет! Он сильно разгневается, настолько сильно, что это будет означать разрыв ваших отношений. Давайте, не дожидаясь его гнева, избавим вас от плода!

Инн от ужаса заколотило, и она опасливым жестом обхватила живот.

— Как, избавиться?

Джина с неприязнью и плохо скрытым презрением глянула на подопечную.

— В Сохо есть одна опытная дама — немножко потерпите и она навсегда избавит вас от подобной доуки!

Инн сразу же вспомнила подслушанный когда-то разговор.

— Но от этого умирают, — резко возразила она, — да и не желаю я становиться на всю жизнь бесплодной! Я люблю Эдвина и хочу родить ему ребенка. Почему он должен быть против?

— Потому что ублюдки ему не нужны! И если вы будите упрямитесь, то окажитесь на улице без гроша в кармане и с ребенком на руках. Вы оба сгинете от голода и болезней!

— Пусть, — упрямо прикусила губу француженка, — но убить ребенка я не дам. Он слишком дорог мне!

В той или иной вариации этот разговор происходил каждый день. Джина не давала подопечной никакого покоя, и поэтому Инн вдвойне ждала приезда его светлости, чтобы тот обуздал своего цербера. Она чувствовала себя хорошо, с трепетной радостью прислушиваясь к тому, что происходило внутри её тела, как к чему-то чудесному и волшебному, что должно было преобразить жизнь, подарив немыслимое счастье.

Надо сказать, что сомнений в том, что Эдвин разделит её радости, она не испытывала. Конечно же, он будет счастлив — по-другому просто быть не могло. Мортланд поймет её стремление закрепить и увековечить их любовь рождением новой жизни. А Джина просто злая и сварливая ведьма! И если у Иннин зарождалось внутри тошнотворное опасение, что итальянка лучше знает своего хозяина, то она стремилась его отогнать — уж слишком страшной тогда оказывалась ситуация. Лучше не накликать на себя беду необоснованными страхами!

В день, когда карета герцога подъехала к порогу Вудвилл-холла, Джины не было дома. Та нечасто покидала своих подопечных, но сегодня отправилась спозаранку, по каким-то таинственным делам, не сказав никому ни слова. Иннин, едва завидев вылезавшего из экипажа любовника, бросилась вниз по ступенькам и повисла у него на шее.

— Милая, — ласково прошептал Мортланд, мягко отстраняя её, — подожди, дай мне раздеться, ведь я с холода — простудишься!

Но куда там! Сияющая от радости девушка, так и не отошла от него ни на шаг, мешая лакею принять у своего господина шляпу и плащ.

— Ты прекрасно выглядишь, сердце моё! — губы Мортланда жадно коснулись её губ, и он тут же потащил полыхающую восторгом любовницу вверх по лестнице по направлению к спальне, — у меня мало времени, дорогая! Не больше часа, так что извини — не до церемоний и разговоров!

— Час, — разочарованно простонала Инн, едва поспевая за его широким шагом, — но мы так давно не виделись!

— Ничего не поделаешь! Мне нужно устроить пирушку друзьям Томаса, просмотреть счета, нанести кучу самых необходимых визитов. Я к тебе прямо с дороги...

Последняя фраза чуть примирила приунывшую Инн с таким несправедливым положением вещей. Все-таки, её он поставил на первое место! Она была ещё слишком юной, чтобы понять, что возлюбленный оказался у неё не в силу бушевавших в нем чувств, а в силу обыкновенной физиологической потребности здорового мужчины, вынужденного более месяца провести без женских объятий.

Флора и Мардж, раздевая девушку, работали, как всегда, очень слаженно, хотя и посматривая на неё без обычных добрых улыбок. Но Инн была полна радужных надежд и ожиданий, трепетала в предвкушении наслаждений, и больше решительно ни о чем не хотела думать, даже о беременности.

— Твоя сестра родила нам племянника, — прошептал ей на ухо Мортланд, — в тот

самый день, когда Томас вернулся с войны.

Опять Лили! Даже в такой момент Эдвин думает о ней!

— Я рада за всех вас! — тяжело вздохнула Инн, укорив себя за ревность.

Ей пришло в голову, что самое время сказать о предстоящем материнстве, и она уже было открыла рот, чтобы произнести первую фразу об ожидающемся прибавлении, когда ласкающая любовницу рука Мортланда наткнулась на едва вздутый, но уже тугой живот.

— Дорогая? — удивился он, приподнимаясь на локте. — Что это?

Инн с горячечно сверкающими глазами и остановившимся от разительной тревоги сердцем, увидела, как нахмурившийся любовник внимательно оглядывает её тело.

— Что это значит? — резкий голос был похож на удар бича.

Девушка съежилась от ужаса под его сверкающим бешеным взглядом.

— Я..., - пролепетала она разом пересохшими губами, — я...

— Она беременна!

Это у кровати внезапно выросла грозная Джина.

— Ваша светлость, не смотрите, что у неё лицо простодушного ангела, — злобно прорычала итальянка, — это хитрая и изворотливая маленькая дрянь. Она умудрилась обвести меня вокруг пальца, и в какое-то из ваших посещений не стала пить отраву!

Мортланд почернел от гнева.

— Это правда?

Инн поникла головой под ледяным взглядом, всем задрожавшим телом ощущая, какая сокрушительная катастрофа сейчас разразится над её маленьким, столь долго лелеемым миром надежд на счастье.

— Ты разочаровала меня, Инн, — сухой голос звучал теперь тихо, — не знаю даже — смогу ли я, когда-нибудь простить этот обман. Ведь я так доверял тебе!

— Но, — отчаянно прошептала она, вытирая льющиеся по щекам слезы, — я сделала это, потому что люблю вас!

Мортланд с такой силой оттолкнулся от кровати, что она даже подпрыгнула от его мощного рывка.

— Не лгите, сударыня! — прорычал он. — Пользоваться ухватками дешевой шлюхи не к лицу графине дю Валль! Вы хотели загнать меня в ловушку, потому что вас посетила бредовая идея выйти за меня замуж!

— И что здесь плохого? — уже в голос зарыдала Инн, — стремиться быть рядом с тем, кого ты любишь? Хотеть родить ему ребенка?! Неужели это более позорно, чем участь вашей куртизанки?

— Позорно всё, что рождено ложью и интригами! Я не хочу иметь детей! Почему вы не учли моих желаний, пускаясь в эту авантюру?

Мортланд гневно завязал на себе халат, словно пытаясь взглядом изничтожить, скорчившуюся под градом обвинений плачущую девушку.

— Джина, — резко приказал он итальянке, — делай, что хочешь, хоть зубами выгрызай из неё ублюдка, но я больше ничего об этом не хочу знать! После этого дай денег, и чтобы ноги бесчестной интриганки не было в Англии! Пусть убирается в Бельгию, в нищету и забвение!

Итальянка согласно кивнула головой.

— Я уже обо всем договорилась, — спокойно сказала она, — нужно было лишь ваше согласие. Завтра же ей сделают аборт. Если все пройдет хорошо, то недели через две она

будет в состоянии пуститься в путь, если только...

Герцог, надменно задрав брови, в ожидании посмотрел на Джину.

— ... если только вы не дадите девушке ещё один шанс заслужить ваше прощение, — твердо закончила та и перевела взгляд на Инн, — вы ведь не захотите расстаться с его светлостью? Если миледи поведет себя разумно, то всё будет так, как прежде — не правда ли?

Мортланд неохотно, после небольшой паузы, но всё-таки согласно качнул головой.

Раздавленная происшедшим Инн затравлено подняла глаза на возвышающихся над нею людей, опасливо схватившись за живот, где находилась её главная драгоценность — последний оплот любви. Эдвин смотрел на любовницу, как на заклятого врага, с ненавистью и презрением. О каком возврате прежних отношений могла идти речь? Она потеряла отца, дядюшку, потеряла Томаса, и вот теперь Эдвина, — всё, что осталось в этом мире ценного заключалось в теплящейся искорке внутри лона. Она не отдаст её, не отдаст!

Инн была импульсивным человеком, но страх за ребенка заставил её прибегнуть к обычно несвойственному притворству.

— Я сделаю всё, что вы хотите, — свернулась она калачиком на постели, — а сейчас оставьте меня, я должна помолиться и отдохнуть!

Краем глаза Иннин заметила, как удовлетворенно переглянулись герцог и Джина, и с неожиданной пронизательностью поняла, что, скорее всего, они не раз играли этот спектакль перед прежними обитательницами Вудвилл-холла, которые так же не оправдывали их ожиданий.

Инн впервые подумала о тех, кто до неё ублажал его светлость на этой постели — кто они были, что испытывали к герцогу, как сложилась дальнейшая жизнь её предшественниц?

Впрочем, времени на бесплодные размышления у Инн не было. Едва за герцогом и экономкой закрылась дверь, девушка живо заметалась по комнате, собирая вещи.

Нет, в этот раз она не повторит прежних ошибок, и не доверит себя ночному Лондону. Найти удобоваримое пристанище можно только днем. Ночь — это пора проституток и воров, и нормальному человеку лучше любоваться на неё из окна.

Инн прекрасно знала распорядок жизни Вудвилл-холла. Через полчаса к двери черной лестницы должен был подъехать фургон от зеленщика — её единственная возможность покинуть особняк незаметно. Гуляя в это время с Чарли по парку, она частенько видела пожилого мужчину, таскающего объемистые ящики со шпинатом и капустой в кухонное королевство повара.

Трясущимися руками, то и дело роняя предметы, француженка упаковала в свой старый саквояж мадонну и мешочек с как-то выигранными в рулетку деньгами. Вот когдагодились эти чуть ли не с неба свалившиеся фунты! Наученная горьким опытом, брать драгоценности она не рискнула, справедливо предполагая, что Мортланд в гневе мог пустить по её следу и полицию, обвинив в краже, как обыкновенную воровку!

Скрипнувшая дверь заставила её настороженно замереть, но к счастью, это оказалась всего лишь Флора.

— Ваша ванна остывает, мадам, — пробормотала та, озадаченно разглядывая раскрытый саквояж, — вы куда-то собираетесь?

Инн тяжело вздохнула — хорошо хотя бы, что это не Джина! Что же, на войне так на войне!

— Да, примем ванну, — приказала она горничной и пошла вслед за ней в туалетную

комнату, — но вода совсем остыла, подлей горячей!

Девушка деловито попробовала воду, а когда ни о чем не подозревающая негритянка нагнулась над кувшином с кипятком, пробормотала про себя молитву и изо всех сил ударила её по голове подвернувшимся подсвечником. Фора, слабо охнув, сползла на пол.

Инн в ужасе посмотрела на распростертое на полу тело, на подсвечник у себя в руках, но подавила поднимающуюся изнутри тошноту. Негритянка стонала и кровь проступила сквозь её чепец, но Инн сейчас было не до чужих страданий, она спасала собственного ребенка.

— Прости меня, Господи, но у меня нет другого выхода!

Если бы кто-нибудь даже десять минут назад сказал ей, что она способна на такое, девушка никогда бы не поверила. Но с другой стороны, бежал же, отбиваясь от санкюлотов отец, защищая дочь и слуг, теперь её очередь спасать свою плоть и кровь!

Найти в гардеробе приемлемое платье оказалось задачей не из легких — шёлк и муслин для этого не подходили. Лихорадочно разбрасывая бесполезные тряпки, Инн с большим трудом нашла более-менее подходящее шерстяное платье для прогулок. Белье не слушалось отвыкшую одеваться самостоятельно хозяйку, завязки и шнурки путались, но невероятными усилиями Инн все-таки оделась.

Несмотря на все старания, у нашей героини вряд ли что-нибудь получилось, и, скорее всего, её перехватили ещё на подходе к кухне, но Иннин повезло.

Весь дом притих, и прислуга опасливо попряталась по укромным уголкам, потому что в гостиной герцог устраивал разнос всемогущей Джине.

— Как ты могла допустить подобное, — кричал он на съезжившуюся от страха итальянку, — для чего я вас всех здесь держу? Неужели такому немалому штату прислуги сложно усмотреть за единственной девушкой? Она ещё совсем глупышка, увы, не желающая до конца осознать, что обязана всем, даже жизнью, только моему желанию развлекаться с ней! Почему ты этого ей не внушила?

— Я пыталась, — испуганно теребила передник Джина, умоляюще глядя на герцога, — клянусь, я всё исправлю!

Мортланд одарил её таким взглядом, что та поперхнулась.

— А если она погибнет, как несчастная Джейн Кин? Если истечёт кровью?

Итальянка нервно сглотнула.

— Я больше не связываюсь с той старухой, что погубила вашу любовницу. Есть один доктор! Все шлюхи в голос твердят, что у него золотые руки. Он усыпит миледи опиумом, и она не будет чувствовать боли, а значит, и не будет дергаться и мешать ему делать свое дело!

Мортланд с ругательством пробежался по комнате, сжав от злости кулаки.

— Если Инн умрет или останется навсегда калекой, — зло тыкнул он пальцем в бледную итальянку, — клянусь, ты закончишь жизнь в сточной канаве!

— Миледи — крепкая девушка, — горячо уверила его Джина, — с ней всё будет хорошо! Зато потом ваша светлость не будет иметь никаких проблем! Доктор лишит её возможности зачинать.

Мортланд задумчиво посмотрел в окно. На улице разгулялся ветер, и стало сумрачно, и, конечно же, ему давно пора было заняться другими неотложными делами, но судьба Инн не давала покоя.

— Графиня дю Валльдэ — последняя в роду. Её предки стали графами ещё при Каролингах, и мне как-то не по себе ставить точку на истории столь славной и

могущественной когда-то семьи. А все вы, Джина, — вновь зарычал он на экономку, — всё ваш недосмотр и безответственность! Нельзя ли, как-нибудь избавиться от плода без столь сокрушительных последствий?

Итальянка с сожалением пожала плечами.

— Мне жаль, но...

Герцог открыл рот, чтобы сказать ещё что-то, но внезапно их разговор оказался прерван. В дверь заглянул бледный от страха дворецкий.

— Простите, ваша светлость, — прошептал он, — но дело не требует отлагательств!

— Какого черта? — взревел Мортланд. — Что ещё за дело?

— Мисс Флора, ваша светлость! Кто-то ударил её по голове в туалетной комнате миледи — бедняжка вся в крови! Её нашла мисс Мардж и теперь не знает, что делать!

Джина и герцог замерли, пытаясь осмыслить услышанное. Кто-то в Вудвилл-лодж так ударил служанку, что разбил той голову? Немыслимо, неслыханно! Но кто?

— А что говорит миледи? — озадаченно спросил герцог.

Дворецкий замялся, виновато отводя глаза.

— Её нигде нет, ваша светлость! Мисс Мардж считает, что это она ударила подсвечником мисс Флору!

У герцога в изумлении округлились глаза.

— Иннин?! Бред какой-то, да она и мухи не обидит — срочно найдите и приведите её сюда!

И в ожидании дворецкого он вновь принялся мерить шагами комнату. Да, все планы на этот день рухнули. Герцог все более и более осознавал, что случилось нечто экстраординарное, в корне меняющее его представление о юной любовнице. Мортланд вообразил, как нежная и трогательная Иннин безжалостно молотит служанку подсвечником и ему стало совсем не по себе.

Прошло довольно много времени, когда в комнату вновь просочился осунувшийся в предчувствии неприятностей дворецкий.

— Её милости нигде нет!

— Как нет? — и вот тут герцога охватила такая ярость, какой ещё не видели в этом доме.

Стоящая на подставке дорогая китайская ваза с грохотом приземлилась неподалеку от головы почтительно согнувшегося слуги, осыпав осколками букли парика.

— Она что же, просто вышла из ворот Вудвилл-лодж и никто её не остановил? Да я вас всех выгоню на улицу, и даже не рассчитывайте на хорошие рекомендации!

Дворецкий вздрогнул от ужаса.

— Не губите, ваша светлость! Я сам лично допросил привратника — с тех пор как вы в доме, он не выпускал из ворот ни одной женщины!

— Тогда где она?

— Мы не можем её найти!

Чертыхаясь и бранясь, Мортланд лично пролез все потайные уголки усадьбы, спустился в погреб и забрался на чердак, заглянул в конюшни, и когда весь в пыли и паутине закончил осмотр, ему оставалось только констатировать факт — любовница исчезла.

— Она сбежала, — сухо доложила ему Джина, помогая привести в порядок костюм, — прихватив свою мадонну и некоторую сумму денег, которые выиграла в рулетку. На ней синее шерстяное платье, с черными бархатными вставками на рукавах, и подбитый мехом

муаровый серый плащ с капюшоном.

— И больше ничего?

— Ничего, даже смены белья! Миледи, по всей видимости, склонна к побегам, но в этот раз она проявила чудеса изворотливости и хитрости, замата следы. Вы так и не смогли выяснить, как она покинула особняк?

— Нет, — Мортланд мрачно посмотрел на черноту за окном, — теперь она уже далеко! И кто знает, куда устремится?! Прикажи подавать экипаж!

В тот день Томас возвратился из Сент-Джеймского дворца с наградами.

Томас Тейлор, маркиз Тефорт за особые заслуги в налаживании русско-британских отношений был произведен в кавалеры ордена Чертополоха и награжден алмазной шпагой по особой просьбе русского императора Александра.

И теперь он гордо красовался перед зеркалом в церемониальном одеянии: в зелёной накидке поверх своей военной формы, скреплённой зелёными и золотыми кисточками. На левом плече плаща красовалась звезда ордена. Сама звезда состояла из серебряного креста св. Андрея, с пучками лучей между руками. В центре изображён зелёный круг с девизом ордена золотыми заглавными буквами; внутри круга изображён чертополох на золотом поле. На шляпе из чёрного вельвета красовался плюмаж из перьев чёрной цапли, на воротнике блестели вышитые золотом чертополох и побеги руты, и прикрепленный дополнительный знак — золотое эмалированное изображение св. Андрея, облачённого в зелёное платье и пурпурный плащ и держащего белый крест.

— Хорош? — гордо спросил Томас брата. — А ты всегда меня считал никчемным денди и отказывался оплачивать долги!

— Однако я их все-таки оплачивал, — улыбнулся Мортланд, любуясь его оживленным лицом, — наверное, предугадывал, какую блестящую карьеру ты сделаешь! Поздравляю, братец, ты не посрамил наших буйных предков Тейлоров, которые сначала убивали, а потом задумывались — стоило ли, вообще, ввязываться в драку?

— 'Никто не обидит меня безнаказанно'!

Томас весело расхохотался и налил себе бокал вина, чокнувшись со своим зеркальным отражением.

— Хорошо, что это не Орден Бани, а то пришлось бы всю ночь молиться, поститься и купаться! Завтра всё это появится в газетах. Нахлынут кучи поздравляющих и завидующих, и они живо превратят мой триумф в поражение, — осушил он одним глотком вино, — а сегодня мы будем обмывать награду в тесном кругу у Клерон!

Все планы летели к черту, кувырком! Мортланд схватился за виски, пытаясь собрать воедино разбегающиеся мысли — и неизвестно, где всё это время находящуюся Инн, и награждение Тома, и безотлагательные дела. Но он обязан был разделить с братом вполне заслуженный триумф!

У Клерон собрался небольшой, избранный круг близких друзей Тейлора.

Мортланд любил бывать в обществе очаровательной актрисы. Надо сказать, что ветреная француженка хранила трогательную верность его беспутному братцу. Этот роман длился уже четыре года со всеми атрибутами мелодрамы — с клятвами верности, дикой ревностью и ссорами, проклятиями и слезами. Клерон прощала своему легкомысленному любовнику абсолютно всё — и многочисленные измены, и загулы, и даже оплачивала из своего кармана немалые долги чести, когда разозлившись на брата, герцог отказывался раскошелиться.

И вот сейчас, сверкая выразительными голубыми глазами и одаривая всех присутствующих ослепительной улыбкой, Клерон в откровенном греческом хитоне украшала пирушку загулявших мужчин. Она умела внести нотку непринужденности и своеобразия в любое собрание падких на женскую красоту джентльменов — не было исключением и этот

вечер. Кокетливо обмахивая веером голову изрядно напившегося любовника у себя на коленях, она остроумно высмеивала леди Элеонору Батлер, имеющую обыкновение падать в обморок при виде виконта Дрейда (кстати, тот находился неподалеку и смеялся громче всех).

— Сжальтесь над трепетной девой, — взывала Клерон, — ответьте на её чувства или уж не приходите на помощь, чтобы она выбрала другой объект для охоты!

Виконт поймал её руку с веером и преданно поцеловал.

— О, царица! Если бы малышка имела тысяч пятьдесят приданого, я бы охотно ответил на её чувства! Но... мне остается только подставлять руки, каждый раз предупреждая её падение! Однако руки мне могут пригодиться и ещё кое на что!

И он с силой ущипнул за зад, сидящую рядом юную смазливую хористку из труппы Клерон, которая вместе с товарками развлекала собравшихся джентльменов. В разукрашенной на восточный манер зале звучали разухабистые звуки пианино и скрипки. Кто-то пел невпопад, да и плясал не лучше, обнимая своих хохочущих и призывно визжащих партнерш. В общем, веселье было в самом разгаре, и только среди гостей, собравшихся вокруг Клерон и Тейлора ещё поддерживалось что-то, хоть немного похожее на приличную беседу.

— Не всегда удастся потратить денежки из приданого, — заметил развалившийся на подушках сэр Генри Роуэл, — вот тесть Томаса так составил брачный контракт, что Тейлор только облизывается на деньги жены, вынужденный терпеть её общество всего лишь за жалкие проценты.

Мортланд с любопытством взглянул на брата, приподнявшегося с колен любовницы. Томас был в расхристанной рубашке, лохматый и пьяный, но ему это удивительно шло, делая неотразимым в глазах присутствующих дам. Достаточно увидеть, как таяла и вздыхала по любовнику сама Клерон, больше всего на свете желающая оказаться с ним в уюте укромного алькова и подальше от всей честной компании.

— Мне нравится моя жена, — спокойно парировал тот выпад друга, — подумаешь, какой-то там контракт, если Лили родила сына!

Клерон сменилась в лице, хотя и продолжая улыбаться.

— Ты же с трудом переносил её общество, Томми, — нежно прикоснулась она к взлохмаченным кудрям, — что заставило тебя так резко перемениться?

Тейлор блаженно вздохнул и поуютнее устроился на покрытых легкой полупрозрачной тканью коленях француженки.

— Это неуместное любопытство, Мари! Семейная жизнь джентльмена — не повод для публичного обсуждения в кругу веселых подруг. Жены и любовницы — планеты, имеющие разные, не пересекающиеся друг с другом орбиты!

Мортланд мысленно заплодировал брату — сказано было вовсе неплохо, особенно исходя из состояния глубокого опьянения, в котором тот находился. Герцог очень боялся, как бы Томас опять не ушел в запой, как год назад, но брат, похоже, не собирался устраивать длительный загул. Он смаковал победу, предвкушал триумфальную встречу с Лили, и мало думал о держащей его в объятиях любовнице.

Клерон была прекрасной актрисой и умной женщиной, поэтому она быстро справилась с собой и вновь заискрилась обаянием и весельем, приготовившись к упорной борьбе за своего возлюбленного. Мортланд не раз уже наблюдал, как она с блеском уничтожала всех своих соперниц в борьбе за благосклонность Тома и всегда возвращала ветреника в свою

постель. Ему было даже жаль, что он никогда не увидит столкновения Лили и этой француженки. Интересно, кто бы вышел победителем?

При мысли о Лили сразу вспомнилась чертовка Инн, и настроение моментально испортилось. Наверное, бродяжничество было у дю Валльдэ в крови, если последняя представительница их рода только и делала, что исчезала в неизвестном направлении, меняя обеспеченных и лояльных покровителей на ужас и грязь лондонских задворков.

Неизвестно, чем бы закончилась эта вечеринка, если бы её не посетил человек, которого Мортланд хотел видеть больше всего.

Первой его заметила Клерон, как самая трезвая из всей выдохшейся к четырем часам утра компании. Кто-то уснул тут же — за импровизированным низеньким столом, в окружении валяющихся на полу подушек, кто-то улизнул с веселыми девицами, но виновник торжества отличался бодростью, и вовсе не собирался покидать пирушку, какие бы красноречивые взгляды не бросала на него хозяйка. Мортланд знал по горькому опыту прошлых лет, что брат может пить сутками, не нуждаясь в отдыхе и еде.

— Орден Чертополоха — один из самых главных орденов королевства! Это, черт возьми, совсем неплохо, не правда ли, Эдвин?

Старший брат лишь сонно качнул головой — он это слышал, наверное, уже в сотый раз, но не подавал признаков раздражения. Невольно всё происходящее начало его убаюкивать, когда Клерон изумленно приподняла брови:

— Мистер Тейт? Вы мне оказываете честь своим визитом!

Мортланд живо стряхнул с себя сонное оцепенение и резко обернулся к входящему.

— Алекс?

Алекс Тейт стоял, выпрямившись во весь свой немалый рост, в дверях комнаты и вглядывался в находящуюся в разной степени опьянения компанию. Его трезвое энергичное лицо резко контрастировало с помятыми и пьяными физиономиями остальных гостей.

— Празднуем? — улыбнулся он, делая несколько шагов к Клерон.

Томас лениво следил за его приближением.

— Я получил Орден Чертополоха, — благодушно похвастался он, — ты пришел меня поздравить?

Вновь прибывший гость чуть кивнул головой.

— Конечно! Я весь вчерашний вечер искал тебе подарок, поэтому несколько припозднился!

Новоявленный кавалер ордена тут же резво покинул объятия, насторожившейся от недобрых предчувствий любовницы. Его возбужденно блестящие от неумеренной выпивки глаза разгорелись по-детски радостным любопытством.

— Подарок? Какой?

Алекс неспешно опустился на подушки рядом с Мортландом, поудобнее устроился, и лишь потом громко позвал:

— Денг Лунь!

Присутствующие мужчины, из тех, кто ещё был в разуме, покинули своих подружек, с восторженным любопытством уставившись на дверь. А за ней уже раздались заунывные звуки восточной музыки, исполняемые невидимыми музыкантами, и в комнату вплыла юная, обряженная в яркие одежды, девочка-китаянка. Её белое нежное личико напоминало изящный рисунок по шелку. Па восточного танца отличались красотой и изяществом, особенно легкие движения украшенных огромными веерами рук, но, увы, наслаждаться

представлением Мортланду не хотелось.

— У меня неприятности, — сказал он Тейту, убедившись, что их никто не слышит, — пять дней назад я присылал лакея, но тебя не оказалось на месте. Да и после ты не поспешил откликнуться!

— Я был занят, — легко вздохнул тот, подкладывая под локоть подушку, — устраивал дела Иннин! А потом мне срочно пришлось покинуть Лондон.

Мортланд сразу почувствовал облегчение.

— Ты нашел её?! Благодарение Господу!

Тейт, прежде чем ответить, полубовался танцующей китайкой, пощипывая захваченную со стола кисть винограда.

— Нашёл, — неопределенно протянул он, — и предоставил ей убежище, пока не появится ребёнок!

У герцога досадой перекошило лицо. Вот уж в чём он не нуждался, так это в бесцеремонном вмешательстве в свои дела!

— Я не желаю плодить бастардов. И ты прекрасно знаешь причину!

И вновь его собеседник надолго замолчал, делая вид, что слушает музыку и любит грациозной танцовщицей.

— Всё это было так давно, — наконец, равнодушно заметил он, — что пора забыть! Юная француженка — славная девушка, и она подходящая мать для твоего ребенка. А уж с той стороны одеяла он зачат или с другой, неужели столь важно, когда речь идет о твоей собственной плоти и крови?

— Я не хочу этого ребенка!

— Нельзя отказать женщине в её желании стать матерью, это противоречит веками складывающемуся кодексу отношений между мужчиной и женщиной.

Мортланд разом забыл и про Томаса, и про пирушку, гневно обернувшись к собеседнику.

— Не тебе меня учить!

Алекс согласно кивнул головой, и уже полностью сосредоточился на танце своей протеже, с заинтересованно глядя, как развевается в беспрестанном кружении её тяжелый шелковый наряд. Китайка, действительно, завораживала взгляды всех присутствующих мужчин неизъяснимой прелестью отточенных движений. Всех..., кроме Мортланда! Он предпочитал женщин только белой расы, относясь ко всем остальным с подозрительным неодобрением, а тут были задеты, вдобавок, ещё и личные интересы, и что ему была какая-то Денг Лунь? Но герцог находился не в своем кабинете, поэтому терпеливо ждал, когда Тейт налюбуется на танцовщицу и отреагирует на его замечание.

Танец китайки ему казался бесконечным, а бессовестный Алекс улыбался, пил вино, вновь принялся щипать виноградную кисть, и вскоре герцогу стало ясно, что он считает разговор законченным. Это уже была невероятная наглость!

— Я хочу, чтобы завтра же Инн вернулась в Вудвилл-лодж, и выполнила моё требование! — с угрозой прошипел он на ухо Тейту.

— Нет, — небрежно качнул тот головой, — она не вернется! Но можешь успокоиться — отныне судьба этой девушки и её ребенка тебя не касается. Считай, что она умерла!

— Вот что, — больно схватил Мортланд за локоть собеседника, — хватит злоупотреблять моим долготерпением! Это моя женщина и только мне решать, как она будет жить дальше!

Тейт не стал спорить, он в который уже раз согласно опустил голову.

— Разумеется! Приезжай завтра ко мне в 'Кастл-рок', и поговори с графиней. И если она захочет вернуться в Вудвилл-лодж, то я ни в коей мере не буду чинить препятствий!

Мортланд ахнул про себя. Ему и в голову не могло прийти, что Тейт увезет Иннин в 'Кастл-рок'. Он просто не мог понять мотивации подобного поступка, и поэтому растерялся.

Герцог заподозрил какой-то подвох, хотя и не догадывался, в чём он конкретно заключается, и уже хотел прямо спросить об этом собеседника, когда эта чертова китайская девка, так долго издевавшаяся над его зрением и слухом, закончила танец, и опять-таки некстати!

Томас резко подскочил на месте, громко аплодируя скрывшейся за веерами и застывшей в глубоком поклоне танцовщице.

— Тейт, — в ликовании закричал он, — вот так подарок! Лучшего я никогда не получал! И как же ты всё время угадываешь, чего мне хочется больше всего на свете?

— Я сам мужчина! — скромно улыбнулся даритель, приподнимаясь с подушек и то же аплодируя.

Том живо подбежал к китайке и, отведя в сторону веера, с любопытством заглянул в опущенное долу бесстрастное лицо девушки.

— На неё можно только смотреть, — очарованно спросил он, — или...?

Алекс только пожал плечами, добродушно взирая на безуспешные попытки Тейлора поймать взгляд, как будто окаменевшей в неудобной позе китайки.

— Она полностью твоя, — заверил он, избегая разъяренного взгляда хозяйки пирушки, — делай с ней всё, что хочешь. Хоть разбери на составные части! Я её выкупил у одной опытной сводни, так что услуги этой фарфоровой куклы будут очень высокого качества!

Вот тут бы Мортланду насторожиться и обеспокоиться, но нет! Его голова была настолько занята собственными неприятностями, что он не обратил особого внимания на издавшего ликующий вопль брата. Томас схватил в охапку миниатюрную девушку, и исчез за дверью, позабыв и о давней любовнице, и обо всех ещё находящихся в комнате друзьях.

Не успела ещё за Тейлором закрыться дверь, когда воздух прорезал яростный вопль оскорбленной женщины. И как всегда бывает в таких случаях, разгневалась Клерон вовсе не на ветреного возлюбленного, унизившего её столь возмутительной выходкой, а на Тейта.

— Вы, — жест обвиняющей руки был театрально красивым и тщательно отрепетированным, но от этого не менее искренним, — это всё вы!

Слезы отчаяния полились по лицу женщины.

— Все эти месяцы я его ждала, волновалась и молилась, а ты пришел и все изгадил, Тейт! За что ты так ненавидишь меня?

Алекс встал, расправив плечи, и скучающе глянул на заплаканную женщину.

— Прекрати истерику, Клерон! Не строй из себя Пенелопу — это не к лицу прожженной шлюхе. Какая ненависть? Мы все когда-то с удовольствием встречали рассвет под твоим гостеприимным одеялом, но время идёт, и твои услуги приелись Тому!

Мортланда немного удивил открытый намек Тейта на соединяющие его с Клерон интимные отношения. Но он, вообще, мало знал о жизни Алекса, зато кое-что видимо было известно Клерон, потому что разгорелся скандал такой силы, что проснулись даже с полуночи дремлющие среди подушек упившиеся джентльмены. И пока они пытались больными с глубокого похмелья головами понять, что происходит, отчего такой шум, и куда девался виновник торжества, француженка орала во всю мощь своего хорошо поставленного

голоса:

— Думаешь, я не знаю, кто ты, негодяй, откуда у тебя это богатство, и сколько на нём крови, лжи и грязи?! Ты волк, волк в овечьей шкуре! Я выросла в доках Марселя, и повидала бандитов всех мастей! По тебе давно уже плачет веревка палача и, рано или поздно, ты будешь болтаться в петле!

Тейт тяжело вздохнул и, широко шагнув, грубо схватил испуганно пискнувшую женщину за горло.

— Заткнись, потаскуха, — устало посоветовал он, грозно глядя в побагровевшее от удушья лицо актрисы, — а то завтра же лишишься ангажемента и будешь ублажать за два пенни пьяных матросов в жутких кабаках Ист-риверс. А то и вообще плыть вверх брюхом по Темзе — там не любят склочных баб. Холодная вода хорошо остужает горячие головы!

И разжал руку. Хватающая ртом воздух женщина упала на подушки, испуганно растирая пальцами горло. Мортланд досадливо поморщился — вот только открытого скандала ему и не хватало, да ещё при стольких свидетелях.

— Давайте выпьем, — по старой традиции взялся он сгладить неприятную ситуацию, — дело к рассвету, и у всех разыгрались нервы!

Лакеи быстро налили бокалы.

— Что ты наговорила, Мари, — деланно добродушно попенял Мортланд судорожно пытающейся сглотнуть французенке, — какие волки и бандиты? Успокойся, вернется Том — куда ему от тебя деться?!

Предложение выпить не вызвало возражений. Ещё один бокал вина отправил в нокаут всех, кто ещё мог хоть что-то соображать, и вскоре все пространство комнаты оказалось завалено храпящими мужскими и женскими телами.

Расположившись на вершине холма, Хэмпстед славился запутанным лабиринтом извилистых улочек, ступенчатыми переулками и крошечными площадями.

В конце XVII века здесь обнаружили целебные железистые воды, и он превратился в модный курорт. Город стал расти, сползать по склонам холмов, образуя весьма оригинальные архитектурные ансамбли. Но вообще-то, это место было тихим, провинциальным и весьма своеобразным.

Бисби назвал свое поместье 'Кастл-роком', потому что оно располагалось на небольшом холме в отдалении от остальной деревни. В заросшем травой парке стоял низкий двухэтажный дом по виду весьма скромный, с прилегающими к нему сельскими угодьями, амбарами, фермами, полями, прудами, лесом и прочим имуществом деревенской усадьбы джентри средней руки. В самом доме всё было устроено предельно скромно и просто. Неприятная, но добротная мебель, несколько старинных картин с изображениями сельских пейзажей, и ни ковров, ни бархатных штор, ни ваз или других занятных безделушек в его доме не было. Разве только сверкающая чистота отдраенной до блеска медной каминной утвари.

Несколько комнат для гостей так же по-спартански обставленных самым необходимым, большая столовая с дубовой мебелью вокруг стола и старинным буфетом, кабинет хозяина, заваленный толстенными бухгалтерскими книгами и литературой по сельскому хозяйству — всё открыто, всё нараспашку, всё... кроме спальни хозяина. Но Инн не сомневалась, что там та же скудность обстановки.

Хотя была здесь и кокетливая женская спальня, отделанная розовым с серебром шёлком и обставленная изящной мебелью. Она выглядела на фоне остальных помещений, как яркий бантик на чепце монахини — нелепо и глупо. А ещё одно крыло первого этажа было отдано под детскую — там обитал со своим гувернером, игрушками и занятиями маленький мальчик пяти лет.

Знакомство с ним произошло почти сразу по приезде. Сухопарая и суровая экономка вела её по коридору дома, держась, как генерал на плацу — холодно и неприступно.

— Вы будете жить в комнате миледи! — неприятно заявила она, распахивая розовый будуар перед носом ошеломленной таким резким контрастом Иннин.

Пока девушка рассматривала предлагаемое жильё, у её юбки внезапно оказался прехорошенький мальчик с кудрями цвета бронзы.

— Мисс, — поднял он на неё любопытные карие глаза, — вы теперь будете моей мамой?

Инн растерялась и даже расстроилась.

— Нет, малыш, — ласково присела она на уровень детских глаз, — я не твоя мама. А почему ты решил, что я ей буду?

— Раньше в этой комнате жила мама, — терпеливо пояснил ничуть не смутившийся мальчик, — раз вы здесь будете жить, значит, и будете моей мамой!

Интересно, что же стало с неизвестной женщиной? Почему так странно рассуждает этот очаровательный малыш?

— Ты скучаешь по маме? — участливо спросила она.

Ребенок почему-то удивился.

— Нет! Я скучаю по крестному отцу. Он каждый раз привозит много замечательных подарков и такие большие вкусные пироги с цукатами, а ещё наборы оловянных солдатиков, пони, и...

Глаза мальчика счастливо засветились, и тут же погасли.

— Но папа недоволен, — грустно сказал он, — говорит, что крестный меня совсем разбалует! А я так хочу собаку!

Это был, конечно, чудный малыш, открытый и обаятельный, и как экономка не кривила недовольством рот за такую задержку, она все-таки молчала, пока в отдалении коридора не появилась торопливо шагающая фигура высокого мужчины с подсвечником в руке.

— Тони! — недовольно прозвучал его голос. — Ты почему покинул детскую и пристаешь к миледи? Тебе давно пора быть в постели!

При звуках родного Grassiрующего 'р' Инн радостно встрепенулась, вмиг признав соотечественника. Но похоже тот не испытал ответной радости при виде девушки, судя по сурово стиснутым губам и отстраненному взгляду человека, который не хочет быть невежливым, но это выше его сил.

— Пойдемте, сударь, — сухо позвал он воспитанника по-французски, — гостя вашего отца нуждается в отдыхе!

Инн пристально осмотрела стоящего перед ней сухощавого высокого мужчину с мрачно насупленными черными бровями и удивительно светлыми глазами на чуть вытянутом худом лице. Он чем-то располагал к себе, хотя и не блистал красотой. Может, светящимся во всем облике интеллектом и уверенностью в себе?

— Мальчик ничуть мне не мешает, — мягко по-французски ответила она, — месье...?

— Рауль де Соланж, к вашим услугам!

Оставалось только поражаться, каким образом французский дворянин занял незавидное место гувернера в доме такой темной личности, как Бисби! Но, похоже, Соланж был из тех редких мужчин, на которых женская красота не действовала, но его юный воспитанник к ним не относился.

— Мисс, — упрямо возразил тот, — наша гостя, а с гостями нужно быть обходительными. Она такая красивая! Почти, как мама и жить будет в маминых комнатах!

— Спасибо, дружок, — Инн, тяжело вздохнув, выпрямилась во весь рост, — ты вёл себя безупречно! Но если эта комната принадлежала твоей матери...

— Мисс, — презрительно процедил сквозь зубы Соланж. — Это единственная комната в доме, оборудованная для проживания леди! Не хотите же вы остаться без ванны и прочих столь необходимых любой женщине мелочей? Поэтому не морочите голову достойной миссис Джонс и располагайтесь там, где вам предложено!

— Но та леди, что жила здесь до меня...

— Она больше не вернется! И это всё, что вам дозволено знать! Пойдем, Тони!

И этот невежа, схватив ребенка за руку, хамски обернулся к ней спиной и ушёл.

— С месье приходится считаться, мисс! — вздохнула экономка. — Он у нас тут самый главный! Хозяин бывает редко!

Иннин с тоской осмотрела слабо освещенное подсвечником розовое великолепие комнаты. Может, раньше бы оно ей и понравилось, но после утонченной роскоши Вудвилл-лодж, в глаза бросалась лишь безвкусная пестрота отделки и назойливая цветовая гамма. Но в её ли положении роптать? Радоваться надо, да благодарить Господа, что после всех

испытаний и невзгод она смогла найти себе даже временное пристанище.

Инн сравнительно легко удалось покинуть Вудвилл-лодж, укрывшись между ящиками в повозке зеленщика, а когда тот, остановившись у лавки, отправился получать новые заказы, она выбралась на белый свет. Всю дорогу, трясясь по ходу скрипучей, крытой грязной рогожей телеги, Инн напряженно размышляла — что делать дальше? Внезапно её озарило.

Ковент-Гарден, по-прежнему, оставался единственным местом в городе, где она более или менее ориентировалась, вот только приличного жилья в том районе практически не найти. Но как отыскать тихое убежище? Кто бы мог подсказать? И вот только тут она и вспомнила о случайном знакомстве с очень приятной и милой девушкой — мисс Беатой Шелдон, которая пекла такие восхитительные булочки.

Ковент-гарден мало изменился с прошлой осени — народу не убавилось, и людской муравейник, казалось, вовсе не пугала снежная слякоть под ногами. Разве только к удушливому смогу испарений ещё и добавился въедливый угар дымящихся труб.

Инн крепко сжала под плащом свой саквояж, вцепившись в него для верности обеими руками, и решительно направилась на знакомый закоулок, при подходе к которому ноздри защекотал приятнейший запах только что испеченной сдобы.

— Мисс? — приглядевшись, узнала её, крутящаяся между полками с горячим хлебом хозяйка. — Вот так сюрприз? Где же вы все это время пропадали?

Инн с улыбкой смотрела на широкое дружелюбное лицо булочницы, на её опрятный белый фартук, чистейший чепец и удивленно распахнутые серые глаза. Беата, как и её пекарня, мало изменились, а вот старик, едва выглядывающий из-за толстых конторских книг, казалось, сгорбился ещё сильнее.

— Видимо дела у мисс идут хорошо, — прошамкал он, — раз она имеет возможность носить такие дорогие вещи!

Инн смущенно оглядела себя — она выбрала из гардероба, что поскромнее, но, увы! Конечно, в обстановке бедной пекарни на Ковент-гарденском рынке, эти вещи казались чуть ли не королевским нарядом.

— Я, — с робкой улыбкой попросила она хозяйку, — хотела бы обратиться к вам с просьбой, потому что вы единственная женщина в округе, которой я могу довериться.

Беата чуть приподняла брови и медленно вытерла руки о передник.

— Чем могу быть вам полезна? — её голос прозвучал сухо.

Инн огорчилась — ей бы хотелось больше дружелюбия от этой женщины, но с другой стороны...

— Мне нужно какое-нибудь приличное жилье. Деньги у меня есть! — поспешно предотвратила она возможный вопрос. — Может, вы знаете кого-нибудь поблизости, кто сдает комнату или квартиру? Я хорошо заплачу!

Беата не спешила с ответом, как-то странно посматривая на неё и машинально, в задумчивости теребя передник, а потом повернулась к старику.

— Думаю, мистер Фелмор, что нам с леди нужно попить чаю наедине, а вы, тем временем, могли бы сходить домой пообедать! — предложила она, многозначительно кивнув головой на дверь.

Мистер Фелмор снял очки, закутался в ветхое одеяние, весьма отдаленно напоминающее пальто и тихо исчез за дверью.

Мисс Беата ловко сняла с решётки камина уже кипящий чайник, вышла в кладовую и вернулась с блюдом распространявших аромат ванили пышных булочек и кувшинчиком

сливок. Сдвинув в сторону бумаги, хозяйка жестом предложила сесть своей гостье.

— А теперь вы мне расскажите, — доверительно предложила она, подливая в сливки чай, — где вы пропадали всё это время? И почему именно сейчас вам понадобилось жилье?

Инн задумчиво отхлебнула из чашки. Ей очень хотелось довериться этой милой женщине, но жизнь в последнее время доказала девушке, что иногда просто необходимо, если хочешь выжить, держать язык за зубами.

— Я жила в доме одной леди, — пробормотала она, краснея и отводя глаза из-за необходимости врать, — но она больше не нуждается в моих услугах, и, пока я не найду себе новое занятие, мне нужна крыша над головой!

Лгунья из неё была никудышная, и, конечно же, Беата разгадала обман, но вместо того, чтобы укоризненно взглянуть на гостью, она слегка кивнула головой, а потом надолго замолчала. Со страхом поглядывающая на её бесстрастное лицо Иннин уже начала опасаться, что ей вежливо укажут на дверь, когда та, наконец-то, заговорила.

— Я не знаю ничего о тех, кто бы сдавал хоть сколько-нибудь приемлемое жилье для леди вашего уровня, — неохотно пробормотала она, морща лоб, — но могу узнать!

У Инн надеждой засверкали глаза.

— Спасибо! — благодарно прошептала она.

Но оказывается, Беата ещё не закончила.

— А пока я буду наводить справки, вы можете пожить у меня. У меня, конечно, не дворец, но найдется постель с чистым бельем, и нет тараканов!

Она закуталась в шерстяной плащ и покинула пекарню, поманив гостью за собой. Инн обрадовалась. Это был лучший из всех вариантов, о котором она могла только мечтать — в таком убежище её и в голову никому не придет искать!

Но в радостной эйфории юная француженка пробыла недолго. Девушкам понадобилось немного времени, чтобы оказаться перед обшарпанным домом, а потом подняться по шаткой вонючей лестнице в каморку на чердаке.

Растерянно оглядевшись вокруг, Инн с упавшим сердцем поняла, что никогда ещё не сталкивалась с такой жуткой нищетой, даже в притоне 'принца Альфреда'. Впрочем, тут было намного чище, чем там, но на этом достоинства и заканчивались.

Семья Беаты теснилась в двух темных и мрачных комнатёнках, обставленных жуткой старой мебелью, которую даже и таковой-то было назвать трудно — какие-то ящики, непонятные закопченные приспособления, лежаки, шаткий из грубых досок стол посередине, древнее кресло-качалка с поломанными полозьями, гроздь тряпок неопределенного вида, развешанные на протянутых веревках.

Но это было ещё полбеды — в комнате жались к чуть тлеющему камину две древние старухи, а на полу на циновке играла маленькая худенькая девочка лет трех. Кто-то ещё лежал, закутанный в старые пледы в углу комнаты и оглушительно кашлял.

Беата жестом утихомирила удивленных старух, пытавшихся что-то сказать, и провела Инн во вторую комнату — маленькую и темную, которая освещалась только узенькой щелью под потолком. Зато здесь была хоть и узкая, но кровать с чистым бельем, ящик, заменяющий то ли стол, то ли стул, и кусочек разбитого зеркала на стене.

— Это моя личная комната, — спокойно объяснила Беата, с едва заметной улыбкой наблюдая за реакцией потрясенной Инн, — тесновато, конечно, но, думаю, мы здесь поместимся вдвоем, пока вы не подыщите себе, что-нибудь более подходящее.

Юная француженка постаралась растянуть губы в признательной улыбке — до неё сразу

же дошло, насколько была великодушна эта женщина. Одно дело пригласить гостя в дом, где всего было в изобилие, другое — поделиться тем, чего и у самой не было. В данном случае краем кровати!

— Я не могу дольше оставаться, — продолжила свою речь хозяйка, — чтобы хоть как-то прокормить семью мне приходится много работать. В соседней комнате мои тетки и дед, а девочка — племянница. Они добрые люди и не помешают вам отдыхать. Пожалуйста, располагайтесь и постарайтесь заснуть, а вечером мы подробнее поговорим о том, как вам жить дальше.

— Спасибо, Беата, — с благодарностью прошептала Инн, развязывая ленты капора, — я понимаю, какой обузой являюсь для твоей семьи, но...

Булочница резким жестом остановила её излияния.

— Вечером, поговорим обо всём вечером! А сейчас постарайтесь заснуть, пока кровать целиком в вашем распоряжении.

И девушка ушла.

Инн, тяжело вздохнув, сняла плащ и осторожно присела на край кровати. Воздух в каморке был промозглым и спёртым, и ей сразу же сделалось холодно. Замерзшая девушка, не раздеваясь, прилегла на постель и накрылась своим подбитым мехом плащом. Долгое время она прислушивалась к голосам за стеной — бормотали что-то под нос старухи, слышался нежный лепет девочки, перебиваемый раскатами надсадного кашля старика. Думать ни о чём не хотелось, и было невероятно страшно даже на мгновение попытаться заглянуть в будущее и представить свою дальнейшую жизнь с ребенком на руках и без денег. Она и не стала этого делать.

— Я подумаю обо всем, когда придет Беата, — твердо успокоила себя будущая мать, — и пока не найду крышу над головой, вспоминать об Эдвине и Вудвилл-лодж не буду!

Постепенно дрема овладела её разумом — то ли сон, то ли явь. Вроде бы послышался чей-то неприятно знакомый голос, и что-то изменилось вокруг. Дремлющая Инн недовольно поморщилась — этот сон она уже когда-то видела, и он ей не нравился.

Происходило что-то неприятное и опасное настолько, что болью сжалось сердце, и она с замершим дыханием вдруг подскочила на кровати, ловя широко распахнутым ртом, куда-то исчезнувший из легких воздух. И на то была причина — занимая все пространство комнаты и упираясь макушкой в потолок перед ней стоял Бисби. И хотя комнату окутывали сумерки зимнего вечера, ей хорошо были видны неприятные темные глаза.

— Миледи, — гневно прогремел его голос над головой, — это уже переходит всякие границы! Чем для вас так прельстителен Ковент-гарден, что вы в третий раз меняете обеспеченную роскошную жизнь на эти жуткие трущобы?

— Я..., я..., - язык с трудом ворочался в пересохшем рту, — я больше не могла оставаться в Вудвилл-лодж!

— Почему? — Бисби умудрился на что-то сесть, подобно непроницаемой живой стене отрезая её от надежд на спасение.

Инн окончательно пала духом.

— Я беременна, — тихо пояснила она, — а его светлости не нужен мой ребенок!

— И что же?

— Он нужен мне!

И девушка с вызовом посмотрела на сидящего напротив мужчину.

— Я не дам убить малыша!

Странно, но насмешек со стороны Бисби не последовало, он задумчиво смотрел на неё, поигрывая набалдашником трости.

— Что ты будешь делать с младенцем, — спросил он, — если Мортланд откажется вас содержать? Сдашь в приют?

У Инн брызнули слезы из глаз.

— Малыш — это единственное, что придает хоть какой-то смысл моему позорному существованию в роли содержанки. Я уже сейчас люблю его больше всего на свете!

— Но детей надо кормить, одевать, да и самой что-то есть, — на удивление мягко возразил этот невозможный человек, — одной любви мало!

Будущая мать горько вздернула подбородок, жестко глядя собеседнику прямо в глаза. Она всё время гнала от себя эти мысли, но Бисби точно нанес удар, и времени для переживаний и раздумий не осталось.

— Разве не вы мне говорили о том, каким образом я буду зарабатывать на хлеб, когда у его светлости пропадет ко мне интерес? Что-нибудь изменилось?

Бисби скептически искривил губы:

— И что же, вы уже готовы приступить к новым обязанностям?

— В этом пока нет необходимости! — отрезала Инн. — У меня есть деньги, но когда они закончатся, и я начну искать работу, то...

— Обокрали Мортланда? Воровство входит у вас в привычку!

— Я — не воровка, — сразу ошетинулась оскорбленная Инн, — вам должно быть стыдно выдвигать против меня такие обвинения. Уж кто-кто, а вы-то знаете, как было дело! А деньги я выиграла в рулетку!

Собеседник мрачно хмыкнул.

— Миледи, сколько бы вы не выиграли, вам не хватит этих средств, чтобы дожидаться родов, произвести на свет младенца и ещё и на что-то жить после. Смею уверить, что жизнь даже в нищенских кварталах стоит недешево. Вы погибнете сами и загубите своё дитя!

— Так что же мне делать? — у Инн кончился запал. — Я не дам убить ребенка!

Бисби замолчал. На улице становилось всё темнее, но Инн хорошо различала в сумраке его задумчивое лицо.

— Может, Господь нас не оставит? — расплакалась она.

Мужчина протянул ей свой носовой платок.

— Ладно, — тихо сказал он, — я хоть и не претендую на роль Вседержителя, но все-таки предоставляю вам возможность родить ребенка в нормальных условиях! Собирайтесь, вы едите со мной!

Инн со страхом посмотрела на собеседника.

— Я не вернусь в Вудвилл-лодж, — отрицательно замотала она головой, — я боюсь Джины!

— Её не будет! 'Кастл-рок' — тихое и малолюдное место, расположенное за пределами Лондона, но вам там будет спокойно. Поторапливайтесь, у меня ещё много дел!

Бисби с трудом протиснулся из каморки, зато его место заняла хмурая Беата, принявшаяся помогать гостье одеваться.

— Вы простите меня, миледи, — тихо шептала она при этом, — но Бисби — могущественный человек в наших краях! Если бы до него дошло, что я вас скрываю, он отнял у меня пекарню, и моих близких ждала голодная смерть!

Инн устало улыбнулась дрожащими от горечи губами, а чего бы ей хотелось? Нельзя

слишком много требовать от почти незнакомых людей!

— Откуда ты узнала, что ему есть до меня дело? — только и спросила она перед уходом. Беата неожиданно смутилась.

— В тот день, когда вы появились у нас впервые, этот джентльмен шёл за вами по пятам!

Так вот почему они были столь гостеприимны! Но Инн не рассердилась на это откровение, ей просто стало чего-то жаль. Наверное, последних разлетающихся в прах иллюзий относительно людской порядочности!

— Чем ты расплатилась за пекарню, Беата? — неожиданно даже для себя самой поинтересовалась она. — Это ведь не был жест благотворительности, которую вы так расписывали?

Женщина густо покраснела и зло глянула на гостью.

— Я до сих пор плачу по векселям!

— А почему вам дали денег под векселя?

— Чтобы набрать достаточно денег для первого взноса, она продала в публичный дом свою младшую сестру! Это и было её обеспечением, — в комнату внезапно вернулся Бисби, — Инн, ты живешь в реальном мире! Гильотина искромсала ту жизнь, где бы ты была на своем месте! У нас в Англии что-то дается подо что-то! Беата — разумный человек, и рано или поздно, ты или поумнеешь, как она, или погибнешь! Третьего не дано!

На душе после этих слов стало настолько гадко, что Инн с трудом спустилась с лестницы на улицу, и наверняка, сломала себе шею, если бы её не поддерживали с двух сторон Беата и Бисби. На ночной улице девушку ждал экипаж.

— Не держите на меня зла! — почему-то в отчаянии взмолилась кутающаяся в платок Беата. — Когда вокруг тебя все просят есть, совесть умолкает!

Инн с жалостью посмотрела на её сгорбленную фигурку, а потом повернулась к терпеливо ждущему спутнику:

— Сколько стоит патент на торговлю хлебом?

Тот тяжело вздохнул, проворчав сквозь зубы что-то нелицеприятное.

— Дорого!

Она решительно протянула Беате мешочек с деньгами.

— Возьми! Эти деньги я выиграла в рулетку, но они, видно, ничего не могут изменить в моей судьбе, зато пригодятся твоей семье!

Больше испуганная, чем обрадованная женщина отшатнулась от этого внезапного дара, и хотела, что-то возразить, но Бисби грубо сунул ей в руки тяжелый мешочек и затолкал Инн в карету.

— Всё, хватит! Попрощались!

А когда экипаж тронулся, то выяснилось, что сам он остался на улице рядом с Беатой.

Вот таким образом Иннин оказалась в 'Кастл-роке'. Недоумевающая, растерянная и подавленная — у неё было стойкое ощущение, что она ходит по какому-то замкнутому лабиринту, из которого нет выхода, сколько не прилагай усилий выбраться. Но с другой стороны, Бисби пообещал, что даст ей возможность родить малыша, а о большем она сейчас и не мечтала...

Как-то утром, спустя несколько дней, экономка доложила, что гостью ждет в гостиной джентльмен.

— Разве он не представился?

— Ему этого не нужно! — отрезала миссис Джонс, и, больше ничего не объяснив, повернулась спиной.

Вот и поговори с ней после этого!

Но когда выведенная из себя глупой прислугой раздраженная француженка, наконец-то, достигла гостиной, то все мелкие неприятности вылетели у неё из головы. Посреди гостиной стоял, заложивший руки за спину Эдвин. Их взгляды встретились, и у беглянки тошнотворно сжалось сердце.

— Иннин, — голос Мортланда звучал как никогда мягко, хотя и с нотками укоризны, — я настолько стал тебе чужим, что ты даже не обнимешь меня?

Надо же, ему было достаточно одной фразы, чтобы расплакавшаяся девушка, позабыв про все обиды, кинулась в гостеприимно раскрытые объятия.

— Глупышка! Что же ты натворила? Куда тебя опять понесло? Ты хоть представляешь, что мы пережили за эту неделю?

Инн слышала эти слова, с нежностью уткнувшись хлюпающим носом в лацканы его сюртука. Это было самое лучшее место на свете, потому что можно было услышать, как гулко и тяжело бьется это закованное в броню одиночества сердце.

— Эдвин, — она глубоко вдыхала в себя запах его одежды — самый лучший запах на свете, — ты, наверное, просто не понял меня, а я тебя?

Он тихо рассмеялся и увлек её к стоящему неподалеку диванчику.

— Так давай сядем рядом и разберемся во всем!

Инн счастливо обвила шею любовника руками, да так и затихла, прильнув щекой к его плечу. Выяснять отношения ей уже не хотелось, но, с другой стороны, это было необходимо.

— Любимый, — начала она, волнуясь, — я хочу, чтобы ты знал! Я специально не стала пить отраву, потому что очень хотела ребенка!

— Зачем тебе ребенок? — тон Эдвина не был враждебным или недовольным, и от этого Инн воспарила духом.

— Я боюсь тебя потерять! Потому что уже слишком много потеряла!

— Понимаю, дорогая! Но если я тебя разлюблю, то ребенок меня не удержит. Наоборот, мужчины очень не любят, когда их пытаются привязать к себе таким способом.

Инн грустно потерлась подбородком о его плечо.

— Я знаю, чувствую, что рано или поздно, но в твоём сердце поселится другая. И даже сейчас не особенно уверена в тебе. Ведь ты такой красивый, умный, необыкновенно притягательный мужчина, — разве может кто-нибудь перед тобой устоять? В тебя влюбляются многие женщины, и когда-нибудь полюбит та, которая во всем превзойдет меня. И что тогда будет с моим сердцем? Как жить дальше? Пусть со мной останется хотя бы часть твоей любви!

— Иннин, — Мортланд сегодня был само терпение, — ребенок — не памятная вещь и не сувенир. Это огромная ответственность! Ты подумала, каково быть незаконнорожденным в этом мире? Презрение окружающих, незаслуженные обиды, поспешное изгнание в правах. Что ты потом скажешь, когда он обвинит тебя в неудавшейся жизни? Что хотела оставить себе, что-нибудь на память о любовнике?

— Я отдам малышу всю любовь, на которую только способна, буду жить им и для него! И не верю, что когда-нибудь он обвинит меня в том, что я не дала его убить!

Подбородок герцога угрожающе затвердел.

— Инн, мне хорошо с тобой, но если ты предпочтешь моим объятиям беременность...

Прости, но я буду вынужден найти себе другую женщину! Это будет означать конец наших отношений задолго до того, как мы бы охладели друг к другу!

Сердце бедной девушки болезненно ухнуло куда-то вниз — к оледеневшему животу. Она медленно соскользнула с колен любовника и, понурившись, села рядом. Он шантажировал её, безжалостно используя чувство бесконечной любви, которое жило в её измученном сердце. Это было жестоко!

— Почему ребенок Лили вам дороже собственного?

— Это ещё и ребенок моего брата!

— Необязательно!

Теперь уже Мортланд перестал скрывать раздражение.

— Перестаньте клеветать на собственную кухню. Это недостойно! И вообще... Лили не имеет никакого отношения к нашим делам! Ты же, Инн, ведешь себя нечестно, используя мою любовь в своих целях, даже не спросив моего мнения и поставив уже перед свершившимся фактом.

В какой-то степени он был прав, и чувство справедливости не дало девушке отмахнуться от резонов любовника.

— Да, — нехотя согласилась она, — это так! Вы правы, я не могу вас обвинять в бесчувствии или обмане, но убить ребенка тоже не дам!

Слезы потекли по её щекам, но Инн этого не заметила, поглощенная своим горем.

— Все любящие пары на земле, — всхлипнула она, — заводят детей. Это логичный, правильный исход любви, делающей её менее греховной и более возвышенной. И мужчины спокойно и с радостью подчиняются необходимому в таком случае воздержанию, даже если их супруги часто беременеют. Но вы решили завести себе новую любовницу, это значит только одно — вы меня не любите!

Мортланд настолько резко встал с места, что Инн даже качнуло назад.

— Всё! — громко и гневно сказал он, — с меня хватит! Вы уперлись и стоите на своем, не желая ничего слушать. Маленькая, упрямая ослица! Раз так, то рожайте! Но учтите, я не приму этого ребенка, не признаю его своим, и не дам даже пенни на его воспитание! И отныне между нами всё закончено!

Это было страшно. Настолько, что Инн закрыла глаза и уши, чтобы не слышать резкого безжалостного голоса. Ей было больно и плохо — настолько, что все поплыло перед глазами, и она судорожно схватилась за живот, упершись раскаленным лбом в спинку дивана.

— Мортланд, — послышался чей-то не менее резкий голос, — может, хватит мучить несчастную? Зачем столько патетики? Просто оставьте женщину в покое! Как бы вы не относились к ней, издеваться над беременной не по-мужски!

— Какого черта! — герцог в бешенстве обернулся к говорящему. — Кто вам дал право вмешиваться в разговор? У вас, кажется, другие обязанности в этом доме?

Инн с трудом разглядела расплывающимся от слез взглядом смутный силуэт Соланжа.

— Обязанность любого уважающего себя шевалье прийти на помощь нуждающейся женщине! Мадемуазель — католичка, она не может вести себя иначе! По догматам нашей веры даже предохранение от беременности — тяжкий грех, уж не говоря об аборте, не заставляйте её идти против собственной совести. Просто оставьте в покое, и мистер Тейт позаботится и о ней, и о ребенке!

— Я ещё не закончил разговор, и не нуждаюсь во вмешательстве третьих лиц!

— Нет, вы его уже закончили!

И ошеломленная Инн почувствовала, как вновь прогибается диван под новым седоком. Гувернер вольготно уселся рядом, с вызовом глядя на герцога.

— Я не дам вам больше разговаривать!

Мортланд громко выругался, но что ему оставалось делать? Гневно смерив взглядом нахала, он быстро вышел из гостиной, даже не попрощавшись с тоскливо съежившейся любовницей. Инн посмотрела на захлопнувшуюся дверь, с тоской прислушиваясь к звуку уходящих шагов. Это было невыносимо больно!

— Он меня совсем не любит, — тихо прошептала она.

— Нет, не любит, — откликнулся Соланж, — и никогда не любил! Ни один любящий, да что там, просто порядочный мужчина не пошлет женщину практически на верную смерть только лишь, чтобы не иметь головной боли в виде внебрачного отпрыска! Забудьте о нем! Вы красивая женщина, и ещё найдете свое счастье! А ребенок..., что ж, вырастет и без отца!

Мортланд был вне себя настолько, что отдал приказ разыскать и немедленно доставить к нему Бисби. А пока машинально занялся неотложными делами, поднакопившимися за время его вынужденного отсутствия в Лондоне. Но чтобы он не делал, какие бы проблемы не решал с людьми или за письменным столом, мысли его неизменно возвращались к утреннему разговору.

Герцог не мог понять, как он мог так сильно ошибаться в отношении любовницы. Иннин всегда ему казалась мягкой, простодушной до откровенной глупости, приятной в общении беспомощной красавицей. И вдруг такое невиданное упорство, такой отпор! Да ещё вмешательство Бисби с его явно ненужным покровительством глупой девчонке.

Пятичасовой чай работавшему в кабинете герцогу принес дворецкий.

— Кхм! — вежливо хмыкнул он за спиной, спрашивая, дозволено ли будет ему отвлечь хозяина от работы.

— Что, Смайлз?

— Милорд не ночевал дома!

Мортланд согласно кивнул головой — а иного он и не ожидал, судя по тому, каким плотоядным взглядом смотрел брат на юную азиатку.

— Весь день посетители, — продолжил слуга, — вся каминная полка завалена поздравлениями и приглашениями. Кто будет на них отвечать?

М-да, вот когда сказалось отсутствие тетушек! Секретарь герцога был в отъезде, так что приходилось всё делать самому.

— Конечно же, не милорд! — тяжело вздохнул он. — Несите их сюда!

Это был адски тоскливый труд. И когда Мортланд закончил отвечать, то за окном уже царила глубокая ночь, и нужно было ехать в клуб.

В 'Бруксе' Томаса не оказалось, хотя его ждали надеющиеся на встречу общие знакомые. Не оказалось Тейлора и в шикарном 'Ватье', который тот предпочитал всем остальным из-за изысканной французской кухни. Мортланд перекинулся несколькими словами со скучающим за столом Браммелем, и отбыл в... Вудвилл-лодж.

Молчаливая Флора приняла у него плащ и шляпу, и Мортланд невольно, с тоской посмотрел на лестницу, где его всегда встречала Инн, но, увы, там стояла только встревоженная Джина.

— Есть ли известия о беглянке, ваша светлость? — тихо спросила она.

— Да, — подробно рассказывать не хотелось, — она жива! Прикажи подать ужин!

А потом он долго сидел перед камином, накачиваясь тоской и бренди, до тех пор, пока окончательно не опьянел. Прохладные простыни кровати ещё хранили запах Инн. Глупая, упрямая девчонка!

Потом вновь наступило утро, и опять дела, и опять напрасные поиски бесследно исчезнувшего Бисби. Рано завалившись спать, Мортланд даже не поинтересовался, где брат.

И только на третьи сутки грянул гром!

Утром у постели нарисовался слуга с халатом.

— Ваша светлость!

Мортланд неторопливо осуществил утренний туалет и оделся.

— Маркиз будет за завтраком? — лениво поинтересовался он.

Слуга недоуменно на него посмотрел.

— А разве милорд в Лондоне?

Герцог, собственноручно завязывающий перед зеркалом шейный платок, так и застыл, забыв зафиксировать сложный узел.

— Когда он уехал?

Камердинер невольно опешил, недоуменно наморщив лоб.

— Три два назад, ваша светлость! Милорд запиской приказал своему камердинеру собрать вещи!

Мортланд едва устоял на ногах от таких известий.

— Ты хочешь сказать, что мой брат ни разу не появлялся за эти дни дома?

Слуга растерянно похлопал ресницами, пораженно глядя на изменившегося в лице хозяина.

— Да, ваша светлость!

Герцог машинально закончил туалет и пошел в столовую.

Итак, самое страшное все-таки свершилось — Томас вновь загулял, как и в ту злополучную осень. Причем очертя голову, и моментально забыл о своих намерениях наладить отношения с женой. Как извлечь Тома из объятий очередной одалиски? Где его вообще искать?

После порции жареного бекона, Мортланду удалось взять себя в руки.

— Это всё нервы, — пробормотал он, обращаясь к тарелке с рыбой, — откуда Лили узнать про китайнку? Всегда можно сказать, что Томаса задержали в Лондоне важные дела. Но найти его нужно как можно быстрее, пока никто не заподозрил, где он на самом деле!

Увы, его благим намерениями не суждено было осуществиться. Первый же утренний визитер просто пузырился от радости поведать ему пикантные истории, которые, оказывается, уже третий день обсуждались во всех лондонских гостиных.

Лорд Грегори Саутгемптон никогда не отличался умом, но приходился Тейлорам родственником со стороны матери, и на этом основании был на довольно короткой ноге с обитателями герцогского особняка. Можно только представить, насколько обрадовался Мортланд, когда слуга доложил о визите занудного толстяка. Маленький, с карикатурно раздутым животом, тот являл собой яркий пример типичного светского бездельника, который появился на свет, как будто только для того, чтобы разносить многочисленные сплетни.

— Наш Томас, наш герой, — заливался тот соловьем, не скрывая, однако, злорадства, — остался таким же повесой, как и был. Представляете, увлекся танцовщицей-китайнкой настолько, что бросил Клерон и торчит в трущобах, чтобы не расставаться с новым увлечением. Клерон в ярости, мечет молнии и громы и клянется, что никогда не простит ему измены!

— Какие страсти! — как можно равнодушнее пробормотал Мортланд, делая вид, что его больше интересует состояние собственных ногтей, чем сплетни родственничка. — Они сто раз уже ругались и мирились! Какая-то китайнка..., очередная клевета! Мой брат уехал в Мортланд-холл, к жене!

— А вот и нет, — заверещал обиженный такими сомнениями Саутгемптон, — вчера его видели в районе Вест-индийского дока, на какой-то сомнительной вечеринке, где выступала эта восточная дива. Он громко ей аплодировал, курил кальян в разудалой компании и был исключительно пьян!

— Сплетни, — деланно равнодушно отмахнулся герцог, втайне клопоча от гнева, — чего только не придумают люди! Том уехал к жене!

Грегори презрительно фыркнул.

— Если уж он и бросил Клерон, то явно не из-за жены. Все знают, насколько он презирает и ненавидит навязанную стовором отцов супругу. С чего бы ему к ней так спешить? Впрочем, леди Кларенс уже написала письмо вашей матери, сообщая об очередных выходках Томаса. Если её светлость подтвердит, что маркиз дома, то всем клеветникам поневоле придется прикусить язык.

— Так и будет! — спокойно подтвердил Мортланд.

Саутгемптон морочил ему голову ещё с полчаса, рассказывая о людях и событиях, до которых герцогу не было никакого дела. Но если бы надоедливый гость мог заглянуть в душу собеседника, то немедля исчез бы из кабинета хозяина.

Письмо! О такой возможности Мортланд не подумал. Вряд ли, мать ознакомит с его содержанием Лили, но может проговориться теткам, а уж те разнесут сплетню по всей округе! И это ещё полбеды — тетки могли и промолчать, но где гарантия, что какая-нибудь из многочисленных кузин Лили не строчит вот в эту самую минуту письмо невестке? Если та, вообще, не держит его в руках. Мортланд был готов убить братца!

— Где Бисби? — в гнев кричал он на посыльного. — Ты его ищешь уже третьи сутки, не растворился же он!

Слуга виновато втянул голову в плечи.

— В его конторе сказали, что он уехал в Дувр — встречать какие-то прорвавшиеся сквозь блокаду корабли, и его не будет ещё дней десять!

Мортланд раздраженно сломал перо, которым писал очередное письмо. Это могло быть и правдой, и ложью. Но как теперь угадать — преднамеренно ли подсунул Бисби брату эту ушлую косоглазую девку или Томас — настолько полный болван, что готов клонуть на любую приманку, лишь бы у неё под юбкой что-то имелось? Герцог больше склонялся ко второй версии. Брат был самым настоящим придурком, если пренебрег хрупким и зыбким миром со своей женой ради сомнительных удовольствий в объятиях очередной шлюхи, даже с таким экзотичным происхождением. И это после всего, что он сделал для умирения Лили!

Но где теперь искать брата?

Мортон тяжело вздохнул и вызвал слуг.

— Начинайте поиски, — приказал он, — шаг за шагом обойдите весь район доков в поисках или милорда, или его китайской потаскухи. Когда найдете, сообщите — разбираться с ним буду сам!

Тейлора, надо сказать, нашли довольно быстро — в какой-то сомнительной забегаловке он развлекался в компании китаянки и её не менее экзотичных товаров. Брат был пьян, зарос вавилонской бородой, и насквозь пропах приторным запахом гашиша. Лорд оказал нешуточное сопротивление людям брата, и только после того, как прибыл сам Мортланд и собственноручно отхлестал его по щекам, обозвав всеми известными ругательствами, Том смирился и дал себя увести.

Шесть суток понадобилось, чтобы вывести гуляку из состояния тяжелейшего опьянения и придать ему человеческий вид. Томас приходил в себя тяжело, страдал и мучился головными болями и страшным до озноба и судорог похмельем.

— Том, — Мортланд сам чуть не плакал от любви и жалости к беспутному братцу, — что ты делаешь с собой? Ради чего себя губишь?

Но тот лишь стонал и виноватым взглядом нашкодившей собаки смотрел на брата. Сердце герцога поневоле таяло, и от гнева и раздражения не оставалось и следа.

— Лили, — тихо напомнил он Тому в один из вечеров, когда брат, наконец-то, смог выползти к ужину и дрожащими руками едва удерживал вилку и нож, — ты ещё не забыл о ней?

Тейлор зябко передернул плечами — ему трудно было говорить на эту тему, но избежать разговора не было возможности.

— Я виноват перед ней, — едва слышно покаялся он, — но... откуда порядочным женщинам знать о шлюхах, с которыми развлекаются их мужья? Скажу, что не мог выбраться из Лондона из-за неотложных дел.

Мортланд поморщился, с сожалением глядя на осунувшегося брата.

— Мне очень жаль, но Клерон распустила язык, крича направо и налево, что не простит тебе очередной измены, и что она оскорблена твоим пренебрежением.

Том хмыкнул, жадно глотая воду из высокого стакана.

— Да, пусть кричит, мне-то что за дело! Пусть хоть изойдёт на крик! Клерон мне уже порядком приелась. Я и сам подумывал прекратить этот затянувшийся роман.

— Дело не в том, что она устроила скандал, а в том, что её слишком многие слышат, — заметил с тяжелым вздохом Мортланд, — в свете твои новые похождения — самая популярная тема! Есть, конечно, надежда, что слухи не дошли до твоей жены, но она крохотна.

Том слегка застонал, сжав руками виски, и с упреком посмотрел на брата.

— Почему ты не предотвратил эти разговоры? Неужели ничего нельзя было придумать?

Герцог лишь беспомощно развел руками.

— А что я мог сделать? Сказать, что ты в Мортланд-холле? Так я и поступил, но тебя многие видели в обществе этой трижды проклятой китайки. Чем она тебя так приворожила?

Томас смущенно отвел глаза.

— Ну, — неопределенно протянул он, — она такая необычная!

Мортланд с иронией посмотрел на брата, комкая салфетку, и тем самым заканчивая ужин.

— Надеюсь, все эти чудеса стоят того, что устроит нам твоя дражайшая супруга, когда мы прибудем в Мортланд-холл.

Выехать в дорогу удалось только через два дня, и герцог прекрасно осознавал, что время работает не на них, и уже смирился с мыслью, что предстоит грандиозный скандал с истериками, битьем посуды, упреками и проклятиями. Пока легкомысленный Том, который был твердо уверен, что быстро усмирит супругу, клевал носом рядом, Мортланд сочинил сотни оправданий, проработал десятки вариантов аргументов, настроившись на жёсткую и бескомпромиссную войну с упрямой невесткой.

Но когда они, наконец-то, пересекли занесенные снегом ворота Мортланд-холла, то выяснилось, что все его приготовления потеряли всякий смысл, потому что Лили покинула особняк, увезя с собой в неизвестном направлении также сына и няньку.

— Как это могло случиться? — бушевал Мортланд, испепеляя взглядом понуро сидящих в гостиной старых дам, — неужели вы все вместе не смогли удержать одну своенравную девчонку? Приказали бы не запрягать для неё лошадей!

— Мы ни о чем подобном не подозревали? — всхлипнула герцогиня, виновато глядя на

сыновей. — Она ничего нам не говорила о своих намерениях. А когда мы посещали благотворительный бал в приходе, организованный милейшим викарием для сбора пожертвований в пользу бедных, вдруг мгновенно собралась и сбежала, вдобавок прихватив нашего очаровательного крошку. Прислуга до последнего ни о чем не подозревала, думая, что она отъехала вслед за нами. Лили даже горничную оставила на месте, только приказав ей упаковывать вещи, мол, она за ней позже пришлет!

— А нянька? Что она сказала ей?

— Мы ничего не знаем! — заголосили удрученные тетки. — Ничего! Лили такая взбалмошная, такая скрытная! Она невыносима!

Томас с тихим стоном упал в кресло, закрыв лицо руками.

— Моя жена получала накануне какие-нибудь письма? — сдавленно спросил он.

— Да, от своих кузин Сорридж, — озадаченно ответила герцогиня, — но что могло быть в этих письмах? Неужели очередные гадкие сплетни? Мне тоже писали всякие мерзости о тебе, мой мальчик, но я не поверила ни одному слову! Да и Лили не выразила ни возмущения, ни негодования, она прочитала письмо и сказала, что этой зимой в моде русские соболя. И всё!

— Действительно, 'всё'! — задумчиво протянул старший сын и глянул на младшего брата. — И что будем делать, кавалер ордена Чертополоха?

Томас, очевидно, уже оправился от полученного удара. Мало того, пораженный Мортланд вынужден был признать, что происшедшее благотворно сказалось на его сумасбродном братце. Ушла муть из глаз, и выражение лица стало заинтересованным и энергичным.

— Вот что, — веско заявил Томас, бодро подсакивая с места, — я сам займусь этой историей! В конце концов, она меня касается больше всех.

— Своевременное осознание, — Мортланд тяжело вздохнул.

— А вы, — ткнул Тейлор пальцем в опешивших от такой разительной перемены старых дам, — направьте все усилия на то, чтобы скрыть исчезновение Лили. Никаких писем, никаких разговоров! Если вдруг появятся гости, то говорите, что она больна. Эдвин, оставайся на месте, чтобы я знал, куда писать в случае надобности. Может, ты получишь известие от неё быстрее, чем я!

Герцогине не понравилась такая прыть младшего отпрыска.

— Зачем тебе куда-то ехать? — недовольно спросила она. — Нужно написать письмо в Кавендиш-холл, и лорд сам привезет к нам беглянку. Мы все вместе её пожурим, и Джордж поможет нам вразумить разбушевавшуюся девчонку.

Герцог, нервно расхаживающий по гостиной, внимательно посмотрел на мать. Ах, если бы ему её уверенность! Он боялся совсем другого!

— С чего вы взяли, что Лили отправилась к отцу?

— А куда же ещё? — хором удивились тетки.

Мортланд удрученно переглянулся с братом, но Томаса мало интересовали выводы тётушек. Он рвался на поиски улизнувшей супруги.

А потом были тяжелые дни ожидания, когда весь дом погрузился в унылую печаль — тетки говорили вполголоса, герцогиня практически не выходила из своих комнат, и, собираясь за общей трапезой, семейство Тейлоров напоминало толпу только что вернувшихся с похорон родственников — настолько тихи были голоса, настолько мрачны лица.

Лили же была неумолимой от злости, когда покидала родовое гнездо Мортландов. Перед глазами плясали строчки из письма кузины: '... прости, дорогая, но говорят это китаянка! Грязная нищая китайская танцовщица — о них в обществе ходят такие ужасающие слухи! Тейлор же настолько ей увлекся, что сбежал из дому на задворки Ист-энда, и как герцог не водит всех за нос, доказывая, что брат уехал домой к супруге, мы-то все знаем, что это не так! Его видели в таком скандальном положении, что мне, право слово, неудобно тебе об этом писать. Не сочти, что я сплетница или, того хуже, пытаюсь разрушить ваш брак, но мой долг раскрыть тебе глаза на правду! Мне жаль, очень жаль, но о похождениях твоего супруга гудит весь высший свет, все тебя жалеют...'

Последняя фраза была той самой каплей, которая, как говорится, переполнила чашу терпения молодой женщины. Все её жалеют?! Да как бы ни так — брошенная ради какой-то китаянки жена вызывает в обществе презрение, издевки и оскорбления, и она теперь никогда не сможет появиться в лондонских гостиных, чтобы ей не смеялись вслед. А раз так, то Лили больше не считала нужным придерживаться соглашения с Мортландом относительно Томаса. Хотя, видит Бог, она старалась!

Всё это время она опасалась мести Мортланда. Он не пугал её, но чётко дал понять, что будет молчать о происхождении Алекса, если она смирится со всеми проделками Томаса. И что ей было делать? Ехать в Лондон, и начать поиски того, кто так внезапно и бесследно исчез, или терпеть издевательства и свинское поведение блудливого супруга? Лили выбрала третье!

Она уехала из Мортланд-холла не потому, что хотела скрыться от мужа — не так уж Лили была глупа, чтобы не понимать, что её моментально найдут. Но она должна была что-то сделать, как-то выразить своё возмущение подобным распутством, и одновременно не повредить сыну.

— Мы ничего не имеем права требовать для себя, когда в нашу жизнь приходят дети! И если мой удел — распутный муж, то бороться с судьбой надо как-то по-другому!

И она направилась в Сеттенфорд — поместье при конном заводе, отошедшее им с Томом по свадебному контракту после того, как родился Алекс. Выбор был вполне логичен — во-первых, оно располагалось неподалеку от отцовского поместья, а во-вторых, Лили здесь бывала и раньше, и хорошо знала управляющего и экономку.

СЛУЧАЙНОСТИ НА ДОРОГАХ

Лили сидела за поздним ужином в полутемном и закопченном общем зале таверны довольно низкого пошиба, потому что разгулявшаяся непогода не дала продолжить дальнейший путь. Нехотя ковыряя салат из огурцов и вареную ветчину в укропном соусе, она уныло рассматривала окружающую публику — несколько изрядно подвыпивших фермеров, также остановившихся на ночлег и какие-то подозрительные личности, шепчущиеся по углам с себе подобными. Исключение составляли разве что три женщины в дешёвых дорожных костюмах — судя по благообразным чепцам и постным лицам, явно из семьи сельского викария, да толстая пожилая дама в сопровождении задержанной её ворчанием сухопарой компаньонки.

Между массивными деревенскими столами харчевни метались неряшливые служанки с подносами, хихикающие над незатейливыми и плоскими шутками соответствующей публики. Здесь даже не было отдельных кабинетов для богатых клиентов — маленький, грязный трактир с общим залом, да несколькими номерами наверху, где помещались разве что узкие кровати, да стол с принадлежностями для умывания. Но привередничать не приходилось, Лили обреченно сознавала, что им повезло найти хотя бы такой приют среди разгулявшейся непогоды.

Кучер сказал госпоже, что бесполезно, на ночь глядя, по такому дождю продолжать путь — чревато остаться со сломанными колесами и выдохшимися лошадьми посреди ночного леса. Перспектива, прямо скажем, не из лучших!

Лили, рассчитывающая проехать этот отрезок пути, нигде не останавливаясь, вынуждена была смириться. Особенно, когда на стороне кучера выступили грумы, продрогшие под секущим, вперемешку со снегом дождём.

Вот и пришлось заехать в это третьесортное деревенское заведение, где, наверное, отродясь не видывали дам такого ранга. Впрочем, скромный дорожный костюм и непритязательная шляпка вряд ли говорили окружающим о титуле маркизы — истинную стоимость подобной простоты мог знать только человек, имеющий дело с очень дорогими вещами.

Нянька ужинала в номере, где устроили Алекса, а вот Лили почему-то решила спуститься вниз. Ей было не по себе в убогой сырой комнатухе с затхлым запахом несвежего белья, пыли и коптящего камина. Укладываться спать было рано, читать не хотелось, да и разглядывая даже столь непритязательную публику, она поневоле отвлекалась от навязчивых мыслей о своем незавидном положении вечно брошенной жены.

Лили о многом нужно было подумать, во многом разобраться, и прийти к какому-нибудь решению относительно своей дальнейшей жизни. С тем сумраком отчаяния и унижения, который царил у неё на душе, существовать было невозможно. Но! Умные мысли почему-то бежали прочь, и она тупо взирала на веселящуюся на свой лад чернь, поневоле завидуя веселому беззаботному смеху простолюдинов. Что толку в богатстве, в титулах и поместьях, когда ты не бываешь в них счастлив, когда мрак безысходности окутывает твою душу так же, как черные тучи заволокли небо над этим унылым захолустным местечком? Разве дало ей богатое приданое любящего мужа, крепкую и счастливую семью? Наоборот!

Неожиданно глаза молодой женщины наткнулись на ранее незамеченную фигуру армейского офицера. Наверное, он только что вошел в зал, потому что давал распоряжения

относительно ужина угодливо хихикающей и строящей ему глазки служанке. Лили остановила на нём взор только потому, что офицер резко выделялся своим красным мундиром в толпе окружающих мужланов, но, приглядевшись, она вынуждена была признать, что это довольно интересный мужчина.

Не то, чтобы особенно красивый, а именно — интересный! Его щегольской мундир украшали эполеты и золотые галуны. Лили плохо разбиралась в воинских различиях и полках, но всё же догадалась, что перед ней королевский гвардеец. Забранные в хвост длинные русые волосы были причесаны с небрежностью человека, который меньше всего думает о производимом им впечатлении. Но вкупе с резкими, выразительными чертами лица незнакомец представлял собой привлекательное зрелище зрелой силы и спокойной уверенности. Нависшие над чёрными глазами прямые стрельчатые брови, загорелый цвет продолговатого лица с высоким лбом и двумя тонкими шрамами на левой щеке — такой мужественный облик обычно врезается в память надолго.

Машинально отщипывая кусочки от лепешки, Лили с любопытством наблюдала, как незнакомец с аппетитом ест, но при этом его жесты аккуратны, скупы и даже красивы.

Ему лет тридцать пять, а может, уже сорок, — развлекалась она, пытаясь составить представление о заинтриговавшем её джентльмене, — судя по шрамам, был на войне. Наверное, выходец из семьи джентри — умеет вести себя за столом, правильно держит нож и вилку, но к знати явно не относится! Холост — у него на пальце нет кольца!

Неизвестно, до чего бы она, в конце концов, додумалась, но внезапно незнакомец перехватил её взгляд. И как он заметил, что с за ним наблюдает затаившаяся в плохо освещенном углу женщина, да ещё с затененными полями шляпки лицом?

Лили смущенно дёрнулась, стараясь отвести взгляд в сторону, но в этот момент он, приподняв бокал с вином, сделал приветственный жест в её сторону и улыбнулся. Улыбка у него была хорошая — открытая и приятная, с вертикальными морщинками на щеках. Увы, сделать вид, что она его не замечает, не удалось, и Лили машинально улыбнулась в ответ, скорее, от ощущения вины за свое бесцеремонное разглядывание.

И прежде, чем она осознала всю глупость собственного поступка, незнакомец уже раскланивался у её стола.

— Мисс, — довольно галантно приложил он руку к сердцу, — разрешите представиться — капитан Первого Гвардейского пехотного полка — Майкл Дуглас!

Лили онемела от такой бесцеремонности. Она не знала, что делать в таких случаях, впервые в жизни оказавшись в обществе человека, который лично представил себя, и не было никого поблизости, кто бы его рекомендовал. Между тем, тот вольготно, не дожидаясь разрешения, уселся напротив, щелчком подозвав служанку. Вблизи, он не испортил впечатления, наоборот, Лили неожиданно понравился тембр его слегка хриповатого голоса.

— Вина для меня и мисс...,- капитан выжидающе замолчал, уставив в неё заинтересованный взгляд тёмных пронзительных глаз.

Обрывать наглеца и ставить на место, было себе дороже, да и не хотелось. Впрочем, к чему соблюдать формальности, когда не было надзирающего ока миссис Элпет и ей подобных? Этот капитан, похоже, пытался с ней флиртовать! Лили невольно почувствовала щекочущее нервы любопытство.

— Мисс Лора Форсайт, — церемонно представилась она именем одной из своих многочисленных кузин, и озадаченно посмотрела на запотелый кувшин с вином, который в сердцах поставила на стол трактирная служанка, разозлившаяся, что ей пренебрег такой

многообещающий кавалер, — только я не пью вина, разве когда болею!

Мужчина чуть улыбнулся и уверенно налил ей стакан.

— А это тот самый случай, мисс, — сказал он убежденным тоном, — на улице премерзкая погода, которая нас загнала под крышу этого хлева. Нужно выпить, чтобы избежать болезни!

Лили неуверенно приподняла бокал и осторожно опустила в него кончик языка — вино было отвратительным!

— Согласен, — тут же отреагировал на её гримасу Дуглас, — но другого-то нет! Уверяю, одним глотком вы не отравитесь, а наоборот, согреетесь, и вам станет легче!

Лили хмыкнула. Разговор становился забавным — этот парень явно не страдал застенчивостью в присутствии дам!

— С чего вы взяли, что мне тяжело?

— Да, как сказать, — мужчина, потягивая вино, не сводил с неё глаз, — когда такая красавица смотрит на тебя на протяжении всего вечера, то, наверное, ей нужна помощь?!

Наша героиня от неожиданности сделала довольно большой глоток дрянного напитка, тут же пожалев об этом, но это было мимолетное чувство, почти сразу же вытесненное живым любопытством. Неужели, у неё на лице отражаются все навалившиеся за последнее время напасти, и незнакомый бравый капитан каким-то образом это увидел, да ещё предложил помощь? Но в чём она может выражаться? Неужели он собирается вызвать на дуэль обидчика дамы, впервые им увиденной в грязном трактире? Всё это было так странно, непонятно...

— Помощь? — в затруднении приподняла она брови. — Чем же вы мне можете помочь?

Дуглас не спеша допил вино, ещё раз пристально взгляделся в её полускрытое полями шляпки лицо, а потом... потом вытащил из-за пазухи довольно потрепанный кошель, деловито развязал его и положил на стол гиней, легким щелчком пододвинув монету к её руке.

Лили вторично онемела. Её бедная голова отказывалась понимать смысл этого явно многозначительного жеста. Гиней? Но что она могла исправить в её судьбе, чем помочь? Тягостное молчание повисло над столом, но капитан, видимо, по-своему истолковал её колебания.

— Мало? Что ж, такой красивой девушке можно добавить и ещё!

И вторая гиней с тихим звоном присоединилась к первой.

Лили тупо смотрела на поблескивающие возле руки монеты, смутно начиная что-то соображать, но это было настолько невероятно, что она, округлив глаза, с тихим ужасом взглянула на капитана. Неужели он мог предложить подобное ей — леди Лилиане Тейлор, маркизе Теффорд?! Но... почему?

Тот в ответ чуть нахмурился, немного подумал, вновь порылся в кошельке и вытащил ещё две монеты.

— Я понимаю, — сухо заявил он, неохотно отправляя их к первым двум, — что обычно вы берете больше. Наверное, мисс Лора, вы относитесь к тем красавицам, благосклонность которых стоит очень дорого. Мне рассказывали, что лондонские кокетки разоряют своих поклонников, требуя для себя бриллиантов, экипажей, особняков, но вы так смотрели на меня сегодня, что подали надежду. Нехорошо с вашей стороны так играть чувствами далекого от женских капризов солдата! Может, все-таки снизите цену? В конце концов, люди теряют на войне жизни за гораздо меньшую сумму, чем эта! Что вам стоит? Всего

лишь одна ночь...

Последние сомнения развеялись, и Лили, нервно фыркнув, уставилась на собеседника широко раскрытыми глазами, не зная — то ли ей смеяться, то ли плакать? Она не чувствовала себя ни униженной, ни оскорбленной, а скорее, озадаченной. В её голове бродили мысли, заставившие бы миссис Элспет умереть на месте от стыда за свою воспитанницу. 'Итак, — изумленно думала наша маркиза, — нашелся мужчина, который меня пожелал настолько, что согласен отдать за ночь со мной огромную для него сумму денег!' Это было очень и очень интересно...

Лили машинально пожевала огурец, с оторопью и нескрываемым любопытством посмотрев на Дугласа. Тот скупно улыбнулся в ответ и внезапно крепко сжал её руку. Пальцы у него были жесткие и очень горячие.

— Что же ты молчишь, девочка? Решайся! Неужели ты настолько корыстолюбива, что лишишь нас этой ночью отменного удовольствия? Я хороший любовник, женщинам никогда не было со мной скучно, да к тому же шесть гиней....

И к четырем монетам добавились ещё две. Это по всем меркам была большая сумма. Даже далекая от подобной бухгалтерии молодая леди и то понимала, что услуги шлюх стоят гораздо меньше — она даже почувствовала себя в какой-то мере то ли польщенной, то ли удовлетворенной.

— Да, — Лили рассеянно выпила до конца мерзкое пойло, потому что пересохшее горло необходимо было чем-то смочить, — вы правы, это очень хорошие деньги. И что же вы хотите от меня за эту сумму?

— Тебя, — её обожгли до сердцебиения его неожиданно остро вспыхнувшие глаза, — на весь этот вечер и на всю ночь..., и всё, что я захочу!!

Можно было, конечно, позвать либо хозяина трактира, либо собственных грумов и кучера, чтобы те показали этому хаму, как нужно разговаривать с маркизой Тефорд, но Лили не стала этого делать. Сейчас, наверное, даже появление мужа и то не оторвало бы молодую женщину от столь заинтриговавшего её собеседника, хриплый голос которого волновал до дрожи и мурашек озноба по всему телу.

— Что же вы захотите? — осторожно поинтересовалась она, нервно облизав пересохшие губы.

'Если Тому можно, то почему мне нельзя?! Должна же я понять, что его привлекает в шлюхах, почему он изменяет мне с ними?' — билось в голове, начисто отменяя сопротивление вопящего от ужаса рассудка. Лили чувствовала себя скользящей к самому краю пропасти, и это было, по-своему, захватывающее чувство!

— Бери деньги и узнаешь!

Леди ещё раз с особым вниманием осмотрела напряженно ждущего ответа мужчину. Мундир на его широких плечах сидел, как влитой, плоские твердые губы приковывали особое внимание вполне понятным обещанием, а за окном лил проливной дождь и простыни на постели, наверняка, были ледяные и противно липкие. Этот мужчина был горячим, как огонь, и она превосходно проведет время вместо того, чтобы страдать и мучиться от обиды на распутного супруга!

А главное — они расстанутся навсегда, и никто ничего не узнает, уж слишком к разным слоям общества относились маркиза и боевой офицер. Их пути никогда больше не пересекутся!

— Хорошо, — медленно прошептала молодая женщина, и чуть помолчав, все-таки

решилась, — мне подходит ваше предложение!

— Умница, крошка, — сухие губы мужчины многообещающе прижались к руке, — у тебя такая нежная кожа, с ума сойти!

Лили, с бьющимся набатом сердцем, смотрела на его прямые, выбивающиеся прядями из прически волосы на склоненной голове, и сама не понимала, что ощущает. Её дразнил и отталкивал одновременно чужой запах этого мужчины — смесь пота, кожи, табака и ещё чего-то тревожного и непонятного. Внезапно стало страшно и захотелось забыть этот нелепый разговор и уйти в свою комнату. Да она с ума сошла, не иначе, даже затевая его!

— Куда пойдём — к тебе или ко мне?

Он держал её крепко, отнюдь не ласково заглядывая в смятенные глаза. Лили неожиданно напомнил этот взгляд... Тони! И она тут же чуть не умерла со стыда — как она могла забыть о Калверте, как она могла!

— Простите, — чуть не плача, прошептала женщина, — но...

— Я понимаю так, — недобро сжал губы этот невозможный человек, — что к тебе нельзя! Так что ж, вот ключ от моего номера, он расположен в правом углу от лестницы. Уйдешь первой, всё приготовишь, а я не задержусь! И не надо со мной шутить...

Лили вспыхнула, надменно задрав брови.

— Вам что-то не нравится?

— Ну-ну, цыпочка, — мужчина покровительственно ущипнул её за щеку, — не поднимай шерстку и убери коготки, я просто предупреждаю, что не люблю попадать впросак. Нам ведь не нужны скандалы, не так ли?

Скандалы? О, нет! Об этом непременно узнают слуги, начнут молотить языком — дойдет до теток, свекрови, деверя! И всё же, Лили сразу восстала против нажима.

— Не смейте мне угрожать!

Дуглас невесело рассмеялся.

— Да я и не думал! Иди, милая, иди, пока я не начал тебя целовать на глазах у всей этой публики — у меня может лопнуть терпение!

Лили затравлено оглянулась. Пока она вела неприличные беседы, женщины из зала уже удалились, а всем остальным было мало дела до чужой болтовни, разве только служанка неодобрительно косилась в их сторону.

Лили, судорожно сжав в ладони ключ, подскочила с места и, не глядя ни на кого, быстро устремилась к лестнице, лихорадочно соображая, что делать дальше. Поднявшись на одном дыхании на второй этаж, она остановилась, тяжело переводя дух и глядя на ряд затаившихся в сумраке дверей. Можно было быстро нырнуть в свою, закрыться на крепкий засов, и пусть капитан хоть всю гостиницу разнесет, ей на это наплевать! Но... Лили отчаянно откинула голову к стене и, закрыв глаза, задумалась.

Странно, но идея провести ночь с Дугласом все-таки не покинула её. Нашей героине отчаянно хотелось понять, как это — отдаваться за деньги? Да ещё за вполне приличные деньги! Что потребуется? И наконец, самое болезненное и главное — что во всем этом находит Том?! Почему упорно устремляется от неё к продажным женщинам? Чего ему не хватает? Эта ночь — единственная в своем роде, которая могла бы приоткрыть запретную для порядочных женщин страницу бытия. И Дуглас, пожалуй, подходил для подобного эксперимента по всем статьям.

— Милая, ты, наверное, не смогла открыть замок?

Лили вздрогнула и испуганно распахнула глаза навстречу взгляду нависшего над ней

мужчины. И как он только смог так незаметно к ней приблизиться? Капитан держал в руках подсвечник и не собирался отпускать свою добычу.

— Так в чем же дело? Неужели опять мало денег?

Ей казалось, что мужской голос гремит, как труба, и она в ужасе закрыла его губы ладонью, мгновенно представив, как потревоженная шумом из своего номера выглянет нянька и увидит свою госпожу в недвусмысленной позе рядом с офицером. Что дальше произойдет, даже предполагать не надо — едва ли найдется в Англии дом, в котором не будут обсуждать на все лады эту пикантную историю!

Дуглас, насмешливо улыбнувшись, с чувством поцеловал её ладонь, а потом, крепко ухватив за руку повыше локтя, решительно повлек женщину к двери своего номера. И пока он возился с замком, наша авантюристка обмирала от страха, что кто-нибудь застанет их вдвоем за таким занятием. Напряжение было настолько велико, что она даже облегченно вздохнула, когда оказалась внутри чужого номера.

Здесь было почти всё таким же, как и в её номере — кровать, столик с медным тазом и кувшином воды, стул, уже потухший, черный от сажи камин, на полку которого мужчина поставил подсвечник. Неровный свет свечей высветил сваленный на стул плащ, кивер, а на постели на самом видном месте лежала тяжелая сабля в ножнах, ящик с пистолетами, коробка сигар и прочая мужская амуниция. Да и запах здесь был крепкий, тяжелый и истинно мужской...

Лили замерла у двери, обозревая этот чуждый, далекий мир мужской жизни. Она почувствовала себя здесь лишней. Но сам хозяин, очевидно, думал по-другому — он деловито сгреб всё в одну кучу, и, не церемонясь, просто сбросил на пол. Затем вытащил откуда-то ещё несколько свечей и зажёл, прикрепив воском к каминной полке.

— Зачем столько свечей? — с трудом удерживая нервный озноб, спросила она.

Плащ и кивер полетели вслед за прочими вещами на пол, и Дуглас, расстегнув мундир, вольготно развалился на стуле, с удобством вытянув скрещенные ноги. И только после этого ответил на вопрос:

— Должен же я разглядеть за кого отвалил такую бешеную сумму денег! Сними шляпку, милая!

Лили затравленно оглянулась на дверь, но та была заперта, и ключ находился где-то у хозяина, который в молчаливом нетерпении ждал выполнения скорее приказа, чем просьбы. Его лицо было черезчур бесстрастным, и только сложенные на груди руки выдавали непонятное напряжение. Может, он действительно сомневался, что она стоит таких денег? Разве можно что-либо понять у мужчины с такими жестко прищуренными глазами?

Совсем запутавшаяся в противоречивых эмоциях молодая женщина неохотно развязала ленты шляпки и растерянно покрутила её в руках, не зная, куда положить.

— Бросай сюда же, — фамильярно хмыкнул капитан, показав глазами на сваленную в кучу собственную одежду, — не пропадет! А теперь сними чепец и распусти волосы!

Лили мрачно глянула на нахала, но, может, так и положено обращаться с продажными женщинами? Откуда ей знать? И она стащила с головы дорожный кружевной чепчик, а потом, вытащив шпильки из незатейливой прически, распустила волосы, с вызовом глянув на сидящего в присутствии дамы невежду. А впрочем, сегодня она ведь была не совсем дамой..., прямо скажем, вовсе не дамой!

И Лили с горделивым удовлетворением увидела, как расширяются глаза Дугласа при взгляде на её главное сокровище, как вытягивается удивленным восхищением его лицо.

— Бог мой, крошка, — пробормотал он, — всё это время я видел перед собой только капризные губки, да кончик носика, с посверкивающими из-под полей этого глупого горшка сердитыми глазками! И всё пытался представить, что же там таится, так тщательно скрываемое от посторонних глаз? Это всё равно, что поставить на скачках все деньги на лошадь, увидев только её хвост, и сорвать главный куш!

Ничего себе сравнение! У Лили от негодования даже пропала робость.

— Вот как? — надменно искривила она губы. — Я напоминаю вам призовую кобылу?

Мужчина насмешливо покачал головой, задумчиво потерев подбородок рукой.

— Нет, милая, ты напоминаешь о том, что, оказывается, я видел в этом мире далеко не всё! И я никак не могу понять, каким образом смог обнаружить такую красавицу в грязной придорожной харчевне? Всё равно, что бриллиант в навозной куче! Может, у тебя тщательно замаскированный горб или кривые волосатые ноги, и именно поэтому ты пошла со мной?

— У меня нет горба, — отрезала взбешенная его возмутительными инсинуациями Лили, — и ноги у меня под стать остальному! Но может, вы мечтали о чем-нибудь обратном, тогда оставьте деньги при себе и откройте дверь!

— О чём я мечтаю, ты потом узнаешь, — невозмутимо парировал этот нахал, — сделка же, милая, есть сделка, даже если тебя в ней что-то не устраивает. Раздевайся дальше, зачем останавливаться?

Да уж, Дуглас не давал ей забыть, зачем она здесь! Впрочем, Лили напомнила себе, что сама этого пожелала, и чего же теперь ныть и жаловаться? Это просто эксперимент, хотя вряд ли таким путем она обнаружит философский камень!

Молодая женщина подчеркнуто зло расстегнула пуговицу за пуговицей на своей дорожной кофте, кинув её на общую кучу вслед за шляпкой, но на ней осталось глухое платье с высоким кружевным воротником, застегивающееся рядом пуговиц на спине. Загвоздка!

— Я, — с досадой покраснела она под пристальным, вопрошающим о заминке взглядом, — не могу расстегнуть пуговицы. У меня руки не достают! Я собиралась спать, не раздеваясь!

— Что ты, милая, спать в платье? Зачем же, разве джентльмен откажется помочь даме в столь деликатной ситуации?

Она и охнуть не успела, как Дуглас одним прыжком покинув своё место, бесцеремонно и грубо развернул её к себе спиной. Лили ошеломленно затаила дыхание, когда он вместо того, чтобы заняться пуговками и петлями, захватил в горсть пряди её волос и уткнулся в них лицом.

— Живое шелковое золото, — его дыхание обожгло затылок и уши, заставив невольно поежиться, — а запах..., можно опьянеть и одурманиться, как в зарослях дикого мака!

Его сильные руки ласкающим жестом обвели контур женских плеч, сжав предплечья, и покачнувшись в тесных объятиях Лили закрыла глаза, почувствовав прикосновение горячих губ к незащищенному воротом участку шеи.

— Чистая и свежая, как родник!

— Так ты надеялся за шесть соверенов купить себе девственницу? — ядовито поинтересовалась она.

— Мне не нужна девственница! — категорически прозвучал голос, где-то возле макушки.

— Ну, разумеется!

Странно, но ему удалось задеть болезненную пружину, казалось, очень тщательно запрятанную внутри со времен кошмарной брачной ночи, и Лили вспыхнула гневом. Резко развернувшись к собеседнику, она уставилась в его лицо ненавидящими глазами.

— Вам же всем нужны шлюхи! Настолько нужны, что вы готовы искать их где угодно, позабыв о чести, совести, брачных обязательствах, чувствах...

Жесткий палец грубо надавил ей на губы, заставив умолкнуть. Темные глаза смотрели тяжело и в упор.

— Мне не нужны ни шлюхи, — спокойно сказал он, — ни девственницы! Мне нужна только ты!

— За что же такая честь? Ведь ты разглядел меня всего минуту назад!

— Это не так! — его большие руки неожиданно сжали ей шею, поглаживая большими пальцами горло.

Ощущение было не из приятных, но зато заставило её внимательно взглянуть в говорящего. Вблизи его лицо выглядело старше — может, от легкой тени пробивающейся щетины? Зато шрамы накрыла прядь выбившихся из прически волос.

И все-таки, Дуглас чем-то её остро волновал и притягивал! Лили плохо понимала свои ощущения — может, это был запах, а может, заманивающий неизвестно во что непроницаемый взгляд? Но все это заставляло её сильно нервничать и жалеть, что дала себя втянуть в сумасшедшую авантюру. Между тем, мужчина продолжал говорить:

— Я увидел тебя сразу же по приезде! Моя кобыла захромала и мы вместе с ординарцем и местным коновалом были на конюшне, когда во двор въехал твой роскошный экипаж!

Щеки Лили немедленно покрылись румянцем, и она с ужасом догадалась, что услышит дальше. А мужчина продолжал тихо говорить, слегка касаясь губами её лба.

— Я не разбираюсь в гербах! Мой отец — небогатый эсквайр, я — младший сын. Куда уж мне грезить о титулах и высшем свете, но корона, милая, говорила сама за себя! И тут из экипажа появилась ты, — его голос опасно понизился, и у Лили закружилась голова настолько, что она бессильно склонила её на плечо возвышающегося над ней мужчины.

Так было легче переносить невиданный позор!

— Шёл проливной дождь. Ты волновалась за ребенка, спящего на руках служанки, покрикивая на грумов с зонтами, чтобы они загородили малыша! Твоего лица и тогда не было видно, но силуэт, жесты, походка, когда ты легко обходила, задрав подолы юбок, лужи... скользила, будто грациозно танцевала!

Его мундир пропах табаком и кожей, шнуры и аксельбанты больно кололи пылающее лицо, зато ей было слышно, как ровно и сильно бьется сердце опасного незнакомца.

— Я никогда не роптал на судьбу, никогда, чтобы она мне не преподносила! Я бывал со своим полком и в Африке, и в Италии, и в Сирии! И всё, что я имею, я добыл сам — вырвал, выцарапал вместе с кровью у жадной фортуны, немилостивой к младшим сыновьям английских джентри! Но когда я увидел тебя — женщину, даже от походки которой на мило веяло очарованием и родовитостью, то впервые возроптал Всевышнему! Я стоял, как дурак в воротах пропахшей навозом конюшни, и любовался, как женщина моей мечты уходит от меня прочь, порхая по грязному двору, точно по паркету Сент-Джеймского дворца!

Лили почувствовала, что задыхается.

— Тогда почему..., почему..., — она не смогла договорить.

— Мой ординарец очень быстро узнал, что ты леди Лилиана Тейлор, маркиза Тефорд, направляющаяся с сыном в гости к своему отцу — лорду Кавендишу. Но непогода заставила

вас свернуть в это Богом забытое место. 'Вот и всё, — сказал я себе, — мелькнула и исчезла, больше ты её никогда не увидишь!' Но каково было мое удивление, когда ординарец сообщил, что ты не только спустилась вниз, но и одна сидишь за столом. Без сопровождения! Дама такого ранга! Не знаю, на что я надеялся, может, мне просто захотелось ещё раз увидеть твой силуэт?

— Вы же не смотрели на меня! — судорожно ухватила обеими руками за спасительный мундир, едва удерживающаяся на ногах Лили.

— Но ведь ты не спускала с меня глаз, я это чувствовал и боялся спугнуть такое счастье! И сумасшедшая надежда вдруг озарила моё сердце, и тогда я подошел к тебе. Мы — солдаты, вечные данники удачи, всегда цепляемся за её малейшие намеки!

— Но почему вы так повели себя, если знали, кто я?

Она вновь подняла недоумевающие глаза на своего удивительного собеседника. Тот, странно поблескивая глазами, провел пальцем по её пылающим щекам.

— Ты представилась чужим именем, значит, хотела скрыть и титул, и положение, а зачем? Зачем женщина не спускает глаз с мужчины, скрывая от него свое настоящее имя? Был, конечно, риск, что ты в негодовании прогонишь меня прочь, но... уловка сработала, и я сам не поверил такой удаче!

— Уловка?

Улыбка мгновенно сморщила кончики его губ мелкими симпатичными морщинками.

— Старая, как этот мир! Ты ещё очень юная леди, чтобы знать, что иногда даже порядочные замужние дамы предпочитают, чтобы их считали потаскухами, если им нужно либо заработать денег, либо развлечься с приглянувшимся молодчиком. Ты не представляешь, сколько во внешне благопристойных семьях растёт прижитых неизвестно от кого детей, и никто об этом даже не подозревает!

Лили не могла верить собственным ушам, слушая эти возмутительные вещи, и только ошеломленно хлопала ресницами.

— Я тебе понравился, не так ли? — мягко, почти умоляюще спросил этот невозможный человек, нежно сжав ладонями её щеки. — Скажи мне?

— В общем-то, да, — с трудом пробормотала она, пытаясь справиться с царящим в голове хаосом, — но..., боюсь, у меня другая причина!

— Неужели так нужны деньги?

— Я сама заплачу, — раздраженно вывернула она голову из плена мужских рук, — в три раза больше, если ты мне объяснишь, почему мужчины предпочитают шлюх своим женам?!

Дуглас пораженно отшатнулся. Впервые его глаза расширились настолько, что она наконец-то определила их цвет — они были темно-зелеными с коричневыми веснушками.

— Что за глупости? — возмутился он. — Зачем это нужно подобной вам леди?

И в этот момент что-то случилось — непонятно почему, но Лили вдруг оглушительно разрыдалась, вновь уткнувшись носом в многострадальный мундир и щедро орошая его слезами.

— Мой муж, — всхлипывала она, — постоянно мне изменяет! О его похождениях гудит весь Лондон! От унижения я не могу даже показаться в свете, потому что все задаются вопросом — чем я его так отталкиваю, что он предпочитает шлюх! Актрисы, китаянки, просто смазливые девки — ему всё равно!

Бережные руки мягко усадили её на постель, и, наконец-то, был сброшен такой неудобный для плача мундир. Горестно хлюпающая носом Лили уютно пристроилась в

складках полотняной, согретой мужским теплом рубашки.

— Но, милая, — он деликатно подождал, когда всхлипы пошли на убыль, — твой сын спит в соседнем номере, значит, маркиз не оставляет своим вниманием и тебя?! Может, ты чересчур мнительна или ревнива?

— Нет, — женщина нервно вытерла глаза услужливо поданным платком, — не мнительна и не ревнива! Всё началось с того, что наши отцы сговорились породниться...

И она выложила этому незнакомцу всё, что накопилось на сердце за истекший год — боль, разочарование, любовь и крах невероятных усилий. Он узнал и о детской любви к Мортланду, и о безобразных выходках Томаса, и об исчезновении Тони! Разве только об истинном происхождении Алекса умолчала она, но не из осторожности, а просто потому, что рождение сына не принесло ей горя.

Слушать Дуглас умел, в нужном месте подавая платок, ненавязчиво поддакивая или кивая головой, а когда Лили выдохлась, он откуда-то достал фляжку и настоял, чтобы она выпила джина.

— Я не знаю, что мне делать дальше, — горько подытожила женщина свой рассказ, после того, как огненный напиток устремился по жилам, согревая и успокаивая, — просто не вижу выхода! И главное, я совсем, совсем одна!

Дуглас немного помолчал, накинув на её плечи мундир — в комнате становилось совсем холодно, и в наступившей тишине отчетливо слышался звук непрекращающегося дождя за окном.

— Что тут можно сделать? — наконец, тяжело вздохнул он. — Жить дальше! Я, конечно, не знаю всего, но интуиция говорит мне, что в сумасбродствах Тейлора нет твоей вины, тут кроется что-то другое! Кажется, я понимаю этого парня, ведь сам младший сын и меня тоже заставляли стать викарием и сватали богатую невесту, пытаюсь решить всё без моего ведома! А о чувствах женщин, тем более жён, мужчины думают мало, наивно полагая, что те снисходительно отнесутся к их шалостям. И, как видишь, ошибаются! А этот парень, Тони Калверт?

— Я не хочу о нём говорить!

— Конечно, это твое дело, — Дуглас замялся, и всё же решительно продолжил, — но, девочка моя, я ведь старше тебя в два раза и много видел в своей жизни опасных людей. И знаешь, мне не нравится этот человек — он как-то слишком уж вовремя появился в твоей жизни, да ещё и прикрывшись чужим именем, и вовремя исчез. Так не бывает! И твой муж как будто специально подталкивает тебя к разрыву! Но зачем это ему? Ты ослепительно хороша, соблазнительна — такая, какой и должна быть женщина! Не сумасшедший же маркиз, чтобы не понимать, каким сокровищем владеет?! У вас семья, ребенок, планы на будущее, и всё погубить ради какой-то узкоглазой девчонки?

Лили почувствовала себя кошмарно усталой, но давно на сердце у неё не было так пусто и спокойно. Как будто вся душевная горечь осела на стенах этого номера, наконец-то, высвободив из мрачных тисков её разум.

— Да плевать я хотела на Тома и его потаскушек, — безразлично высказалась она и охотно взяла протянутую фляжку, — холодно! Не люблю такую погоду — уже не зима, но и весна ещё не наступила!

Фляжка уже была пустой наполовину, поэтому ей пришлось высоко задрать её над откинутой головой, чтобы добраться до содержимого. И пока она пила, а потом, открыв рот, пыталась отдышаться от крепости напитка, Дуглас хлопотал вокруг своей гостьи.

Снял с озябших ног ботинки, и, закутав в одеяло, заботливо уложил в кровать.

— Так лучше?

— Холодно, — флегматично пожаловалась Лили, пытаясь устроиться поудобнее, и заинтересованно наблюдая за тем, как капитан вновь надевает мундир, — вы куда?

— Сейчас приду! — лаконично ответил тот, и вышел за порог.

Раздался стук в соседнюю дверь, а потом гул голосов. Но молодой женщине после бурных признаний было абсолютно всё равно, с кем и зачем переговаривается Дуглас.

Он вернулся быстро, принес с собой ещё одно одеяло — явно не гостиничное, судя по необычному виду — из тонкой узорчатой шерсти, яркому и легкому.

— А если сверху накинуть ещё и вот это? — мягко предложил он, присаживаясь на край кровати.

Лили флегматично наблюдала за движениями его рук, расправляющих на ней одеяло, и вдруг кое-что вспомнила.

— Майкл, — неожиданно назвала она его по имени, — ты мне так и не рассказал про продажных женщин!

У заботливо наблюдающего за ней Дугласа дрогнули в улыбке губы.

— И что ты хочешь о них знать?

— Они у тебя были?

Он, невесело хмыкнув, обескуражено покачал головой.

— Всех цветов и оттенков, рас и национальностей! Шлюха — первый друг солдата, милая! Невесты, жены, подруги, как правило, находятся за тысячи миль, а ты живой человек и на стенку лезешь от неудовлетворенного желания. Тут уж подойдет любая, лишь бы шевелилась! Сейчас я уже научился справляться с этой напастью, но по молодости, — он с насмешливой досадой взмахнул рукой, — меня нужно было кастрировать, чтобы я не шлялся по самым подозрительным местам в поисках подружек!

От возбуждения Лили приподнялась на подушках.

— И что же в них привлекательного? Почему джентльмены предпочитают общество куртизанок своим женам?

— Вопрос, конечно, спорный, но попробую на него ответить..., - начал было говорить тот, но в этот момент раздался стук в дверь, — успокойся, это Смайлз, кое-что принес!

Лили не испугалась, её скорее раздосадовало, что кто-то им мешает. Впрочем, Дуглас тут же обернулся, держа в руках бокал с дымящимся вином.

— Смайлз готовит отличный грог, — пояснил он, подав горячий напиток, а сам, тем временем, откинув край одеяла, стал растирать ступни её ног, — бедные ножки, такие хрупкие, маленькие, они совсем замерзли!

— Ничего, — поморщилась Лили, с удовольствием смакуя грог, — не отвالتها! Перестань хлопотать надо мной, как наседка над цыпленком, лучше продолжим разговор!

— Вот даже как, а я вот, если честно, не отказался бы сейчас от грелки!

— Так в чем же дело..., - тут же осеклась Лили, увидев, как собеседник, не дожидаясь окончания фразы, быстро скинул с плеч мундир и моментально оказался рядом с ней под одеялом.

— Вот так, пожалуй, — пристроился он по соседству, хитро покосившись на шокировано приподнявшуюся на постели женщину, — я готов разговаривать с тобой хоть всю ночь, на всевозможные темы. Итак, ты интересовалась...?

Лили рассмеялась, пораженно покачав головой.

— Какой же вы все-таки плут, капитан Майкл Дуглас! И всегда добиваетесь своего?

— Не всегда, — добродушно фыркнул тот, взбивая свою подушку повыше, — но всегда стремлюсь сделать приятное даме. Итак, ты готова слушать мои соображения по поводу супружеских уз и внебрачных пристрастий представителей сильного пола?

— Допустим!

— Сам я не женат, но кое-что слышал от своих друзей на эту тему, — казалось, он не уловил сарказма в её голосе, потому что его тон был вполне серьезен, — все они дружно жаловались на отсутствие у их жен интереса к постельным утехам. У тех вечно болит голова, нет настроения или ещё какие-нибудь напасти, а когда они все-таки идут навстречу желаниям супругов, то делают это с видом христианских мучениц, отдающих себя на растерзание львам. Они отказываются хоть как-то разнообразить любовные утехи, постоянно упрекая мужей за отсутствие стыда — ты такая же?

Вопрос был внезапен, и Лили нервно вздрогнула. Увы, любовный опыт она получила не в супружеской постели!

— Я? — с сомнением произнесла она. — Пожалуй, не такая!

— Так вот, — живо подхватил Дуглас, — у кокоток нет подобных проблем! Они относятся к любовным утехам, как к работе, и не испытывают никаких чувств при её исполнении, кроме единственного — желания заработать!

Он насмешливо заглянул в её ошеломленные глаза.

— Шлюха всегда и на всё готова — на любую блажь, на любую прихоть, только плати! За ней не нужно ухаживать, говорить комплименты, идти на уловки и, вообще, суетиться — она все сделает сама, даже расстегнет штаны..., ну, и так далее, — деликатно не стал он развивать тему, — да и потом можно напрочь забыть о её существовании — ни забот, ни хлопот, ни головной боли!

Внимательно слушающая собеседника и окончательно опьяневшая от грога Лили почувствовала себя задетой — ей не понравилось то, что он сказал, совсем не понравилось!

— Надо же, — сердито хмыкнула она, глядя прямо в глаза, лежащего в опасной близости мужчины, — как удобно! Странно, что вам ещё за чем-то нужны жены?!

— Не злись, — рука Дугласа легла на её щеку, — не я начал этот разговор! Но могу тебе ответить и на этот вопрос — от шлюхи не дождешься ни любви, ни нежности, да и своего потомства то же! С ними весело и хорошо отдыхать, но невозможно жить! А жизнь, как ты понимаешь, не может быть вечным праздником!

— Значит, Том ищет в их объятиях...

— ...отдыха и развлечения, легкого и забавного времяпрепровождения, когда можно забыть и о том, что ты джентльмен, и о неприятностях с братом, и о фыркающей, как кошка юной фурии — супруге!

— Значит, по-твоему, я фурия? — взвилась, подскочив на месте, оскорбленная Лили.

Сильные мужские руки сжали её в тесных объятиях и увлекли назад под уютное тепло одеял:

— Ты — мой нежный ангел, золотая фея, — зашекотал ухо глухой голос и она охнула, оказавшись вплотную прижатой к горячему мужскому телу, напряженному и источаемому нечто очень хорошо ей понятное и находящее живой отклик в её теле, — ты женщина, которую я хочу до безумия, до обморока, до лихорадки, а вынужден полночи проводить в глупых разговорах, потому что ты меня сводишь с ума!

— И что же я, по-твоему, должна сделать, — Лили безуспешно попыталась

отодвинуться от столь опасной близости, но он только крепче сжал объятия, — самой расстегнуть тебе панталоны, как столь обожаемые тобой шлюхи?!

Хриплый смех был ответом, но теперь она отчетливо слышала, как гулко и часто стучит его сердце, как бурное дыхание вздымает грудь.

— А ты найдешь застёжку? Ты хоть раз раздевала сама мужчину?

Это становилось невыносимым — волны мучительного озноба, как зараза перекинулись и на неё, заставляя бешено стучать сердце.

— Тебе, по-прежнему, холодно?

— Мне, скорее, слишком жарко, — растерянно пробормотала она, и вдруг выпалила на одном дыхании, — ты считаешь, нам стоит этим заняться? Но..., я ведь не люблю вас!

Его объятия чуть ослабли, но только чуть.

— Но ты же не думала об этом, когда шла сюда, правда?

Она уже знала, что эта вертикальная морщинка между бровей, появляется у него, когда он злится.

— Не сердись, — умоляюще провела она по ней пальцем, — я не хочу, чтобы ты сердился на меня!

Морщинка разом исчезла, и темные глаза потеплели.

— Ты можешь попросить прощения за то, что морочила джентльмену голову, прикидываясь доступной женщиной, и покинуть эту постель!

Лили обрадовалась и... огорчилась одновременно! Она точно знала, что ей нельзя оставаться с ним, но и не хотелось так быстро его терять — с Дугласом было невероятно интересно!

— Ты ведь не хочешь уходить? — он моментально догадался о её сомнениях, — так зачем же это делать? Давай попробуем вернуться назад — я не знаю, что ты маркиза, я только что купил себе женщину за шесть соверенов и теперь жду от неё утех ровно на такую сумму! Докажи, прежде всего сама себе, что ты дашь сто очков вперед любой шлюхе, что твой муж болван, каких мало, когда теряет время в чужих постелях... ну же, девочка, у тебя никогда больше не будет такого шанса!

— Ты настоящий змей-искуситель, Майкл, — У Лили пересохли губы от тошнотворного волнения и жаркого возбуждения, — почему бы тебе просто не соблазнить меня, ну, допустим, поцелуями, ласками! У вас, мужчин, большой арсенал одурманивающих средств!

Дуглас рассмеялся. Его смех был так заразителен, что она улыбнулась в ответ, разом придя в хорошее настроение. Нет, более необычного человека, чем Майкл Дуглас ей ещё не приходилось встречать! И эти губы — они давно притягивали её взгляд, и у Лили даже дыхание перехватило, когда она внезапно подумала, что он должен прекрасно целоваться.

И она осторожно прикоснулась к его губам поцелуем. Мужское дыхание пахло табаком, вином и обещанием. Томная нега охватила её, как ласковый океан...

— Это хорошее начало, девочка моя, очень хорошее!

И она, уютно опустившись назад под нагретые одеяла, теперь бездумно наблюдала, в какой спешке срывает с себя одежду Дуглас, не сводя с неё горящих глаз.

— Я ещё тогда в трактире, — пробормотала она, завидев его обнаженный торс, — подумала, что у тебя должно быть очень красивое, сильное тело!

— О, да, — криво усмехнулся Майкл, выбираясь из штанов, — я это заметил! Мужчины всегда замечают интерес в женских глазах, но сейчас..., сейчас ты с ним познакомишься поближе!

— Почему я тебя так хочу? — прошептала в исступлении молодая женщина, оплетая руками шею любовника и обводя языком раковину его уха. — Может, я распутна до безобразия?

— Ты великолепна!

Ей ещё хотелось его кое о чём спросить, но Майкл прильнул к её губам уже совсем другим поцелуем, от которого помутилось в голове и сами по себе призывно разъехались ноги...

Инн жила все месяцы до родов в 'Кастл-роке'. Округлялась талия, где-то там внутри шевелился младенец, и это была единственная реальность в жизни юной женщины, давно уже потерявшей всякие ориентиры. Поместье Бисби было крайне тихим местом, и казалось отрезанным от остального мира. Здесь неограниченно правил гувернер Тони — Рауль де Соланж, малоразговорчивый и суровый соотечественник. Он подписывал счета, увольнял и принимал на работу прислугу, следил за маленьким хозяйством и вел обширнейшую переписку, чуть ли не со всем миром, судя по диковинным адресатам на конвертах.

Иннин никто не трогал, и у неё была возможность обустроить жизнь по собственному желанию. Беда заключалась в том, что этих самых желаний у неё не было — стойкая горечь на сердце, тоска по Эдвину не давала сосредоточиться, хоть на чем-нибудь ещё. Вот и приходилось ей неприкаянно бродить по тенистым садам усадьбы или мерить шагами библиотеку, механически сжимая в руках какой-нибудь томик, так и нераскрытого романа.

Бисби за всё это время она видела не больше трех раз, да и только мельком. Он приезжал к сыну, и, держа мальчика на коленях, подолгу беседовал с месье Раулем, но так как её на эти свидания не приглашали, то Инн считала за лучшее держаться от этого джентльмена как можно дальше. Она по-прежнему его боялась, чуть ли не до тошноты!

Когда люди проводят так много времени в одном доме, то волей-неволей начинается сближение. Месье Рауль ничуть не форсировал события, и Инн не смогла бы точно назвать тот час, когда их церемонные беседы превратились в нечто большее, но к концу третьего месяца пребывания в 'Кастл-роке' они уже свободно разговаривали обо всем на свете.

Первой поведала свою грустную историю, конечно же, она. Соланж её внимательно выслушал. Это произошло в один из весенних вечеров, когда уличная сырость загнала их в уютное тепло гостиной. Тони уже спал, а месье Рауль лениво ковырялся в каких-то бумагах, частью просматривая их, частью откидывая, а Инн опять бездельничала. У неё всё валилось из рук.

— Так нельзя! — довольно резко сделал ей замечание собеседник. — Уныние — самый тяжкий грех из всех совершаемых человеком! Вы здоровы, у вас есть крыша над головой — что ещё нужно для благополучных родов?

Инн нервно улыбнулась.

— Наверное, любовь отца ребенка!

Рауль откинул в сторону кипу бумаг и холодно воззрился на печальную француженку.

— Мадемуазель, любовь — это для порядочных женщин! Для куртизанок — только разврат и унижение, неужели вы этого не понимали, когда дали согласие стать содержанкой герцога? Что за глупые иллюзии? Спустись с небес на землю, и выкиньте всю эту слезливую чушь из головы!

Инн окатило жаром от столь прямого оскорбления.

— Я не давала согласия на такую мерзость, — горячо заговорила она, — у нас с Эдвином всё было вовсе не так!

— Извините за излишнее любопытство, а как у вас было? Знаете, люблю познавательные истории....

И Инн, запинаясь, и то и дело отвлекаясь на попутные пояснения, пусть путано, но разъяснила собеседнику, каким образом оказалась в столь незавидном положении. Тот

слушал терпеливо, не перебивая, лишь покачивая в особо важных местах головой.

— Ох, мадемуазель, — с тяжелым вздохом подвел он итог, — не знаю даже, найдется ли в двух наших королевствах вторая такая дурочка, как вы!

Инн опешила, широко распахнув ошеломленные подобным откровением глаза. Месье Рауль милостиво пояснил свою мысль:

— Отказаться от высокой чести стать женой богатого, порядочного человека, ради жалкой участи уличной девчонки?! Здесь нужно быть не просто дурочкой, а феноменальной идиоткой, сумасшедшей!

— Но я...

— Понятно, что вы этого не хотели, но, мадемуазель, неужели даже сейчас вы не понимаете, что вас элементарно облапошили, обвели вокруг пальца, чтобы уложить в постель человека гораздо более чуждого и нелюбимого, чем лорд Кавендиш?

— Я люблю Эдвина! — гневно возмутилась Инн.

Но Соланж лишь оделил её покровительственным взглядом.

— Графиня, — сухо заметил он, — мне неудобно говорить вам об этом, но вы любите не Мортланда, а саму любовь, потому что это чувство возникло в вас именно тогда, когда вы стали любовниками.

Тогда Инн крепко разозлилась и прекратила неприятную беседу, но со временем до неё начало доходить, насколько месье Рауль лучше разбирается в людях.

— Его светлость интересуется только собственная семья, — как-то высказался он во время послеобеденной прогулки по парку, — весь же остальной мир ему, как минимум, безразличен! На вашем месте, я бы не стал уповать на Мортланда, раздумывая о будущем. Это не тот человек, которому стоит доверять!

— Вы настолько хорошо его знаете? — Инн было больно выслушивать подобное о любимом человеке.

— Не сказать, чтобы очень, — Соланж сделал вид, что не понимает её сарказма, — но гораздо лучше, чем вы. Я встречался с герцогом и при других обстоятельствах, и считаю его на редкость черствой и эгоистичной натурой!

Юная женщина только тяжело перевела дыхание.

— Если бы я знала, — поделилась она самыми сокровенными мыслями, — что мне делать дальше? Как и на что жить с малышом? Чтобы вы там не говорили, я люблю Эдвина, и знаю, что он не примет нас двоих!

Француз громко фыркнул, рассеянно поигрывая каким-то прутиком. Он, вообще, не любил держать руки пустыми, неизменно занимая свои чуткие нервные пальцы какой-то работой. Это помогало Соланжу сосредоточиться на какой-либо проблеме.

— Вам не нужно думать, на что жить, — довольно зло высказался он, — в тот момент, когда Мортланд увидел вас ночью на пороге своего особняка, он всё продумал за вас на много лет вперед. Другое дело, что эта жизнь вряд ли достойна носительницы столь славного имени. Вот об этом, прежде всего, нужно ломать голову!

Инн виновато опустила плечи — ей стало стыдно!

— Революция всех нас подкосила, перевернув с ног на голову всё, что было дорого каждому доброму французу. Горько, тяжело, но это не значит, что графиня дю Валльдэ должна ради куска хлеба вести жизнь презренной куртизанки! Да ваши предки в гробу переворачиваются от такого позора!

— Но что же мне делать? — в отчаянии заплакала Инн. — Я не могу понять, почему

порок закручивается вокруг меня подобно липкой паутине!

Соланж протянул ей платок и терпеливо переждал, пока она приведет себя в порядок.

— У вас есть подходящий выход из положения, — тихо вымолвил он, — ваш добрый покровитель, человек, столь много сделавший для вас — лорд Кавендиш! Вам нужно связаться с ним, повиниться, попросить прощения и отдать себя в его отеческие руки!

Юная француженка застыла от подобных слов, моментально прекратив плакать. Ей понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя:

— Мне легче умереть! Это каким же надо обладать нахальством, чтобы появиться ему на глаза с таким вот украшением! — и она показала глазами на вздернутое чрево.

Месье Рауль чуть слышно хмыкнул.

— Конечно, ему будет неприятно это видеть, но...,- он выдержал многозначительную паузу, — не век же вы его будите носить! Ребенок появится на свет, и вы вновь станете госпожой своей судьбы.

Теперь настала очередь Инн недоверчиво фыркать.

— Что с того, что малыш родится и будет не внутри меня, а на руках? Вы думаете, мой дядюшка в таком случае ему обрадуется больше? Он прекрасный человек, великодушный, добрый, но не надо уповать на то, что его добросердечие беспредельно!

Соланж сухо улыбнулся.

— Столько качеств и у одного человека? Да ещё у английского лорда? Вы явно преувеличиваете! Дело, мне кажется, вовсе не в добросердечии, а в том, что вы, мадемуазель, очень красивая женщина. И это ваше достоинство перевесит все недостатки — в том числе и явную глупость, и потерянное целомудрие, и жизнь во грехе с его светлостью!

Иннин одарила собеседника отнюдь недобрым взглядом и, хмуро пожелав ему доброго вечера, удалилась в свои комнаты. Больше к этой теме соотечественники не возвращались, хотя она пребывала в бесконечных раздумьях о своей несчастной судьбе.

Ах, если бы можно было всё вернуть назад! Тогда бы её будущий ребенок не имел позорного клейма бастарда и родился в радости, почете и любви в семье замечательного человека. Какая же она была дура, когда так обидела лорда Кавендиша!

Но в ней жила и ещё одна робкая надежда, жила, не смотря ни на что — Инн трепетно ожидала родов, чтобы показать Эдвину малыша. Не может быть, чтобы ничего в нём не проснулось при виде их ребенка! Он должен был полюбить его так же, как уже любила она. И тогда ответственность за судьбу младенца должна была подвигнуть Мортланда к самому наилучшему решению проблемы — вступлению в брак. Как это произойдет, каким образом герцог будет пояснять всему миру наличие добрачного ребенка, волновало Инн мало. Что-нибудь придумает, ведь Эдвин такой умный! Главное, чтобы они остались вместе навсегда!

Добрые, не смотря на вышеупомянутые трения, отношения с Соланжем значительно скрашивали ей дни напряженного ожидания родов. Почему-то страх перед самим процессом отсутствовал, наверное, потому, что слишком на многое ей пришлось пойти, чтобы иметь саму возможность родить.

Постепенно, слово за слово, кое-что она узнала и о судьбе самого месье Рауля. Впрочем, подробности жизни на родине он особо не скрывал, а вот каким образом оказался в малопривлекательной роли гувернера при незаконнорожденном сыне такой темной личности, как Бисби, оставалось только догадываться.

Соланжи были весьма почтенной фамилией среди французского дворянства. Их род корнями уходил в битву при Пуатье, когда один из предков спас на поле боя французского

маршала, за что и был посвящен в рыцари. На протяжении веков они верно служили своей шпагой короне, особенно не разбогатев, но и не уронив себя в глазах сюзеренов. Кристально честные, понимающие свой долг, верные королю и Франции. Всё это продолжалось до тех пор, пока отец Рауля не был послан Людовиком в составе французского корпуса на помощь американским повстанцам.

— Все американцы — торгаши, жадные и неблагодарные, — с мрачным презрением рассказывал Инн Соланж, — французы своими шпагами завоевали для них свободу, а они нагло отказались оплачивать долги. Из-за них у короны начались неприятности с третьим сословием, с которым нечем стало расплатиться за снаряженную в долг экспедицию. Но это ещё полбеды! Мой несчастный отец появился на родине, зараженный как проказой, республиканскими идеями.

Это была, действительно, горькая история раздора внутри шокированной семьи, глава которой вдруг связался с якобинцами, пошёл на штурм Бастилии, да что там — входил в состав трибунала, осудившего на смерть несчастную королевскую семью.

— И что же, — с горькой усмешкой продолжал свой невеселый рассказ сын предателя, — утопив во имя мифической свободы всю Францию в крови, этим господам стало тесно, как паукам в банке, и они начали гильотинировать друг друга. Робеспьер, Дантон, и прочие кровопийцы... пришло время и моего запутавшегося идеалиста — отца! К счастью, я не видел его казни, потому что мудрая матушка успела предупредить меня об опасности буквально за несколько минут до ареста. Я стоял на крыше собственного дома, готовясь уйти чердаками и дворами из Парижа, когда эти господа вломились в наш особняк. Сестры, брат, мать, как я узнал потом, последовали вслед за отцом. А я с огромным трудом, частью вплавь, частью — на рыбацкой лодке достиг английского берега — мокрый, голодный, без средств к существованию, без связей и даже без знания английского языка!

Инн изумленно и с сочувствием слушала этот грустный рассказ. Да, по сравнению с Соланжами, дю Валльдэ ещё неплохо устроились — Кавендиши ведь никогда не оставляли их на произвол судьбы, снабжая деньгами и постоянно приходя на выручку.

— И как же вы выжили?

Месье Рауль пожал плечами с истинно галльской беспечностью.

— Выжил!

Но, не смотря на столь краткий ответ, молодая женщина догадывалась, какие страшные испытания пришлось пережить молодому человеку в этой грубой и всегда равнодушной к неудачникам стране.

— А где вы познакомились с Бисби? Что вас связало с этим человеком?

Месье Рауль искоса глянул на неё предупреждающим взглядом, но все-таки ответил:

— Он вытащил меня из очень неприятной истории, практически спас жизнь, дал кров над головой и работу. И этого вполне достаточно, чтобы я был ему обязан до конца жизни!

— Но он, — она замялась, подбирая подходящее слово, — очень опасный человек!

Неожиданно Рауль улыбнулся чуть озорной улыбкой, сразу же омолодившей его лицо.

— Не без этого! Но, милая моя барышня, в этом мире либо ты опасен, либо опасаясь всех подряд! Вы, мадемуазель, увы, не приспособлены для борьбы за место под солнцем, хотя определенное упорство в вас, конечно же, есть. Но этого явно мало, чтобы уцелеть в одиночку! Возвращайтесь к Кавендишу — у вас просто нет другого пути, если вы не хотите скончаться от сифилиса в сточной канаве Ковент-гарденского рынка! Молодость и красота преходящи, нужно спешить устроить свою жизнь, пока природа не выбила у вас из рук

оружие, без промаха разящее мужские сердца.

Инн возмущенно взглянула на собеседника.

— То, что вы предлагаете — недостойно! Получается, что я должна прибегнуть к помощи лорда Кавендиша из корысти и расчета?

Соланж шутовски округлил глаза.

— Недостойно? Не может быть! Корысть, расчет? Ах, какие низменные материи! Очнись, девочка! В каком мире ты живешь? Брак — это сделка. Ты ему — тело, он тебе — имя и содержание! Так было всегда, и не нам что-то менять. Англичане просто лицемеры — толкуя о любви в браке, они всего лишь соблюдают ими же придуманные условности, а на деле? Разве твоя кузина любила Тейлора или он её? Нет, это был выгодный для обеих семей союз, и согласия молодых людей никто не спрашивал. Французы такой чушью никогда не занимались — вопросами заключения брака всегда ведали родители, и я не думаю, что в нашей стране число несчастливых супругов было больше, чем в этой ханжеской Англии.

Инн недоверчиво слушала собеседника — её и шокировала его откровенность и одновременно привлекала бытовым здравым смыслом.

— Вы, вообще, не верите в любовь? — в сомнении спросила она.

Соланж обескуражено развел руками, осуждающе покачав головой.

— Вот и толкуй с вами после этого! Причём здесь моя вера в любовь? Кстати, я довольно влюбчив и увлекаюсь многими женщинами.

Может, так и было, но Инн с трудом представляла женщину, сумевшую покорить его сердце.

— Вы опять поддразниваете меня! Как вам не стыдно?

Помимо соотечественника, она так же много времени проводила с малышом Тони, искренне привязавшись к очаровательному и непосредственному ребенку. С ним так забавно было болтать и читать книжки.

— Мой папа когда-то был моряком, — как-то на полном серьезе заявил ей мальчик, когда они с увлечением рассматривали большую книжку с изображениями кораблей, — он плавал в Вест-Индию на большом судне и даже встречался с пиратами! Он часто рассказывает мне об океане и дальних странах. Когда я вырасту, то тоже уплыву далеко-далеко — туда, где ещё никто не был! Я буду великим путешественником и совершу кучу открытий.

Инн горько вздохнула и улыбнулась сквозь пелену набежавших слез.

— Мой отец, — тихо прошептала она в макушку ребенка, — то же был великим путешественником. Он ездил в экспедиции в далекие страны, чтобы узнать, как жили люди в далекой древности, раскапывал исчезнувшие поселения и находил вещи, принадлежавшие далеким эпохам.

Мальчик нахмурил высокий лоб.

— А зачем это ему? — недоуменно спросил он. — Старые вещи такие грязные и пыльные!

— Мой мальчик, часто под пылью и грязью скрываются ответы на многие вопросы!

Женщина и ребенок вздрогнули, только по разным причинам — одна от страха, другой от радости.

— Отец! — Тони эгоистично покинув свою собеседницу, кинулся к стоящему на пороге мужчине.

Свой дом посетил так редко бывающий в нём Бисби. Он окинул благожелательным

взглядом беременную женщину и ликующего ребенка.

— Я вижу вам хорошо вместе, — флегматично заметил он, — вы нашли общий язык!

Тони только того и надо было.

— Пусть она будет нашей новой мамой, — тихо попросил он, — мисс Иннин такая хорошая и ласковая. Вот и месье Рауль говорит, что у неё на редкость добрый и покладистый нрав. Пусть она останется с нами, пожалуйста!

Мольба ребенка была так откровенна, так наивна и чистосердечна, что Инн поневоле улыбнулась, робко взглянув на страшного человека, который по непонятной прихоти судьбы вдруг оказался отцом такого чудесного малыша.

— Да я бы не прочь, — присел тот на уровень детских глаз, — но боюсь, что твой крестный будет против!

— Почему? — огорчился мальчик.

— Видишь ли, он любит мисс Иннин и хочет, чтобы она жила с ним!

— Миледи, — подчеркнуто церемонно обратился Тейт к застывшей женщине, — хотите ли вы встретиться с его светлостью или будет лучше отложить свидание до лучших времен?

Отложить? Инн в смятении посмотрела на хозяина дома.

— Конечно, — сказала она охрипшим голосом, — я очень хочу его видеть!

И тут же с тревогой оглядела свою изуродованную огромным животом фигуру, помятое неказистое платье, торопливо подкалывая выбившиеся из прически локоны волос.

— Все в порядке, — приободрил её Бисби, мгновенно догадавшись о причине волнения, — для женщины в вашем положении вы выглядите весьма недурно. Перестаньте изводить себя хотя бы по таким пустякам!

— Пойдем, Тони, крестному и миледи нужно побыть наедине! — потянул он мальчика за руку из комнаты.

— И я его не увижу? — разочарованно протянул тот, огорченно сморщив лицо.

— Непременно увидишь, — успокоил его отец, — но позже!

'Я буду молча ждать, что скажет Эдвин, — решила про себя Инн, пряча трясущиеся от напряженного ожидания руки в складках платья, — ведь он сам захотел меня увидеть, значит, и я, и мой ребенок ему небезразличны! Он должен сам это сказать и тогда..., тогда я тоже скажу... главное, быть спокойной и сдержанной!'

Увы, столь благоразумным намерениям не свойственно было сбыться — едва сухощавая фигура Мортланда показалась в проеме двери, ноги сами подбросили её с места.

— Эдвин!

Кто бы мог подумать, что женщина на девятом месяце беременности может так быстро пересечь комнату и повиснуть на шее мужчины, плача и целуя всё, что только попало под губы — отвороты сюртука, подбородок и руки.

— Эдвин, ты пришел, ты все-таки пришёл! Но почему ты так долго не приходил, я так боялась, что ты больше не любишь меня! Вся истосковалась в разлуке! Ты снился мне каждую ночь, я все бежала, бежала к тебе, а ты уходил куда-то, и я не могла тебя найти!

— Инн, — руки Мортланда с силой заключили её рыдающее тело в объятия, и макушки волос коснулось его горячее дыхание, — милая, дорогая моя девочка!

Они застыли на какое-то краткое, но беспредельно счастливое мгновение. А потом всё также стремительно рухнуло.

— Это ведь был твой выбор, — жестко напомнил любовник, разжимая руки и отступая от поникшей девушки, — я предупреждал, что выбирая ребенка, ты лишаешься меня!

— Но Эдвин, — Инн взволнованно сжала руки, — разве можно выбирать между вами? Ведь ребенок — это тоже ты!

И, конечно же, герцогу эти слова не понравились.

— Нельзя манипулировать чужими чувствами для достижения своих целей! — сухо заметил он.

Инн почувствовала, как ей становится дурно и противно задрожавшие ноги больше не держат грузное тело. Малыш зашевелился и недовольно заворочался изнутри.

— Пожалуйста, — с мольбой прошептала она, беспомощно цепляясь за спинку кресла, — прошу вас, не надо ничего больше говорить!

Мортланд, не прощаясь, вышел из комнаты.

— Он полюбит моего ребенка, — как молитву прошептала она про себя, — не сможет не полюбить! Пресвятая Дева сделай так, чтобы его сердце открылось нам навстречу, и я буду вечно прославлять твою милость!

Лили проснулась от громкого стука в дверь, и испуганно подскочила на кровати.

— Миледи! — звала из-за дверей перепуганная нянька Алекса, — почему вы не спускаетесь к завтраку? Вы же хотели выехать пораньше?

Покрутив ничего не соображающей головой по сторонам, она, наконец-то, сообразила, что вроде бы находится в гостинице.

— Сейчас, Мэри! — крикнула леди в ответ. — Пусть готовят завтрак и запрягают!

И только потом она недоуменно попыталась сообразить, почему спит обнаженной, да ещё завернутой в незнакомое яркое одеяло. Воспоминания о прошедшей ночи, внезапно всплыв в памяти, заставили Лили взвыть от стыда. В панике осмотрела она комнату в поисках одежды — всё было кем-то аккуратно сложено на стуле, хотя она отлично помнила, где её оставила. Лили стремительно схватила рубашку и шокировано замерла. При ближайшем рассмотрении оказалось, что весь её туалет превратился в кучу жалкого тряпья — рубашка, с треснутыми по швам рукавами и расползшимся воротом, платье, лишенное половины пуговиц, и изодранный в куски изящный воротничок.

Единственное, что уцелело и что едва прикрыло всё безобразие, это была благоразумно снятая в самом начале вечера кофта.

При выходе из комнаты расстроенная женщина опасливо покосилась в конец коридора, до ужаса боясь увидеть там знакомую фигуру, но дверь в номер Дугласа была открыта и оттуда вышла горничная с охапкой белья. Бормоча что-то нелицеприятное, она прошла мимо замершей женщины и спустилась с лестницы. Лили облегченно перевела дух, догадавшись, что Дуглас, скорее всего, уже уехал. Она представить себе не могла, как бы они встретились при свете дня после того, что произошло! Но, только выехав за пределы постоянного двора, маркиза смогла, наконец-то, облегченно перевести дыхание. Слава Всевышнему, всё обошлось!

Вырванные у ночи всего-то пара-тройка часов не дали ей выспаться, и поэтому женщина быстро и крепко заснула, не смотря на капризы Алекса, недовольное бурчание няньки, тряску кареты на ухабах и прочие неудобства.

А когда проснулась, перед её взором предстал непритязательный, увитый плющом и виноградом двухэтажный дом, весьма далекий от помпезности владений Мортландов или Кавендишей.

— Вот здесь мы и будем жить, — сказала Лили спящему сыну, — подальше от Тейлоров!

Разумеется, хозяйку никто не ждал, поэтому при виде экипажа на улицу вышел только недоумевающий слуга, да и то случайно оказавшийся возле двери. Но не успела Лили толком расправить поясницу и плечи, да оглядеть двор, как двери распахнулись, и показалась экономка миссис Джексон — дородная женщина лет сорока.

— Миледи, — неторопливо присела она, — рада вас видеть в Сеттенфорде!

Лили окинула изучающим взглядом ряды аккуратно подстриженных, вечнозеленых кустарников вокруг дома, голые деревья парка, омытые дождем мраморные ступеньки, и счастливо улыбнулась. Ей здесь всегда нравилось!

— Я собираюсь какое-то время пожить в этом доме, — любезно пояснила она экономке, делая несколько медленных шагов по двору, — приготовьте нам с сыном

комнаты!

— Но, — попробовала возразить сбита с толку миссис Джексон, — мы ничего не знали о вашем приезде!

Лили только безразлично пожала плечами.

— Моё решение было спонтанным, — пояснила она, и тут же надменно глянула на надувшуюся, как индюк женщину, — мне кажется, вы всегда должны быть готовы к приезду хозяев!

Экономка, возмущенно упрятав руки под белоснежный фартук, всем видом выражала недовольство — нормальные люди сначала письменно предупреждают о приезде, а не сваливаются, как снег на голову!

Миссис Джексон много лет жёсткой рукой правила Сеттенфордом, получив это место после смерти свекрови. Хозяйева здесь бывали редко — не больше двух раз в год, когда приезжали отбирать многообещающих рысаков или, наоборот, привозили купленных для разведения кобыл и жеребцов. Денек, другой, и Тейлоры отправлялись восвояси, едва ли обращая внимание на тех, кто их обслуживает, но иное дело молоденькая леди, чуть ли не с колыбели известная на всю округу вздорным и тяжелым характером!

Мрачные предположения экономки подтвердились. Буквально через полчаса дом стал напоминать разворошенный улей. Миледи не нравилось всё, что ей предлагали, и, наконец, она остановила свой выбор на комнате деверя, приказав выбросить за дверь все принадлежавшие ему вещи, оставив из прежней обстановки лишь тяжелую медную ванну.

Потом была очередь детской — гвалт, пыль, служанки с ведрами и тряпками, выбиваемые во дворе ковры и шторы, и среди этого гама энергичная и беспокойная, как язычок пламени молодая женщин в дорожном костюме.

Нет, чтобы помыться, переодеться, отдохнуть с дороги, а потом потихоньку ознакомиться с хозяйством. Но этой было нужно всё, сразу и сейчас — похоже, леди не могла ни минуты посидеть на месте, носясь, как ураган по всему дому! У миссис Джексон при виде такого разбоя в собственном царстве не выдержали нервы, и она тайком послала одного из кухонных мальчишек к лорду Кавендишу с сообщением о приезде дочери, втайне надеясь, что тот избавит Сеттенфорд от такой напасти.

Лили, действительно, чувствовала странный нервический подъем, невероятный всплеск энергии и сил. Она боялась хоть на миг остановиться, потому что тогда бы пришлось задуматься о том, что случилось прошлой ночью, а думать о Дугласе женщина не хотела и не могла, потому что... потому что не могла найти ни одного аргумента для оправдания собственной выходки.

Но когда экономка спросила её об обеде, Лили вдруг осознала, что голодна и устала, и что нужно помыться и... успокоиться! Она уже собралась направиться к себе, к давно ожидающейся ванне и чистому платью, когда во дворе Сеттерфорда загрохотали колеса подъезжающего экипажа.

И пока Лили раздумывала, не отказать ли внезапному гостю, в широко раскрытую обрадованной миссис Джексон дверь вошел лорд Кавендиш.

Прямо скажем, отношения между отцом и дочерью были не простыми, но они любили друг друга. Вот и сейчас, ласково обняв подбежавшую Лили, лорд все-таки не преминул недовольно заметить:

— Дорогая, ты пропахла табаком, как гвардеец! И почему расхаживаешь по дому в столь странном виде, неужели до сих пор не распаковала багаж?

Пришлось маркизе, заикаясь и отводя глаза, мямлить об остановке в грязной гостинице, где мол, все провоняло всякой гадостью, и что она собиралась второпях, но всё равно скоро переоденется, и так далее.

Лорд только обреченно кивал головой в ответ на эти сбивчивые объяснения. Он сразу же догадался, что этот приезд — очередная блажь сумасбродной дочери.

— Иди, дорогая, приведи себя в порядок и выходи к обеду, а я посмотрю на внука! — распорядился он.

В приготовленной для хозяйки комнате дымилась горячей водой ванна, и висела в гардеробной отглаженная и расправленная одежда.

— Вам помочь, миледи? — сухо спросила экономка. — Я могу прислать Бетси или Нэн, пока вашей собственной горничной нет в доме! Это ловкие и услужливые девушки!

Лили сдержанно поблагодарила миссис Джексон, но от услуг отказалась. Во-первых, чтобы не показать любопытным девкам, в каком виде находится её нижнее белье, а во-вторых, она была не уверена, что вчерашняя ночь не оставила следов на теле в виде кровоподтеков от слишком страстных ласк любовника. А слуги вечно сочиняют всякие гадости про господ!

Вода была восхитительно горячей, и если бы не дожидаящийся обеда отец, то Лили, наверное, блаженствовала в ванне целый час. Сразу же сонно сомкнулись ресницы, и истома охватила всё тело, когда в памяти всплыло напряженное страстью лицо Дугласа — 'фея, моя золотая фея!' Его голос, казалось, прозвучал воочию, и Лили, вздрогнув, моментально стянула дремоту.

— У меня что-то не в порядке с головой, — сказала она себе, намыливая плечи и руки, — отдаться в грязной харчевне первому встречному? Это же надо такое натворить! А если бы он оказался преступником?

Женщина с трудом нащупала кувшин с чистой водой (мыться без посторонней помощи было неудобно).

— Я его видела в первый и в последний раз! И никто ни о чём не узнал и не узнает, а мы провели несколько восхитительных часов, — внезапно пришла она к выводу, — а раз так, то чего ради казнить и рвать на себе волосы? Было и прошло!

Окатившая женщину вода была прохладной, но это было даже кстати, в том раздёрганном состоянии, в котором она находилась весь день.

— Было и прошло! — уже громко озвучила молодая женщина последнюю мысль и решительно вылезла из ванны. — Не буду больше об этом вспоминать!

Она растиралась полотенцем, когда толстая ткань странно скользнула по ноге. Лили рассеянно глянула вниз и ахнула. В неярких лучах заходящего солнца, золотивших светлые обои комнаты, что-то искрилось зелеными и голубыми искрами на левой щиколотке.

Пораженная женщина наклонилась, согнув ногу в колене. Перед её ошеломленным взглядом предстал, обвиняющий щиколотку браслет — тонкий, не шире половины мизинца. Крупные изумруды были так подобраны по размеру, что почти сливались в единое целое, и лишь по самому центру окружности мерцали три кристалловидных сапфира! Он настолько плотно прилегал к коже, что она даже не заметила украшение, когда впопыхах одевала и снимала чулки.

Интересно, откуда у Дугласа, человека явно небогатого, взялась драгоценность баснословной стоимости? И зачем было надевать браслет на её щиколотку?! Не лучше ли было, все-таки, украсить им запястье, и перед тем как она уснула? И как же теперь его

снять?

Лили растерянно покрутила находку вокруг щиколотки — ничего похожего на замочек или застежку.

— Ладно, — сказала она себе, — потом подумаю над этим! Тут должен быть секрет, как-то же Дуглас надел его на меня!

Лорд Кавендиш в ожидании дочери, прохаживался по столовой.

— Прекрасно выглядишь! — сдержанно сделал он комплимент, когда она с лихорадочно блестящими глазами села за стол и дала подавать блюда.

Они промолчали всю первую перемену, но уже за ростбифом лорд вернулся к тому, что его беспокоило:

— Почему ты покинула дом своего супруга? Что опять произошло?

Лили огорченно посмотрела на отца. Да, в проницательности ему не откажешь!

— Всё в порядке!

Кавендиш хмуро вздохнул.

— Ты можешь морочить голову кому угодно, но не мне! Я знаю тебя с колыбели, и вижу насквозь! У тебя виноватый вид, что ты ещё натворила?

Молодой женщине только и осталось, что понурить голову, пытаясь скрыть своё смятение от проницательных глаз отца. Если бы он знал! Да почтенного лорда сразу же хватил удар, если бы ему сказали, что его дочь всю предыдущую ночь развлекала в постели, впервые увиденного офицера. Как же хорошо, что даже самые близкие люди лишены возможности читать наши мысли!

— Я не просто уехала из Мортланд-холла, я решила навсегда уйти от Тейлора, отец! — вырвалось из неё вопреки воле признание. — Моё терпение не беспредельно!

— Вот как?! — холодно удивился Кавендиш. — А твой супруг об этом знает?

Лили, опустив глаза, отрицательно покачала головой. Лорд громко хмыкнул и, зло скомкав салфетку, запустил её в стену.

— Да что же это делается?! — голос отца, набирая обороты, вибрировал от бешенства. — Я нашел тебе лучшего жениха в королевстве — молод, красив, богат, за личные заслуги и храбрость награжден одним из высших орденов королевства! Мечта всех женщин! Лучше — просто не бывает, а ты воротишь нос, девчонка! Чем тебе не угодил Томас?

— Вы отдали меня человеку, который слышать обо мне не хотел и никогда не любил!

— Чушь, какая чушь! — оборвал её отец. — Слушать противно! Сколько раз тебе повторять, что самое главное в жизни любой женщины — это безукоризненное следование долгу...

Лили, обхватив виски руками, в очередной раз прослушала гневную тираду родителя. Она, в той или иной интерпретации слышала её уже раз сто, и, увы, она не производила на слушательницу должного впечатления.

Перед внутренним взором вдруг предстало восхищенное лицо Дугласа: 'Фея..., моя золотая фея!'

— Лили? Ты слышишь меня?

Молодая женщина нервно вздрогнула, заслышав грозный голос отца. Неужели она умудрилась задремать? Кавендиш, что-то зло выговаривая себе под нос, досадливо уставился на дочь.

— Я напишу письмо твоей свекрови, и ты сегодня же переедешь в Кавендиш-холл! Ты

не можешь жить здесь одна, без компаньонки! — жестко заявил он.

Только этого и не хватало!

— Миссис Джексон заменит собой любую компаньонку, — решительно отказалась Лили от предложения. — Я должна побыть одна и во всем разобраться!

Может, она и дальше продолжала строптиво препираться с разгневанным отцом, если бы черты лица Кавендиша неожиданно не исказились таким страданием, что слова застыли у неё на губах.

— Это наказание за грехи, — тихо прошептал джентльмен, — я что-то делал не так! И Бог разгневался на меня — сначала, как от чумы сбежала Иннин, теперь безжалостно ранишь ты!

Чувство глубочайшего раскаяния охватило душу молодой женщины и она, выскочив из-за стола, быстро подбежала к отцу и виновато уткнулась лбом в его колено.

— Простите меня, отец! Пожалуйста, простите! Я измучилась сама и мучаю всех вокруг! Но в семье Тейлоров культ Тома — там ему поклоняются, как живому Богу! Понимаете, я уехала, потому что боялась сорваться и натворить ещё больших глупостей. Здесь вы рядом со мной, всегда поддержите и направите добрым советом и словом! Пусть в разных домах, но мы вместе, рядом. Я вас так люблю, простите же свою неразумную дочь!

Лорд Кавендиш измученно улыбнулся и помог ей встать с колен.

— Как же не простить, когда ты у меня одна, — тяжело вздохнул он, — особенно после того, как Инн...

— Она вернется, — горячо заговорила Лили, утешающее погладив отца по руке, — вот увидите, кухня осознает, что именно в вас она потеряла свое счастье! Вы ещё будете вместе!

— Надеюсь...

Расстались они мирно, но вскоре Лили поняла, что на этом её проблемы не закончились. Как она не старалась, как ни крутила вокруг ноги коварный браслет, механизм застёжки ей так и остался неясен. Когда до женщины дошло, что снять эту побрякушку она не в силах, её от ужаса пробил холодный пот.

Местонахождение драгоценности заранее исключало историю, что она надела его случайно или в шутку при примерке в ювелирной лавке или ещё где-нибудь. Никто не меряет такие вещи на ноги, это ведь не туфли! Браслеты на ногах иногда носили особо экстравагантные дамы, но всё же не демонстрировали их своему окружению, как особо интимное и пикантное украшение.

Лили показалось, что у неё от страха все волоски на теле встали дыбом, — браслет показался ей коварной змеей, обвинившейся вокруг щиколотки, чтобы погубить навеки. Да будь ты проклят, Майкл Дуглас со своими подарками! А может, по свойственному противоположному полу кретинизму, он просто не задумался, что этот дар — смертный приговор для любовницы? Вот так скоротечный лёгкий роман, ни к чему не обязывающая интрижка! И где теперь его искать, что делать? Она ведь ничего о нём не знала, кроме имени и звания. Какая неосторожность, какое легкомыслие!

И уже после полуночи, когда ужас понемногу стал отступать, к заплаканной и обессиленной отчаянием Лили вернулась способность мыслить здраво.

— Во-первых, — сказала она сама себе, — Тому ещё надо добраться до этого браслета! А я не собираюсь, после всех его выходов, делить с ним постель! Необходимо выбраться в Лондон и тайно посетить ювелира — представители этой профессии имеют дело со всякими диковинками, и наверняка знают, как стащить подобную штуку с ноги!

И, не откладывая дела, выехала в Лондон, как раз накануне того дня, когда о месте её пребывания стало известно обитателям Морланд-холла.

Антуанета родилась ранним августовским утром.

— Какой прелестный ребенок, — порадовалась повитуха, разглядывая черноволосую головку младенца, — по всему видно, будущая красавица!

Инн счастливо и гордо улыбнулась, откинув мокрые от пота пряди волос со лба.

Схватки продолжались всю ночь, измучив её до предела, но зато ребенок вышел на свет без малейших затруднений. Судьба погибшей матери невольно заставляла опасаться родильной горячки, но пока, помимо неизбежного небольшого кровотечения, всё было в порядке.

В спальню заглянул смущенный месье Соланж.

— Мне сказали, что вас можно поздравить с разрешением от бремени очаровательной малышкой? — робко спросил он, вопросительно оглядывая её измученное лицо.

— Это Туанета, — просияла глазами счастливая мать, — я решила назвать её в честь покойной государыни. Антуанета Иннин Иштар Полин, будущая графиня дю Вальдэ.

У Соланжа крутилась в голове мысль, что незаконнорожденная девочка не может наследовать титул, но он благоразумно промолчал, не желая расстраивать роженицу. Тем более что возбужденная и счастливая Иннин продолжала:

— Ах, какое счастье, Рауль, что вы католик! Это такая редкость в еретической стране. Я приглашаю вас в крестные отцы моей девочке. Вы согласны? Посмотрите, какая она красивая!

Соланж с видимым затруднением посмотрел на красное сморщенное личико, выглядывающее из пеленок в колыбели рядом с кроватью.

— Я польщен, — растерянно пробормотал он, — наверное, вы правы, но мои знания о младенцах столь мизерны, что боюсь, я не отличу даже самого распрекрасного младенца от уродливого! Но я сделаю всё, чтобы найти кюре, согласного провести католический обряд крещения...

— Никакого кюре!

Французы вздрогнули от неожиданности, заслышав властный голос хозяина дома. Очевидно, кто-то взял на себя труд предупредить Тейта о прибавлении среди обитателей поместья, и он прибыл в столь неподходящий момент.

Съезжившаяся на постели Инн с неприязнью слушала его возмущенный голос.

— Девочка будет крещена в англиканской вере своего отца, и он же решит, какие имена она будет носить. И я бы попросил вас, миледи, не заниматься самоуправством, так же как и вас, месье Соланж! У вас другие обязанности в этом доме!

Побледневший от столь откровенной взбучки Рауль поклонился и быстро покинул покои роженицы, оставив её наедине с хозяином дома. Инн напряженно ждала продолжения его слов, боясь услышать что-нибудь нелicenseприятное о своей дальнейшей судьбе, но, к её удивлению, она волновала Бисби мало. Тот с неприкрытым интересом остановился напротив колыбели.

— И кого же вы сумели произвести на свет? — добродушно пробормотал он, расцветая неожиданной улыбкой. — Надеюсь, дитя не будет уступать матери и отцу?

Его руки нежно и осторожно вытащили из колыбели невесомый сверток, и Бисби внимательно взгляделся в сморщенное личико. Ошеломленная Инн только и смогла, что

широко раскрыв глаза, наблюдать за этими манипуляциями.

— Чудесный ребенок, поздравляю, сударыня! Не знаю, как Мортланд, но я не жалею, что помог дать жизнь такому прекрасному созданию!

— Благодарю вас! — может, её голос и прозвучал несколько сухо, но что поделаешь, она по-прежнему винила его во всех своих несчастьях.

Вот и сейчас, только невероятная слабость удерживала Инн в постели, иначе бы она никогда не позволила этому проходимцу держать на руках свою бесценную малютку.

— Вы сказали мне, — с затруднением спросила она, — что я не могу крестить ребенка без согласия его светлости? Но почему? Он не раз мне говорил, что ему нет никакого дела до ребенка!

Бисби осторожно уложил спящую малышку на место.

— Девочка примет англиканское вероисповедание, — твердо сказал он, — я договарюсь с преподобным викарием о крещении на ближайшие же дни! И это не обсуждается! Желаю вам, миледи, как можно быстрее оправиться после родов. Тут к вам просится с поздравлениями ещё один юный джентльмен, не хотите его принять?

Разволновавшаяся от таких неприятностей Иннин даже не сразу поняла, о ком идет речь, но после ухода отца в дверях появилась знакомая фигурка Тони с букетиком цветов в руках.

Мальчик, блестя возбужденными глазами, сконфуженно протянул ей букет.

— Поздравляю вас, мадам!

Инн нашла в себе силы улыбнуться.

— Спасибо дружок!

Но мальчик, вместо того, чтобы сразу же уйти, странно мялся и в замешательстве нерешительно поглядывал на колыбель.

— Что-то не так? — удивилась его необычной скованности молодая женщина. — Разве ты не видел раньше новорожденных девочек, ведь у тебя есть сестрички?

Тони сделался алым от стеснения.

— Видел, конечно, — тихо пояснил он, — но..., папа сказал, что это моя будущая жена!

Инн так и застыла, не в силах хоть как-то отреагировать на его слова. Да, конечно, в её мире помолвки в колыбелях были делом обычным, но не в этом же случае! Ладно, когда две семьи хотят объединить состояния, или, наоборот, не хотят его раздроблять, заключая внутрисемейные браки — это вполне объяснимое явление. Но какие соображения могли подвигнуть Бисби на заключение столь странного брака? И, положив руку на сердце, не смотря на всю любовь и симпатию к Тони, Инн едва ли желала иметь что-либо общее с таким человеком, как Тейт!

— Мне кажется, — сумела она раздвинуть губы в некоем подобии улыбки, — об этом ещё рано говорить! А вдруг ты влюбишься, когда вырастешь совсем в другую юную леди, и захочешь соединить жизнь именно с ней. Зачем тогда тебе понадобится Туанета?

Юный джентльмен хмуро насупился и... (сердце Инн тревожно екнуло!) неожиданно стал похож на Мортланда!

— Её будут звать Элен, как бабушку, — укоризненно произнес он, — и как же я смогу полюбить другую, если дам свое слово? Это недостойно джентльмена!

Инн почувствовала, что от всех этих нелепиц у неё начинает болеть голова.

— Извини, дружок, но я так устала!

Несколько дней прошли относительно тихо. Инн отлеживалась в постели, набираясь

сил и кормя малышку. С каждым днем Туанета казалась ей все красивее, и она нарадоваться не могла на свою дочку. При одном только взгляде на тихо сопящий у груди носик сердце Иннин наполняла такая нежность, такая любовь, что она делалась до слез счастливой.

— Мы будем всегда вместе, — тихо напевала спящей малютке по-французски молодая мать, — я и ты! И больше нам никто не нужен..., мы поедем в Бельгию, в наш старый дом, к падре Оноре! Будем есть вкусные булочки Жервезы, каждое утро ходить к мессе, и я покажу тебе могилу дедушки, и больше никогда-никогда не увидим этой проклятой Англии, если только... если только твой папа не захочет нас забрать к себе! Он хороший, Туанета, только как и все мужчины, очень упрямый. Но пресвятая Дева поможет нам с тобой, и когда его светлость увидит мою принцессу, его сердце преисполнится любовью!

И Инн переводила молящий взгляд на стоящую у изголовья мраморную статуэтку своей мадонны, твердо веря, что в этот раз святая ей обязательно поможет и внушит любовь к дочери её отцу.

Девочку крестили Элен Катриной Марией Тейлор. О присвоении ей родового имени отца взволнованная Иннин узнала от удивленного Рауля.

— Но это означает, — поделился с ней обрадованный до глубины души француз, — что Мортланд признает вашу дочь своей!

Инн была поражена не менее гувернера.

— Не знаю, что и думать..., если только это не самоуправство мистера Тейта!

Соланж задумчиво покачал головой.

— Не думаю! Их с герцогом что-то тесно связывает, но самовольно давать имя он не станет! Это уже чересчур! Я полагаю, вам следует в скорости ожидать визита вашего друга сердца!

У Инн заалели щеки. Она и хотела, и боялась этого свидания — уж слишком много от него зависело, вся жизнь! До этого ничего не мешало ей мечтать о скромном венчании в какой-нибудь тихой церкви, о будущей совместной жизни. Несколько слов Эдвина могли не оставить от этой мечты даже следа.

Мортланд появился в тот день, когда Туанете, как упрямо называла её мать, исполнился месяц.

Стояло прохладное сентябрьское утро — свежее и пронзительно прозрачное, как бодрящий воздух, окутывающий ещё сонный сад. Сразу после завтрака Инн вышла на свежий воздух — ночью дочка капризничала и не давала покоя, зато теперь крепко спала, а усталая мать страдала от легкой головной боли. Впрочем, та быстро прошла во время неспешной прогулки по саду. Пахло яблоками, сливами, приближающейся осенью и тревогой неуверенности в завтрашнем дне.

— К вам приехал джентльмен, — догнала француженку служанка, — он хочет с вами поговорить!

Сердце Инн сделало резкий скачок, заставив испуганно застыть на месте. Кроме Мортланда некому было навестить молодую мать, а значит, сейчас решится всё — и от её красноречия зависела судьба не только самой, но что гораздо важнее — Туанеты!

В гостиной герцога не оказалось... и тогда встревоженная Инн поспешила в детскую.

Через приоткрытую дверь она увидела Эдвина, с любопытством склонившегося над колыбелью дочери. Девочка пошевелилась, губы 'железного' герцога раздвинулись в скупой улыбке. Момент был подходящим — Инн перекрестилась, прошептала краткую молитву Пресвятой Деве и шагнула за порог, как самоубийца шагает в пропасть.

— Здравствуй, Эдвин!

Мортланд моментально надел на лицо непроницаемую маску, холодно посмотрев на любовницу, но Инн было достаточно украдкой подсмотренного мига, чтобы не дать сбить себя с толку.

— Не правда ли, она — чудо? — мать с улыбкой подошла к колыбели, приглашая отца вновь взглянуть на дочь. — Посмотри, как она похожа на тебя! Тот же подбородок и так же хмурит брови, когда ей что-то не по нраву...

Герцог с непонятной улыбкой осмотрел её лицо.

— После родов ты стала ещё обворожительнее, — задумчиво обвел он пальцем контур её подбородка, — ослепительно хороша! И по-прежнему меня любишь?

— Больше жизни! — грустно призналась Инн, поймав губами и чуть прикусив этот бесцеремонный палец. — Наверное, глупо с моей стороны в этом признаваться после того, как ты столько раз отталкивал меня, но... это правда! Я не могу жить без тебя!

— А зачем тебе жить без меня, — Мортланд зарылся пальцами в прядях её волос, — Вудвилл-лодж ждет нас!

Инн стало немного не по себе — не этого предложения она ждала от возлюбленного, но счастье видеть его было столь велико, что горечь сменилась другой торжествующей мыслью:

— А разве там...,- с надеждой произнесла она, вопрошающе заглядывая в темные глаза Мортланда, и тут же осеклась, боясь получить нелicenseприятный ответ.

Но герцог, конечно же, понял недосказанную мысль.

— Нет, — твердо ответил он, — у меня не было всё это время женщины. Я ждал тебя!

Если бы поцелуями можно было задушить, то джентльмена настигла бы безвременная кончина — с такой радостью накинулась на него восторженная любовница.

— Любимый, какой же ты упрямый! А я ведь чуть не умерла от ревности..., что только не придумывала себе! Признаться стыдно!

— Ситуация явно не нормальная. С одной стороны у меня есть любимая женщина, с другой — я чуть ли не год живу, как монах. Ты вопреки моему желанию родила дочь, сумела настоять на своем. Могу ли я рассчитывать, что больше ты не будешь издеваться надо мной подобным образом?

— Эдвин, — Инн поцеловала любовника, сжимая его в объятиях, — неужели тебе не понравилась наша девочка?

— Понравилась, — неожиданно легко согласился Мортланд, — чудный ребенок! Я признаю Кетрин своей дочерью, но, милая, это моя последняя уступка твоему материнскому инстинкту. В дальнейшем, я бы хотел, чтобы всё внимание было уделено только моей персоне! Могу ли я на это рассчитывать, если то и дело слышу уверения в любви?

— Конечно, любимый, конечно! Только в тебе для меня сосредоточился весь мир!

Мортланд сухо хмыкнул каким-то своим мыслям.

— Ловлю тебя на слове! Мне приятна твоя искренность. Не надо грустить, совсем скоро мы вновь будем вместе! Обещаю увезти тебя в Брайтон недели на две — у меня там дом, где мы без помех сможем насладиться обществом друг друга и прекрасным видом на море.

— Я люблю тебя!

— Я тоже!

И он ушёл, скользнув на прощание губами по лбу сразу же впавшей в угнетенное состояние духа любовницы, но это продолжалось недолго.

Соланж сидел в своем кабинете за деловыми письмами, когда туда чуть ли не бегом

ворвалась счастливая Иннин. С довольным смехом, расправив от полноты счастья руки, она закружилась по комнате, а потом крепко ухватила за спинку стула своего приятеля, по-детски подпрыгивая от радости и нетерпения.

— Рауль! Он любит меня!

Гувернер оглянулся. Может, его улыбке не хватало сердечности, но, тем не менее, он все-таки сумел изобразить её на губах.

— Я рад!

— Мы будем вместе — и он, и я, и наша малышка!

— Его светлость сделал вам предложение?

Улыбка сползла с губ только что сиявшей от счастья женщины.

— Нет, — сдержанно ответила она, — но, я думаю, он со временем поймет...

— Что поймет? — француз задавал свои вопросы спокойно и доброжелательно, но Инн становилось от них весьма не по себе.

Она укоризненно посмотрела на Соланжа.

— Он поймет, что с появлением Туанеты мы стали уже не просто любовниками, а семьей! Эдвин согласился, что наша дочь — настоящее чудо, и сказал, что признает её своей. Мы будем счастливы втроем. Главное, что он нас любит!

Соланж преувеличенно внимательно рассматривал бумаги на столе, но потом все-таки нехотя спросил:

— Он прямо так и сказал, что Туанета будет жить в Вудвилл-лодж?

Инн удивленно посмотрела на собеседника — она никак не могла взять в толк, о чем он её спрашивает?

— Но если я буду жить в Вудвилл-лодж, то где же может ещё находиться моя дочь? Станные вопросы вы задаете, Рауль!

Тот пожал плечами, посыпая песком письмо.

— Я плохо разбираюсь в подобных делах, — подчеркнуто равнодушно пробормотал он, — вот и задаю всякие нелепые вопросы! Но, всё-таки, насколько я понял, Мортланд ничего не говорил вам о своих планах относительно дочери?

— Я же вам сказала, — сердито нахмурилась Инн, — Эдвин пообещал признать ребенка своим, какие ещё могут быть у него планы? О чём вы?

Соланж высоко вздернул брови и покосился на хмурящуюся молодую женщину.

— Не сердитесь, — мягко улыбнулся он, — я просто глупец, раз умудрился расстроить вас в такой счастливый день. Это жизнь неудачника сделала меня подозрительным брюзгой!

— О, Рауль, — тут же оттаяла Иннин и улыбнулась в ответ, — я очень ценю твое внимание и заботы, ведь ты мой единственный друг! Но сейчас я так счастлива, так счастлива!

— Я рад за тебя, дорогая, искренне рад! А сейчас извини, но у меня срочная работа.

И что можно поделать с таким занудой? Инн снисходительно улыбнулась, и, строя радужные планы относительно ближайшего будущего, вернулась к повседневным делам, с нетерпением ожидая, когда же Мортланд придет за ней с дочерью, и они, наконец-то, будут жить единой семьей — он, она и Туанета.

Прошло две недели.

В тот роковой день всё шло, как обычно. Инн покормила малышку, уложила её спать и вышла в сад немного прогуляться перед сном. В последние дни постоянно шли дожди, и только сегодня небо просветлело и стало возможно выйти из дома.

Она брела по дорожке, осторожно обходя лужи и стараясь не намочить юбки о края мокрых газонов. Мысли молодой женщины были далеко и от Кастл-рока, и окружающих её деревьев. Она думала о Мортланде и о его обещании забрать её с дочерью отсюда. Не то, чтобы Иннин сомневалась в герцоге и его обещаниях, нет! Но она отчаянно тосковала по нему, мечтая, как можно скорее попасть в его объятия, и каждый день вынужденной разлуки длился для неё бесконечно.

Побродив по парку с полчаса, она вернулась обратно и рассеянно заглянула в детскую, чтобы посмотреть, насколько спокойно спит дочь, но кровать оказалась пуста.

Инн удивленно огляделась и позвала экономку.

— Миссис Смит, — спросила она хмурую женщину, почему-то отводящую глаза, — где моя дочь? Вам не кажется, что для прогулок по саду час уже поздний?

Сухопарая экономка виновато согнулась, нервно теребя оборку передника.

— Так это, — глухо пробормотала она себе под нос, — маленькую леди увезли!

— Увезли? — Инн показалось, что она ослышалась. — Что вы такое говорите? Кто и куда мог её увезти?

— Не знаю, мэм! Только приехали люди и забрали... Спросите у месье Рауля, он знает!

Растерянная, с тошнотворно сжимающимся сердцем, она побежала разыскивать француза. Соланж сидел в своём кабинете, склонившись над бумагами.

— Рауль, где Туанета?

Соланж не сразу оглянулся на её голос. Сначала неторопливо отложил перо, затем свернул бумаги. Инн наблюдала за движениями его рук, и чем дольше он молчал, тем большим ужасом наполнялась её душа.

— Где Туанета? — уже не выдержав пытки, в истерике закричала она. — Пожалуйста, не молчи, не пугай меня!

Рауль, наконец-то, повернулся, но посмотреть ей в глаза, тоже не смог.

— Туанета у отца, — глухо пояснил он, — здесь были люди герцога, и они забрали девочку.

Инн почувствовала, что земля уходит у неё из-под ног.

— Туанета в Вудвилл-лодж?

— Не думаю, — в сомнении протянул Соланж, поднимаясь с места, — скорее всего, она сейчас в лондонском доме Тейлоров, а может, он отправил свою дочь в какое-то из имений. Так или иначе, но девочка должна быть признана герцогской семьей. В таких случаях, имя матери остается неизвестным не только для широкой публики, но и для самого ребенка. Зачем же везти малютку в Вудвилл-лодж, если туда через несколько дней прибудете вы!

Инн стало настолько плохо, что она сползла по стенке на пол.

— Верните мне дочь, — простонала она немеющими губами, — моя Туанета..., отдайте мне её! Не нужно, ничего не нужно..., только она, моя девочка, мой цветок... я сейчас же... в Лондон... велите запрягать...

Потом были какие-то люди, тошнотворный запах нюхательных солей, приглушенные голоса, насильственно влитое лекарство, и сон... глубокий и страшный, больше похожий на смерть.

Когда утром она проснулась, то долго не могла понять, что это с ней? Почему так болит голова, и зачем тугие повязки перетягивают ей груди, ведь Туанета... Вместе с именем дочери, воспоминания полоснули её, как удар ножа, заставив застонать от боли.

— Иннин, — над кроватью нагнулся озабоченный Соланж с питьем в руках, —

успокойся!

Но она решительно отстранила стакан — не время было залеживаться, когда надо действовать.

— Рауль, мне нужно срочно повидать Мортланда, объяснить ему...

— Разумеется, — охотно согласился тот, — только сначала успокойся, приди в себя и крепко подумай!

— О чём тут раздумывать? — Инн попыталась подскочить, но головная боль была настолько сильной, что комната качнулась вокруг, и пришлось со стоном вернуться на подушки. — Что со мной?

— Нервный срыв, я думаю, — огорчённо пояснил Соланж, — надо ещё немного полежать в кровати и набраться сил, прежде чем куда-то бежать и что-то требовать!

Несчастливая мать, схватившись за виски, попыталась собраться с мыслями.

— Почему ты отдал её им? — возмущенно накинулась она на того, кто был под рукой. — Как ты мог?

Француз только пожал плечами.

— Девочку забрал родной отец! Кто я такой, чтобы вмешиваться в столь деликатные дела? Даже незаконнорожденная дочь герцога — не последняя фигура в жизни высшего света. Перед ней открыты все двери, она — завидная партия для любого жениха. Почему я должен был бороться против такого блестящего будущего? Разве жизнь рядом с куртизанкой-матерью более завидная доля? Позор, возможно, нищета и разврат! Ты этого бы хотела для своей малютки?

— Что за чушь ты несёшь?!

— Это не чушь, — едко возразил Соланж, — это неприглядная правда. Рано или поздно, но Мортланд сменит тебя на более свежую потаскушку, а ты отправишься прямоком на панель! Подумай же, что станет с твоей дочерью?

— Но? Но почему он не понимает..., ведь можно как-то ещё... Я не верю тебе! Мне надо с ним увидеться и он поймет, что нас нельзя разлучать с дочерью, что мы..., он..., я...

— Неужели ты, по-прежнему, тешишь себя надеждами на брак с Мортландом? — устало покачал головой Рауль. — Опомнись, Иннин! Он никогда на это не пойдет!

Юная женщина враждебно глянула на собеседника.

— Я должна с ним поговорить!

Соланж тяжело вздохнул и заботливо поправил на ней одеяло.

— Да, пожалуйста! — небрежно согласился он, чуть поморщившись. — Я сам отвезу тебя к нему, но не сегодня! Ты слишком слаба для бесед такого рода. Вот, выпей лекарство, если хочешь набраться сил для разговора.

Инн поспешно глотнула нечто горькое, и тот час отъехала в страну тяжелых мрачных сновидений. Очевидно, француз потчевал её очень сильным снотворным.

Два дня при помощи лекарств юную женщину удерживали в кровати. За это время у неё перегорело молоко, она выплакала море слёз, но и набралась решимости бороться за своего ребенка до конца.

— Рауль, — с мольбой глянула она в обеспокоенное лицо единственного друга. — Мне нужно увидеть Мортланда, но не в Вудвилл-лодж! Иначе..., вы понимаете, что я имею в виду?

— Понимаю! — хмуро склонил голову француз.

Рауль задумчиво потерев подбородок, искоса поглядывая на возбужденную женщину.

— Такое место есть, — в сомнении протянул он, — для этого подойдет герцогская резиденция Мортланда.

— Вы с ума сошли! — перепугалась Инн, живо представив, как она на пороге дома встречается с её светлостью. — Это плохая идея!

— Почему, — пожал плечами Соланж, — у его светлости, когда он в Лондоне, с утра десятки посетителей. Одним нужна протекция, другим — деньги, третьим — ещё что-нибудь! Оденетесь неприметно, на голову накинете вуаль (благо, вам не привыкать прятать лицо, как сарацинке!), назоветесь вымышленным именем перед секретарем, и вперед! Уж в его собственном кабинете, когда под дверью секретарь и куча народу, Мортланд вынужден будет вас выслушать.

Инн лихорадочно кивнула головой.

— Да! Конечно!

Целую ночь она не спала, сочиняя сотни вариантов обращений к бессердечному возлюбленному — она ему не даст забыть, благодаря кому малышка появилась на свет! И как он сопротивлялся, и как хотел её убить..., ничего не упустит!

Утром, обрядившись в чёрную вуаль и траурные юбки вдовы, добытые предприимчивым Соланжем, Инн уселась в карету. От волнения её било крупной дрожью.

Благо, что Рауль решил сопровождать свою соотечественницу в этой поездке. Он не утешал молодую женщину, только изредка позволяя себе сжимать её холодеющие руки.

— Иннин, — с состраданием в голосе сказал он, прежде чем она покинула экипаж, — может, мы отложим визит? Вы сейчас не в той форме, чтобы вести беседы с Мортландом!

— До завтра я не доживу, — молодая женщина едва смогла раздвинуть дрожащие губы в жалком подобии улыбки, — я не могу жить без моей девочки!

Им, можно сказать, повезло. Герцог оказался дома и вёл прием. Его секретарь Уинстон записал имя вдовы — миссис Грейс и пообещал, что его светлость обязательно примет её после обретающихся в той же узкой и темной приемной хмурого пожилого викария и двух мужчин, по виду стряпчих.

Надо сказать, что отменно вежливый мистер Уинстон сразу же догадался, что посетительница в большом волнении, поэтому не поленился предложить ей самое удобное место в комнате и даже велел принести чашку чая.

— Не беспокойтесь, миссис Грейс, — приветливо улыбнулся он, — его светлость никогда не обижает отказами молодых дам!

Пить не хотелось, но руки настолько мерзли, что горячая чашка оказала хорошую службу — Инн сжала в ледяных ладонях горячий фарфор и застыла в ожидании, молясь про себя всеми известными ей молитвами.

Время текло медленно, но она его и не торопила, собираясь с силами для самой важной в своей жизни битвы. Зашёл в кабинет и практически сразу же вышел викарий, а вот двое стряпчих задержались надолго — настолько, что когда после Инн появилась какая-то пожилая женщина, то мистер Уинстон вежливо её предупредил, что сегодня его светлость уже не располагает временем для приема ещё одного посетителя. Та была недовольна, на повышенных тонах настаивая на своём, но секретарь с завидным терпением повторял всё тот же отказ. И вот, вытирая вспотевшие под париками лбы, кабинет покинули и стряпчие.

— Его светлость ждет вас, миссис Грейс! — приоткрыл перед ней дверь любезный секретарь.

Инн торопливо подскочила, покачнулась и вдруг в панике ощутила, что не может идти.

— Не бойтесь, — мистер Уинстон был само участие, помогая ей преодолеть несколько шагов до двери, — его светлость — само милосердие, когда речь идёт о хорошенькой женщине!

В просторном кабинете, за огромным письменным столом из черного дерева с эмалевыми инкрустациями сидел, устало откинувшись на спинку стула, Мортланд и бесстрастно наблюдал за пересекающей порог фигуркой в черном платье, но ему хватило одного взгляда, чтобы узнать посетительницу. Однако он дождался, когда закроется дверь и только потом, подскочив с места, обрушил на голову любовницы всё свое негодование.

— Что за безумная выходка, сударыня?! Какой недостойный маскарад! И зачем?

— Вы задаете мне такой вопрос?

Когда герцог закричал на неё, молодой женщине неожиданно стало легче, и она, откинув вуаль с лица, смело бросилась в бой:

— А мне кажется, что это я вас должна спросить — зачем вы отняли у меня дочь?

— Это моя дочь, — грубо заявил злой Мортланд, — и мне решать, где и с кем ей жить!

Инн хмуро фыркнула, бросив на него разъяренный взгляд.

— Вы не хотели её! Вы сами мне сказали, что знать о ней не желаете! Как же объяснить ваши дальнейшие поступки? Вы же обещали...

— Я не давал вам никаких слов и обещаний! Поговорим обо всём в Вудвилл-лодж!

— Ноги моей там не будет, пока вы не вернете мне дочь!

Мортланд смерил её презрительным взглядом и, обогнув стол, уселся на свое место. Инн с замершим тревогой сердцем наблюдала, как жестко каменеет его лицо, и вытягиваются в узкую полоску губы.

— Это ваше дело, — хмуро заявил он, — вы вольны идти куда хотите! Девочка останется у меня, поэтому оставьте ваши истерики для более благодарной публики!

— Верните мне дочь! — у Инн действительно началась истерика, когда она поняла, что он желает таким образом закончить разговор. — Неужели у вас совсем нет сердца?

— Моя дочь не будет жить с воровкой и шлюхой! Ваше место в притонах Сохо, туда и отправляйтесь!

И пока она пыталась прийти в себя от оскорбления, издав потрясенный крик, хозяин дома деловито позвонил в колокольчик.

— Уинстон, — приказал он возникшему на пороге секретарю, — выведите эту даму вон, и больше никогда и не при каких условиях не принимайте её в моем доме!

— Как вы можете? — наконец, выдавила Иннин, вытирая слезы, пока секретарь, ухватив её за локоть, мягко, но с силой тянул из комнаты. — Бог накажет вас, Эдвин! Нельзя так жестоко издеваться над беззащитными!

Герцог сделал вид, что настолько погружен в чтение какого-то письма, что ничего не слышит. Инн вырвала локоть из рук секретаря, машинально накинула вуаль на лицо и вышла из комнаты.

— Миссис Грейс, — послышался за спиной взволнованный голос Уинстона, — вам плохо?

— Нет, — тихо прошептала она, скорее себе, чем ему, — мне уже не плохо! Мне никак!

Но, тем не менее, Уинстон довел её до ждущего экипажа и почтительно передал с рук на руки выскочившему навстречу озабоченному Соланжу.

И вот она сидит и тупо смотрит в лицо, с сожалением взирающего на неё француза.

— И куда поедет? — наконец, с тяжелым вздохом спросил тот. — Назад, в 'Кастл-рок'?

Инн отрицательно покачала головой. Слёзы потоком полились из её глаз.

— Мне некуда ехать! Разве только к ближайшему мосту, чтобы прыгнуть в Темзу? На этом свете мне больше делать нечего...

Француз только устало покачал головой и крепко сжал её руки в своих ладонях.

— То, что вы говорите недостойно, ни вашего древнего имени, ни вашей веры!

— А быть проституткой в Ковент-гардене, торговать своим телом ради куса хлеба — это, по-вашему, более достойно?

Соланж сухо усмехнулся.

— Зачем вы так? Перед вами есть и другая дорога — светлая и прямая, дорога к счастью!

— О чем вы толкуете? — раздраженно вырвалась она из его рук. — Какой покой, когда моя девочка...

— С ней всё в порядке! — твердо перебил её Рауль. — И она, в отличие от вас, ни в чём не нуждается! Неужели, графиня, до вас никак не дойдет, что единственный путь из ямы, в которую вы по недомыслию упали, пролегает прямоком через брак с вашим опекуном — лордом Кавендишем!

Дядюшка! Инн одновременно и засмеялась, и зарыдала. Перепуганный Соланж крепко встряхнул собеседницу, пытаясь остановить истерику, но Иннин уже плохо понимала, на каком свете находится. Её трясло в лихорадке, и рыдания безудержно рвали грудь до тех пор, пока встревоженный спутник не надавал ей пощечин. Боль отрезвила и заставила юную женщину немного прийти в себя.

— Рауль! — устало обмякла она, вытирая слёзы. — Разве дядя примет меня теперь? Я ведь...

— Примет! — резко перебил её тот. — Я взял на себя ответственность связаться с милордом ещё полгода назад, когда вы только появились в Кастл-роке. Кавендиш проявил живейший интерес к вашей судьбе, и велел передать, что если вы все-таки согласитесь стать его женой, то он согласен в любое время раскрыть для вас своё сердце и защитить своим именем!

Инн изумленно, не веря собственным ушам, глядела на Соланжа.

— Вы ему рассказали? — в ужасе прошептала она. — Дядя знает...

— Знает, — твердо заверил её он, — а так как Кавендиш по-настоящему умный человек, то он согласен простить все ваши ошибки и заблуждения, закрыть глаза на ваше скандальное сожительство с Мортландом!

Проблеск надежды затеплился в сердце доведенной до последней степени отчаяния Иннин, и всё же...

— Как я посмотрю ему в глаза, — тоскливо простонала она, — опозоренная, падшая женщина?

— С любовью, — улыбнулся Рауль и неожиданно озорным жестом нажал на кончик её носа, — запомните, как десять заповедей — никогда нельзя сдаваться! Если судьба устраивает тебе коварную западню, то она предлагает и лазейку — нужно только её разглядеть! Боритесь за свое счастье, и тогда оно придет. И ещё, не называйте лорда, ради всего святого, дядей! Это, пожалуй, может вывести из себя даже самого терпеливого из влюбленных!

Инн жалко скривила губы.

— Но лорд сейчас, наверное, в Кавендиш-холле! Я не представляю...

— А ничего не надо представлять, — перебил её собеседник, — он в нескольких шагах отсюда. Его карета стоит впереди, не доезжая соседнего особняка. Я ещё вчера предупредил милорда о наших планах, и он смиренно ждет вашего решения относительно своей участи. Кавендиш любит вас, и такое преданное сердце — большая редкость в наш циничный век!

— Дядюшка, — грустно вздохнула Иннин, — я так виновата перед ним, ведь если бы...

— Идите, — не стал её слушать Соланж и распахнул дверцу экипажа, — перед вами только две дороги — или вы вернетесь в особняк и попросите прощения у Мортланда, или пройдёте несколько шагов вдоль улицы в направлении экипажа Кавендиша. Но в том или ином случае — вы должны это сделать в одиночку, сами!

Инн неохотно вылезла из экипажа — перед ней возвышались львы балюстрады лестницы парадного подъезда, как и в ту роковую ночь, когда она сделала столь неосмотрительный шаг навстречу герцогу. Инн окинула безразличным взглядом особняк — нет, эта дорога ей уже хорошо знакома. Кроме боли, позора и унижения ничего не ожидает несчастную, решившую проследовать по ней, и она, печально понурившись, направилась в сторону ждущего неподалёку экипажа.

Идти было страшно, стыдно и невероятно тяжело. Какой пристыженной и раздавленной Иннин возвращалась под крыло этого невероятно благородного человека! Он был достоин гораздо лучшей женщины, чем она. Но ей действительно больше некуда идти!

Герцог заинтересовано наблюдал из окна за экипажем, в который села любовница.

Он не мог понять, почему тот не отъезжает, когда и так всё ясно. Иннин выплеснула бессильный гнев, поняла, что давить на него бесполезно, и теперь должна была вернуться в 'Кастл-рок'. Ночь истерик и слез, а завтра утром он придет за ней, выслушает ещё одну гневную тираду, приласкает, и уже смирившуюся увезет в Вудвилл-лодж, и всё пойдет по-старому. Со временем до дурочки дойдет, что по-иному он просто не мог поступить, и действовал только в интересах дочери. Инн ещё будет благодарить его за то, что он сумел обуздать её материнский эгоизм.

Когда дверца кареты распахнулась, и любовница вновь ступила на землю, Мортланд насторожился. Неужели она хочет ворваться в дом и устроить новый скандал? Он уже было развернулся, чтобы позвать секретаря и приказать ему, ни под каким видом не пускать настырную истеричку в дом, когда с недоумением заметил, что та проследовала мимо особняка.

Пришлось все-таки вызвать Уинстона.

— Проследите, куда направилась только что устроившая скандал дама! — отрывисто приказал он.

Уинстон холодно кивнул головой и удалился. Мортланд недовольно сморщил нос — конечно же, молодой человек всё слышал и осуждал хозяина за проявленное бессердечие. Надо же было этой юной ослице припереться прямо в дом! Неужели нельзя было выбрать другое место для разговора?!

Секретарь довольно быстро вернулся.

— Миссис Грейс села в ожидающую её чуть поодаль карету, и та тронулась с места!

У Мортланда брови полезли на лоб от неожиданности. Он не мог понять — куда ещё, как не в 'Кастл-рок' могла направиться Иннин?

— Это был наемный экипаж? — в сомнении осведомился он.

— Нет, хотя точнее определить затруднюсь, из-за суеты фореиторов вокруг дамы, разглядеть герб не удалось.

Всё это не понравилось герцогу. Его любовница села в какой-то незнакомый экипаж?

— Найдите мне Бисби, — резко отдал он приказание Уинстону, — и как можно быстрее!

По мере приближения к экипажу лорда, ноги несчастной француженки ступали всё медленнее и медленнее, как будто к ним привязали по десятифунтовой гире. Иннин была не просто в смятении, её охватила настоящая паника. Как она посмотрит в глаза дядюшки, и разве не сгорит от стыда при виде его благородного лица?

Променяла любовь достойного человека на жалкую участь блудницы, и теперь возвращается к нему, как побитая собака! Если бы Кавендиш встретил её наказанием, негодованием, но его прямо-таки библейское всепрощение?! Совесть не просто грызла юную женщину изнутри — она парализовала всё тело, и молодая женщина едва переставляла ноги, всей душой желая провалиться сквозь землю. У каждого из нас свой путь в Каноссу!

Но, не смотря на эту моральную пытку, вскоре она достигла цели. Видимо, предупрежденные заранее фореиторы, живо спрыгнули с запяток, и, не дожидаясь, когда кающаяся грешница доползет до дверцы, подхватили под руки и втолкнули её вовнутрь.

Находящаяся на грани обморока Иннин в смятении расправила дрожащими руками складки юбки, и лишь только потом осмелилась покоситься в сторону.

Грустно улыбающееся лицо дядюшки оказалось совсем близко. Боль и горячее чувство любви к этому человеку вдруг резкой болью полоснуло по сердцу, и моментально исчезли все глупые сомнения и преграды, разъединявшие их.

— Дядя, — кинулась она со слезами в его немедля распахнувшиеся объятия, — дядюшка! Если бы вы знали..., только знали, как мне было без вас плохо!

— Я знаю, знаю, дитя моё!

Его глуховатый голос привел её в состояние давно забытого блаженства, того самого, которое Иннин испытывала только в далеком детстве, принякая к груди отца. И, жалобно всхлипывая, она, бездумно и невпопад изливала ему душу.

— Он отнял у меня дочь..., он говорит, что я воровка..., как можно..., это ведь жестоко..., неужели я настолько дурная женщина, что даже не могу жить со своей дочерью?

— Успокойся, дорогая! — горячая ладонь легла ей на голову, успокаивая и даруя восхитительное чувство защищённости. — Всё в прошлом, не стоит вспоминать и казнить себя!

— Но разве можно забыть собственного ребенка?

— Нет, конечно, нет! Но для начала — давай, всё-таки, кое-что выясним...

Иннин торопливо кивнула в ответ.

О, дядюшка ничуть не изменился за время их разлуки — он остался всё таким же уравновешенным и здравомыслящим.

Но Кавендиш, почему-то не стал ни о чем спрашивать. Наоборот, легонько отстранив её от себя, он покопался во внутреннем кармане сюртука и вытащил оттуда небольшую коробочку. Инн, недоуменно нахмутив лоб, настороженно наблюдала за его манипуляциями, пытаясь осознать их смысл. Но, видимо, неприятности последних дней настолько затуманили её разум, что до Инн дошло, что к чему, только когда крышечка щелкнула, и перед ней в обрамлении бархата предстало изящное кольцо с красиво ограненным продолговатым сапфиром. Дорогое, но неброское — как раз в стиле не любящего показной блеск лорда.

Её щёки моментально залило краской, и она задохнулась от смущения и стыда. Не в силах отвести взгляд от блистающего острыми сполохами сапфира, она лихорадочно

размышляла, что сказать. Между тем, лорд терпеливо ждал, держа перед её носом ладонь с раскрытым футляром. Неизвестно, сколько прошло времени, может, минута, может — две, но карету неожиданно качнуло на повороте и Инн, наконец-то, пришла в себя.

— Вы, по-прежнему, этого хотите? — испуганно прошептала она.

— Было бы странно предложить женщине кольцо, не желая жениться! — сдержанно откликнулся лорд.

И вновь воцарилось молчание, но теперь уже ненадолго.

— Я недостойна вас, — с жаром воскликнула Инн, чувствуя себя настоящей преступницей, — разве после всего, что произошло, я смогу сделать вас счастливым?

— Предоставьте вопрос о собственном счастье решать мне, — голос Кавендиша становился всё суше и суше, — от вас же требуется только одно — взять кольцо! Если вы этого не сделаете, я не буду настаивать! Я помню, что произошло в нашу последнюю встречу, повторения мне не пережить!

И вновь её болезненно укорила совесть, но уже по-другому поводу! Да, как она смеет огорчать такого великодушного человека?! Она, не стоящая даже морщинки на его благородном лбу! И Инн торопливо, дрожащими пальцами стащила перчатку с руки. Но Кавендиш и здесь не стал торопиться. Он небрежно покрутил в руках золотой ободок с синей искоркой.

— Ты хорошо подумала, дорогая? Может, ты рассчитываешь таким образом отомстить герцогу Мортландскому?

Инн нервно хмыкнула. Месть Эдвину? Разве можно отомстить камню?!

— Вряд ли его светлость интересуется моя дальнейшая судьба, — хмуро заметила она, и опустила на колени протянутую ладонь, — мы расстались! Но, может, сомнения в моей искренности заставят вас отказаться...

— Глупости, — прерывисто вздохнул мужчина и надел на её палец кольцо, приложившись к нему легким поцелуем, — всё это глупости — и твои сомнения, и моя ревность, а у нас так мало времени, нужно торопиться!

И он пару раз стукнул тростью в потолок кареты. Растерянная Инн слушала его в пол уха, рассматривая перстень на своей руке и отчетливо осознавая, что сейчас, вот в эту самую минуту резко изменилась её судьба. Она была к этому не готова, но поделать уже ничего не могла.

Венчаться Кавендишам пришлось по специальному разрешению, практически тайно. В их обстоятельствах не было смысла зачитывать оглашения, да и надобности в двухнедельном ожидании тоже не было. Чтобы избежать ещё кое-каких формальностей Кавендиш получил у Архиепископа Кентерберийского специальное разрешение второго рода, дающее право заключать брак в любое удобное время и в любом месте. Он не хотел проводить церемонию в собственном приходе, чтобы избежать излишних вопросов и неминуемых пересудов, поэтому новобрачные венчались в соборе святого Георгия почти ночью, ведь осенью темнеет рано.

Лондон уже жил вечерней жизнью — по своим делам торопились люди, мчались, обгоняя их экипажи, стоящие перед алтарем в ожидании священника новобрачные подавлено молчали. Инн растерянno крутила в руках букет, испуганно косясь на темные и пугающе пустынные пределы храма. Протестантский обряд! Разве сможет она считать эту церемонию благословением свыше?

— А свидетели?

— Они здесь!

Двери тихонечко скрипнули, и в храм торопливо зашли Соланж и... Бисби! Инн даже затрясло при виде последнего — на её венчание прибыл сам сатана!

Как она выдержала обряд в присутствии виновника всех своих бед?

Молодожёны возвращались из церкви, когда новобрачная, не выдержав неизвестности, всё-таки поинтересовалась теперь уже у мужа.

— Откуда вы знаете Бисби, милорд?

Кавендиш помедлил с ответом.

— Это довольно известная фигура в свете, — нехотя заметил он, — его происхождение не понятно, источники доходов неизвестны, слава — самая тёмная, но его всё-таки принимают, а туда, где дорога закрыта дамами-патронессами, он и сам никогда не сунется. Когда ты исчезла...

Иннин виновато посмотрела на запнувшегося мужа. Его лицо исказилось таким горем, что она невольным, умоляющим о снисхождении жестом прижала его руку к груди. Кавендиш ласково улыбнулся и привлек новобрачную к себе.

— ... когда ты исчезла, я кидался во все стороны, обращаясь ко всем, кто только мог помочь. Пустил в ход все свои связи, имел дело с такими людьми, о которых и знать-то страшно! Но всё было без толку — ты как в воду канула. И все-таки, я не верил, что моей девочки нет в живых!

Кавендиш тяжело и прерывисто перевел дыхание — чувствовалось, что рассказ дается ему нелегко.

— И, когда я уже изведal всю бездну отчаяния, появился этот француз — Соланж. Он ждал меня на выходе из клуба, и, окликнув, заявил, что в курсе моих поисков некой леди и знает человека, которому известно о тебе всё. Сначала я не поверил и хотел прогнать наглеца, но утопающий хватается даже за соломинку! Я стал искать встречи с Бисби, правда, в обществе он носит совсем другое имя.

Инн стало не по себе. Другое имя Бисби её интересовало мало, а вот подробности встречи этого человека с Кавендишем — очень.

— Что же вам сказал Бисби? — хмуро осведомилась она.

— Поначалу — ничего! Сказал, что поиск людей — его бизнес, и если я раскошелюсь...

— Подонок! — не выдержала Инн, и, резко отпрянув от собеседника, трясущимися руками затеребила ленты шляпки. — Сколько же раз он был намерен меня продавать?

Кавендиш мрачно хмыкнул, но всё же терпеливо пояснил, хотя и с жестяными оттенками в голосе:

— Никто тебя не продавал и не покупал, дорогая, тебя элементарно обвели вокруг пальца! Бисби тесно связан с Тейлорами! Я не знаю подробностей, но мне доподлинно известно, что они компаньоны в делах, которые приносят прибыль в десятки тысяч фунтов. И зачем Бисби было продавать своему деловому партнеру незнакомую девушку? Какая выгода? Подумай сама! Он просто сделал ему небольшое одолжение, загнав желанную дичь в иллюзорные силки. Тебя напугали полицией, связали руки и ноги воображаемым долгом, ну, а заморочить голову невинной девочке для такого мерзавца, как Мортланд — уже мелочь!

До потрясенной Иннин дошло, что, скорее всего, всё было именно так!

— И что же дальше, — кусая губы, чтобы не расплакаться, пробормотала она, — когда Бисби все-таки рассказал обо мне?

Кавендиш вытащил платок и тщательно вытер лоб. Наверное, чтобы успокоиться.

— Говорил не он, а его секретарь — этот пронырливый малый Соланж, но естественно с разрешения и подачи своего работодателя. Француз поведал мне, что ты дожидаясь родов, и что скоро всё разрешится само собой, поэтому не стоит больше метаться в бесполезных поисках, а набраться терпения и ждать!

— Чего? — растерянно спросила Инн.

— Развязки, я думаю!

У неё заболела голова. Всё это было сложно и не понятно!

— Но почему? Почему Бисби так странно себя повел? И сколько вы ему заплатили?

— Сущую безделицу. Пять фунтов. Я так и не понял, почему он назвал эту сумму..., я вообще ничего не понял! Но, дорогая, так ли уж важно знать причины, двигающие этим человеком, если благодаря ему мы вместе, и ты жива и здорова?

Инн живо встрепенулась и виновато повернулась к мужу. Действительно, вряд ли, история падения супруги — наиболее удачная тема разговора для новобрачных! Вот и Кавендиш мрачно насупился!

— Вы сердись на меня? — жалко улыбнулась она, нервно сжимая руки. — Я, наверное, кажусь вам дурочкой?

— Нет, дорогая, — и супруг вновь сменил гнев на милость, доброжелательно глянув на свою сжавшуюся от неловкости новобрачную, — вы всегда были ласковым и нежным существом, с доброй и открытой душой. Мне нужно было вас беречь и охранять от жестокости мира, а я думал лишь только о себе, и поэтому допустил море ошибок. Нет мне прощения!

— Милорд, — Инн, схватив его руку, пылко её поцеловала, — не смейте себя винить! Это я повела себя глупо и нелепо, и поверьте, прошло всего несколько дней после побега, как я горячо раскаялась в этом!

— Почему ты не вернулась? Неужели так строго стерегли?

Инн опустила голову.

— Стерегли, конечно, но не в этом дело — мне было стыдно появиться перед вами. Вы

достойны самой лучшей девушки на земле, а я..., я незаслуженно занимаю столь высокое место в вашем сердце!

— Всё прошло, всё! — губы супруга прикоснулись к её лбу. — У нас начинается новая жизнь, где не будет места всей этой мерзости. Ты многое поняла, многое выстрадала, и поэтому по достоинству сможешь оценить ту спокойную и честную жизнь, которую я тебе предлагаю. Жизнь юных красавиц, имеющих за спиной немолодых супругов, всегда полна искушений и соблазнов, но надеюсь...

Инн даже вздрогнула от переполнявших её чувств.

— Вам не нужно думать об этом, — горячо сказала она, — урок, преподанный мне, я запомню навсегда! И пусть я не столь целомудренна, какой должна быть ваша жена, уверяю, вернее сердца вы не найдете!

Кавендиш, порывисто сжал в объятиях свою юную супругу, и она замерла, доверчиво прильнув к его груди.

Больше они не заговаривали до тех пор, пока карета не остановилась у так хорошо знакомого Инн входа в особняк Кавендишей.

Вся прислуга выстроилась в холле, приветствуя свою новую госпожу. И хотя почти всех этих людей Инн знала раньше, ей сразу же бросилось в глаза, как изменилось их отношение к бывшей нищей воспитаннице, на которую раньше едва бросали взгляды. Перед новой миледи все почтительно склонили головы — никакого пренебрежения, никакой фамильярности!

Когда-то, в далеком детстве Инн бывала в спальне тетушки, всегда поражаясь её красивому интерьеру, но теперь всё изменилось. Обитые красным штофом стены, украшенные картинами с деревенскими пейзажами, уже не казались ей прекрасными, да и старомодная мебель прошлого века была тяжеловесной и мрачной.

Да, всё было привычно и добротно, но разве этот старомодный дом мог тягаться с вызывающей роскошью Вудвилл-лодж, где роскошь соперничала с идеальным вкусом?

Поймав себя на столь крамольных мыслях, Инн пришла в ужас от собственной испорченности — сравнить почтенный солидный дом с обителью разврата! Чтобы подавить своё смущение, она занялась с горничной разбор коробок с платьями, купленными к свадьбе. В комнате ещё до сих пор витал аромат тетушкиных духов, и это настраивало нашу героиню на грустный лад. Кто бы мог подумать, что она займет место леди Элизабет? От мрачных мыслей отвлекла служанка.

— Миледи желает приготовиться к брачной ночи?

Инн вздрогнула и печально кивнула головой, меланхолично наблюдая, как девушка расправляет на постели нарядную шелковую сорочку.

Что ж..., и через это надо пройти!

Горничная помогла ей снять платье, подала кружевной чепец.

Инн невероятно устала за день, но напряжение держало её тело в натянутом, как тетива состоянии, и её нешуточно знобило в ожидании визита супруга.

Надо сказать, что Кавендиш не испытывал терпения новобрачной. Прошло совсем немного времени, как дверь на его половину распахнулись и он, обряженный в расшитый шнуrom халат и домашние туфли на босу ногу, появился на пороге с подсвечником на руках.

— Ждешь? Надеюсь, я не сильно задержался и не утомил тебя?

Вот, когда она, наконец-то, полностью осознала, что лорд вовсе не дядя ей, и не добрый и заботливый родственник, а прежде всего мужчина. Нетерпеливо откинув одеяло, он

медленно провел рукой по груди, зажмурившись в ожидании дальнейшего юной жены.

От волнения у Инн перехватило дыхание, но напряженный слух всё равно улавливал стук поставленного на прикроватный столик подсвечника, шорох снимаемого халата... кровать прогнулась под весом севшего на край мужчины.

— Ангел мой, — прошептал ласковый задыхающийся голос, и сильные руки уверенно привлекли её к горячему мужскому телу, — тебе не холодно?

Холодно?! Инн сотрясал озноб, но больше от волнения и тревоги, чем от холода. Ожидание стало настолько невыносимым, что она даже чуть слышно застонала, попытавшись облизать губы пересохшим языком.

— Любимая, моё долгожданное счастье! Неужели это не сон, и ты все-таки со мной? Как же я боюсь проснуться! Какая же ты красивая!

Горячие пальцы запутались в её локонах, а ухо щекотал шепчущий признания в любви голос. Мужское тело всё настойчивее льнуло к ней, и Инн отчетливо ощущала незнакомый опасный запах. В тот момент, когда их тела соприкоснулись, губы супруга слились в поцелуй с её растерянными губами. Так ещё сэр Джордж её не целовал — крепко, жарко, приводя в состояние смятения. Голова кружилась, воздуха не хватало, кровь жарким потоком пульсировала в висках, но она отчетливо ощущала как бережные пальцы, легко скользя, изучают её тело, повторяя его изгибы. Навалившееся сверху тело не было тяжелым, неосознанное сопротивление вызвало то, что оно было незнакомым. Её затрясло от неприятия происходящего, и Иннин резко рванулась в сторону.

— Что ты, радость моя, что ты, — супруг был само терпение, хотя выговаривал слова с трудом, — успокойся..., я не сделаю тебе больно! Любовь моя..., ты нежнее шелка!

После того, что произошло дальше, Инн окончательно уяснила, что даже во сне или в бессознательном состоянии никогда больше она не назовет Кавендиша дядюшкой!

Брайтон встретил молодоженов дождём и сильными ветром.

Арендованный Кавендишем коттедж был невелик, но вполне удобен для людей, желающих провести медовый месяц наедине друг с другом. Штат прислуги состоял только из кухарки и двух приходящих поденщиц, да к ним ещё присоединились приехавшие следом за господами горничная леди и камердинер лорда.

— Только я и ты, — самонадеянно пообещал Кавендиш юной жене, увлекая её в спальню, отдохнуть после утомительной дороги, — утром прогулка, потом завтрак, отдых, а вечером будем читать книги, играть в шахматы и музицировать!

В общем-то, только после замужества до Иннин дошло, что вкладывалось в понятие 'исполнение супружеского долга' мученически поджимающей губы миссис Элспет. Куда уж было сравнивать редкие, головокружительные визиты Эдвина с этой обыденной рутинной обязательных занятий любовью!

Кстати, иллюзия уединения просуществовала ровно до следующего утра.

Лил проливной дождь и супруги сидели за завтраком, вяло обсуждая, чем заняться, когда без конца начал трезвонить дверной звонок, и одна за другой стали поступать визитные карточки.

— Вы же меня убеждали, что побережье опустело, — рассмеялась Иннин, складывая уже десятое приглашение возле своей чашки чая, — а здесь, похоже, такая толчея, какой не встретишь даже в Лондоне!

— Да, — покачал головой обескураженный лорд, — всё же, кое-кого придется навестить.

Речь шла, во-первых, о местном дворянстве, во-вторых, о нескольких семьях, которые посетили эти места по медицинским соображениям, точно так же, как и наши молодожены, пытаясь избежать сентябрьской суеты. И ещё тут был расквартирован полк королевской гвардии, командующий которым, был хорошо знаком семье Кавендишей.

В результате этого открытия, уже в первый же вечер они попали на довольно людное сборище, собравшееся у лорда и леди Эшем, чтобы поиграть в карты. Чувствуя себя мишенью под перекрестным огнем всеобщих взглядов, Инн судорожно вцепилась в локоть мужа. Их окружила целая толпа вычурно одетых дам, так называемого 'деликатного' возраста, когда нельзя определить тридцать им или уже пятьдесят. Они с жадным любопытством лорнировали съезжившуюся от смущения юную женщину.

— Ах, Кавендиш, ваша жена прелестна!

— Я так удивилась, прочитав сообщение о вашем венчании, представляете, неизвестно каким образом, но я пропустила объявление о помолвке!

— Вы прекрасная пара! Я всегда считала, что юной девушке опорой может служить только человек почтенного возраста! Леди Иннин младше вашей дочери, это так пикантно!

— Неужели архиепископ дал вам разрешение на женитьбу на собственной племяннице? Разве это не противозаконно?

— Бедная леди Лора Краймер, этот союз разобьет ей сердце....

Последнее сообщение настолько заинтересовало Инн, что она даже пришла в себя. Терпеливо дождавшись, когда спадет интерес к их персонам и леди накинута на других жертв, она тихо спросила супруга.

— Кто такая леди Лора Краймер? Почему её сердце должно разбиться?

Кавендиш с досадой отвернулся.

— Милая, меньше слушай сплетни, крепче будешь спать!

Но имя крепко засело в голове Инн. Уж она-то знала, что нет дыма без огня. Эта женщина, наверняка, была любовницей Джорджа, и теперь он не желал о ней говорить, чтобы в любой момент начать изменять и лгать свой дурочке жене! В мановение ока Инн сочинила такую историю лжи и предательства своего мужа, что чуть не заплакала от жалости к своей несчастливой судьбе. Благо, что Кавендиш, болтавший с каким-то важным господином, и не подозревал, какие мрачные картины встают перед глазами уныло нахохлившейся жены.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы Инн неожиданно не увидела ещё одного направляющегося к ним джентльмена. И пока он с радостной улыбкой продвигался к супругам, у леди Кавендиш от ужаса шевелились волосы на голове. А вдруг этот мерзкий человек по каким-нибудь признакам угадает в ней мисс Эрику Трелони, и разоблачит её перед всеми этими людьми? Багровая пелена затянула её взор, заставив изо всех сил вцепиться в локоть мужа.

— Дорогая, что с тобой? Тебе плохо? Здравствуйте, сэр Фредерик! Разрешите представить вам мою супругу — леди Иннин!

Темные глаза Глоссопа безо всякого выражения остановились на лице новоявленной леди Иннин Кавендиш. На лице читалась откровенная скука.

— Миледи, — почтительно склонился он, — ваш муж счастливее, каких мало! И как только нам — старым холостякам сыскать места, где обитают такие красавицы! А я, дорогой Кавендиш, приехал подлечить свою разгулявшуюся печень. Мой доктор настоятельно посоветовал ванны из морской воды...

Он не узнал её! Да что там, светский треп подонка говорил о том, что тот даже не соизволил внимательно посмотреть на стоящую перед ним женщину, и Инн даже знала — почему! Интересы распутника пролегали далеко от бальных залов с дебютантками, его интересовали только выставленные на продажу девственницы! Мерзкий извращенец!

— Дорогая, — между тем, улыбался ей супруг, — сэр Фредерик — выдающийся ум партии тори, мы все им гордимся! Кстати, Глоссопп, а что вы думаете о последнем проекте герцога Портлендского о дополнительных ассигнованиях на строительство линкоров?

О, да! Сэр Фредерик прекрасно разбирался в строительстве линкоров, почти так же, как в ценах на выставленных на аукционе пятнадцатилетних девочек. Взбешенную таким лицемерием Инн замутило от одних звуков его ленивого голоса и она, тихо извинившись, отошла от мужчин.

Иннин стояла у столика и наливала себе чашу пунша, когда услышала за спиной чей-то нахальный голос:

— Хорошо, Роберт, иметь много денег! Захочешь, и можно купить себе вот такую очаровательную цыпочку!

Инн резко обернулась и встретила глазами с группкой молодых хлыщей, тщетно подражавших Браммелю в умении элегантно одеваться. Они ей показались глупыми, разряженными петухами с глумливыми лицами придурков. Что они знали о жизни? Только то, что видели через стекла своих глупых лорнетов! Но тут её взор неожиданно выхватил из толпы отдаленно знакомое лицо. Где-то она его уже видела? Инн чуть напрягла лоб, и насмешливая улыбка исказила её губы — ну, как же, в одном из сомнительных заведений!

Юнец тогда стоял пьяный в нескольких шагах от неё и безуспешно пытался договориться с какой-то проституткой, а та только презрительно фыркала и отрицательно качала головой, судя по всему, отказывая в своих услугах едва державшемуся на ногах щеголю. И это недоразумение ещё прохаживалось на счет её Джорджа? Инн не выдержала и презрительно фыркнула, обдав денди пренебрежительным взглядом, от которого те впали в легкую оторопь.

— А малышка-то царапается, — протянул кто-то озадаченно, — чего это она?

Инн могла бы ему ответить на этот глупый вопрос. Ни одна женщина не будет с уважением относиться к мужчине, если видела его в пошлой ситуации! А она видела в таком виде чуть ли не весь лондонский бомонд — герцогов и графов! И кто теперь мог её смутить? Эти недоросли? Смешно...

Юная женщина чувствовала себя довольно странно. Тихонько потягивая пунш, она внимательно разглядывала сборище и думала о том, что эти лощенные добропорядочные джентльмены с родословными и гербами частенько жили двойной жизнью.

Впрочем, не все! Кавендиш с обеспокоенной улыбкой искал свою жену.

— Как ты, дорогая? Никто тебя не обидел? — с тревогой спросил он. — Как себя чувствуешь? У тебя бледный вид, не устала? Может, здесь скучно?

Инн только снисходительно и мягко улыбнулась, отрицательно покачав головой.

— Мне не скучно, — ответила она, — я наблюдаю за людьми, а это неплохое развлечение...

Леди не договорила до конца, замерев с открытым ртом, ведь именно этим постоянно занимался Мортланд. Выходит..., выходит, что общение с этим человеком не прошло для неё бесследно!

Дни шли за днями — поразительно похожие один на другой. Привыкшей жить в постоянном ожидании, тревогах и безумных надеждах Иннин такой покой был в диковинку, и от этого ей было немного не по себе. Она не привыкла быть счастливой и уверенной в завтрашнем дне, всё время смутно ожидая, каких-нибудь неприятностей и новых ударов судьбы. А их пока, слава Создателю, не было!

Зато было другое — четкий распорядок, который методичный Джордж составил даже для медового месяца. Чем дольше леди Кавендиш жила с мужем, тем глубже осознавала, что вообще не знала человека, с которым, казалось, была тесно связана чуть ли не с рождения. Одно дело — родственник, другое — муж!

Например, его неумная энергия. Инн и раньше знала, что её Джордж очень занятый человек, но ведь не на отдыхе же, да ещё в медовый месяц!

Каждое утро лорд поднимался в пять часов, ещё до рассвета. И тот час выходил на прогулку — дождь, снег, метель — его волновало мало! Целый час он быстрым шагом, а иногда и бегом преодолевал с вечера намеченные расстояния. И только потом, прибежав домой в поту и мыле, принимал ванну, одевался и спускался к первому завтраку. После чего вплоть до ленча занимался бумагами, написанием писем, проверкой счетов и прочим! К ленчу он уже ожидал к столу жену, после чего вез её на прогулку по набережной или на пикник с какими-нибудь знакомыми. По возвращении супруги удалялись к себе, и ровно два часа кряду лорд посвящал молодой жене. После обеда он имел обыкновение читать или играть с женой в шахматы, потом они выезжали в свет. По возвращении укладывались спать, чтобы с утра начать все сначала...

Но даже при таком напряженном дне, Кавендиш искренне считал, что проводит время в

недопустимой праздности. Он всегда чётко знал, что делать, куда идти, кому и что сказать. Единственным слабым местом этого несокрушимого человека была его юная супруга — Инн льстила такая явная влюбленность. Ради неё он был способен на всё, и история их взаимоотношений была ярким примером верности его преданного сердца.

— Я даже не помню точно, когда влюбился, — как-то признался он ей в минуту откровений, — ты всегда жила в моем сердце! До тех пор, пока была жива Элизабет, я запрещал себе желать тебя, но и только. Мне всегда было невообразимо приятно смотреть на тебя, на твои грациозные движения, склоненную над шитьем головку...

Супруги отдыхали, и Инн, уложив голову на грудь супруга, расслабленно слушала его глуховатый голос.

— Но ведь тетушка...,- заикнулась было она, но муж её сразу понял.

— Ох, дорогая! — рассмеялся он. — Я иногда думаю об этом, и знаю точно, что если бы не стал вдовцом, то ты бы навсегда осталась старой девой. Я бы никогда не дал разрешения на твой брак!

Инн философски пожала плечами. Что же, вполне возможно, так и было бы! И она, пожалуй, до сих пор страдала от неразделенной любви к Тому и жила бы скромной жизнью приживалки в доме тетушки. Незавидное, но спокойное и достойное существование.

— Нет, — легко поцеловала она мужа, — мне такая жизнь не подходит. Я хочу ребенка!

— Ты считаешь, что я мало для этого делаю? — пошутил Кавендиш.

Инн только тайно вздохнула, подставив губы под поцелуй. Их интимная жизнь не переставала её поражать. Нельзя сказать, что ей совсем не нравилось быть с мужем, но... Он не был Эдвином! Когда Инн прикасалась к любовнику, то мгновенно теряла голову, и, сгорая от желания, утопала в необузданном жаре страсти — Мортланд мог довести её до головокружения одним поцелуем, он творил с ней такое! Она как будто купалась в море звезд и шампанского, отлетая в иные миры...

Но за это пришлось заплатить слишком высокую цену! Он отравил и одурманил юную девушку своими ласками, и этот яд, однажды проникнув в её кровь, теперь очень затруднял жизнь нашей героине. Это стало особенно понятно после одного случая.

Вудворты были шумной пожилой четой. Они жили неподалеку от Брайтона в своем большом поместье и приходились Кавендишам какими-то родственниками. Леди Эмма — простодушная крупная дама сердечно расцеловала Иннин в обе щеки.

— Прелесть, как хороша, — подмигнула она Кавендишу, — не мудрено, что ты потерял голову! Ты правильно сделал, Джордж, что вновь женился, тем более, твой предыдущий брак вряд ли можно было назвать счастливым!

Инн удивилась — Кавендиш никогда не жаловался ей на леди Элизабет, и они всегда считались образцовой парой. Но тут на приезжих налетела толпа остальных гостей и, здороваясь и целуясь с толпой молоденьких девушек и дам, леди вскоре забыла об этой странной фразе.

Вудворты были большим семейством, имея в наличии пять незамужних дочерей, троих женатых сыновей и кучу внуков. Причем только один сын с семьей жил своим домом, два других предпочитали проводить время у родителей. Дочери были барышнями на выданье — хорошенькими девушками, да ещё с приличным приданым, поэтому в поместье постоянно крутилась целая стая потенциальных женихов и поклонников, да плюс ещё кузины, кузены, приехавшие погостить подружки и друзья. У Иннин, не привыкшей к такому весёлому столпотворению, голова пошла кругом от бесконечных Джейн, Анжел, Мэри, Кити, мельтешащих перед глазами. Все барышни были, как на подбор, статными, розовощекими, высокими и крепкими. Они пылко обнимали гостью, отпускали комплименты, заверяли в вечной дружбе и преданности. Мужская половина присутствующих стояла несколько особняком, но тоже не спускала с гостьи заинтересованных взглядов.

— Ты всегда был счастливчиком Джордж, — задумчиво пробормотал хозяин дома, наблюдая за гостьей, затерявшейся среди облака женских туалетов, — даже райское яблочко и то умудрился сорвать в собственном саду! Теперь только охраняй!

Кавендиш скупно усмехнулся.

— Инн — достойная женщина, и она не виновата, что Господь наградил её такой красотой, — счёл он нужным защитить жену, — я ей полностью доверяю!

— Да, конечно, как же иначе! Я знаю, какая крепкая голова сидит у тебя на плечах. Но..., я бы не доверял тем, кто вас окружает! Молодую неиспорченную женщину легко обмануть, ввести в заблуждение, искусить, наконец! Я вовсе не имею в виду твою красавицу француженку, — быстро оправдался он перед разгневанным гостем, — это и моя боль. Пять дочерей, пять глупых наивных овечек! Иногда мне кажется, что я вижу перед собой не молодых джентльменов, а стаю голодных волков, готовых проглотить дурочек. А сколько слез, сколько разбитых сердечек, сколько бессонных ночей! Куда катится мир? Почему современные молодые люди столь безответственны? Увлекают, играют женскими сердцами, а сами, оказывается, и не думают жениться. Что будет с Англией, если мужчины так плохо понимают свой долг?! Впрочем, что я тебе рассказываю, ты сам отец!

— Да... Лили, наконец-то, угомонилась!

Джон Вудорт согласно кивнул головой.

— Тейлор, конечно, не подарок, но я уверен, что он перебесится! Все мы в молодости любили вино и общество веселых девушек. Помнишь, — игриво ткнул он в бок задумавшегося собеседника, — ту милашку из заведения старухи Мейбл, у которой сиськи

были каждая размером с арбуз...

Кавендиш криво усмехнулся — только такой примерный муж, как Джон мог с удовольствием вспоминать дешевую девку из борделя, которая прославилась огромными грудями. Его увлечения молодости были другого рода! Впрочем, они его сейчас мало интересовали. Иннин, только одна она — больше никого не надо, даже в воспоминаниях!

После завтрака младшая половина гостей и хозяев в пяти экипажах устремилась на прогулку к морю. Кавендиш был самым старшим на этом сборище, но ему даже в голову не пришло оставить Инн в обществе юных глупышек и дерзких молодых джентльменов. Его бесценное сокровище нуждалось в охране — он читал мысли присутствующих мужчин так же ясно, как собственные. Все они до единого были очарованы его женой и мечтали только об одном — смутить её покой! Эти кретины своими дурацкими ухаживаниями могли поставить в неловкое положение его милую супругу, испортить ей настроение или досадить. Кавендиш твердо намеревался этого не допустить.

Инн не подозревала, о чём думает муж. Она искренне наслаждалась поездкой.

Погода в то утро порадовала путешественников. Осеннее солнце, как будто позабыв о том, что ему уже не положено ярко сиять, грело по-летнему жарко. Его лучи щедро освещали поросшие мхом и лишайником скалистые берега, зеленую траву склонов и откосов. Море распахнуло перед смеющейся кучкой молодежи свои безбрежные границы, мятежно рокоча и выплескивая на берег серо-синие волны с белыми кружевами пены.

Экипажи остановились на высоком утёсе. Отсюда открывался великолепный вид на море, а за спиной возвышалась громада красивого коттеджа. Он возносился стройными сказочными башенками прямо в небо, надменно взирая на окрестную красоту стрельчатыми высокими окнами, выходящими на опоясывающую дом широкую террасу. Его серо-синие от лишайников стены обрамляла зеленая масса вечнозеленых деревьев, и всё это вместе производило приятное впечатление гармоничного сочетания природы с деятельностью человека.

Приехавшие рассыпались по плато, с облегчением разминая затекшие ноги. Прислуга уже потащила на зеленую лужайку корзины со снедью для пикника. Дамы со смехом раскрывали зонтики, кавалеры фланировали с щегольскими тростями.

Инн стояла рядом с одной из девиц Вудворт — то ли Джейн, то ли Джулией (она их всё время путала!)

— Какая красота, — с восхищением оглядела она коттедж, — как в старой сказке! Никогда не видела ничего подобного! Интересно, кто же живет в этом доме?

Девушка чуть сморщила хорошенький носик.

— Самый завидный жених в королевстве — герцог Мортландский! — уныло пояснила она. — Впрочем, он здесь почти никогда не бывает, а если и приезжает, то никогда не снисходит до своих соседей. Недавно прокатился слух, что он велел привести дом в порядок, но..., очевидно, это был только слух!

Свет померк вокруг Иннин при этих словах. Совсем другими глазами теперь смотрела она на коттедж и террасу — мысли метались, путаясь, яркие и мутные одновременно... как будто она разом лишилась защиты, которой обороняла себя от воспоминаний о Мортланде в течение всех этих недель.

Это для неё Эдвин готовил коттедж, это с ней он должен был провести месяц в Брайтоне! Из этих окон, сжимая друг друга в объятиях, они должны были любоваться морем, гулять по этой террасе, то и дело загораясь от головокружительных поцелуев! Какие визиты,

какие скучные и надоедливые гости!? Сплетаясь в страстных объятиях, любовники забыли бы о существовании всего мира — он, она и любовь! Огонь и боль, безумный полет и падение... Эдвин!!!

Дойдя до высшей точки душевной тоски Инн чуть не выкрикнула это волшебное имя вслух.

— Извини, Джулия, — с извиняющейся улыбкой прошептала она, чуть придя в себя, — но мне нужно остаться одной!

Девушка недоуменно нахмурила лоб, потом догадливо кивнула головой.

— Вам по надобности? Понимаю, понимаю..., спуститесь вниз! Вон за теми камнями есть тропинка, найдете укромный уголок! Только я — Мэри, а не Джулия!

Но Инн уже некогда было приносить извинения, она стремглав устремилась на спасительную тропинку — уйти, убежать, спрятаться, забиться в какую-нибудь щель, чтобы выплакать свою боль, чтобы спрятать её от посторонних глаз!

Она сама не знала, как оказалась на берегу моря, настолько бездумно ступала по извилистому спуску. Отсюда никого не было видно — нагромождения камней надежно защищали её от резвившегося наверху беззаботного общества. Инн с облегчением вздохнула и присела на один из гранитных валунов, уставившись на рокочущие под ногами волны. Ей срочно нужно было стряхнуть с себя это злое колдовство, успокоиться, прийти в себя.

Несмотря на ясный денёк, море было беспокойным — оно, то смиренно отбегало от усыпанной галькой кромки, то яростно набрасывалось на берег. Ключья пены долетали даже до сидящей в отдалении молодой женщины. И этот мощный натиск внезапно напомнил ей Мортланда. Вот так же было и у них — он, то отталкивал её, то вновь привлекал к себе, и из этой сладкой и тревожной пытки выросла её всепоглощающая страсть к этому человеку. Страсть, которую не подавить разумом, над которой она не властна!

Чем дольше смотрела обессиленная женщина на морские волны, тем сильнее её одурманивала странная греза — она воочию видела искаженное страстью лицо Эдвина, его мокрый от напряжения лоб, недобро сузившиеся желанием глаза, чувствовала, как наяву его ласковые руки на своих бедрах, слышала взволнованное хриплое дыхание. Доведенная до исступления жарким видением, Инн с тоскою обхватила свой живот, но сердце уже стучало, как сумасшедшее, сладкая боль пронзила её насквозь, такая острая и мучительная, что она поневоле изогнулась и застонала, потерявшись в огненном мареве разгоревшегося желания.

Краски окружающего мира возвращались медленно и, переживший сладострастный шок, разум воспринимал их неохотно, не желая возвращаться из мира чувственных грез в обыденность реальности. Инн с трудом открыла затуманенные глаза и вновь глянула на волны, но что-то внезапно отвлекло её, как будто с силой толкнуло в грудь! Она настороженно отвела взгляд чуть в сторону и вздрогнула, как от озноба. В трех шагах от неё стоял и внимательно наблюдал за женой Кавендиш.

— Джордж, — испуганно прошептала Инн, пытаясь встать с места, — я...

— Что с тобой, дорогая?

Инн жалко улыбнулась. Ей стало очень стыдно.

— Не знаю! Мутит..., но мне уже лучше!

Взгляд лорда выразил сомнение, но он помог жене преодолеть подъем, не задавая лишних вопросов.

Супруги вернулись в общество спутников в тот момент, когда вся компания расположилась вокруг припасенной на пикник снеди. Иннин усадила рядом с собой Мэри.

— Расстроился живот, — сочувственно прошептала девушка ей на ухо, — поэтому вы так бледны?

Инн кротко кивнула головой.

— Было немного, но уже прошло.

Она тайком поискала глазами мужа, и её сердце болезненно сжалось. Улыбающийся Кавендиш, как ни в чем не бывало разговаривал с хорошенькой дамой — соседкой Вудвортов. Та, с точки зрения Инн, отвратительно кривляясь, откровенно и нагло строила ему глазки. Но мужу это, похоже, нравилось!

Молодая женщина вяло жевала предложенный заботливой Мэри бутерброд с огурцом, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Она чувствовала вину, неуверенность и подавленность, и это смятение неожиданно вылилось в приступ внезапной ревности.

— Вы плохо себя чувствуете? — поинтересовался какой-то молодой человек.

Инин даже толком не разглядела его лица, но отрицательно качнула головой.

— У миледи неполадки с пищеварением! — бесцеремонно заявила Мэри.

Как не далека была сейчас Инн от обид на человеческую глупость, и то поперхнулась. Молодой человек покраснел и отпрянул, зато дама, сидящая напротив, громко добавила:

— Если у новобрачной начинаются проблемы с животом, значит, у её мужа скоро будут проблемы с повитухами!

И все дружно рассмеялись. У этих людей было весьма своеобразное чувство юмора — английские джентри могли дать фору даже старому бесстыднику Рабле! Но, в конце концов, никто не хотел её обидеть. Инн натянуто улыбнулась и торопливо схватила за другой сандвич с отварной ветчиной, старательно жуя сладковатую свинину, лишь бы только от неё отвязались с замечаниями и советами, но ещё долго ловила на себе насмешливые взгляды и слышала перешептывания о возможной беременности. Можно подумать, что больше этим людям и заинтересоваться было нечем.

День был испорчен окончательно.

А ночью в бессвязных и горячечных снах ей опять приснился Эдвин, Вудвилл-лодж, и всё, что с ним было связано. Инн просыпалась, и забывалась в больше похожих на обморок мучительных снах.

В последнее пробуждение женщина увидела обеспокоенное лицо склонившегося над ней супруга.

— Джордж, — облегченно простонала она, и судорожно ухватив его за руку, прижала её к своей щеке, — Джордж..., я..., Джордж! Пожалуйста, прости меня!

— За что я должен тебя простить?

Его голос прозвучал сухо и холодно, и Инн окончательно потеряла голову.

— Прости меня за то, что делаю тебя несчастным, — с горечью прошептала она, пряча заплаканное лицо в ладони, — я знала, что недостойна любви, что тебе нужно было жениться, на какой-нибудь порядочной девушке из хорошей семьи, например, на одной из мисс Вудворт!

— И всю жизнь слушать её высказывания о моем плохом пищеварении?! — невесело хмыкнул Кавендиш. — Инн, уж если и каяться, то не в этом!

— Я даже не смогла забеременеть!

Лорд утомленно пожал плечами. Он выглядел усталым и измученным.

— Может, в этом виноват я сам! Как и в том, что в моей постели ты в лучшем случае терпелива. Инн, я действительно старый дурак, раз считал, что моей любви будет достаточно

для нас двоих. Теперь я понимаю...

Вот когда она по-настоящему испугалась. Он был слишком близок к истине!

— Вы ничего не понимаете, — закричала Инн, отрывая ладони от заплаканного лица, — я глядела на волны, они мне казались..., это было похоже на любовь! Мне так стыдно, но я...

Врать было трудно, невыносимо сложно! И, Инн окончательно запутавшись в словах, в отчаянии кинулась к нему на грудь, и, обвив руками шею, начала торопливо покрывать поцелуями лицо и руки супруга.

— Я люблю вас, — жарко шептала она, — я очень-очень вас люблю! Видно, я такая грешница, что Господь справедливо карает заблудшую душу! Я знала, знала, что счастье не для меня, я недостойна его, но не хочу, чтобы страдали и вы! Уж лучше бы мне было умереть!

— Иннин! — с силой тряхнул её за плечи обеспокоенный Кавендиш. — У тебя что, совсем разум помутился? Какая смерть? Ты молодая здоровая женщина, что за бред у тебя в голове? Это всё я виноват, ревнивый осел, довёл свою женушку до умопомрачения!

Инн задохнулась от счастья и облегчения, когда он, ласково погладив её по голове, прижал к себе. Нервный озноб от пережитого моментально потряс её тело.

— Ты дрожишь? Замерзла? Подкинуть дров в камин?

Это был прежний Кавендиш, для которого самым главным в жизни была забота о своей юной жене. Но Инн все ещё боялась даже на секунду выпустить его из рук — а вдруг между ними опять вырастет стена отчуждения. Об этом даже думать было страшно!

— Не нужно дров, — с умоляющей улыбкой судорожно вцепилась она в рукав халата, — вы согреете меня лучше любого камина!

Кавендиш озабоченно посмотрел на свою перевозбужденную жену.

— Вряд ли это разумно, дорогая! — с сомнением произнес он. — У тебя больной вид. Лучше отдохнуть! Уверяю, что никуда не денусь до утра. Мы завтра обо всем переговорим!

Он не хотел её! Наверное, все-таки разлюбил свою глупую жену, а может, увлекся другой? О, она прекрасно знает, как внешне благопристойные и верные мужья развлекаются в объятиях кокоток! И завтра..., что будет завтра? Ну, уж нет! Она не доживет до утра в такой неопределенности! Сегодня и сейчас! Инн моментально подскочила на постели.

— У той леди, с которой вы любезничали сегодня на пикнике, — обманчиво ласковым голосом спросила она, — вид был лучше?

У Кавендиша изумлением округлились глаза.

— Какая леди, милая?

— Белобрысая, с кудельками, как у пуделя и ужимками шлюхи!

— Иннин! — он был настолько шокирован, что, очевидно, не поверил собственным ушам.

Но его супруге было уже море по колено — этот день ей стоил таких нервов, что деликатничать и стесняться она не собиралась!

— А что, — с вызовом спросила леди, — я должна спокойно и благостно смотреть, как эта мерзкая потаскуха вешается вам на шею? Она хихикала, как будто её щекочут!

— Иннин, — гневно прервал её муж, и всё же примирительно добавил, — я понимаю — ты устала, разволновалась, вышла из себя, но всему же есть предел! Прошу тебя, укладывайся спать и не уподобляйся своей покойной тетушке — я почти двадцать лет прожил среди истерик и скандалов!

Лучше бы он промолчал. Воспоминания о леди Элизабет только подлили масла в огонь.

— Раз вам не по душе была моя тетья, то странно, что вы решили жениться на её племяннице! Мы из одной семьи, и, конечно же, хоть в малой степени, но похожи! Я понимаю леди Элизабет — она устраивала вам сцены от отчаяния, потому что знала, что вы её не любите! Вы изменяли ей!

Кавендиш отпрянул от неё, как от змеи, гневно сузив глаза и поджав губы.

— Инн, ты забываешься! Я не потерплю таких обвинений от своей жены! Твоя ревность смешна, ребячество какое-то!

— Я — не ребенок, я — женщина! И сейчас защищаю свои интересы! Джордж, я точно знаю, что вы изменяли своей жене, и у вас были любовницы среди дам высшего света!

Теперь настала очередь супруга взвиться с места, и, засунув руки в карманы, заметаться по комнате. Он был вне себя, моментально превратившись в грозного лорда, которого как огня боялись все домочадцы. Замершая от такой метаморфозы Инн пристально наблюдала за его передвижениями, нервно ломая пальцы и облизывая пересохшие губы — она не собиралась отступать. Этот скандал странно щекотал ей нервы, вызывая какое-то непонятное злое удовлетворение.

— Я даже не возмущен, я ошеломлен, — высказался взбешенный лорд, — и не могу понять, откуда ты вытащила всю эту грязь, с какой помойки?

Инн с вызовом задрала подбородок:

— А вы забыли о том, что я пришла к вам прямиком с помойки, — язвительно осведомилась она, — а там знают всё и обо всех. Самая искусная среди сводниц — итальянка Джина посвятила меня в тайные перипетии вашей альковной жизни, а уж чего о пороке не знает она, того не знает и сам дьявол!

— Ты обсуждала меня со шлюхами?

— Я боготворила вас и молилась, как на святого..., вот мне и пояснили, что вы такой же мужчина, как и все! И когда я сегодня увидела рядом с вами эту кокетничающую дрянью, услышала ваш смех... Понятно, отчего вы не хотите остаться со мной!

Кавендиш замер, остановившись посередине комнаты, с изумлением глядя на поникшую головку расстроенной жены.

— Инн, — понизив голос едва ли не до шепота, изумленно спросил он, — так вся эта буря в стакане воды разыгралась лишь только потому, что я сейчас отказал тебе в ложе?

Понурая леди вздрогнула, услышав раскаты странного хохота.

— Какой же я глупец!

И, резко развернувшись, супруг вышел из комнаты. Инн мрачно проследила, как закрывается дверь на его половину и разревелась. Плакала она долго, да так и уснула, окончательно убедившись, что несчастнее её нет женщины в мире.

На следующий день супругам не удалось остаться наедине.

После завтрака приехала с визитом леди Инсбрук. Она долго и упорно жаловалась 'милочке' на стерву свекровь, настраивающую мужа против снохи. Назойливая женщина так утомила Иннин, что после её визита она решила, сославшись на нездоровье, этот день провести дома. Но едва прослышав, что леди Иннин Кавендиш недомогает, к чаю в дом нагрянула толпа Вудвортов. В небольшой гостиной оказалось гораздо больше людей, чем та могла вместить. Впрочем, они не унывали, разбредшись и пристроившись с чашками чая везде, где только можно, даже на подоконнике.

Кавендиш с философским смирением выдержал этот натиск, сразу же радушно

заговорив с сэром Джоном и его сыновьями о видах на охоту.

Инн пришлось хуже. Окружив кресло, кутающейся в шаль хозяйки дома, женская половина гомонила так, что впору было затыкать уши.

— Это всё желудок! — торжествующе кричала Мэри. — Я сразу же догадалась, ещё там, на мысе Рокс. Вам нужно было по приезде домой сделать клизму!

Инн, шокировано покраснев, нахмурилась, предостерегающе указывая глазами на прислушивающихся к беседе джентльменов.

— Мэри, оставьте в покое мой желудок, — тихо попросила она, — мне просто нездоровится!

Но разве та была в состоянии услышать разумное слово? Неудивительно, что, не смотря на двадцатипятилетний возраст девицы, женихом она так и не обзавелась. Куда вот только смотрела её мать? Впрочем, сама леди Кетлин Вудворт, восседая в непосредственной близости, самозабвенно твердила о пользе желчи при жару.

Какие-то девицы встревожено спрашивали леди, в каком она платье будет на завтрашнем балу — уж не цвета ли испуганной нимфы? А какие ленты для бальных туфель заказала леди Инн, не сиреневые?

— Говорят, этот цвет сейчас в моде, и ещё часы на цепочке у пояса, как у джентльменов..., а шлейф?

Инн, имеющая весьма смутное представление о готовящемся развлечении, даже не знала что сказать. Платья у неё были, но какое надеть? Она об этом ещё не думала и полностью доверяла мнению мужа.

— Но мужчины ничего не понимают в моде? — возмутились девицы, — тем более что лорд — человек пожилой, он, наверняка, носит фланелевые жилеты!

Фланелевые жилеты? Да, носит, а почему он не должен их носить? Осенняя погода так коварна, она сама бы не отказалась от фланелевой нижней юбки. Практично и дешево! Но говорить вслух Иннин этого не стала. Пусть щебечут всякие глупости — ещё неизвестно, что их самих ждёт в браке! И она от всей души им желает такого же внимательного и прекрасного спутника жизни, как её Джордж!

— Ах, нужно ли леди Инн так уж заботиться о своем туалете, — убежденно высказалась одна из девиц (Джулия, кажется), — она замужем, да ещё за таким серьезным господином, как лорд Кавендиш!

Леди Вудворт так возмущенно фыркнула, что даже разбрызгала чай из чашки.

— Девочки мои, — назидательно сказала она, вытерев платком не только лицо, но даже колени, — это самая главная ошибка, которую может допустить женщина!

— Какая? — не поняли дочери.

— Забыть о своем внешнем виде, выйдя замуж! Наоборот, — леди снизила голос, чтобы не слышали джентльмены, — нужно утроить усилия, потому что мужчины, добившись своего, часто теряют интерес к своим женам! Что уж поделаешь, но они гораздо охотнее заглядывают за соседский забор, чем интересуются собственным подворьем! Впрочем, вам, дорогая, чего бояться? Вы так юны и красивы!

— Того же, что и всем остальным, — натянуто улыбнулась Инн, — но вы очень любезны, что поделились с нами опытом счастливой семейной жизни!

— Да уж, — важно кивнула головой толстуха, — я знаю о мужчинах всё! И поэтому всегда говорю своим девочкам — делитесь с матерью, я могу дать совет на любой случай жизни! А вашему мужу просто не везет, ему второй раз попалась слабая здоровьем жена! Вы

вчера выглядели, как воробей, потрепанный кошкой! Пейте желчь и станете такой же здоровой, как мои дочери, а не то... вон, как вчера заигрывала с вашим супругом Далия Уэлберфорс. Бесстыдница!

— Но лорд ведь пожилой, — недоуменно протянула какая-то из дочерей, — да ещё женатый! Зачем он Далии? Вы что-то путаете, мама!

Леди Кетлин громко высморкалась.

— Не твоего это ума дело, дурочка! Вот выйдешь замуж, тогда поймешь! В сорок с хвостиком у мужчин начинается вторая молодость, поэтому сами внимательно осмотритесь вокруг. Жених возраста Кавендиша — очень хорошая партия для юной и неопытной девушки.

Инн прикусила губу — значит, ей не показалось? Значит...

Юная женщина вцепилась в свою ревность, как в спасательный круг. Это позволяло ей отвлечься от мыслей о собственной измене супружескому долгу. Пусть в воображении, но она всё же изменила мужу! Но... он ведь и сам, выходит, ведет себя небезупречно?!

— О чем разговариваем, дамы, — к их кружку приблизился ни о чем не подозревающий виновник разговора, — я не помешал вам секретничать?

— Мама говорила о том, что леди Далия оказывала вам вчера особое предпочтение! — радостно брякнула одна из самых юных мисс Вудворт, приведя свою мать в состояние шока.

Впрочем, леди не растерялась. Бросив свирепый взгляд на младшую дочь, она расплылась в извиняющейся улыбке перед хозяином дома.

— Кавендиш, простите мою Анжелу, она не поняла сути нашего разговора с вашей очаровательной женой. Мы обсуждали туалет леди Далии, попутно выясняя, что завтра оденет на бал леди Иннин!

Лорд окинул взглядом расстроенное лицо жены, и тяжело вздохнув, холодно ответил почтенной матроне:

— Не думаю, что состояние здоровья моей супруги даст ей возможность воспользоваться приглашением леди Камиллы Эйвон. Мне придется поехать одному.

Инн вздрогнула. Одному? Ну, уж нет! Не будет она, лежа в постели, строить догадки о том, с кем флиртует её супруг!

— Я думаю, — скупно улыбнулась она, — что к завтрашнему дню буду здорова. Мне бы хотелось потанцевать!

— Вряд ли это благоразумно! — усомнился Кавендиш.

— Вот это по-нашему, — зато довольно крикнула леди Кетлин, — я в молодости то же была заядлой танцоркой! Правда, дорогой?

Тут же занявший своим огромным чревом все свободное пространство 'дорогой' согласно кивнул головой. Он уже давно не спорил со своей не в меру бойкой супругой.

— Не пора ли нам домой, леди Кетлин, — предложил он, — хозяевам, наверное, хочется побыть наедине! Не надо забывать, что они все-таки молодожены!

— Да, конечно, нам ещё нужно навестить Уорренов, — заторопилась та, увлекая за собой весь многочисленный выводок, — встретимся завтра на балу! Я вас со всеми познакомлю!

Пока муж ходил провожать шумную ораву гостей, Инн расслабленно откинулась в кресле. Вудворты её утомляли и выматывали больше тяжелой работы! Эти люди, на свой лад, были добрыми и честными, и, конечно же, их нельзя было сравнивать, например, с Джиной или Беатой.

Невольно мысли обратились к булочнице — девушке сражающейся с судьбой в одиночку, да ещё обремененной стариками и детьми. Что-то тут было не так, не так...

Вот, Беата! С одной стороны была особой не самой приятной — продала сестру в публичный дом, чтобы купить себе патент на выпечку хлеба, выдала её Бисби! Но почему её симпатии на стороне именно этой девушки, а не на стороне Джулии или Мэри, почему она втайне восхищается булочницей? Это ведь неправильно! Неужели даже краткое пребывание в закоулках Ковент-гардена так изменило её взгляд на жизнь? И теперь добродушие барышень Вудворт вызывает в ней презрительное раздражение, а суровый цинизм мисс Шелдон — опасливое уважение!

Инн крутилась перед зеркалом не меньше часа, прихорашиваясь и приводя себя в порядок. Ей никогда раньше не приходилось самостоятельно решать, что надеть и как себя украсить, но все-таки уроки Джины не прошли даром и воспитали у неё определенный вкус к вещам.

— Главное — даже не красота и не дорогие сверкающие тряпки, — мудро учила её итальянка, — прежде всего, необходим шарм, обаяние, которое излучает женщина. Одежда призвана не затмевать, а лишь подчеркивать женскую прелесть, служить ей достойной оправой. Люди не должны говорить: 'Какое на этой женщине изумительное платье!', а наоборот, твердить, что вон та дама в розовом, белом и так далее — 'необыкновенно хороша!'

В восемнадцатом веке представительницы аристократии не пренебрегали декоративной косметикой, но новые времена диктовали новые требования к внешнему облику дам. В девятнадцатом веке откровенное наличие краски на женском лице считалась вульгарным, но ведь кое-что можно сделать и без баночек и коробочек с румянами, кремами и пудрой. Допустим легонько покусать губы, помассировать щеки и виски...

В общем, когда она вышла к поджидающему в холле супругу, тот потерял дар речи.

Инн победно смотрела на его изумленное лицо, и, спускаясь с лестницы, небрежно придерживала трен бального платья из вишневого шелка.

— Иннин...

— Вам нравится? — кокетливо просила она.

Но Кавендиш лишь смущенно откашлялся.

— Я тут раздумываю, — хмуро признался он, — сколько разбитых сердец мы не досчитаемся к концу этой ночи?

Инн втайне улыбнулась. Вот так-то, сэр! Чем обольщать чужих жен, следите-ка лучше за своей!

— Вы мне льстите, — не согласилась она, — все мои усилия направлены на завоевание только одного сердца, такого упрямого как ваше.

— Это все равно, что сдобрить масло маслом, — тяжело вздохнув, лорд помог жене сесть в экипаж, — я бы любил вас больше, но это просто невозможно. В моем сердце нет ни одного уголка, который бы не принадлежал вам!

— И все-таки я его найду и покорю!

— Не хотел бы вас лишать, хоть какого-нибудь удовольствия!

Как всегда бывает на такого рода сборищах, царила невообразимая толчея, однако безупречная красота леди Иннин не затерялась даже среди каскада разноцветных шелков и драгоценностей множества юных красавиц графства.

— Кавендиш, — нехотя признала хозяйка бала леди Камилла Эйвон (пожилая женщина лет пятидесяти), критически оглядев взволнованную юную женщину, — ваша жена очаровательна и послужит украшением моего бала! Давно мне не приходилось видеть столь безукоризненно красивых юных леди. У вас отменный вкус!

— Благодарю за комплимент, — учтиво поклонился лорд, — но вряд ли даже самой прекрасной гостье удастся затмить столь радушную хозяйку!

Пока он раскланивался и обменивался с хозяйкой и её сыном любезностями, на Инн

уже налетела стайка юных мисс Вудворт и потащила в балльный зал.

— Ах, — возбужденно тараторили они, — здесь сегодня столько интересных кавалеров! Вот, например, сэр Роберт, виконт Отем, говорят у него годовой доход пятнадцать тысяч, и он не женат..., а сэр Уильям Монкфор, имеет доходные плантации сахарного тростника в Вест-Индии...

У Инн голова устала крутиться во все стороны, в поисках называемых джентльменов. А им не было конца и края — казалось, все богатые холостяки Англии съехались на местное празднество к Эйвону.

— Откуда столько народу? — рассеянно поинтересовалась она.

— Так ведь время осенней охоты, — удивленно покосилась на собеседницу Мэри, — у батюшки в имении то же намечается травля лис..., уж теперь пока всю дичь не перестреляют, все будут носиться по полям и лугам!

Инн смутилась, вспомнив, что все английские землевладельцы осенью устремляются в свои поместья, потому что истинный английский джентльмен ставит охоту и спорт превыше всех остальных занятий, даже политики.

Она уже пожалела, что появилась в столь шумном и многочисленном обществе и собиралась сообщить эту радостную весть мужу, когда её глаза наткнулись в толпе на знакомое лицо.

Сердце сделало резкий скачок, заполняясь и счастьем, и удивлением, и горечью разочарованности жизнью смешалась со светлой грустью счастливых воспоминаний.

— Лорд Тейлор? — изумленно пробормотала она, не в силах оторвать глаз от пробирающегося к супругам Томаса.

Кавендиш настороженно покосился в указанную сторону, и его лицо выказало недоумение.

— Почему он здесь? Может, что-то случилось с Лили?

Инн сухо поджала губы.

— Не думаю, что за Лили нужно особо волноваться!

Её отношение к кухне после замужества сильно изменилось.

О, да, она прекрасно знала, что супружеская жизнь кухни не удалась. Но Лили всё-таки удалось урвать от жизни кусочки радости, оставаясь леди Тейлор, а не скрываясь под маской мисс Эрики Трелони! И её ребенка никто не пытался убить или разлучить с матерью! И хотя между ней и Томом не всё было гладко, все же маркиза нельзя было сравнить с лордом Кавендишем ни по красоте, ни по молодости.

Тем более что Том, одарив её любезной улыбкой (как будто между ними не было той ночи в Бельгии), тот час заговорил с тестем о жене:

— Я прошу у вас прощения за то, что тревожу в медовый месяц, но Лили...

Тейлор кисло улыбнулся и тяжело вздохнул.

— ... это Лили! Вы же знаете свою дочь — она упряма, как упряжка мулов! Моя жена отказывается покидать Сеттенфорд, увлекшись разведением лошадей, и абсолютно игнорирует свою вторую беременность. К сожалению, я вынужден прервать отпуск и вернуться в расположение своего полка, поэтому не смогу присмотреть за ней, и вынужден обратиться к вам с просьбой — повлияйте своим отцовским авторитетом на её решение жить самостоятельно. Лили удивительно независима и своенравна, но всему же есть предел!

Кавендиш сочувственно посмотрел на смущенного зятя.

— Можно, конечно, надавить на неё, заставив вернуться в дом моей матери, но..., — Том

заметно замялся, — мне пришлось приложить такое количество сил, чтобы наладить наши отношения, что я не отважился подвергать опасности с таким трудом достигнутый мир! Я специально заехал в Брайтон, чтобы навестить вас (хотя мне совсем в другую сторону!), но поймите правильно — я не смогу иметь ни минуты покоя, думая о том, что моя жена осталась в Сеттефорде одна, без опеки!

Тесть отечески похлопал Тейлора по плечу. Ему были вполне понятны его тревоги — от Лили можно ожидать, чего угодно!

— Успокойся, мой мальчик! Мы с Иннин приглядим за нашей дикой кошкой! Не правда ли, дорогая? Ты не против вернуться домой немного раньше, чем мы предполагали?

Инн замерла, вымученно улыбаясь, особенно когда на ней с немым вопросом остановились озабоченные глаза Томаса. Но заботился-то он не о ней, а о Лили! Точно так же, как в своё время Мортланд. Все вокруг думали и заботились только о сестрице, и даже Иннин должна была прервать свой медовый месяц, чтобы та не оставалась в одиночестве. Даже святая бы озверела от такой несправедливости!

— Конечно, — холодно кивнула головой леди, гадая, что известно Тейлору о забавах старшего брата, — я буду счастлива увидеться с милой Лили!

Утомленная Лили возвращалась с ярмарки. При таком сроке беременности передвигаться становилось всё труднее и труднее, но ей не терпелось посмотреть местных лошадей — иногда эсквайры выставляли довольно неплохие экземпляры. Вот, например, Синяя Звезда — трехлетняя кобылка мистера Титла, была довольно многообещающей! Если её покрыть сеттенфордовским жеребцом Лютиком, могло получиться приличное потомство.

В животе недовольно шевельнулся ребенок, как бы напоминая матери, что она, прежде всего, должна думать о своем потомстве, а не о жеребятках.

— Когда же я разрожусь и начну жить нормальной жизнью, — скрипнула зубами Лили, поудобнее устраивая расплывшееся тело в коляске, — эти беременности вечно некстати, а тут ещё чертов браслет! Впился в ногу, как клещ!

Надо сказать, что экстравагантное украшение стоило миледи многих бессонных ночей — во-первых, не смотря на тайную поездку в Лондон, ей так и не удалось найти ювелира, который бы смог разгадать тайну замка.

— Увы, мадам, — только и разводили руками почтенные торговцы, — но нам не приходилось сталкиваться с драгоценностями такого класса. Это изделие восточных ювелиров, да и судя по огранке, достаточно древнее — настоящий раритет! Сейчас уже не попадаются изумруды такой величины и чистой воды, без изъянов!

— Но, может, его сломать?

Ювелиры в ужасе взирали на даму, замыслившую такое кощунство!

— Что вы, леди! Это же варварство..., да и нет у нас таких инструментов, чтобы разрезать изумруд, не повредив вашей ноги!

Вот так — не больше и не меньше! Отчаявшаяся Лили даже обращалась к одному известному своим умением кузнецу, слава о котором гремела на всю округу — мол, тот творит чудеса! Но, пыхтящий трубкой мужичище, повертев в грубых огромных руках её распухшую лодыжку, ответил более прямо, чем коллеги по цеху, занимающиеся благородными металлами.

— Если только отпилить вместе со ступней! По-другому, мэм, я не представляю, как избавиться от такой обузы! Почтище каторжных кандалов будет!

Но самый неприятный разговор на эту тему состоялся с мужем.

Томас довольно быстро нашел сбежавшую жену. Да ведь она и не 'заметала' следов, поэтому ничуть не удивилась, когда забрызганный грязью всадник спешил к порогу Сеттенфорда.

К тому времени Лили уже более-менее успокоилась.

— Око за око! — сказала она себе. — Том загулял после нашей свадьбы, я отомстила ему с Тони (или как там его!), на китаянку же я ответила дикой эскападой на постоялом дворе! Не думаю, что при таких обстоятельствах мне нужно вставать в позу и демонстрировать оскорбленную добродетель. Впрочем, каяться и рвать на себе волосы я так же не собираюсь!

Она ненавидела Томаса, но тот был её мужем, и с этим приходилось считаться.

Леди Тейлор как раз писала письмо отъехавшему в Лондон отцу, когда запыхавшаяся горничная ворвалась в кабинет.

— Миледи, приехал...

И девушка даже не успела договорить, отброшенная мужской рукой, и на пороге комнаты появился во всем забрызганном грязью великолепии разъяренный супруг.

— Рад вас видеть в полном здравии, миледи!

Лили нелюбезно смерила взглядом его испачканный сюртук и забрызганные сапоги.

— Может, для начала вы бы приняли вид, приличествующий джентльмену?

Глаза Тома опасно блеснули.

— Всё, что угодно! Только, чтобы вам угодить, дорогая!

Лили поторопилась спрятаться, когда в опасной близости от головы пролетели сорванные супругом грязные сапоги. За сапогами последовали и прочие предметы туалета, вплоть до провонявших лошадиным потом панталон.

Но она была тоже не робкого десятка, поэтому, высунув нос из-за тумбы стола, язвительно посетовала:

— Как бы вам не простудиться, мой любезный друг, расхаживая по дому в нижнем, не первой свежести белье!

— Вы умудрились пристыдить меня, мой ангел, а сниму-ка я ещё и бельё!

Сообразившая, что последует дальше, Лили с громким писком рванулась из комнаты, но Томас ловко поймал убегающую жену за подол платья.

— Куда это ты собралась, милая? Разве так встречает любящая жена приехавшего супруга? Тем более что тот отбил весь зад, гоняясь за ней по всей Англии, как кот за мышью!

Ухватив сопротивляющуюся женщину за талию, он бесцеремонно забросил её на плечо, и потащил извивающуюся и визжащую жену в ближайшую спальню.

— Негодяй, — зло била его кулаками по спине Лили, — отпустите! Не смейте прикасаться ко мне после того, как развлекались с какими-то грязными китайками! Вы, мерзкий распутник, развратный сатир, пьяница....

— Ты разговариваешь с кавалером ордена Чертополоха, женщина!

— Не знаю, в каком чертополохе вы нашли свой орден, но, судя по всему, эти заросли находятся на задворках грязных забегаловок Ист-энда!

Томас далеко не шуточно шлепнул жену пониже спины. Лили возмущенно взвыла и с наслаждением укусила его за плечо.

Супруги развлекались на свой лад, не обращая внимания на округлившиеся глаза шокированной прислуги. Миссис Джонсон застыла в негодовании со стопкой белья в руках при виде столь чудовищной по непристойности картины.

— Да они друг друга стоят! — в сердцах выругалась почтенная экономка. — Сатана и чертовка! Ни стыда, ни совести!

Между тем, Том зло свалил супругу на кровать и принялся её раздевать.

— Сейчас мы со всем разберемся, — приговаривал он, срывая одежду, — со всем! И с твоим змеиным язычком, и с дьявольским норовом, и...

Томас застыл, когда, скатывая чулки с женских ног, неожиданно наткнулся взглядом на мерцающий синими и зелеными искрами браслет.

— Что это, голубка моя? — ослабил он хватку.

Воспользовавшись его недоумением, Лили вырвалась и быстро поджала ноги, но этот маневр не принес ожидаемого успеха. Проклятый браслет злорадно сверкал на щиколотке, казалось, увеличившись в размерах раз в пять.

— Да так, — жалко растянула она губы в подобии улыбки, — украшение..., всего лишь украшение!

— Гм-м... вижу, что не кандалы! С чего это вам пришло в голову нацепить браслет на щиколотку?

Лили занервничала, не зная, что собственно ответить на этот простой вопрос.

— Это была шутка! — промямлила она.

— Шутка? Возможно! Но кого она должна была позабавить? Мне что-то не смешно! Но может, вы мне поясните, в чем её соль?!

И он вновь, резко ухватив её за ступню, внимательнейшим образом оглядел браслет. Лили, вынужденная лежать в неудобной позе с задранной ногой, лихорадочно соображала, что же ей ещё придумать, чтобы сбить его со следа. Ноздри Тейлора раздувались, как у охотничьей собаки, и как знать, что он, в конце концов, унюхает своим блудливым носом?

— Надела от нечего делать! Забавлялась! А он — раз, и защёлкнулся..., я не смогла его снять!

— Ну и ну, — Томас по-прежнему не спускал глаз с браслета, — понятно, что защёлкнулся! Такие вещи делаются для посвящённых! Если ты попытаешься сломать замок, то откуда-нибудь вылезет отравленная игла, и ты умрешь прежде, чем даже почувствуешь укол.

У Лили от ужаса разом вспотел лоб, когда она сообразила, какой опасности подвергалась всё это время, пытаясь взломать замок.

— Откуда у тебя эта диковинная вещица, жёнушка?

Вот на этот вопрос ответ она уже придумала.

— Купила на постоялом дворе у одной старухи! Та сказала, что нуждается в деньгах и может предложить мне забавное украшение, которое можно носить, как на руках, так и на ногах. Браслет мне показался красивым. Вот я и купила! Ну и...

Томас, в сомнении прикусив губу, опустил её ногу на кровать.

— В следующий раз, дорогая, я бы попросил вас быть осторожнее в своих приобретениях! Мало ли, какие люди бродят по постоялым дворам! — хмуро заметил он, притягивая жену к себе.

Конечно, он не мог иметь в виду Дугласа, но, как говорится, попал прямо в цель.

Браслет, принесший ей столько неприятностей, зато отвлек Томаса от мстительных мыслей, и он уже вполне мирно закончил своё дело, пусть не доставив ей никакого удовольствия, но и не пытаясь унижить или сделать больно. И хотя Лили впоследствии пришлось немало выслушать по поводу своего побега, муж больше не пытался силой принудить её к исполнению супружеских обязанностей.

Вечером после ужина они разделили кровать, как примерные супруги, а днём уже вместе занимались делами поместья.

Вот тогда-то и пришло время им познакомиться по-настоящему.

Томас в домашней обстановке, вдали от Лондона и любимых клубов, был вполне терпим, но не более того. Общение с ним напоминало хождение по тонкому льду — неизвестно, за каким словом скрывается 'промоина'. Тейлор обожал устраивать скандалы, дразнить жену и брюзжать по любому поводу. Выведя её из себя, он моментально удовлетворенно переводил всё в шутку и в поцелуи.

Лили не знала ни минуты покоя, но и ни в чем ему не уступала, отлично сознавая, что Томас присматривается к ней, испытывая её характер на прочность.

Как-то в пылу ссоры они разбили практически весь мейсенский столовый сервиз из приданого Лили — повезло только грязным тарелкам, которые прислуга успела убрать на

кухню. И всё из-за того, что Томас посчитал её амазонку недостаточно элегантно.

— Дорогая, эта попона больше под стать лошади! Да и то, я бы побоялся насмешек, покрывая ей свою кобылу!

— Мне нравится моя амазонка! А усмешку вызывают ваши бесчисленные кобылы... с театральных подмостков!

— Вы ведете себя, как пьяная уличная торговка, которая, приревновав знакомого кучера, бьет о его голову горшки!

— Горшки? А вот эта супница подойдет!

От супницы Тейлор ловко увернулся, в отместку запустив тарелку в её любимый пейзаж на стене.

— Вот так надо целиться, дорогая!

— В этот раз я не промахнусь!

Можно только представить, как негодовала миссис Джонсон, убирающая с горничными весь этот тарарам.

— Их обоих нужно на цепи в Бедламе держать! — ворчала себе под нос достойная женщина. — Вот ведь жизнь у людей! Целыми днями грызутся, как кошка с собакой!

Экономка была права только в одном — притирались супруги друг к другу с большим трудом. Слишком многое стояло между ними, чтобы сближение прошло без затруднений. В том числе и маленький Алекс.

Томас практически не интересовался ребенком, очень редко навещая детскую, да и то, когда ему была нужна находящаяся там жена.

У Лили каждый раз сердце уходило в пятки, когда он склонялся над колыбелью. А вдруг муж что-нибудь заметит? Было трудно определить, на кого похож Алекс — глазки малыши имел серые, а в остальном ничем не выделялся из детей такого же возраста, но однажды, к удивлению Лили, муж всё-таки нашел такое отличие.

В тот день нянька пожаловалась ей на непонятную сыпь на животике у ребенка, и обеспокоенная мать как раз разглядывала голенького младенца, когда в детскую принесло Тейлора.

Без особого интереса глянув на гукающего малыша, Том ткнул пальцем в его ножку.

— Надо же... у нашего сына фамильная отметина Мортландов — родинка на бедре в форме листочка клевера. Такая же была у моего отца, есть у Эдди, а мне не досталась, я ведь — младший сын!

Лили удивилась капризам проведения. Она затруднилась бы сказать, есть ли такая же родинка на бедре у Тони — не обращала внимания, но совпадение её озадачило.

В общем, никто бы не назвал жизнь четы Тейлоров особо счастливой, если бы не одно обстоятельство. Было кое-что объединявшее супругов гораздо больше любовных чувств — и Лили, и Томас оказались заядлыми лошадиниками. Разговорами о статях любимых скакунов были заполнены все их застольные беседы и долгие вечера. Да, что там — они умудрялись перемолвиться на эту тему, даже укладываясь в постель!

Маркиза проводила в конюшне каждую свободную минуту, и амазонка была её любимым платьем.

В начале лета Лили почувствовала признаки беременности.

Она сказала об этом мужу после завтрака, который вынуждена была прервать. Томас чрезвычайно оживился при этом известии.

— Это дочь! — уверенно заявил он. — Я чувствую..., знаю! Всегда мечтал иметь дочь.

Назовём её Маргарет!

— Мне всё равно, — пожала плечами Лили, — надеюсь, это не имя одной из ваших любовниц?

Супруги вышли в сад, так как леди по-прежнему нездоровилось. И сейчас она сидела на скамье в тени большой липы, пытаясь справиться с противным головокружением, а Томас стоял рядом, насмешливо взирая на её позеленевшее от дурноты лицо.

— Мой безропотный ангел, как приятно, что ты столь не ревнивая! Но мои любовницы — это плод твоего распоясавшегося воображения! Не знаю, почему ты развлекаешь себя, приписывая мне несуществующие победы над женщинами, но Маргарет — имя моей тетушки по материнской линии. Леди Маргарет Стейлс забавная и умная старушка, не замужем, да ещё и богата, как восточный халиф! Сделаем ей приятное — может, поделится с нашей дочерью состоянием?

— Неужели вам мало моих денег, и вы задумали пожить ещё и состоянием старой леди?

— Ах, мой ангел! Вы настоящая волшебница! Всего одна фраза, и я вдруг ощутил себя громилой из подворотни, грабящим дряхлых старушек и малолетних детей — захватывающее чувство!

— Рада доставить вам удовольствие!

Несколько раз за эти месяцы Томас покидал Сеттенфорд, чтобы навестить брата и мать.

Бывал он и в Лондоне, но то ли потому, что визиты были кратковременными, то ли Тейлор, действительно, решил наладить отношения с женой, но в письмах многочисленных кузин Лили не было ни слова сплетен о её скандальном супруге.

Время шло, и к тому времени, когда Томасу пришлось предписание вернуться в полк, супруги уже настолько приноровились друг к другу, что Лили даже испытала странное чувство, подумав о перспективе расставания. Ей стало не по себе, и глаза сами по себе наполнились слезами.

И она, наверное, так бы и расплакалась (на радость победившему в их маленькой семейной войне Томасу!), но тот сам пришёл ей на помощь, даже не заподозрив, насколько был близок к цели.

— Кошечка моя! Согласись, что теперь не время показывать свой характер, и для всех будет лучше, если ты вернешься в дом моего брата под опеку матушки!

Что?! Слезы, едва повиснув на ресницах, мгновенно высохли, и Лили угрюмо покосилась на супруга:

— Вновь забираться в гнездо к старым гарпиям и твоего занудного и скупого, словно Шейлок брата? Ни за что! Я уже достаточно взрослая, чтобы водить меня на помочах!

— Но ты не можешь здесь жить одна!

— Это ещё почему? Да я и не одна, со мной миссис Джексон, и ещё куча народа!

— Любовь моя, не притворяйся, что ты меня не понимаешь!

— А я и не притворяюсь! Но и никуда не поеду!

В тот вечер супруги переругались всерьез, но потом всё-таки помирились.

И Лили весьма опечалилась, провожая мужа в дорогу. Не сказать, чтобы она его особо полюбила за это время, относясь к нему по-прежнему с глубочайшим недоверием, но Том был обаятельный плут и всё-таки сумел найти лазейку в её сердце.

И вот, закусив удила, Лили продолжала жить своей обычной жизнью, пытаясь игнорировать сам факт беременности. Но, надо сказать, это получалось плохо. Неизбежный

отек ног на последних стадиях беременности привел к тому, что браслет больно врезался в щиколотку, доставляя ей весьма неприятные ощущения.

Иногда в Сеттенфорд наведывался отец. Пару раз его сопровождала и Иннин, но к удивлению Лили, её милая кузина почему-то демонстрировала такую холодность, что от связывающей троюродных сестер привязанности не осталось и следа.

Вспомнив об Иннин, Лили зябко поежилась.

— Быстрее бы родить!

Но до родов оставался ещё минимум месяц, а то и больше.

Подъезжая к дому, леди заметила у порога экипаж, из которого грумы выгружали вещи. Даже мимолетного взгляда на ливреи и то хватило, чтобы сообразить — в гости появился многоуважаемый деверь.

Надо сказать, что после отъезда Тома из Сеттенфорда, Лили постоянно ожидала этого визита, но герцог почему-то не торопился к мятежной невестке. Из писем, получаемых от кузин, леди знала, что Мортланд всё это время провел в Лондоне, проигнорировав даже осеннюю охоту. Ей многословно писали о скандале, связанном с неясно чьим младенцем, признанном Мортландом своей дочерью. Известия заставили помрачневшую Лили сурово сжать губы.

Она ни на секунду не усомнилась, что речь идет об очередном внебрачном отпрыске её распутника мужа от неизвестной куртизанки. И добрый братец, как всегда улаживал его дела с потаскухами! Где уж ему было интересоваться невесткой? Ни одного письма или ещё какой-либо весточки — ничего! И вот, наконец-то, дошла очередь и до неё! И что, по мнению его светлости, она должна чувствовать себя польщенной?!

Мортланд встретил молодую женщину ещё в дорожном костюме. За его спиной маячила шляпка какой-то сухопарой пожилой женщины в круглых очках. Неодобрительным и мрачным взглядом пронаблюдав, как невестка, охая и кряхтя точно старуха, вылезает из коляски, держась за поясницу, он сухо обронил:

— Миледи, вы неисправимы!

— Здравствуйте, ваша светлость, — язвительно парировала она в ответ, — наставники в своё время мало отвечивали вам тумачков, раз не научили здороваться при встрече!

Герцог раздраженно закатил глаза, все-таки делая шаг ей навстречу и поднося к губам дамскую руку, скажем так, не совсем в чистой перчатке.

— Чистили конюшни? — брезгливо дернулся он, приняхавшись к мягкой замше.

— Выбирала для покупки кобылу, — отрезала Лили, — чем, однако, обязана этому визиту? Мне и без вас хорошо жилось!

— Вижу! Вы так и ребенка скинете, где-нибудь под лошадиным хвостом!

Лили и деверь обменивались нелюбезными взглядами, предупреждающими о продолжении схватки, когда за спиной джентльмена раздался короткий смешок, напоминающий о том, что они не одни.

— Ах да, — опомнился герцог, — хочу вам представить, миледи, миссис Эвис Гвинн!

Лили смерила озадаченным взглядом незнакомку и вопрошающе уставилась на деверя.

— Миссис Эвис Гвинн будет жить с вами, дорогая! Это моя родственница, и я был бы вам очень признателен за предоставленный ей приют.

Всё ясно! К ней приставили компаньонку. Впрочем, Лили прекрасно понимала, что этого не избежать, если она хочет жить самостоятельно. Осталось только присмотреться к этой женщине повнимательнее, и решить — подходит ли ей эта сухопарая зануда?

И действительно, Том очень беспокоился о своей жене и не раз напоминал брату, чтобы тот нашел компаньонку для Лили. Но надо было знать маркизу, чтобы понимать, что далеко не каждая женщина сможет с ней ужиться. Мортланд никак не мог подобрать кандидатуры, пока однажды утром его секретарь не передал ему письмо одной далекой родственницы, взывающей о помощи.

Миссис Эвис Гвинн была в родстве с Тейлорами, но настолько отдаленном, что только тетки могли точно обозначить, на какой из веток фамильного дерева значились её родители. В свое время пятнадцатилетняя Эвис была отвергнута семьей из-за своего скандального замужества. Влюбившись по уши в одного шотландского фермера, она презрела мнение света и бежала с ним в Гретна-Грин. К описываемому времени миссис Гвинн давно уже вдовела и жила в семье дочери, вышедшей замуж за одного сельского священника.

И так случилось, что в одной из поездок по Шотландии Мортланд и миссис Гвинн были представлены друг другу в доме общих знакомых. Пожилая женщина неожиданно пришлась герцогу по вкусу, прежде всего потому, что он практически не слышал её голоса за две недели их совместного проживания, а если ей и приходилось открывать рот, то замечания оказывались на диво разумными. Женщина производила впечатление обеспеченной и ни в чем не нуждающейся дамы, но обстоятельства, судя по письму, изменились. Дочь миссис Гвинн скончалась родами, и бывший зять привел в дом вторую жену. При таких обстоятельствах у женщин редко складываются добросердечные отношения, и достойная дама попросила герцога оказать ей протекцию для устройства компаньонкой в 'хорошую семью'.

Увы, семья Лили и Тома вряд ли подходила под определение 'хорошая', но, с другой стороны, его невестка нуждалась в пригляде со стороны женщины с крепкими нервами и здравым рассудком.

За миссис Гвинн была незамедлительно послана карета. Мортланд ввел пожилую даму в суть дела, и та с радостью согласилась присмотреть за его невесткой. Миссис Гвинн — сухошавая, приятная женщина лет пятидесяти отличалась крепким здоровьем, деловитостью и (самое главное!), не страдала болтливостью, предпочитая деятельность праздному сидению в гостиной.

Лили тайком вздохнула. Да, вышло неудачно — пропыленное, пропахшее потом и лошадыми платьем, невзрачная шляпка, грязные перчатки. Можно представить, какое впечатление она произвела на чистюлю и эстета герцога. Хорошо, что хотя бы теток не было, а то визг и причитания были бы слышны на милю вокруг!

Помывшись, Лили переоделась и вышла к столу, чувствуя себя уже более бодрой.

Герцог дожидался хозяйки, грея руки у камина

— Ваш отец и миледи ещё не вернулись из свадебного путешествия? — глухо поинтересовался он.

— Вернулись, — улыбнулась Лили, усаживаясь за стол, — отец недавно поделился со мной новостью о беременности Иннин. Я так рада за них! Они оба заслуживают счастья!

Ей не было видно лица деверя, но даже его спина выражала непонятное недовольство.

— Все мы заслуживаем счастья, — глухо пробормотал он и подошел к столу, — но не всем удастся его достичь! Вашему батюшке остается только позавидовать... Что у нас на ужин?

— Баранина в мятном соусе и отварная рыба! Извините за скромное меню, но я сегодня не ждала гостей — все местные джентри на ярмарке!

Мортланд отдал должное всем предложенным блюдам, и только теперь Лили получила возможность разглядеть деверя. Он сильно похудел, и выглядел утомленным и измученным, хотя и держался, как всегда, безупречно.

— Вы больны? — участливо поинтересовалась она.

— Что? — стало понятно, что герцог не слушает собеседницу.

Лили обиделась и рассердилась.

— Я, конечно же, рада вас видеть, — особенно не церемонясь, решила она вернуться к началу разговора, — но не поняла, почему вы приехали именно сейчас? Столько месяцев прошло! Навестить?

Герцог тяжело вздохнул, и, отложив вилку и нож, сделал знак лакею налить себе вина.

— Даже если пройдет пять лет, — спокойно заметил он, — суть дела не изменится. Вы оскорбили мою мать, теток, не говоря уж о брате, сорвавшись с места безо всяких объяснений своего чудовищного поступка. Что в очередной раз случилось? Какая муха вас укусила?

Лили мудро отмолчалась. Что поделаешь, если в мужья ей достался первостатейный плут и обманщик? Да и браслет на ноге солидно убавил у неё гонора, чуть ли не ежечасно напоминая, о чём бы она хотела забыть!

— Это касается только нас двоих, — хмуро хмыкнула графиня, — меня и Томаса!

Мортланд пожал плечами, с наслаждением сделав глоток из бокала.

— Воля ваша, не хотите — не говорите!

Утро следующего дня выдалось ярким и солнечным, хотя и немного подморозило.

За завтраком, с вызовом вздернув подбородок, Лили твердо сообщила деверю о своем желании посетить местные скачки.

— Что? — не поверил собственным ушам Мортланд. — Какие скачки в вашем положении?

— Не сама же я собираюсь скакать, — Лили положила на свою тарелку кусок лосося, — и там не будет никого из посторонних, кроме наших соседей. Событие исключительно местного масштаба. Я бы хотела посмотреть на одного жеребца — Колокольчика Уилберфоса. Это многообещающий трехлеток. Фермер Генри Джексон многое о нём рассказывает. Хвастает, наверное, поэтому хотелось бы увидеть его в деле.

— Вы разбираетесь в разведении лошадей? — поинтересовалась всё это время прислушивающаяся к их разговору миссис Гвинн.

— Не то, чтобы очень, — смутилась Лили, — но я стараюсь — много времени провожу на конюшне, разговариваю со знающими людьми!

— Зачем? — герцог зашуршал утренней газетой и отложил её в сторону. — Зачем всё это вам, миледи?

— Я люблю лошадей! Они такие красивые..., и это так интересно!

— Вряд ли даме вашего положения, дорогая, прилично торчать на конюшне среди грубиянов конюхов, навоза и сена! Неужели нет никаких других занятий? Мне кажется, что мой племянник нуждается в вашем внимании больше, чем лошади?

— Я много времени провожу с Алексом, — обиделась Лили, — но он часто спит или ест! А конюхи придерживают язык, пока я среди них!

— Вы ведете себя, как фермерша ниже средней руки, благосостояние которой полностью зависит от успеха на местной ярмарке! Такое поведение скандально, я бы сказал больше — оно неприлично!

— Не вижу ничего не приличного в том, чтобы посмотреть на скачки! Даже принцессы крови и то позволяют себе посетить Ньюмаркет или Дерби...

— Но ведь никогда живот лезет на нос!

Они ещё долго препирались, приводя в замешательство миссис Гвинн, и всё же Лили настояла на своем, и Мортланду ничего не оставалось, как сопровождать сумасбродную невестку на скачки.

На большой выгон, где собирались каждую осень местные фермеры и эсквайры, они прибыли, когда уже начался первый заезд. Денек разыгрался на диво — солнечный, сухой и безветренный.

Букмекеры так и бегали среди разношерстной публики, собирая ставки. Конюшни Сеттенфорда тоже заявили об участии в скачках двух трехлеток, но Лили не возлагала на них особых надежд.

Второй заезд начался только через час. За это время приехавшие успели ознакомиться со всеми заявленными скакунами, осмотреть публику и сделать ставки. Кстати сказать, женщин среди толпы эсквайров и фермеров не наблюдалось, о чем Мортланд не преминул язвительно сообщить невестке.

— Это потому, что сегодня проходит ярмарка, и там полно развлечений — и петушинные бои, и бокс и ещё много всякой всячины! — нервно пояснила та, высматривая на дорожке своего жеребца Лютика. — Здесь же собрались далеко не любители...

— ... коим причисляете себя и вы!

Надо сказать, что не смотря на действительно хорошую погоду, Лили чувствовала себя не лучшим образом. Мерзко ломил и побаливал живот, мучила изжога, поэтому она благоразумно не отходила далеко от коляски — отсюда ей было хорошо видно беговые дорожки.

Лютик, хотя и заставил хозяйку поволноваться, шёл очень хорошо и принес им кругленькую сумму, выиграв заезд.

— Молодец Дик, — похвалила жокея довольная хозяйка, — теперь хотя бы вернем организаторские сборы. Но меня, по-прежнему, интересует Колокольчик Уилберфос!

— Хороший жеребец, — со знающим видом кивнул головой Дик, — среди наших только и разговоров об этом трехлетке. Посмотрите только, какие у него бабки! Его мать — Принцесса Каролина, а отец — Ветродуи Олаф, победитель Дерби позапрошлого года!

Чтобы посмотреть на бег интересующего коня, Лили, тихонько охая, слезла с коляски и подошла поближе к ограждению.

— Надо ехать домой! — тут же со всей вредностью, на которую был только способен, заявил Мортланд, поглядев на её побледневшее лицо. — В вашем положении нужно быть более осторожной!

— Это обыкновенные недомогания беременных, — огрызнулась взбешенная Лили, — я специально ехала сюда, чтобы посмотреть на Колокольчика Уилберфоса! Вот закончится этот заезд, и мы сразу уедем. Но не раньше!

Заезд выдался не из лучших — два фальстарта, затем одна из лошадей подвернула ногу, да так, что наездник вылетел из седла, но интересующий Лили жеребец шёл ровно, избегая всех ловушек, хотя преследование было весьма интенсивным и плотным. Лошади подобрались, стоящие друг друга. Но вороной жеребец мчался красивой рысцой, выбрасывая ноги в белых чулках грациознее, чем балерина.

— Красавец! — был единодушный вердикт присутствующих. — Чувствуется порода!

Но на последних метрах до финиша, фавориту на хвост стал неожиданно наступать какой-то Дикий Звон. Лили замерла, а потом изо всех сил крича, стала подгонять облюбованного жеребца, подпрыгивая от возбуждения.

— Ну же! Колокольчик! Давай!

И в этот момент приключилось нечто неприятное. Моментально побледневшая от ужаса леди почувствовала, как по ногам тихо журчит вода.

— Только не это! — ахнула она, в панике вообразив, что обмочилась.

Но почти сразу же выяснилось, что первое предположение было ещё не самым худшим. Внезапно живот Лили скрутила непереносимая судорога, заставившая её, согнувшись, схватиться за живот.

— Ой, — только и смогла сказать несчастная женщина, широко раскрытыми глазами глядя на деверя, — ой!

В этот момент Колокольчик стартовал первым, но, увы, леди Тейлор уже было не до этого.

Перепугавшийся Мортланд попытался водрузить стонущую женщину в коляску, но новый приступ боли дал отчетливо понять, что это схватки, и даже нечего думать — мчаться по колдобинам и ухабам в Сеттенфорд.

— Я, — со страхом нащупала Лили руку Мортланда, — кажется, рожая!

Герцог оторопел, в смятении глядя на её покрывшееся каплями пота лицо. Но к счастью, Дик, толкущийся весь заезд рядом с хозяйкой, не растерялся.

— Где-то тут неподалеку я видел телегу с сеном. Надо бы леди оттащить туда! И местный коновал торчит на другом краю поля возле конюшен! Сбегать?

Задышающейся от страха и боли Лили уже было всё равно, на чём рожать — на земле или на сене, лишь бы куда-нибудь лечь! И безразлично, кто будет принимать роды — доктор или коновал, лишь бы хоть кто-нибудь помог. Плащ Мортланда лишь чуть облагородил импровизированное ложе, и она с протяжным криком улеглась на шуршащее сено.

— Превеликий Боже, — простонал герцог, встав перед ней на колени и развязывая плащ, — и ни одной женщины вокруг! Что же мы будем делать?!

Но к роженице уже приблизился местный ветеринар — огромный мужчина с красным обветренным лицом. Он невозмутимо покуривал трубку, как будто столь знатных рожениц видел, чуть ли не каждый день.

— Ничего не надо бояться, леди! Лошади и женщины это делают примерно одинаково — только кобылы панталон не носят! Пусть уж ваш муж их снимет!

К счастью, корчащаяся в схватках Лили уже мало, что соображала, поэтому не видела, с каким лицом Мортланд удовлетворил просьбу ветеринара. А то бы прямо на месте и скончалась от стыда!

— Что нужно ещё делать? — у герцога от страха тряслись мелкой дрожью руки.

— Да ничего сложного, — опять-таки пыхнул трубкой, с интересом поглядывающий на столь важных господ коновал, — дайте опору ногам и как появится головка, тут уже не плошайте, ловите младенца! Перевяжите пуповину, затем отрежьте, да дайте выйти последу... тяните...

И пока обалдевший от таких сведений Мортланд пытался сообразить, что ему было сказано, тот вновь вернулся к скаковым дорожкам.

— Там заезд начинается — лошадь, на которую я поставил, бежит, — пояснил он, — уж вы извиняйте! Я позже подойду — вряд ли миледи так быстро разродится, ещё ни один час

помучается!

— Может, успеешь ещё съездить за врачом, — с надеждой спросил грума Мортланд, — раз это так надолго?

Но даже он уже понимал, что доктора Лили не дождется. Схватки стали непрерывными, она не находила от боли места, а потом начались потуги... Лили вцепилась изо всех сил в руки Мортланда, и прикусив губу, уже не видела, как вскоре вернувшийся ветеринар располагается между её ногами и изо всех сил давит на живот.

— Давайте, миледи, давайте! Всё будет хорошо, всё будет прекрасно, сейчас жереб... ребёнок появится! Тужьтесь!

И Лили, упершись ногами в доски телеги, изо всей силы напряглась — сил не хватило, она опять натужилась... Боль была сумасшедшей, невероятной, рвущей, но зато сердитый, отнюдь не слабый рев раздался над скаковым полем. Это новый Тейлор ознаменовал своё появление на свет!

И пока Лили с трудом пыталась восстановить дыхание, Мортланд уже заворачивал в собственную рубашку и жилет племянника. От всего пережитого его била такая крупная дрожь, что он не мог раздвинуть губы даже в подобии улыбки, натягивая сюртук на голое тело.

Лили же закрыла глаза и облегченно вздохнула. Неужели этой чудовищной боли пришел конец? И что там дальше делали мужчины с её измученным телом — ей уже было абсолютно безразлично.

— Я хочу, — только прошептала она, — чтобы его называли Колокольчик Уилберфорс!

— Да давай уж сразу Лютиком или Дикими Звоном? — Мортланд был слишком вымотан, чтобы нормально отнестись к этим бредовым фантазиям. — Ещё есть хорошее имя — Свиристый Свист. Вот будет радоваться ребенок, отзываясь на такую кличку!

Через час, на дороге, ведущей в Сеттенфорд, можно было наблюдать следующую картину — неспешно скрипя и раскачиваясь на ухабах, медленно ползла телега с сеном, на котором лежала бледная женщина с новорожденным на руках. Мортланд сопровождал её верхом, не отставая, но и не опережая телегу.

— Дорогая невестка, в этой колымаге, да ещё в таком виде, вы напоминаете мне следующую на казнь французскую аристократку! Да и сам я сейчас похож на санкюлота!

Лили лениво покосилась на брюзжащего деверя. Она не могла нарадоваться, что всё осталось позади, и они с малюткой живы, особенно после помощи столь неумелых повитух.

— Из-за вашего легкомыслия, сударыня, — между тем, продолжал выражать недовольство Мортланд, — мы оказались в дикой и неприличной ситуации. Теперь, надеюсь, до вас дойдет, что благоразумие — отнюдь не недостаток! Вы так не любите людской молвы, миледи, однако сделали всё, чтобы слухи о вашем безрассудстве и скандальном поведении разлетелись по всему королевству! Не удивлюсь, если завтра же об этом узнает и ваш отец, и ваша свекровь, не говоря обо всех остальных родственниках, которые весьма любят совать нос в чужие дела!

О, как он оказался прав!

Лили ещё окончательно не оправилась от родов, передоверив домашние дела миссис Гвинн, когда в Сеттенфорд заявили светлейшие дамы семейства Тейлоров. Брезгливо оглядев тесный дом и маленькие комнаты для гостей, свекровь и тетки вместо поздравлений выплеснули на роженицу все сплетни, наводнившие лондонские гостиные.

— Я понимаю, милочка, — поджала губы герцогиня, — что вы очень легкомысленно

относитесь к своему здоровью, и настолько самоуверенны, что никого не желаете слушать, но зачем вы поставили в такое же безумно неприличное положение моего сына?

Лили устало оглядела скопище дам, восседающих вокруг её постели, подобно неподкупному судилищу — и ведь не спрячешься, и не убежишь! Свекровь сурово сжала и без того узкие губы и была бледнее своего высокого плоеного чепца с синими лентами, а её глаза буравчиками сверлили непокорную невестку. Всегда снисходительная ко всем на свете дама в этот раз была не намерена давать спуску 'паршивой овце', затесавшейся по недоразумению в их светлейшее 'стадо'.

— И что, интересно, думает на эту тему ваш отец? И хотя у Кавендиша теперь молодая жена, лорд не должен забывать о своем отцовском долге! — резко проскрипела она.

Лили мрачно смерила глазами пожилую даму.

— Вы хотите, чтобы отец наказал меня розгами или сразу же проклял и лишил наследства? — язвительно полубопытствовала она. — Представьте, что даже он — человек далекий от акушерства, и то понимает, что процесс деторождения невозможно регулировать.

— Где он сейчас?

— Уехал погостить в Озерный край! К родам должен был вернуться, но...

— Вы сами спровоцировали этот скандал!

— И вообще, милочка, — это уже вмешалась тетя Джейн, — зачем вас понесло на скаковое поле в компанию к лавочникам и фермерам?

— А эти лошади, — тут же полубопытствовала недалекая тетя Беатрис, — они действительно рожают так же, как и женщины?

Лили со слабым стоном откинулась на подушки, надеясь, что дамы сочтут свой визит законченным, но не тут-то было!

Герцогиня брезгливо сморщила нос.

— Это очень маленькое имение, — недовольно заметила она, — едва ли нам здесь будет удобно! Может, переедем ко мне? В моём поместье просторно, уютно, всё прекрасно обустроено...

Только этого не хватало!

— Увы, — быстро отказалась Лили, — я бы не хотела сейчас подвергать опасностям пути маленького Уилла. Придется подождать два-три месяца, а там будет видно!

В тот день, когда она впервые покинула свою спальню, ночью выпал снег, и столовая показалось ей необыкновенно просторной и одновременно сумрачной из-за падающих за окном тяжелых пушистых хлопьев. Лили поежилась под шалью, устремляя взгляд на разожженный камин, но, увы, там уже стоял герцог, преграждая ей путь к вожделенному теплу.

Вскоре в столовую уныло подтянулись и остальные члены семьи.

А снег все шёл и шёл, и даже странно было думать, что совсем недавно погода была настолько теплой, что она, родив малютку Уилла на свежем воздухе, не заболела и не простудилась.

Сад погружался в белое безмолвие, укутываясь шапками рыхлого снега. За окнами царили первозданная чистота и завораживающий покой. Как жаль, что внутри маленького уютного особняка его не было.

Герцогиня с невестками упрямо рвались встретить Рождество в Стрейдж-холл или, на худой конец, в Лондон. Был раздражен задержкой в захолустье и сам герцог, но пока Лили окончательно не оправилась после родов, никто не решался сдвинуться с места, и все

дружно срывали зло на безропотно молчаливой миссис Гвинн.

Доставалось и Лили. Дамы от тоски готовы были сожрать её целиком, а Мортланд, как правило, молчал, уткнувшись в книги, и не делал даже попыток защитить невестку от ядовитых нападок.

— Хотя бы Джордж быстрее вернулся в Кавендиш-холл, — злилась герцогиня, — и мы могли бы оставить вас, сударыня, на попечение отца, так нет! Его где-то носит!

Лили тоскливо смотрела на снежную вьюгу за окном. Ей тоже хотелось увидеть отца, но тот почему-то не торопился вернуться домой, уехав с женой в гости к старинному другу. Его не призвало под родной кров даже сообщение о рождении внука!

— Если бы вы, сударыня, — кривила губы свекровь, — вели себя, как подобает, мы бы не оказались заложниками вашего состояния здоровья! Не так ли, Эдвин?

— Не знаю! — нелюбезно буркнул тот.

Лили с деланным спокойствием сосредоточила взгляд на шитье. Надо же, а ведь она когда-то неплохо относилась к герцогине, считая её милой дамой!

— Я слышала, — выпустила жало теперь уже тетя Джейн, — что слишком натуралистические подробности из жизни женщин отпугивают мужчин, и вызывают брезгливость по отношению к женам. Такое произошло в семействе Чаттерлеев — муж, увидев, как леди стошнило, навсегда охладел к ней. Наверное, это вызвало у него приступ омерзения....

Герцог громко захлопнул книгу и свирепо глянул на тетку.

— Если вы намекаете на роды, тетя Джейн, — ледяным голосом заявил он, — то поневоле оказавшись участником этого процесса, я не нашел в нём ничего ни омерзительного, ни отвратительного!

Он недовольно окинул продолжительным взглядом дам своего семейства.

— Вы не должны и дальше прозябать в Сеттенфорде, — наконец, сделал он заключение, — у вас есть свои обязанности перед обществом. От вас ждут участия в благотворительности и прочих светских мероприятиях!

— Но Лили не может оставаться здесь только в вашем обществе, — возмутилась его мать, — это неприлично!

— Ничего неприличного в этом нет! В доме полно слуг и живет вполне респектабельная компаньонка, наша родственница — миссис Гвинн. Слушать же ваше брюзжание, у меня нет больше сил! Если не уедите вы, уеду я!

Тетки ещё поохали и повздыхали, но Лили видела, как оживились их лица, и с какой поспешностью они кинулись наверх проследить за собирающими вещи горничными.

Наутро, едва рассвело, экипаж с дамами тронулся в путь. Лили, выглядывая из окна, наблюдала за прощальным церемониалом — Мортланд без головного убора помогал усесться в экипаж женщинам своей семьи, терпеливо выслушивая последние пожелания и наставления.

Когда он вернулся в дом, она уже дожидалась его за накрытым у камина столиком с утренним чаем.

— Вы, наверное, замерзли?

— Не то, чтобы очень!

Но чашку взял. Лили налила и себе, и целых полчаса они меланхолично попивая напиток, глядели на пламя камина. За окном опять падал снег, но в комнате было тепло, уютно, сухо и царил ленивая тишина.

После завтрака Лили занималась в детской, а герцог ходил на конюшни. Они молчаливо пообедали, обменявшись двумя-тремя фразами о лошадях и младенцах, а потом был длинный-длинный вечер, заполненный шуршанием страниц книги в руках Мортланда, потрескиванием дров в камине, и блеском иглы в её руке.

Покой и сладостная истома неожиданно накрыли, расслабившуюся после потрясений последних недель Лили словно мягким одеялом. Тишина, наступившая после отъезда сонма вредных теток, показалась ей раем, и дремотное умиротворение опустилось на душу, как тот самый снег, который без разбора заваливал в саду и кусты роз, и могучие поросли терновника, превратив их в единое белоснежное поле безмятежного сна.

И было удивительно приятно прислушиваться к шелесту страниц и неспешным движениям сидящего рядом мужчины. Вот он разбил кочергой уголья в камине и подбросил дров, вот налил себе из графина бокал настойки. Спокойные, уверенные движения, неторопливые, отточенные жесты рук...

— Мне спокойно с вами, Эдвин, — после двух часов полного молчания, наконец, лениво выдохнула Лили, прикрыв рукой зевок, — вы действуете на меня, как колыбельная няни!

Мортланд оторвал взгляд от книги, покосившись на профиль, склонившейся над шитьем юной женщины, и ничего не сказал.

Может, только благодаря его молчанию этот вьюжный вечер не оказался испорчен? Лили даже задремала, томно откинув голову на изогнутую спинку мягкого кресла и бессильно опустив руки с шитьем. Сонная, она не заметила, как осторожно опускает Мортланд книгу и в тяжелой задумчивости рассматривает её безмятежное лицо.

Здесь, в Озёрном крае, вьюга завывала ещё сильнее, чем на юге. Иннин сидела у камина за тем же занятием, что и её старшая кузина, и задумчиво наблюдала за языками пламени, причудливо вырывающимися из-под защиты расписанного причудливыми узорами экрана.

Неподалеку от неё за небольшим ломберным столиком сидели джентльмены и играли в карты. Все они были почтенного возраста или около того, и съехались к лорду Монктому специально для карточной игры. Разговоры шли сплошь о политике, налогах, законах — неспешные, обстоятельные, тщательно продуманные, с длиннющими паузами, словом — под стать тому дому, в котором они с мужем гостили уже целый месяц.

Лорд Монктон был закоренелым холостяком с довольно тяжелым характером, но юную супругу своего старого друга принял радушно, хотя относился к женскому полу неодобрительно.

— Уж если и лишаться в нашем возрасте обретенной свободы, — хмыкнул он при знакомстве, — то только ради такой красавицы, как вы, сударыня! Я рад, что вы заглянули ко мне погостить! Рождественские праздники без гостей тоскливы, а я слишком скучный человек, чтобы привлечь внимание кого-либо, помимо старых друзей.

Вот именно — старых друзей! Кавендиш и Монктон были дружны ещё с Итона, и поэтому мало нуждались в шумных беседах и развлечениях, понимая друг друга чуть ли не с полуслова. По этой причине в Монктон-холле царила отменная скука, сопровождающаяся чуть ли не благоговейной тишиной, которую не нарушали редкие фразы собеседников.

Инн была настолько подавлена этим торжественным покоем, что иногда, всхлипывая от одиночества и уныния, доставала из шкатулки свою мраморную мадонну и вела с ней длительные и пространные беседы. Больше было не с кем! С какой тоской она вспоминала в эти дни свою жизнь в Вудвилл-холле, с вылазками в паре с Мортландом по злачным местам. И пусть, когда эти предательские мысли посещали молодую женщину, она с гневом одергивала себя, всё равно — упрямая память подсовывала ей картины весёлых маскарадов, азартных игровых залов, где всё дышало сильными страстями, пороками и амбициями. Ах, это была всё-таки жизнь, а не эта тщательно взлелеянная многими поколениями предков Монктона дремотная тоска.

Статуэтку мадонны приходилось тщательно прятать от супруга, и молилась Инн всегда тайком. Он ничего ей пока не говорил, но она прекрасно понимала, что это вопрос времени — Кавендиш просто ждет подходящего момента для атаки на вероисповедание своей юной жены. Он терпеть не мог католицизма, и хотя страсть заставила его жениться на иноверке, мириться с этим не собирался.

Неизвестно, сколько бы времени прогостили супруги в доме гостеприимного хозяина, но однажды утром пришло неожиданное сообщение от Мортланда.

Кавендиш, прикусив в ярости губу, довольно долго держал в руках конверт с ненавистным гербом, решая, вскрыть его или бросить в огонь, не читая. Как же герцог осмелился напомнить о себе?! Но здравый смысл, всё-таки, заставил лорда вскрыть письмо. Едва прочитав первые же строки, он схватился за сердце.

— Иннин, — ворвался Кавендиш в спальню, всё ещё валяющейся в постели жены, — нам нужно срочно возвращаться домой!

— Что случилось, мой друг? — встревожилась та.

— Несчастье! Пришло сообщение, что судно, на котором плыл наш зять — Томас Тейлор потерпело крушение, где-то у берегов Испании. Бедная Лили, бедная моя девочка!

Инн так и села, ошалело глядя на расстроенного мужа. Том погиб? Не может быть! Сердце бы дало ей знать! Но может, после всего, что случилось с ней, невидимая связь между ними прервалась? Слезы потекли по её щекам.

— Да-да, — согласился Кавендиш с этим безмолвным выражением горя, — я понимаю тебя, милая! Он был таким красивым, полным сил и обаятельным человеком! Увы, таких Господь призывает к себе в первую очередь! Хорошо, хоть Лили успела ему родить двух сыновей, и его род не прервется!

Инн плохо слышала мужа. Боль, чудовищная боль потери всё равно настигла её уютный, с таким трудом созданный мир. Да и что, вообще, может представлять мир без младшего Тейлора, без его светящихся глаз и растапливающей сердца улыбки? Оскудевшая, унылая планета...

Про Лили, в отличие от мужа, она не думала вовсе. Ей было хорошо известно, что кузина не любила своего супруга, изменяла ему, а раз так, то она и не должна была испытывать особой боли. И чего её жалеть? Разве юной вдове угрожали нищета или притоны Ковент-Гардена?

Иннин, в силу юного возраста и запутанных связей, сложившихся у неё с братьями Тейлорами, ещё не осознавала, что человеческие отношения — слишком сложная штука, чтобы вместить их в единую фабулу 'любит — не любит!' С этим ей ещё только предстояло столкнуться.

Больше книг на сайте — Knigolub.net